

П.С.МАРКОВ

СИРРЧУ

Веками они жили в долине Инда. Не зная ни горя, ни забот. Богиня-мать предоставляла им свои дары. Но однажды они решили взять больше, чем положено. И гнев богов не заставил себя ждать...

Утерев от пота широкий лоб пухлой рукой, Абару крикнул:

— Лев или антилопа?

— А? — донеслось снизу.

Закатив глаза, он набрал в легкие побольше воздуха и пробасил:

— Лев или антилопа?!

— Что?

Заскрипев зубами от негодования, Абару посмотрел вниз. Отсюда, с высоты примерно тридцати локтей[1], все казалось таким маленьким. Оно и не удивительно. Ведь он находился не на твердой почве, а упирался ногами в последнюю ступеньку длинной лестницы, приставленной к одной из башен возле ворот богини Иштар[2]. Будь на его месте кто-либо другой, то у него непременно закружилась бы голова от такой высоты. Но Абару являлся опытным резчиком по камню, и боязнь высоты не испытывал уже более десятка лет.

Его помощник Арманис сидел под самодельным навесом из козьей шкуры, прячась от горячих лучей полуденного солнца, и изучал надписи на глиняных табличках. Отсюда он казался еще более щуплым и тощим, нежели был на самом деле. Длинные волосы спадали ниже ушей, сливаясь с короткой черной бородой, а обнаженное тело, прикрытое одной набедренной повязкой, лоснилось от пота.

После очередного оклика, Арманис оторвал-таки взгляд от глиняных табличек и непонимающе воззрился на Абару снизу вверх.

— Лев или антилопа?! — проорал резчик, теряя последние капли терпения, но помощник только непонимающе пожал плечами.

Издав злобный рык, Абару начал медленно спускаться вниз.

— Шакалы Ламашту[3] его раздери, — бубнил он себе под нос, аккуратно ступая толстыми ногами в кожаных сандалиях по деревянным ступеням, — глухой идиот. Тупица.

Арманис с нескрываемым любопытством наблюдал за передвижениями своего учителя.

Добравшись до середины лестницы тот смачно сплюнул и рявкнул:

— Я говорил, что куриный помет приносит больше пользы, чем ты?!

Арманис в возбуждении вскочил:

— Чем я заслужил подобные слова?! Вам там на вершине голову напекло?

— Прочисти уши от смолы, щенок! — огрызнулся Абару, преодолевая остаток пути, а затем, удивительно для своего тучного телосложения, ловко спрыгивая на землю.

— Только после того, как вы прочистите горло, — парировал помощник, скрещивая руки на груди и обиженно отворачиваясь.

— Иногда мне кажется, — пыхтя, словно бык, сказал Абару, подходя ближе, — что твой папаша что-то знал, называя сынка Арманисом[4].

Тот резко обернулся, непроизвольно опуская руки и сжимая ладони в кулаки:

— На что это вы намекаете?

— А сам, как думаешь?

Абару ослабился. Его сверкающие белые зубы на фоне густой завитой бороды напомнили Арманису оскал гиены. Он немного поежился.

Резчик заорал, едва не оглушая бедолагу, брызгая слюной:

— Лев или антилопа?! Неужели так сложно было ответить?! Заставил меня слезать с

этой дерьмовой лестницы! — он снова смачно харкнул.

— Вам полезны физические упражнения,

— Не забывайся!

Арманис вскинул руки:

— Побойтесь богов, мастер резчик! Я о вашем здоровье беспокоюсь. Лишний вес...

— Заткнись! — цыкнул Абару и, чувствуя, что голова начинает закипать, а щеки покраснелись, глубоко вдохнул и выдохнул.

— Бык, — прошептал Арманис.

— Что?!

«Я сказал, что ты толстый, необузданный бык!».

— Выберите там быка, — пожал плечами Арманис.

— Я сейчас тебе зубы выбью, — устало произнес Абару, но без былой злобы, — сколько раз повторять, что этот труд называется резьбой. Работой по камню. Выбивают ковры палками во дворе, — Абару вяло махнул рукой и вздохнул, — быка, значит?

Арманис, молча, кивнул, все еще испытывая легкий привкус обиды.

— Но почему именно бык?

— Львы и антилопы уже есть. К тому же, на этой стороне осталось только одно место для высечения картинка...

— Рельефа, — поправил его резчик и постучал пальцем по виску, — запомни уже, наконец.

— Рельефа, — покорно повторил Арманис.

— Меньше думай о выпивке и голых женщинах.

Ученик широко улыбнулся:

— Уверен, вы и сами не откажетесь от кружечки пива.

Какое-то время Абару хмуро наблюдал за помощником, но затем его лоб разгладился от морщин.

Он даже натянуто улыбнулся:

— Ну, хорошо. Но только кружечку. Иначе я навернусь с лестницы. Или, что еще хуже, вместо быка вырежу неприличное слово. Тогда начальник стражи с меня три шкуры спустит.

Арманис кивнул и расплылся в веселой ухмылке. Каким бы суровым ни старался казаться мастер резчик, долго обижаться на него не получалось.

Грузно опустившись на соломенную циновку под навесом, Абару дождался, пока помощник наполнит глиняную кружку до краев, и с жадностью осушил половину. Пиво оказалось дешевым, пальмовым, но в ту секунду он не придавал этому значения. Слишком сильна была жажда и слишком холоден напиток.

Довольно причмокнув, резчик произнес:

— Х-а-а, хорошо. Жаль, что нельзя провести остаток дня здесь.

— Верно, — поддакнул Арманис, вновь склоняясь над глиняной табличкой.

Абару покосился на ученика:

— Так ты и сидишь тут с утра.

— Верно, — повторил Арманис, не отрываясь от клинописи.

Резчик хмыкнул, отпил еще немного и окинул взглядом окрестности.

В полуденные часы местность практически пустовала. Каменистая дорога, начинавшая свой путь у ворот Ишгар, слегка извилистой линией уходила на север в сторону Сиппара[5]. Слева от нее нес темные воды Евфрат. Время от времени с берега налетал свежий ветерок.

Справа раскинулись поля, усеянные золотистыми колосьями пшеницы. Они покачивались под порывами воздуха, подобно морским волнам. словно та водная гладь, что омывала местность неподалеку от Ура[6]. Как и сама дорога, поля сейчас пустовали. Крестьяне, побросав свои основные обязанности, ушли на небольшой перерыв, скрываясь от полуденного зноя в глиняных хижинах. Те стояли вразнобой немного восточнее.

«И только я, как последний дурак, работаю в самое пекло» — подумал Абару.

Потягивая пиво, он бросил взгляд на Арманиса. Тот, склонившись над глиняными табличками, водил пальцем по клинописи и беззвучно шевелил губами.

«Хоть он и не самый умный ученик на свете, но все-таки славный малый. И, как подобает всем славным малым, выводит меня из себя».

Почти полностью осушив кружку с пивом и, с сожалением осознав, что скоро придется возвращаться к работе, резчик снова устремил умиротворенный взгляд на север.

Какое-то движение на дороге заставило его прищуриться:

— Хм. Кто-то идет?

— А? — Арманис оторвался от созерцания клинописи.

— У тебя очи более зоркие, глянь, — Абару указал пальцем, — кто это там разгуливает по жаре в такое время?

Помощник отложил клинопись, нехотя поднялся и вышел из-под навеса, окунаясь в лучи горячего солнца. Прикрывая ладонью глаза, Арманис посмотрел в указанном направлении.

— Человек, — наконец, произнес он.

— Ясно, что не осел, — буркнул Абару.

Не обращая внимания на недовольное брюзжание наставника, Арманис добавил:

— Его сильно шатает.

— Шатает?

— Ну, как вас, когда перепьете.

— Поговори мне тут, — слегка повысил голос Абару, ставя кружку на циновку, а затем поднимаясь и отряхивая полы длинной белой рубахи.

— Он упал, — взволнованно сказал Арманис, убирая руку от лица и переводя взгляд на резчика. В глазах ученика читалась тревога. — Надо помочь ему!

Абару поначалу хотел возразить, что им нет дела до какого-то путника, и нужно возвращаться к работе. Пусть, мол, стражники у ворот разбираются. Однако укол совести где-то в груди заставил резчика изменить свое мнение.

Прихватив кувшин с пивом, он молвил:

— Идем.

Они трусцой направились по каменистой дороге в сторону, где в пыли распластался неизвестный путник.

На небе не виднелось ни облачка, поэтому ничто не мешало солнечным лучам безжалостно выжигать воздух. Только слабый ветерок с реки приносил хоть какое-то облегчение. В остальном же в округе повисла тяжелая тишина. Казалось, сама природа переживает знойный момент в полном уединении.

Пробежав с десяток локтей, Абару почувствовал, что задыхается. Лишний вес давал о себе знать. Шустрый Арманис вырвался вперед и первым добрался до путника, растянувшегося на разогретой дороге лицом вниз.

Он был одет в грязный и затертый походный плащ, связанный из овечьей шерсти. Его

перевязывал тонкий кожаный пояс. На ногах виднелись истертые дырявые сандалии. Кем бы ни был этот незнакомец, судя по обуви, он проделал немалый путь. Длинный деревянный посох с тупым концом, который он выронил при падении, валялся неподалеку.

Когда Абару добрался-таки до нужного места, Арманис уже переворачивал путника на спину.

Им оказался глубокий старец с испещренным морщинами обветренным лицом. Длинная седая борода опускалась чуть ли не до живота. Грудь под плащом тяжело вздымалась, а глаза были наполовину прикрыты. Хриплое дыхание вырывалось из пересохшего рта.

— Шамаш[7] всемогущий, да он истощен! — воскликнул Арманис.

— Вот, выпейте, — произнес Абару, поднимая голову странника и вливая ему внутрь пиво. Старик сделал несколько слабых глотков. Его глаза слегка приоткрылись, но взгляд оставался затуманенным.

— Он не похож на местного, — заметил Арманис.

— В таком состоянии любой сам на себя не будет похож, — ответил резчик, — надо отнести его в тень.

— ...енжо-аро... — внезапно прошептал старик.

— Что вы говорите? — Абару склонился к его губам, пытаясь уловить каждое слово.

— Мохенджо-Даро, — прошептал странник.

— О чем он? — непонимающе спросил помощник Абару.

— Помолчи, — резко вскинул указательный палец резчик, а затем вновь прислушался к старцу, — кто вы? И откуда? Из Мохенджо-Даро? И что с вами случилось?

Облизав пересохшие губы, влагу которым не вернули даже глотки холодного пива, старик прошелестел, словно ветер пожухшими листьями:

— Змей...

— Змей?

— Великолепный...

— Не понимаю, — покачал головой Абару, — великолепный змей?

Внезапно тело путника конвульсивно дернулось и, с последним своим выдохом, он отчетливо произнес:

— Сирруш.

Глаза старика остекленели. Грудь под грязным плащом прекратила вздыматься, а рот так и остался приоткрытым.

— Он что, умер? — с долей испуга поинтересовался Арманис.

Абару ответил не сразу.

Только после того, как приложил палец к шее странника и, не ощутив биения сердца, кивнул:

— Да.

— Вот дела, — протянул его молодой помощник, почесывая затылок, — а что это за бред он тут нес? Про какого-то великолепного змея и этот... как его... Хенжо-Харо?

— Мохенджо-Даро, — задумчиво произнес Абару.

— Вы знаете, что это?

Нахмурившись, резчик поднялся:

— Не уверен, но, кажется, слышал это название от одного знакомого торговца драгоценными камнями. Вроде из Ура можно проплыть вдоль берега по Восточному морю[8] и через много дней добраться до устья реки Хинду[9]. Вверх по течению и

находится этот Мохенджо-Даро. Столица хиндийцев.

— Какие-то сказки вы рассказываете, — недоверчиво пробормотал Арманис.

Абару пожал плечами:

— Может быть, я что и путаю.

— Но даже если так, то каким образом этот странник пришел с севера? Ведь Ур на юге!

И что, он пересек Восточное море вплавь?

— Я не знаю, — раздраженно ответил резчик, — ты задаешь мне такие вопросы, будто я должен знать на них ответы.

Наступило неловкое и тяжелое молчание. Налетевший порыв ветра приподнял подол плаща бездыханного старика. Словно парус рыбацкой лодки, одежда натянулась под влиянием воздуха, однако в следующий миг все стихло вновь.

Тягостную тишину снова нарушил Арманис. Ему было неуютно стоять посреди пустой дороги рядом с мертвецом.

— Что будем делать?

Абару встряхнулся, отвлекаясь от собственных мыслей, словно пробудившись ото сна:

— Расскажем стражнику у ворот все, как было, а затем вернемся к работе.

— И о змее тоже? Как он его назвал?

— Сирруш, — медленно произнес резчик, — великолепный змей.

— За ним гнался змей?

Резчик сокрушенно развел руками:

— Боги вавилонские, Арманис, ну какой еще змей?! Ты что, не видишь, его удар хватил!

Наверняка это просто безумный бред лишенного рассудка бедолаги.

Прижав к себе кувшин с пивом, Абару решительно развернулся и направился в сторону городских ворот:

— Идем. Работа стоит.

— Мы оставим его здесь? — изумленно спросил помощник.

— Стража заберет.

Больше они не разговаривали. Арманис в силу своей молодости и впечатлительности полностью погрузился в размышления о случившемся. Его богатое юношеское воображение рисовало картину далекой и загадочной страны, в которой обитал великолепный змей. Все это походило на небылицу, рассказываемую бродячими актерами возле ночных костров. Немного пугающую, но от того не менее манящую и таинственную.

Мысли резчика также постоянно крутились вокруг произошедшего. Даже, когда он полностью рассказал стражнику у ворот о мертвом старике на дороге и вернулся к своим прямым обязанностям, Абару то и дело прокручивал в голове диалог с путником.

Работа не шла. Руки слегка дрожали. Пальцы потеряли былую чувствительность. Резчику приходилось прилагать усилия, чтобы не испортить ненароком рельеф.

«Не стоило пить пиво».

Однако в глубине души Абару прекрасно осознавал, что рассеянность отнюдь не следствие выпитой кружки. И хотя он не придавал серьезного значения рассказу бредившего старца, слова последнего постоянно кружились у него в голове, словно назойливое насекомое. Как будто кто-то невидимый нашептывал ему на ухо одно и то же.

Одно и то же.

«Сирруш. Сирруш. Сирруш. Сирруш».

Нашептывал с упрямой настойчивостью.

В какой-то момент резчику даже показалось, что он слышит этот шепот наяву. Испуганно оглянувшись, Абару с трудом удалось сохранить равновесие. Одна нога едва не соскользнула с опоры. Пухлые пальцы резко вцепились в деревянную лестницу. Еще немного, и он бы полетел вниз головой с высоты трех десятков локтей.

«Сирруш».

Отчетливо услышал он этот шепот, но так и не понял, откуда идет звук.

Налетел сильный порыв ветра, покачнув лестницу. На лбу Абару выступила испарина. Пальцы тряслись от напряжения. Костяшки побелели. Тело пробила дрожь.

— Арманис, ты слышишь?! — визгливо воскликнул резчик, испугавшись собственного голоса.

— А? — донеслось откуда-то снизу.

— Не слышит... — прошептал он, облизывая вмиг пересохшие губы.

Абару простоял, не шевелясь, около минуты, напряженно вслушиваясь в окружение и ощущая, как усилившийся ветер шатает под ним лестницу. Однако шепот больше не повторился. Осторожно отцепив правую руку от лестницы, резчик вытер лицо. Ладонь оказалась вся сырой от пота и заблестела на солнце. Громко выдохнув, Абару вернулся к работе.

«Пожалуй, хватит пива на сегодня».

Пальцы вновь стали приходить в норму, и резчик клятвенно заверил себя, что в такую жару рисковать здоровьем больше не намерен.

[1] Около 12 метров.

[2] Ишгар — центральное женское божество аккадской мифологии. Богиня плодородия и плотской любви, войны и распри. Астральное божество (олицетворение планеты Венера). В честь Ишгар были названы северные ворота города Вавилон.

[3] Ламашту — в аккадской мифологии львиноголовая женщина-демон, поднимающаяся из земли и похищающая детей. Шакалы ее служители. Ее атрибутами нередко являются гребень и веретено.

[4] Арманис — с аккадского языка «как горный козел».

[5] Сиппар — древний город на Евфрате, выше Вавилона.

[6] Ур — один из древнейших городов южного Двуречья. Располагался практически на берегу Персидского залива, который в древние времена занимал большую площадь, нежели сейчас.

[7] Шамаш — бог солнца у ассирийцев и вавилонян в древности. Имя его писалось идеограммой, обозначавшей "Владыка дня". Как бог второй части суток (они начинались с вечера), он уступал в значении богу луны Сину, и даже иногда именовался его слугой. Однако это не мешало его высокому повсеместному почитанию.

[8] Восточное море — Индийский океан.

[9] Хинду — древнее восточное наименование реки Инд.

Часть I. Что посеешь — то пожнешь. Глава 1

За сладкое приходится горько расплачиваться.

Леонардо да Винчи

Снаружи доносилось щебетание птиц. В арочный проем полуприкрытого ставнями окна проникли первые лучи восходящего солнца. Пронзив пространство, словно миниатюрное огненное копьё, они остановились на загорелом и полностью умиротворенном лице Шанкара. Он спал на кровати в обнимку с прекрасной девицей из близлежащего борделя. Солнечные зайчики, несмотря на всю свою яркость, не сумели пробудить опытного охотника от глубокого сна. Однако это оказалось под силу кое-кому другому. Уже через мгновение в окне появилась маленькая курчавая голова.

Загородив своим телом проход утреннему свету и отбросив на лежавших собственную тень, загорелый почти до черна мальчуган, едва сдерживая смех, проорал:

— Подье-е-е-м!

Шанкар резко сел на постели, а затем произвольным движением ударил по ставням, заставляя те хлопнуться с оглушительным треском. Не теряя ни секунды, охотник выхватил из-под подушки длинный медный кинжал и вскочил, упершись в пол стройными мускулистыми ногами. Сосредоточенный взгляд его черных острых глаз, в которых не осталось и капли сонливости, устремился на закрытые ставни. Теперь они полностью прикрывали окно, жалобно поскрипывая от такого грубого обращения. Лишь на долю мгновения Шанкар скосил взор на кровать, где продолжала посапывать обнаженная девица.

«Правду говорили. Ее и разъяренный слон не разбудит».

Однако уже в следующий миг он снова смотрел в сторону закрытого окна, крепко сжимая кинжал в правой руке.

Оттуда послышался тонкий приглушенный голосок, в котором от бывшего веселья не осталось и следа:

— Богиня-мать[1], прародительница жизни, это же я!

— Кто, ты? — хмурясь, хрипло спросил Шанкар.

— Каран. Ты что, не узнал меня?

— Каран?

Охотник опустил руку с оружием и облегченно рухнул на кровать. Доски протестующе заскрипели от такой наглости. Сделав глубокий вдох, он положил клинок обратно под подушку, а затем аккуратно открыл ставни. Лучики света вновь проникли внутрь дома, на этот раз, остановившись на его мощной груди.

— Ну, где ты там?

Отозвавшись на зов, в проеме вновь появилась маленькая курчавая голова.

Каран виновато улыбался:

— Не знал, что ты так испугаешься. Когда хлопнули ставни, я сам чуть не обделался.

— С чего ты взял, что я испугался? — вскинул брови охотник.

Мальчишка хмыкнул:

— Иначе бы не вскочил, словно варом ошпаренный.

Охотник не стал спорить. Если Каран в чем-то уверен, то переубедить его не получится. К тому же, он и вправду испытал долю испуга. Крик оказался неожиданным.

Проведя пятерней по темным длинным и взъерошенным волосам, Шанкар поинтересовался:

— Что ты тут делаешь в такой ранний час?

Каран заулыбался во весь рот, обнажив стройный ряд белоснежных зубов:

— Пришел напомнить о важной встрече, которая состоится у тебя сегодня.

— Какая еще встреча? — тупо произнес охотник, однако потом вспомнил, но было уже поздно. Мальчуган гордо вскинул свой приплюснутый нос.

— Так и знал, что без моего напоминания ты забудешь.

— Я вспомнил, — буркнул Шанкар.

— Благодаря мне, — настаивал Каран, выпятив нижнюю губу.

— В любом случае, — зевнул охотник, — до нее еще несколько часов. Так, что сделай одолжение — займись делами.

— Все утренние дела я уже закончил, и теперь совершенно свободен, — хихикнул тот.

— Каран, — мягко произнес Шанкар. Как охотник ни старался, он не мог заставить себя сердиться на этого мальчугана, сына соседской рабыни. Было в нем нечто такое, чего не доставало самому охотнику. Беззаботности. Невероятной энергии, бьющей фонтаном через край, и светлой, чисто детской жизнерадостности, еще не обремененной грузом проблем. — Я просто хочу немного поспать.

— Правда? Не выспался? — лицо Карана слегка вытянулось. Он заглянул внутрь хижины. — А-а-а-а, понимаю, — протянул он, окидывая взглядом упругие ягодицы девицы, продолжавшей сопеть на ложе, — не до сна было, — мальчик похабно подмигнул.

— Проваливай, — беззлобно крикнул Шанкар и вновь хлопнул ставнями. На этот раз не сильно.

С улицы послышался звонкий детский смех, а затем топот босых ножек по известняку, убежавших к соседнему дому. Где-то вдаль прокричал петух, предупреждая всех о начале нового дня.

Тяжело вздохнув и проведя мозолистыми пальцами по лицу, Шанкар хотел, было, снова прилечь, но в последний момент передумал. Рывком заставив себя подняться, он прошел в соседнюю комнату, служившую кухней и ванной одновременно. Встав на небольшое прямоугольное возвышение с круглым отверстием в полу, охотник ухватился за ручки массивного терракотового кувшина и, с превеликим наслаждением, окатил себя широкой струей ледяной воды. Легкая дрожь пробежала по телу, однако она довольно быстро прошла, уступая место ощущению бодрости и прилива сил. Удовлетворенный результатом водных процедур, Шанкар вернулся в спальню, при этом завязывая мокрые волосы в пучок на затылке. Девица продолжала сопеть, повернувшись лицом к стене и демонстрируя округлые формы своих бедер. Полюбовавшись на эту естественную красоту, охотник подошел и легонько шлепнул ее пониже спины. Девушка пробормотала что-то нечленораздельное, но так и не проснулась.

«Ее не разбудит даже разъяренный слон».

Шанкар ударил посильнее, на этот раз, оставляя едва заметный след от своей пятерни на нежной коже.

— Хм, — наконец, произнесла она, — что такое?

— Мне надо идти, — спокойно произнес он.

Девушка села на кровати, устремив на него взгляд своих огромных глаз цвета сапфира. Длинная коса, сплетенная из черных, как вороное крыло, волос ниспадала ей почти до пояса,

прикрывая левую грудь, словно прочный канат. Шанкар еще раз подметил про себя, что девица необычайно красива. Не удивительно, что именно на нее он обратил внимание прошлым вечером.

— Прости, что ты сказал? — переспросила она, грациозно потягиваясь.

— Мне нужно идти, — повторил охотник, доставая из угла набедренную повязку и прикрепляя ее к поясу.

Она непонимающе захлопала пышными ресницами:

— Но, ты же, вчера говорил, что до полудня свободен.

— Хочу зайти кое-куда, — он повернулся к ней лицом, — извини.

— Ничего, — покорно произнесла девица, с трудом скрывая разочарование.

Шанкар прекрасно отдавал себе отчет, что это просто очередная девушка из борделя и лишние церемонии здесь без надобности, но что-то привлекало его в ней. Что-то, что он не мог объяснить. Пока не мог.

— Сколько я должен?

— 16 серебряных мер[2].

«Дороговато, но ладно».

Он вернулся на кухню и снял с полки небольшие весы, бросив на одну из чаш пять каменных кубиков разного веса. Та опустилась вниз, поднимая противоположную вверх. Убедившись, что они больше не двигаются, охотник потянулся за увесистой деревянной шкатулкой, стоявшей на полке рядом с весами, в которой хранились кусочки серебряной руды. Шанкар уже хотел открыть ее и высыпать необходимую плату на одну из чаш, но в последнюю секунду, призадумавшись, остановился. Около минуты охотник стоял, молча, постукивая тонкими длинными пальцами по крышке шкатулки, сдвинув брови и о чем-то размышляя. Наконец, придя к какому-то умозаключению, он вернул коробку с серебряной рудой на полку, а затем следом отправил и весы. После чего вернулся в комнату.

Девушка сидела на кровати, томными движениями поглаживая косу.

При виде вошедшего Шанкара, она подняла на него взгляд и, не увидев у того в руках серебряных горстей, вопрошающе вскинула густые брови:

— А...

— Как твое имя? — перебил ее он.

— Имя? — удивленно переспросила она, явно не привыкшая к подобным вопросам.

— Ну, да, — пожал плечами Шанкар.

— Нилам, — неуверенно ответила девушка.

«Какое совпадение!».

Ничего не объясняя, Шанкар опустился на колени и полез под кровать, ощущая на своей спине взгляд Нилам, полный непонимания и изумления.

«Где же он? Боги, как тут пыльно, — охотник чихнул, — надо пройтись влажной тряпкой, а не то блохи заведутся... ага, вот он».

Его рука, наконец, нащупала искомый предмет и, с довольной улыбкой, Шанкар вылез из-под кровати.

— Держи, — протянул он ей небольшой мешочек, завязанный узелком.

— Что это? — подозрительно поинтересовалась Нилам.

Она явно не горела желанием дотрагиваться до этого мешочка, на котором повисли серые клочочки пыли.

— Твоя плата, — продолжая улыбаться, ответил охотник.

Девушка подняла на него глаза, ставшие еще больше:

— Ты шутишь, что ли?

— Вовсе нет. Бери. Уверен, тебе понравится.

Нилам продолжала сидеть без движения, недоверчиво и с долей неприязни посматривая на мешочек.

— Внешность обманчива, — подбодрил ее Шанкар, — попробуй.

Пересилив себя, Нилам взяла у него мешочек из рук и, стараясь не касаться пыльных участков, развязала его с помощью своих изящных пальчиков.

На свет показался драгоценный камень. Синий сапфир, казавшийся в миниатюрной ладони девушки просто огромным. Утренние лучи, проходящие через окно, заставляли его переливаться зеленоватым цветом. Нилам во все глаза уставилась на это диво, чувствуя, как от волнения перехватывает дыхание.

— Нравится? — Шанкар был доволен произведенным впечатлением.

— Это шутка? — прошептала Нилам.

— Нет, — охотник встал и потянулся за хлопковым белоснежным одеянием, висевшим на стене, — если не нравится, могу дать серебро.

Сапфир тут же исчез в сжавшихся ладошках девицы:

— Нет, ты что?! Просто... просто... мне никто никогда не делал таких подарков... — она подняла на него свой взгляд, в котором появились слезы счастья и благодарности, — почему?

Шанкар вновь пожал плечами, словно только что подарил не драгоценный камень, а кучу ослиного навоза для удобрения соседских грядок:

— Он отлично подходит под цвет твоих глаз, — охотник выдержал паузу, а затем добавил, — и к твоему имени[3].

Он полностью облачился в белоснежную рубашу из хлопка. Левое плечо при этом оставалось открытым.

— Ты, наверное, очень богат, раз позволяешь себе подобную роскошь.

— Не жалуюсь, — ответил Шанкар. То, что сапфир составлял ровно половину его состояния, сообщать он был не намерен. Зато теперь, наверняка, имел полное право попросить ее задержаться, — ты ведь дождешься меня?

— Мог бы и не спрашивать, — широко улыбаясь, закивала она.

— Прекрасно. На кухне есть вода, хлебные лепешки и сушеная рыба с изюмом. Я буду к вечеру.

— Ага, — Нилам уже не смотрела на него. Открыв ладони, девушка благоговейно созерцала синий сапфир.

Сдержав улыбку, Шанкар просунул ноги в кожаные сандалии и вышел на городскую улицу, прикрыв за собой дверь.

«Во имя Богини-матери, Шанкар, ты что, с ума сошел? Ты отдал ей сапфир. Сапфир. Знаешь, сколько он стоит?! Ну да, знаю. Можешь считать это временным помещательством. Но я знаю только одно — отбирать его обратно у этой милой глупышки не собираюсь. Лучше утоплюсь в ближайшем колодце. Что? Почему я решил, что она глупышка? Да потому, что, увидев сапфир, сразу решила — я богат. О том, почему богатый охотник живет в обычной глиняной хижине, а не в роскошной вилле возле Цитадели, она подумать не удосужилась. Ну, зато она милая. Но сапфир... Сапфир для обычной девицы из борделя, — Шанкар улыбнулся самому себе, — ты видел ее лицо?»

Стоило подарить ей драгоценный камень только для того, чтобы иметь возможность созерцать все те эмоции, что отразились на ее красивом личике. Истинное счастье заключается в том, чтобы делать счастливыми других[4]. А она теперь счастлива, это точно. У-у-у-у, Шанкар, да у тебя голова потекла, как дырявая крыша в сезон дождей. Верно! И меня это не беспокоит».

Охотник слегка помрачнел, когда обдумал последнюю мысль, ибо поводов для беспокойства имелось предостаточно. И даже знакомство с очаровательной Нилам не могло заставить полностью забыть о них.

Тяжело вздохнув, он направился по широкой улице на юг в сторону Цитадели, горделиво возвышающейся вдали над всем городом.

По обе стороны улицы стояли одинаковые дома, из которых медленно высыпали люди в одинаковых одеждах, чтобы начать заниматься привычными одинаковыми делами. Солнце окончательно взошло над горизонтом, заливая город своим ярким светом. Мохенджо-Даро начинал новый день, который не будет отличаться от предыдущих. Таковы традиции. Таков порядок.

Но легкое чувство тревоги не покидало Шанкара. Подобно сорняку на грядке, оно пустило корни в глубине его души и не отпускало, как бы тот ни старался избавиться от него.

***

Широкая улица правильной формы шла прямо на юг к Цитадели, окруженной массивной стеной из обожженного кирпича. Как и все постройки в Мохенджо-Даро. Шанкар давно про себя подметил, что внешне жилища горожан отличаются друг от друга только размерами. Зажиточные купцы, властные жрецы и вельможи обитают в просторных виллах и двухэтажных постройках. Городские стражники и крупные ремесленники располагаются в жилищах попроще. Остальные обитатели города живут на окраине в маленьких двухкомнатных хижинах. Охотник обитал, как раз, в одной из них. Не то, чтобы Шанкару не хватало средств на покупку жилища посolidнее. Просто приобретение подобного дома накладывало определенные обязательства. Например, пышные богатые приемы или постоянное присутствие слуг и рабов, хотя бы в минимальном количестве. А Шанкару совсем не улыбалась мысль о том, что рядом с ним под одной крышей будут жить посторонние ему люди, да еще и за его счет. Охотник предпочитал какое-никакое уединение. Отчасти, поэтому он и выбрал свое ремесло. Оно вынуждало частенько покидать пределы городских стен и скрываться от глаз цивилизации в лоне природы. Так, что он продолжал вести уединенный образ жизни, довольствуясь малым объемом жилой площади, однако не отказывая себе в удовольствиях, присущих зажиточным горожанам. Например, регулярное посещение публичных домов и питейных заведений, где можно было опробовать лучшее вино, привезенное из далеких краев таких, как Элам[5] и Кемет[6].

«А еще я могу позволить разбрасываться драгоценными камнями».

Однако чисто внешне все постройки в Мохенджо-Даро выглядели одинаково. Серые унылые здания, воздвигнутые из глиняных кирпичей, обожженных для прочности на огне. За исключением Цитадели, глазу просто не за что было зацепиться. А если человек живет в городе всю жизнь, то местные однотонные пейзажи и вовсе начинают плыть перед глазами, словно пелена тумана. Таковы традиции и уклад. Все должно сохраняться в том виде, в

каком оно есть сейчас. Ведь люди живут хорошо, ни в чем не нуждаясь, и они счастливы.

«Пока, что».

— Эй, путник! — окликнул его старческий голос.

Шанкар обернулся и увидел, что рядом с ним на дороге остановилась двухместная повозка, запряженная парочкой зебу[7].

Погонщик, пожилой мужчина в белоснежной хлопковой рубаше, как у охотника, с оголенным левым плечом, седыми волосами и слезящимися глазами поинтересовался:

— Не подбросить ли вас до нужного места? Солнце начинает припекать, и незачем такому благородному мужу, как вы, взбивать пыль на мостовой.

— Нет, благодарю, — вежливо отказался Шанкар, — мне недалеко идти.

— Всего 2 меры серебра, — уговаривал старик.

— Нет, — мягко, но решительно повторил охотник.

— Ну, что ж, нет, значит, нет, — вздохнул погонщик и легонько взмахнул длинной тонкой палкой, служащей ему вместо плети.

Зебу покорно двинулись дальше по улице, обгоняя Шанкара. Известняк приятно хрустел под их копытами.

Охотник задумчиво посмотрел вслед удаляющейся повозке, а затем, пройдя еще несколько шагов вперед, свернул налево и оказался посреди узкого проулка между тесно стоящими домами. Передвигаясь по нему вперед, Шанкар еще раз поблагодарил судьбу за то, что его дом находится на одной из главных улиц города. В такой тесноте он бы точно жить не смог и тогда уж, наверняка, купил себе дом попросторнее в зажиточном районе Мохенджо-Даро. И плевать на компанию слуг и рабов. Прямая улочка уходила далеко вперед на восток, разделяя город на мелкие квадраты. То же самое делали и широкие улицы, образуя квадраты большей площади, и все они объединялись в один огромный прямоугольник с, примерно равными по длине, сторонами, образуя единый город. Точно по такому же плану была построена и Хараппа[8]. И Лотхал[9]. Как вообще все поселения долины Синдху[10] — от крупных городов до мелких деревень.

Отсчитав три дома по правую руку, Шанкар остановился перед четвертым и постучал в деревянную дверь.

[1] Богиня-мать — верховное божество Индской цивилизации.

[2] В Древнейшей Индии, в частности, времен Индской цивилизации, существовала мера весов в виде гирек, сделанных по одной стандартной схеме. Тщательно вырезанные в виде кубиков из камня, они образовывали крайне любопытную систему, совершенно не похожую на что-либо известное в древнем мире. Гирьки представляли собой серию удваивавшихся весов вплоть до 64: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64. Затем вес увеличивался до 160, а далее 16 на кратные 10 множители — 160 (16×10), 320 (16×20), 640 (16×40), 1600 (16×100), 3200 (16×200), 8000 (16×500). Это действительно совершенно необычная система, но еще более удивительно то, что она существовала по всей области распространения цивилизации Инда, от больших городов до маленьких деревушек.

[3] Нилам — с древнеиндийского означает «Сапфир», «Сапфирная».

[4] Индийская пословица.

[5] Элам — древнее государство на юго-западе современного Ирана.

[6] Кемет — название Древнего Египта (Черная земля, плодородная почва).

[7] Зебу — подвид вида *Bos Taurus*, настоящих быков, распространенный на территории

Индийского субконтинента.

[8] Хараппа — древнеиндийский город, один из главных центров Хараппской цивилизации. Располагался на территории округа Сахивал в Пакистане (территория современного Пенджаба).

[9] Лотхал — один из важнейших городов Хараппской цивилизации и один из самых южных. Находился на современной территории индийского штата Гуджарат.

[10] Синдху — древнеиндийское название реки Инд.

По ту сторону двери раздались шаркающие шаги, а затем приглушенный и усталый голос спросил:

— Кто там?

— Это я, Шанкар.

Послышался скрежет отпираемого засова, и на пороге появился невысокий, гладковыбритый молодой человек с изможденным и, несвойственным его возрасту, морщинистым лицом. Его жилистые руки до локтей покрывали зарубцевавшиеся шрамы, а оголенные ступни выглядели так, будто он провел в походе по джунглям целый месяц. Босиком.

При виде охотника, глаза человека заблестели, а рот расплылся в вымученной улыбке:

— Здравствуй, Шанкар.

— Доброго дня, Анил.

Мужчины крепко обнялись и похлопали друг друга по спине.

— Входи и присаживайся, — пригласил Анил, закрывая за гостем дверь.

В очередной раз Шанкар подметил про себя, что внутреннее убранство жилища лесоруба почти ничем не отличается от его собственного. Та же невысокая деревянная кровать. Маленькие полочки на стенах. Парочка табуретов и тесноватая кухня с местом для омовения. Единственное, у дома Анила имелся пристрой, в котором тот хранил различного рода инструменты. Шанкару такой был без надобности.

«Типичный дом типичного горожанина. Все есть и ничего лишнего. И так продолжается, наверное, уже лет сто. Если не двести».

— Садись, — указал пальцем Анил на кровать, а сам рухнул на табурет напротив.

Шанкар оценивающе посмотрел на его:

— Пожалуй, тебе стоит прилечь. Выглядишь скверно.

Лесоруб только устало отмахнулся:

— Все лучшее гостю. К тому же, не беспокойся, я отдохну, когда ты уйдешь.

Шанкар не стал спорить и присел на краешек ложа:

— Как жена и дочь?

— Нормально, — глухо выдохнул Анил, — но, если ты не против, оставим любезности на потом. Мина и Нирупама ушли на рынок, так что у нас есть время для разговора.

Шанкар нахмурился:

— Ты не хочешь говорить при них?

Анил отрицательно качал головой.

Он дышал слегка прерывисто, будто недавно совершил длительную пробежку:

— Нет. Зачем тревожить их раньше времени?

Охотник почувствовал, как остатки хорошего настроения стремительно улетучиваются, подобно воде из кипящего котла:

— Есть повод для тревоги?

— К сожалению, — Анил громко сглотнул, — есть.

— Все настолько серьезно?

— Да, Шанкар, — сокрушенно вздохнул лесоруб, сцепляя руки и наклоняясь к нему, — серьезно.

— Рассказывай.

Анил шмыгнул носом и утер ладонью лицо:

— Они рубят. Нещадно.

Шанкар вздрогнул и на секунду прикрыл глаза.

То, чего он опасался больше всего, подтвердилось:

— Много?

— Я же сказал, — в глазах Анила появилось отчаяние, — нещадно. В верховьях Синдху, там, где его могучее русло питает Панджнад[1], их почти не осталось.

Охотник ощутил неприятный холодок в области шеи, а живот предательски скрутило:

— Невозможно! Не верю, чтобы прямо все оказалось настолько ужасно!

— Я был там, Шанкар, и видел все вот этими глазами, — он двумя пальцами в виде рогатки указал на свои очи, — пальмы, фикусы, салы[2]. Их поверженные стволы аккуратно лежат вдоль Синдху, ожидая сплава к Мохенджо-Даро, — Анил откинулся назад, облокотившись о глиняную стену, — оба берега в том месте теперь напоминают кладбище, а торчащие из земли пни — надгробные плиты.

Шанкар встал и сделал несколько нервных шагов по комнате. Лесоруб внимательно наблюдал за ним.

Охотник поинтересовался:

— Ты не знаешь, куда могло понадобиться столько древесины?

— Нет, — сокрушенно покачал головой Анил. — Мне ничего не известно об этом.

— Они продолжают вырубку сейчас?

— Во имя Богини-матери, откуда мне знать?! — резко воскликнул лесоруб.

Шанкар обернулся и понимающе посмотрел на него.

«Правда. Откуда ему знать?».

Анил понурил голову:

— Прости. То, что там произошло... потрясло меня до глубины души. Да, рубить деревья — моя работа. Я за нее получаю серебро. Но это уже слишком... К тому же, — он перевел взгляд на свои израненные руки и набухшие стопы, — я устал с дороги. Очень устал.

— Это ты прости, — сказал Шанкар, снова присаживаясь на кровать, — глупый вопрос.

— Думаю, что да, — все же ответил Анил, — они продолжают, но утверждать не берусь. В конце концов, я не выдержал и бежал оттуда, с трудом разбирая дорогу, — он издал смешок безумца, — даже бронзовый топор свой там оставил, — Анил поднял взор, в котором читалась надежда, тонущая в пучине отчаяния, — что я скажу Богине-матери, когда настанет мой последний час? Что хладнокровно уничтожил десятки ее творений? Безо всякой на то причины?

Шанкар не ответил. Он не знал, что ответить. Ему нечего было ответить. Ибо сам он был не без греха.

— У тебя ведь сегодня встреча со жрецом? — спросил Анил.

— Да, около полудня.

— Я слышал, он хорошо к тебе относится.

Шанкар, молча, кивнул.

— Узнай у него, что там происходит, — глаза лесоруба безумно заблестели, — ради чего такое варварство?

— Я узнаю. Обещаю.

Внезапно лицо Анила слегка побледнело и перекосилось, будто от солнечного удара.

Он подался вперед. Никогда еще охотник не видел его таким отчаявшимся.

— Я не видел диких зубров, Шанкар, — голос лесоруба дрогнул, словно тот готов был разрыдаться в следующий миг, — я не видел диких зубров уже очень давно. А ты?

— Я редко хожу на север, — тихо ответил Шанкар, — в основном на восток, а они там не водятся.

— Я не видел диких зубров, — зловеще прошептал Анил, смотря на охотника пустыми глазами.

— Тебе необходимо поспать, — он встал и положил руку на осунувшееся плечо лесоруба, — я зайду ближе к вечеру.

— Благодарю, — Анил с трудом поднялся следом, чтобы проводить гостя, — мне и вправду нехорошо.

***

Шанкар возвращался на главную улицу, осторожно двигаясь по узкой подворотне. Солнце светило над городом, заполняя округу яркими жаркими лучами. Отовсюду доносились возбужденные голоса, беззаботный смех детей и лай собак. Но охотник не слышал всего этого, полностью погрузившись в мрачные мысли. Разговор с Анилом не добавил положительных эмоций, а одна из последних фраз лесоруба никак не желала покинуть голову, воспроизводясь снова и снова.

«Я давно не видел диких зубров».

Да, он тоже не видел. И то, что эти животные не водились на востоке, было ложью.

***

Охотник уже почти добрался до каменного моста, перекинутого через канал, отделяющего Цитадель от остального города, когда услышал знакомый громовой бас:

— Ба, да это же мой старый знакомый, Шанкар! А я, как раз, хотел за тобой послать!

Он обернулся на голос и увидел кузнеца, стоящего на пороге своей мастерской. Здоровенный детина, он выделялся на фоне остальных жителей Мохенджо-Даро. Оно и неудивительно. Ведь родом тот был из Магана[3].

— Рад тебя видеть, Брасид, — подходя, поприветствовал кузнеца Шанкар и пожал его могучую ладонь. Она оказалась перепачкана сажей и потом.

— Доброго дня тебе! Ты не слишком занят?

— В полдень у меня встреча со жрецом.

— Значит, время есть, — довольно заулыбался Брасид.

— Для чего ты искал меня? — спросил охотник, скрещивая на груди руки, предварительно отряхивая ладонь от сажи.

— Мне нужны шкуры, — сразу взял быка за рога кузнец.

— И ты хотел послать за мной по этому поводу?

— Может, тебе этот повод и покажется мелочным, — он развел мощными руками, — но без прочной кожи в моем ремесле никуда.

— Значит, тебе повезло, — сдержанно улыбнулся Шанкар, — вместо меня твой гонец обнаружил бы очаровательную девицу.

— Вот как? — Брасид подмигнул. — Хорошая выдалась ночь?

— Что-то вроде того, — уклончиво ответил охотник, — так, насчет шкур. Какие именно нужны?

— Дикого зубра.

Шанкар закусил нижнюю губу и промолчал. Легкая тень накрыла его лицо, словно от облака посреди ясного неба.

Кузнец с беспокойством посмотрел на него:

— В чем дело? Могут возникнуть трудности? Так, я заплачу больше обычного.

— А почему бы тебе не обратиться на свиноферму Панишвара? — после короткого раздумья нарушил молчание Шанкар. — Уверен, он продаст тебе партию шкур по выгодной цене.

— С этим гаденышем я дел больше не веду! — Брасид смачно харкнул на мостовую.

Шанкар удивленно вскинул брови:

— Вот как? Что стряслось?

— Этот пройдоха продал мне сплошную рвань, — руки Брасида непроизвольно сжались в кулаки. Одной из них он рассек воздух, словно кузничным молотом. — Ободрал меня, как липку, а я до сих пор расхлебываю последствия той сделки. Из-за некачественных мехов, я испортил более дюжины металлических подков, так что нет. Пока у меня не будет хорошей и прочной шкуры, — тут он указал пальцем на ящик с деревянными черенками, который стоял у входа в мастерскую, — к мотыгам даже не притронусь. А Панишвар может идти в задницу!

Проницательный взгляд охотника сразу подметил, что черенки для мотыг изготовлены из свежесрубленных пород дерева, отборного качества древесины. Шанкар нахмурился.

«Уж не то ли это дерево, щепки которого сейчас летят в верховьях Синдху?».

— Ты слишком мрачен сегодня, — подметил кузнец. Он участливо смотрел на Шанкара, продолжавшего кусать нижнюю губу.

Охотник сумел выдавить из себя улыбку:

— Не беспокойся, ничего серьезного.

— Это из-за нее?

— Кого?

— Ну, той девки из борделя. Вынесла тебе все мозги? — кузнец хмыкнул.

— Нет, Брасид, — улыбка охотника стала чуть естественнее, — на самом деле, она единственное светлое пятно в череде событий, произошедших за последние сутки.

— У тебя неприятности?

«Возможно, скоро у всех нас возникнут неприятности, Брасид. А твои проблемы со шкурами и вправду покажутся чересчур мелочными».

Подумал Шанкар, однако вслух, разумеется, этого не сказал:

— Ничего такого, что стоило бы твоего внимания. Так, насчет шкур...

— Я заплачу больше обычного, — напомнил кузнец.

— Помню.

— Так, что же? — нетерпеливо наседал кузнец.

— Я подумаю.

— Подумаешь? — Брасид выпучил глаза. — Боги пустыни, да ты никогда раньше не отказывал!

— И сейчас не отказал, — Шанкару становилось все труднее поддерживать этот разговор и, при этом, не сболтнуть лишнего.

Он не хотел ничего скрывать от добродушного кузнеца, но не осмеливался поведать

того, в чем еще сам не был до конца уверен. И, предварительно, не обсудив все с Верховным жрецом.

— Твое «подумаю» прозвучало именно, как отказ, — Брасид встревожено посмотрел охотнику прямо в глаза. Шанкару стоило огромных усилий, дабы не отвести взгляд.

— Хорошо, постараюсь доставить шкуры к концу недели, — сдался он.

— Вот это другой разговор! — снова заулыбался кузнец. — Ну, не смею более задерживать?

— Да, мне нужно на встречу, — облегченно вздохнул Шанкар.

Брасид хлопнул его на прощание по плечу, оставляя на белоснежной рубахе пятно сажи: — Попутного ветра, дружище! — и скрылся в сумраке мастерской.

Вскоре позади Шанкара раздался звон кузничного молота. Охотник попытался стряхнуть сажу с рубахи, но стало только хуже. Грязь размазалась по ткани серым разводом. Недовольно нахмурившись, он направился к выходу с рыночной площади.

«Я пообещал ему шкуры дикого зубра. А что еще нужно было ответить? Извини, Брасид, но шкур больше не будет, довольствуйся свиньями Панишвара? Он бы спросил почему. Слишком много вопросов, а у меня не так много ответов. Но даже те, что имеются, не предназначены для посторонних ушей. Во всяком случае, не сейчас».

Стараясь больше не думать о кузнеце и его проблемах, а сосредоточиться на своих, Шанкар продолжил движение вперед.

Перейдя по мосту через канал, он начал взбираться по пологому склону холма, на котором стояла Цитадель. Обнесенная кругом кирпичных стен, она возвышалась над городом в безмолвном величии и служила олицетворением силы местной власти, сосредоточенной в руках жрецов.

Ловко орудуя руками и быстро переставляя ступни, Шанкар, не затратив особых усилий, достиг вершины холма и остановился возле массивных деревянных ворот крепости. Около них несли службу двое стражников. Все их вооружение составляло одно длинное копьё с медным наконечником. Никаких дополнительных ножей, клинков или щитов. Даже простенькой брони в виде кожаных чешуек или набедренных щитков стража Мохенджо-Даро не носила. Да и какой смысл? Воевать люди Синдху ни с кем не собирались, а для того, чтобы справиться с рыночными воришками тяжелые доспехи и вооружение не нужны. Серьезные преступления в государстве происходили крайне редко. Все ограничивалось пьяными драками и мелкими кражами. По крайней мере, ничего более существенного на памяти Шанкара не случалось. Люди жили в гармонии и достатке, а хорошая жизнь редко толкает на несправедный путь.

Стражники вежливо поприветствовали охотника и приоткрыли перед ним створки ворот Цитадели. Кивком поблагодарив их, Шанкар нырнул в образовавшийся проем и оказался внутри.

Справа возвышался двухярусный храм, внешним видом чем-то напоминающий зиккураты[4] Междуречья, с которым у Мохенджо-Даро имелись кое-какие торговые связи. Как рассказывал Брасид, медные и бронзовые изделия Ура намного прочнее и долговечнее, нежели из здешних мест. Зато в тех далеких краях не растет хлопок, и жители Двуречья вынуждены довольствоваться одеждой из козых шкур, да овечьей шерсти.

Впереди виднелось двухэтажное здание школы — типичная, ничем не примечательная, постройка, в которой жрецы и вельможи обучались письму, астрологии и счету.

Верховный жрец назначил встречу охотнику в банях. Они находились в здании с

огромным бассейном под открытым небом, всегда заполненным чистой прохладной водой. Бани стояли сразу позади школы, неподалеку от главного городского зернохранилища — огромное сооружение, походившее на отдельную крепость, нежели на склад с зерном. Хранилище состояло из крупных кирпичных блоков, разделенных между собой узкими промежутками, что позволяло обеспечить постоянный приток свежего воздуха к зерну.

Обогнув школу с левой стороны, Шанкар вышел к северному входу в бани и постучал в небольшую деревянную дверь.

Проход открыл престарелый привратник, жестом пригласивший охотника пройти внутрь. Преодолев пару смежных комнатушек, служащих пристанищем для слуг, Шанкар вышел к бассейну. Прозрачная вода блестела на солнце, отбрасывая блики на стены. Яркие зайчики, отраженные от голубой глади, играли на стенах и сводах помещения, производя приятное умиротворяющее действие. Бассейн окружала длинная веранда, с расположенными на ней деревянными столиками и плетеными тростниковыми стульями.

За одним из таких столиков и сидел Верховный жрец в ожидании прихода охотника.

Он был уже человеком в возрасте. Волосы и борода покрывал серебристый налет седины. Лоб испещряли глубокие морщины, и Шанкар знал, что они не являются исключительно следствием старости. Жрец нередко искал уединения, проводя целые часы в глубоком раздумье, в поисках решения проблем города и его жителей, чтобы люди могли спать спокойно. Орлиный нос и глубоко посаженные глаза только подчеркивали мудрость и знания этого человека. Несмотря на довольно полную комплекцию тела и преклонный возраст, в нем все еще угадывалась недюжая сила. И рукопожатие, которым он обменялся с охотником, только подтверждало это. Жрец был одет в такую же длинную белоснежную хлопковую рубаху с открытым левым плечом, как и сам Шанкар. Только, в отличие от одеяния охотника, она была расшита фиолетовыми узорами в виде лепестков лотоса. Фиолетовый цвет считался символом богатства и высокого статуса в обществе Мохенджо-Даро. Краситель добывался из морских моллюсков Восточного моря и являлся крайне редким и дорогим ресурсом.

— Приветствую вас, господин Девадат, — произнес Шанкар, присаживаясь напротив.

— Доброго тебе дня, Шанкар, — молвил в ответ жрец, а затем, подождав, пока тот устроится поудобнее, добавил, — хотя, судя по твоему виду, денек предстоит скверный.

Вместо ответа Шанкар тяжело вздохнул.

Жрец поинтересовался:

— Ты завтракал сегодня?

— Нет.

— Вот и я нет. Умираю с голоду. Эй, там! — крикнул он слуге-привратнику, прикорнувшему на деревянном табурете у входа к бассейну. Тот мгновенно вскочил в ожидании дальнейших приказов. — Принеси нам жареного цыпленка, тарелку бобов, пару пшеничных лепешек и кувшин вавилонского вина, — здесь Девадат поинтересовался у охотника, — ты не против?

— Все замечательно, — ответил он, ощущая урчание в животе. Прогулка на свежем воздухе разыграла аппетит.

Слуга исчез в подсобке. Они остались у бассейна одни.

Где-то над ними, нарушая тишину своим пением, пролетел бледноклювый цветочник. Безоблачное синее небо отражалось от поверхности воды.

Наконец, Девадат прервал затянувшееся молчание.

[1] Панджнад — река в Азии, самый крупный приток Инда.

[2] Сал — вид деревьев семейства Диптерокарповые (двудольные растения). Может достигать 35 м в высоту и 2,5 м в диаметре.

[3] Маган — древний регион. Находился на территории современного Омана.

[4] Зиккурат — многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, аккадской, вавилонской, ассирийской и эламской архитектуры.

— Сколько мы с тобой уже знакомы? — внезапно произнес Девадат.

— Около пяти лет, — ответил Шанкар, чувствуя легкое удивление.

Он не ожидал, что Верховный жрец начнет разговор с подобного вопроса. Охотник пристально взгляделся в лицо пожилого мужчины, но не смог ничего усмотреть. Девадат был одним из немногих людей, которому удавалось скрывать даже самые простейшие мысли под маской мудрости и непроницаемости.

— Надеюсь, ты рад этому так же, как и я.

— Могли и не спрашивать, Ваша Светлость.

— Полагаю, за столь длительный срок верной службы, ты достоин того, чтобы не обращаться ко мне по титулу, — с вялой улыбкой на тонких губах сказал жрец.

— Это немного непривычно, — заерзал на стуле Шанкар.

— Придется привыкать.

— Хорошо, — медленно протянул охотник, все еще испытывая неловкость.

— Интересные новости приходят с севера, — быстро сменил тему Девадат, пока они ожидали прихода привратника.

— Да? Какие? — поинтересовался Шанкар.

«Уж не о варварской ли вырубке джунглей сейчас пойдет речь?»

Он ошибся. Верховный жрец заговорил совсем о другом.

— Ты когда-нибудь встречал телегу, движущуюся со скоростью галопа?

Шанкар в изумлении поднял левую бровь:

— Нет. Разве такое возможно?

Девадат вздохнул:

— Вот и я думаю, что нет. Однако наши дозорные на границах к северу от Хараппы клянутся, что видели такую.

— Неужели?

— Да, — кивнул жрец, — более того, они утверждают, что в телеге стоя ехали два человека. Повозка так стремительно пронеслась в отдалении, что быстро скрылась из виду.

— И чего только не привидится на солнцепеке, — хмыкнул Шанкар.

Девадат улыбнулся:

— Согласен. Либо наши стражи знатно перебрали вина, либо им хорошенько напекло голову. А возможно и то, и другое. Вот и чудятся всякие небылицы.

— Верно.

— Однако оставим эту тему. Я пригласил тебя не за тем, чтобы обсуждать какие-то сказки.

В этот момент появился слуга с подносом и поставил яства перед собеседниками. Легким взмахом руки, Девадат приказал привратнику удалиться. Тот послушно ретировался.

— Есть мысли касаясь того, почему ты здесь? — спросил жрец, ловким движением отламывая куриную голень.

— Очередной взбесившийся носорог наводит ужас в одной из деревень? — в ответ поинтересовался Шанкар, берясь за вторую ножку.

— Что, — жуя, усмехнулся Девадат, — снова хочешь получить в награду за опасного зверя драгоценный камень?

— А кто не хочет? — молвил охотник, вспоминая сапфир.

«И я по-прежнему не жалею о том, что отдал его».

— Твоя правда. Но сейчас носороги не при чем.

— Тогда у меня не осталось догадок, — охотник впился зубами в птицу.

Медленно пережевывая мясо, жрец подметил:

— Ты слегка мрачен и задумчив. Не похоже на того охотника, которого я знаю. Будто он разом потерял хватку.

Шанкар не ответил. Он продолжал, молча, жевать, нахмутив брови.

— В чем дело? — повелительным тоном поинтересовался Девадат, откладывая пищу в сторону.

— Вы знаете, что к северу от города ведется вырубка леса? — внезапно выпалил Шанкар.

Девадат помрачнел, но утвердительно кивнул:

— Да, знаю.

— И вам известны масштабы происходящего?

— Мне это известно, — вздохнул Девадат, — более того, вырубка проводится с моего личного согласия.

Охотник поперхнулся:

— Вы дали на это варварство согласие?! Не верю!

Девадат мягко вскинул правую руку, жестом попросив охотника не повышать голос:

— Поверь, Шанкар, у меня самого сердце кровью обливается, но это вынужденная мера.

Охотник в свою очередь отложил еду в сторону и уставился на жреца:

— Вынужденная мера?

— Позволь, объясню.

— Конечно, — Шанкар налил вина в небольшой глиняный стакан, чувствуя потребность в выпивке.

— Юго-восточный район города — самый древний, насколько ты знаешь, — начал свое пояснение Верховный жрец, — те дома были построены во времена, когда еще мой прапрапрадед не родился. Постройки обветшали, со стен сыпется штукатурка, кирпич треснул, а балки прогнили насквозь, — Девадат выдержал паузу, а затем добавил, — нам нужно снести все здания юго-восточного квадрата Мохенджо-Даро и заменить их новыми.

— И на строительство понадобится такое огромное количество древесины?! — воскликнул охотник и залпом осушил вино.

— Нет, не на строительство, — покачал головой жрец.

— Тогда я не понимаю, — Шанкар вновь наполнил стакан.

— Дерево пойдет на растопку.

Рука охотника замерла, так и не достигнув рта:

— Оно пойдет на... что?

— На растопку, — повторил Девадат.

— Безумие, — одними губами прошептал Шанкар, опрокидывая в себя содержимое сосуда.

Улыбка медленно исчезла с лица Верховного жреца:

— Ты славный малый, Шанкар, но ничего не смыслишь в строительстве.

Охотник что-то буркнул себе под нос, а затем взял в руки горсть бобов и начал их жевать с отсутствующим видом.

— Скажи, из чего сделан твой дом?

— Из кирпича, — буркнул Шанкар.

— Из обожженного кирпича, — поправил Девадат.

— А есть разница?

— Разумеется! — взмахнул руками Девадат. — Мы не можем использовать для строительства обычный сырец. Он хрупок и недолговечен. А огонь придает глине прочность — чем жарче, тем крепче.

Охотник перестал жевать. В его глазах появилось сознательное выражение:

— Кажется, я начинаю понимать. Деревья пойдут на растопку огня, дабы опалить им сырцовый камень и построить из него прочные хижины.

— Совершенно верно.

— Все равно, это кощунство, — охотник скрестил на груди руки. Жир от птицы добавил на рубаху пару пятен, но он даже не заметил их.

— Думаешь, я этого не знаю? — жрец поднялся и подошел к краю веранды, сцепив ладони за спиной и задумчиво поглядывая на водную гладь. Теперь солнечные зайчики, отраженные от поверхности бассейна, играли на его морщинистом лице.

— Это не только кощунственно, но и опасно, — добавил Шанкар.

— Чем же? — не оборачиваясь, поинтересовался Девадат.

— Вы неплохо смыслите в строительстве, а я — в законах природы Богини-матери.

— Я тоже кое в чем в них смыслю.

— Тогда для вас не будет секретом то, что корни деревьев, растущих вдоль берегов Синдху, удерживают русло реки в естественном направлении?

— Я знаю об этом.

— Прекрасно, — Шанкар вновь невольно повысил голос, — предупреждены, значит, вооружены.

— Не понимаю, как изменение русла Синдху может сказаться на нас?

Шанкар подался вперед:

— Лес более не будет сдерживать Синдху. Она выйдет из своих берегов. Затопит посевные земли, превратит дороги в болото! Не исключено, что сам Мохенджо-Даро пойдет ко дну, ведь город находится в непосредственной близости от могучей реки...

— Городу ничего не угрожает, — перебивая, возразил Девадат, — стены Мохенджо-Даро высоки. Они строились именно на подобные случаи.

— О, боги! — охотник откинулся на спинку стула. — То есть, вероятность затопления окрестных деревень вас не смущает? Возможно, расселять придется не один район.

— Я знаю о возможных последствиях, — коротко и глухо ответил жрец.

— И, все равно, пошли на этот шаг, — с упреком произнес охотник.

— Я слышу осуждение в твоём голосе, — Девадат повернулся к нему лицом, — поверь, не проходит и дня, чтобы я не думал о возможных последствиях своего решения. Но мы не можем больше ждать — снос и восстановление квартала необходимо совершить в кратчайшие сроки. Иначе мы рискуем поутру обнаружить множество людей, погибших под завалами рухнувших зданий.

— Расселите их в других местах!

— В каких? Оставить своих жителей ночевать под открытым небом?! У меня нет места, Шанкар!

Охотник ничего не ответил. Он уже все сказал по этому поводу.

И Девадат это понял:

— А теперь, если ты не против, я объясню, по какой причине захотел встретиться с тобой.

Охотник хмуρο кивнул.

— До меня все чаще доходят слухи с востока. Из деревень, что располагаются за лесным массивом вдоль реки Сарасвати[1], — жрец вновь опустил на плетеный стул, — местные жители утверждают, что течение реки изменилось.

— В каком смысле, изменилось?

— Подробностей не знаю, ибо никто толком не может описать, что конкретно там происходит, — Девадат нахмурился, — это очень важный для нас район. Там находится целая сеть оросительных каналов и поля, засеянные рожью и пшеницей. Это одна из главных житниц для Мохенджо-Даро. Нельзя ее потерять. Отправляйся туда и разузнай все подробности. В награду получишь 1600 мер серебра.

Как бы ни был расстроен разговором со жрецом охотник, при объявлении величины вознаграждения он присвистнул:

— Кругленькая сумма.

— Сумма не имеет значения, — Девадат скрестил ладони на столе и чуть склонил голову, — все, что узнаешь, доложишь Чудамани, другому жрецу и моему другу.

— Чудамани? А почему не вам?

— Меня к тому моменту здесь уже не будет.

— Куда же вы денетесь? — ухмыльнулся охотник.

— Не знаю, — тихо произнес жрец.

Улыбка сползла с лица Шанкара и разбилась о плиточный пол:

— Я вас не понимаю.

Девадат поднял голову.

В его взгляде охотник увидел глубокую тоску и печаль, свойственную большинству мудрым людям на закате их жизни:

— Я отправляюсь в изгнание.

— Что? — Шанкар ушам своим не верил.

— Добровольное, — добавил жрец.

— Уж не связано ли это с тем, что вы разрешили вырубку леса на севере?

Девадат промолчал, наблюдая за своими скрещенными руками.

— Бежите от ответственности, — произнес охотник. В его голосе засквозило плохо скрываемое презрение.

— Не забывайтесь, молодой человек, — спокойно, не поднимая головы, сказал Девадат, — помните, что я все еще Верховный жрец Мохенджо-Даро.

— Я помню, — молвил Шанкар и поджал губы.

— Возможно, так и есть. Я не выдержал груза ответственности. Однако, будь ты на моем месте, наверняка, поступил бы точно также.

— Располагая вашими знаниями и умом — однозначно нет, — грубо отрезал Шанкар.

— Довольно! — жрец встал. — Полагаю, беседу можно считать оконченной. Ступайте, и да хранит вас Богиня-мать.

Охотник поднялся:

— Не могу пожелать вам того же. Но я выполню вашу последнюю просьбу. Не ради награды, а в качестве благодарности за прошлые годы дружбы и доверия. Больше мне нечего

вам сказать.

Девадат ничего не ответил. Его глаза смотрели на охотника, но не видели его. Они были устремлены в пустоту.

Шанкар резко развернулся и направился к выходу.

На душе скребли кошки. Во рту стоял привкус тлена.

Верховный жрец, которого он считал чуть ли не другом и мудрейшим из всех, кого когда-либо знал, допустил такую страшную ошибку. Да, оступаются все. Но ошибка Девадата выглядела слишком грубой. Слишком страшной. Слишком неожиданной. И то, что он решил сбежать от проблем, наломав дров, лишь способствовало его стремительному падению в глазах Шанкара.

«Наломав дров... ну, и ирония».

Пронеслось у охотника в голове.

Громко хлопнув дверью, он остановился и вдохнул раскаленный полуденный воздух.

«Как все может обернуться в одночасье! Еще вчера, казалось, ничто не может нарушить идиллии Мохенджо-Даро. А уже сегодня все перевернулось вверх дном.словно ночной горшок, содержимое которого ты добровольно вылил себе на голову».

Охотник не знал, был ли у жреца иной выбор, но для него это не имело значения.

Он зашагал в сторону ворот, вбивая сандалиями пыль на дороге. Солнце пекло голову, но он совершенно не замечал этого. Чувство, что на всех них надвигается страшная буря, не отпускала Шанкара до самого дома.

***

Он настолько погрузился в собственные переживания, что почти ничего не замечал вокруг. Его ноги, равномерно вышагивающие по известняковым улицам Мохенджо-Даро, несли охотника в сторону своего дома без какого-либо контроля со стороны разума. Будто нижние конечности Шанкара обладали личной внутренней памятью. Он не слышал, как кузнец Брасид вновь окликнул его своим громогласным басовитым голосом, а затем, когда охотник, молча, прошел мимо мастерской, лишь недоуменно пожал могучими плечами. Он не видел разъяренного всадника, под копыта лошади которого едва не попал. Его существо словно оказалось разделено на две части. Как гранат, лишенный косточки, где первое — тело, а второе — разум. И только поравнявшись с деревянной дверью своего дома, Шанкар выплыл из океана печальных дум, соединившись в единое целое.

Положив ладонь на ручку и собираясь войти внутрь, охотника внезапно посетила одна мысль.

«Интересно, Нилам все еще там? Дождалась ли она меня? А что если девица воспользовалась моим отсутствием и сбежала, прихватив шкатулку с серебром?».

Шанкар вздрогнул.

«Богиня-мать, и почему я раньше об этом не подумал? Надо было спрятать шкатулку под каменной плитой на заднем дворе. Проклятье! Из-за всех этих проблем, я совсем потерял бдительность».

Рывком потянув на себя ручку, Шанкар дернул дверь и быстро зашел в хижину. Пришлось подождать пару секунд, пока глаза привыкнут к сумраку после яркого уличного света. Деревянные створки на окне так и остались закрыты, не давая лучам проникнуть внутрь. Наконец, после небольшой заминки, охотник бросил беглый взгляд на кровать и

испустил вздох облегчения. Нилам крепко спала в той же позе, что и утром. В миниатюрных ладошках она продолжала сжимать синий сапфир.

Пройдя на кухню, Шанкар достал с полки шкатулку и приоткрыл крышку. Со стороны казалось, что серебро никто не трогал. По крайней мере, на взгляд его осталось ровно столько же, сколько и раньше. Удовлетворенно хмыкнув, охотник закрыл шкатулку и поставил ее на место. Вернувшись в комнату он, сбросив пыльные сандалии, с удовольствием рухнул на постель рядом с девицей. Доски протестующе затрещали под его весом, и Шанкар подумал, что неплохо бы заменить их на новые или вовсе приобрести мебель покрепче.

Его взгляд невольно скользнул по рубашке. Она уже была не такой белоснежной, как раньше. Жирные пятна от птицы и сажевый развод заставили его поморщиться. Сняв одежду через голову, он зашвырнул ее в дальний угол. Вздохнув, Шанкар заложил руки за голову и устремил задумчивый взгляд в потолок. Местами тот пошел трещинами.

«Надо бы их замазать глиной».

Тут проснулась Нилам и уставилась на охотника огромными сапфировыми глазами, однако, быстро признав хозяина дома, успокоилась и прильнула к его правому боку:

— Устал?

— Хмм... — невнятно ответил Шанкар.

— Это да или нет? — с легкой ухмылкой поинтересовалась она.

— Не знаю, — задумчиво произнес он, — физически не устал. Просто слишком жарко на улице. А вот разумом, — он помассировал лоб, — боги, голова раскалывается.

— Я могу попробовать облегчить твои страдания, — томно проворковала Нилам, проводя свободной рукой по низу его живота.

Охотник посмотрел в ее огромные глаза, подобные драгоценному камню, который недавно ей подарил, и понял, что начинает тонуть в них. Они засасывали его, словно водоворот в пучину темных вод. Возможно, именно в тот момент Шанкар принял решение, о котором в дальнейшем вспоминал, как об одном из самых внезапных и, одновременно, безумных в своей жизни. Но, тем не менее, никогда о нем не жалел.

— Сколько ты стоишь? — спросил он в лоб.

Рука Нилам, готовая уже было опуститься ниже живота, резко остановилась.

Она оторопело заморгала длинными ресницами:

— Сколько я стою?

— Ну, да, — пожал плечами тот.

— Я вроде говорила, — нахмурила бровки Нилам, — 16 серебряных мер, но ты уже заплатил...

— Сапфир это подарок.

— Подарок?

— Да, — он вновь заложил руки за голову, — и мой тебе совет, не показывай камень хозяину. Отберет еще. Наверняка отберет.

Во взгляде Нилам промелькнул испуг:

— Я... я не подумала об этом.

«Ну, еще бы. Ты ведь глупышка. Синеглазая милая глупышка».

— И что мне делать? — прошептала она, не обращая к Шанкару напрямую.

— Я дам тебе 16 мер серебром. Отдашь их в борделе, а сапфир спрячь и не показывай до определенного момента.

— Какого еще момента?

— Когда я спросил, сколько ты стоишь, то имел в виду не цену услуг, — он усмехнулся, — или ты решила, что моя память обладает свойством дырявого ковша?

— Нет, конечно! — она так резко мотнула головой, что ее черная коса описала дугу в воздухе.

— Я хотел узнать, сколько стоит твой выкуп?

— А, — погрустнела она, отводя взгляд.

Шанкар напрягся.

Ему крайне не понравилась реакция девицы:

— Что с тобой? Не хочешь говорить?

— Не вижу смысла, — тихо ответила та.

— Вот, как, — разочарованно произнес он, снова разглядывая трещины в потолке.

«Печально. Либо я ей не понравился, либо ее вполне устраивает тот образ жизни, который она ведет. Мда, печально».

Вкупе с навалившимися проблемами, реакция Нилам сильно омрачила настроение охотника. Шанкар начал ощущать, что он постепенно проваливается в трясину уныния.

— Ты расстроился, — подметила Нилам, садясь на кровати.

В одной руке она продолжала удерживать сапфир, а вторая покоилась на животе охотника.

— Нет, — соврал он, совершенно не заботясь о том, чтобы ответ прозвучал искренне.

— Но, я же, вижу. Из-за меня, да?

Шанкар закрыл глаза:

— Ты же не хочешь, чтобы я тебя выкупал.

Сквозь прикрытые веки, он почувствовал, как напряглось ее тело:

— Глупости! Разумеется, хочу!

— Иначе не сказала бы, что не видишь смысла говорить об этом.

Она легонько ткнула кулачком его в бок, и Шанкар открыл глаза. Во взгляде Нилам читалось какое-то глубокое отчаяние с примесью обреченности.

Обычно такое бывает у людей, попавших в болотную трясину:

— Но это не значит, что я этого не хочу! Просто... просто там такая сумма, что ты вряд ли ее сможешь найти.

«Что? Пусть макаки изобьют меня бананами до полусмерти! Неужели она настолько глупа?».

Шанкар сел и внимательно посмотрел на девушку:

— Я бы хотел взять тебя в жены. Согласна?

Он успел увидеть слабый огонек возбуждения, вспыхнувший в ее прекрасных очах, однако он моментально потух, утонув во вновь нахлынувшей волне смиренной тоски.

— Согласна? — повторил свой вопрос охотник.

— К чему весь этот разговор? — мрачно ответила Нилам. — У тебя навряд ли найдется такая сумма, которую просит хозяин публичного дома за выкуп.

— Просто ответь, — мягко настаивал он, — обладай я такой суммой, ты бы согласилась стать моей женой?

И снова этот, едва уловимый, огонек в ее глазах:

— Да, но...

— Никаких «но». Я прошу честный ответ.

— Да, — наконец, твердо ответила девушка.

Ее лицо выражало сильное смятение. Она до сих пор не верила, что какой-то случайный охотник готов выкупить ее у хозяина публичного дома. И всего-то после единственной ночи, проведенной вместе. Она безумно желала, чтобы его намерение оказалось правдой, но не позволяла себе начать верить в подобный исход. И, все же, она почувствовала, как сердце в груди невольно ускорило ритм. Она хотела получить свободу. К тому же, этот крепкий охотник ей нравился...

— Сколько?

Нилам потупила взор:

— 3200 мер серебра.

Внутри у Шанкара все сжалось, но он постарался не подать вида.

«Да пронзит носорог меня своим бивнем! Я, конечно, подозревал, что сумма окажется немаленькой, но чтобы настолько неподъемной? И я все равно готов ее заплатить, даже рискуя остаться в одной набедренной повязке пятилетней давности? Безумие! Перегрелся на солнце. Ибо мой ответ сам себе — да, готов. 1600 мер я получу за выполнение последнего задания жреца. Кое-что наскребу из шкатулки. Можно, правда, продать сапфир — он стоит, по меньшей мере, половину от необходимой суммы, но это все равно, что выколоть себе один глаз ради спасения второго. Как бы то ни было, я готов пойти на такой риск. Она мне нужна! Но, чем же, Нилам отличается от других подобных ей? Меня окружает множество свободных женщин. Выбирай любую! Причем, совершенно бесплатно. Почему именно она? Ах, Богиня-мать, я сам до конца не понимаю».

Все это вихрем пролетело в голове у охотника. Он вновь лег на кровать, закинув руки за голову.

Как он ни старался, но Нилам смогла заметить легкую тень, пробежавшую по его лицу:

— Я говорила, нет смысла размышлять об этом.

— Через две-три недели ты будешь свободна.

Она вздрогнула и уставилась на Шанкара, как на умалишенного:

— Что ты сказал?

— К концу месяца у меня на руках окажется необходимая сумма.

— Не верю, — произнесла Нилам, но ее синие глаза прямо-таки вспыхнули надеждой и счастьем.

Увидев ее реакцию, Шанкар ухмыльнулся:

— А я верю. Скоро мне нужно будет отправиться по делам на восток, за выполнение которых мне сулит хорошая награда. Однако буду честен — ее для выкупа не хватит. Поэтому мне придется отдать все свои сбережения. Пока я буду в отъезде, сможешь подумать над моим предложением. Если тебя не смущает выйти замуж за охотника-голодранца...

— Согласна!

Нилам бросилась ему на шею и страстно впиалась в его губы своими. Обхватив ее за талию чуть повыше упругих ягодиц, Шанкар, на какое-то время позабыл обо всем. О варварской вырубке леса к северу от Мохенджо-Даро. О леденящем душу рассказе лесоруба, и обещании навестить его вечером. Об исчезновении диких зубров. О проблемах кузнеца Брасида, которому срочно нужны прочные шкуры тех самых зубров, иначе он рискует оставить людей без качественных изделий. О жреце Девадате и его душевных муках выбора между меньшим и большим злом и возможных печальных последствиях этого самого

выбора. О путешествии на восток, сулившее оказаться нелегким. Все это ушло на второй план. Как неприглядная, но необходимая в хозяйстве, вещь, которую убирают в темный чулан от посторонних глаз и достают только в случае крайней необходимости. Сейчас в этом мире существовали лишь он и она. Ни одна женщина до нее не могла заставить Шанкара полностью отвлечься от реального мира.

Быть может, поэтому он ее и выбрал.

[1] Сарасвати — река, протекавшая к востоку от Инда. Со временем, полностью высохла. Сейчас на ее месте находится пустыня Тар.

Коренастые ноги, обутые в походные сандалии, взбивали пыль на грунтовой дороге, ведущей на север в сторону Хараппы.

Солнце, стоявшее в зените, сильно раскалило воздух, который становился почти нестерпимым от жара. Ощущение зноя усугубляло полное отсутствие ветра. Джунгли, растущие справа от дороги, стояли не шелхнувшись. Слева располагалась линия густых зеленых кустарников, скрывающих за собой берег реки Синдху. Растения сохраняли полную неподвижность. словно самой природе было лень шевелиться во время этого марева. Не было слышно ни пения птиц, ни криков обезьян. Только глухой звук шагов путника, идущего на север. Казалось, весь окружающий мир тихо переживает жаркое время в полуденной дреме.

И Девадат уловил это настроение. Плавно шагая по дороге, он буквально впитывал себя умиротворением и покоем, получая душевное упоение.

Когда он скинул с себя богатую мантию жреца, заменив ее на простой светлый походный плащ из овечьей шерсти, то сразу ощутил, как тяжелый груз ответственности и мучительных переживаний упали с плеч. словно со старым одеянием канула в лету и его прошлая жизнь. Теперь перед ним лежал лишь путь. Путь, который он волен выбирать сам. Фляга с водой. Мешочек с сухарями, прикрепленный к поясу, да длинный деревянный посох. Больше ничего изгнаннику не нужно.

Только небольшие угрызания совести временами врываются в душу из потаенных глубин разума, ненадолго нарушая всеобщую идиллию. Но он быстро гнал их прочь.

Девадат шел с самого утра. Мохенджо-Даро давно скрылся позади за горизонтом. Легкая улыбка играла на его тонких губах, а посох постукивал по грунту в такт шагам.

Полностью сосредоточившись на созерцании красот окружающего мира, Девадат не сразу заметил, что кустарник, росший по левую сторону от дороги, начал редеть и, примерно в сотне локтей впереди, вовсе стал исчезать. Бывший жрец замедлил шаг, а спустя минуту окончательно остановился. Улыбка съехала с его лица. В глазах появилось задумчивое выражение, плавно сменившееся печалью. Девадат приближался к месту, где проводилась вырубка леса. Проводилась по его приказу.

Когда он отдавал сие повеление, то сердце кровью обливалось. И бесполезны были утешения, что это вынужденная мера, иначе пострадают жители. Жизни людей целого района окажутся под угрозой. Но доводы не возымели должного действия, ибо Девадат прекрасно понимал — какими бы ни были причины, побудившие его отдать варварский приказ, они его не оправдывают. Охотник Шанкар прав. Уничтожение деревьев может привести к крайне печальным последствиям. И дело здесь не только в естественном сокращении природных угодий. Существует серьезный риск того, что ослабленная почва возле берегов Синдху не сможет более удерживать ту в родном русле. А это повлечет за собой затопление огромных территорий, превращая их в топкие болота, непригодные для земледелия и проживания. Не исключено, что от них пострадает и сам Мохенджо-Даро, расположенный в непосредственной близости от реки.

От былого приподнятого настроения Девадата не осталось и следа. Оно испарилось, как роса с листьев лопуха ранним утром Бхадрапада[1].

— Я не хочу на это смотреть, — одними губами прошептал он.

Чувство вины, исчезнувшее в тот момент, когда он снял с себя одеяние жреца, вернулось вновь и напомнило о себе. Словно некто невидимый ударил Девадату острым кинжалом в самое сердце.

Вырубка леса — его приказ. А приказывать другим осуществлять подобное — все равно, что самому взять в руки топор.

— К шакалам эту Хараппу, — в сердцах бросил он, — вернусь обратно, а потом отправлюсь на юг, в Лотхал.

Приняв это решение, Девадат быстро развернулся и уже собирался воплотить его в действие, как вдруг из зарослей джунглей донесся непонятный шум. Бывший жрец повернул голову в сторону, откуда доносился звук и внимательно прислушался. Мышцы его напряглись, а костяшки пальцев, сжимавшие посох, побелели. Взгляд Девадаты быстро оббежал зеленую чащу, подступающую прямо к обочине.

Спустя несколько томительных мгновений шум повторился. Будто нечто прошелестело опавшей листвой, подкрадываясь по земле недалеко от дороги.

Девадат развернулся всем телом в сторону джунглей, слегка согнув ноги в коленях, дабы придать им большую подвижность. Взмахнув посохом, он ухватил его обеими руками, намереваясь использовать в качестве длинной дубинки.

— Синха[2], — произнес Девадат, сощурился глазами.

Послышался хруст ломающихся веток. Нижние части деревьев затряслись от прикосновения приближающегося зверя.

Нахмурившись, бывший жрец прошептал:

— Слишком крупный для синха... неужели... носорог?

Он не успел додумать до конца.

Нечто выпрыгнуло на дорогу с такой скоростью, что Девадат не сумел толком его рассмотреть. Что-то сильно ударило его в левый висок, рассекая воздух, как кнут погонщика зебу. Скулу обожгло, будто к ней приложили раскаленное клеймо. Жрец рухнул на грунтовую дорогу, глотая ртом пыль. В ушах звенело, словно от удара в пожарный колокол. Сильная боль расплзлась по левой части лица. Перед глазами все поплыло. Сердце гулко стучало, отдаваясь в висках. Хриплое дыхание вырывалось из легких.

Понимая, что если хочет жить, то необходимо мгновенно прийти в себя, Девадат тряхнул головой. Зрение стало понемногу возвращаться в норму. Каким-то чудом, ему удалось во время падения не выронить посох, и он по-прежнему крепко сжимал его обеими руками. В тот момент, когда Девадат решил, было, вскочить на ноги, над ним зависла чья-то тень. Бывший жрец отчетливо видел ее очертания на серой дороге. Тень накрыла его целиком, заслоняя от солнечных лучей. На дальнем конце она заострилась, словно ее отбрасывал длинный меч в вытянутой руке.

«Рог носорога. Так и знал, что меня сбила эта толстокожая туша».

Девадат резво откатился в сторону, уворачиваясь от смертоносного удара. Он услышал свист рассекаемого воздуха позади себя и, поначалу, принял его за выпад бивня, совершенного яростным животным. Однако в следующую секунду до него дошло, что звук был точь-в-точь такой же, как за мгновение до того, как что-то прилетело ему в левый висок. Все еще не в состоянии мыслить глубоко, потный и возбужденный, Девадат вскочил на ноги и развернулся лицом к зверю. Тело максимально напряглось, готовясь дать отпор или уйти с траектории движения носорога. В глазах потемнело от резкого подъема, однако ему удалось сосредоточить внимание на существе. Солнце слепило ему прямо в лицо, поэтому

представший перед ним зверь казался крупной тушей непонятной формы.

И лишь теперь Девадат осознал, что носорог не издает никаких звуков. Ни рева, ни рыка. Вообще ничего. Более того, существо имеет длинный хвост, которым и рассекает воздух, подобно хлысту. Только этот хлыст был вдвое, а то и втрое длиннее и толще любого орудия, которыми пользовались погонщики зебу. На кончике хвост закруглялся, образуя нечто, похожее на тяжелую гирию. Он переливался угрожающим янтарно-зеленым цветом.

«*Богиня-мать, что это?*».

Девадат отвел взгляд от вращающегося хвоста, переведя взор на голову существа. Солнце по-прежнему мешало отчетливо ее рассмотреть, но бывший жрец увидел длинный острый рог, украшающий макушку зверя. Он был тоньше носорожьего, но выглядел не менее смертоносным.

— Прочь! — хотел, было, крикнуть Девадат, но из горла вылетел лишь сдавленный хрип.

Сердце забилось с такой силой, что он почувствовал колющую боль в левой части груди. Дышать стало тяжелее. Тем не менее, он нашел в себе силы и взмахнул посохом, словно дубинкой, пытаясь прогнать зверя. Однако это вышло настолько неловко, что даже шакал посмеялся бы над этой попыткой.

Существо резко прекратило размахивать хвостом. Тот застыл в верхней части своей амплитуды. Его кончик утратил зеленый цвет, полностью принимая янтарно-красный оттенок. Будто налившееся спелое яблоко. Пасть зверя приоткрылась, и пораженный Девадат увидел, что она буквально усыпана рядом острых, как кинжалы, зубов.

Последние сомнения отпали. Перед ним стоял не носорог. Не синха. И, как бы глупо это ни звучало, не слон.

Осознав это, Девадат ощутил, как волосы на затылке встали дыбом. Руки затряслись так сильно, что он едва не выронил посох. Теперь сердце не просто стучало. Оно трепетало в грудной клетке так, будто намеревалось выбраться наружу и сбежать отсюда. Сбежать как можно дальше. Дабы не видеть того, кто предстал перед глазами бывшего жреца. Никогда в своей жизни он не испытывал подобного ужаса. Даже, когда в период юности на него набросился крупный синха, Девадат не ощутил такого парализующего страха. Да, страх был, ибо его не испытывают лишь безумцы и глупцы. Но тогда, при нападении полосатого зверя, он мог контролировать это чувство, заставляя свой организм действовать на пределе своих возможностей. Чувство страха помогло справиться с синха, ибо он укротил его, как необъезженную лошадь. Но нынешний ужас, который он испытывал, глядя в разверзшуюся пасть неизвестного существа, не имел ничего общего с прошлым. Он сковывал тело липким слоем оцепенения. Подобно древесной смоле, в которую угодило нерадивое насекомое. Девадат ощущал себя беззащитным кроликом перед немигающим взглядом кобры. Его трясло, словно пальмовый лист на свежем ветру.

Из пасти зверя высунулся длинный язык, раздвоенный на конце. До ушей бывшего жреца, беспомощно поглощенного созерцанием этой страшной картины, донесся шепот. Шепот, подобный шороху пожухшей листвы, переносимой осенним ветром.

— С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.

Шепот, перешедший в настоящее змеиное шипение, полностью лишил Девадату способности сопротивляться. И когда огромный раздвоенный язык метнулся в его сторону, он не предпринял даже малейшей попытки, чтобы увернуться...

***

Пурпурная нектарница[3], взмахнув маленькими крылышками, присела на цветок лотоса, аппетитно растущего из-под поверхности воды. Предвкушая долгожданный обед в виде сладкого нектара, она щелкнула тонким длинным клювиком и уже собралась вкушать пищу, как округу разорвал истошный вопль. Встрепенувшись, птичка стрелой взмыла ввысь, а затем, скрывшись посреди листьев ветвистого сала, уселась на толстую ветку, испуганно озираясь по сторонам.

Денек выдался жарким и безветренным, поэтому дерево стояло абсолютно неподвижно.

Хлопая маленькими черными глазками, нектарница осторожно выглянула из-за своего укрытия в виде плотной древесной листвы. Но ничего, что могло представлять опасность, не обнаружила. Птичка прислушалась, не раздастся ли страшный звук снова? Однако округа опять погрузилась в тишину. Только кузнечики стрекотали в траве где-то внизу. Тогда, выждав еще немного, нектарница вновь слетела к кромке воды и уселась на цветок лотоса. На этот раз никакие крики не помешали ей насладиться долгожданным обедом.

***

Шанкар проснулся от того, что соседский петух, пристроившись под окном, решил хорошенько прочесать свою глотку. Сострив недовольную гримасу, он протер глаза, а затем собрался положить правую руку на спину Нилам, но нащупал лишь пустоту. Постель рядом была еще теплая, а простыня сохранила рельеф ее тела.

Слегка откашлявшись, охотник позвал хриплым спросонья голосом:

— Нилам?

Ответа не последовало.

— Ушла.

Внезапно его жилище, ранее казавшееся таким уютным и родным, предстало перед ним серым и опустевшим, будто разом лишившись все ярких красок. Тяжко вздохнув, Шанкар непроизвольно закинул руки под подушку. Пальцы нащупали что-то холодное, гладкое, с острыми и ребристыми краями. Сдвинув брови, охотник ухватил предмет и вытащил наружу. В его руке заблестел драгоценный камень. Сапфир отливался приятным синим цветом. Шанкар не мог отвести взгляда от камня, напоминавшего ему глаза Нилам.

«Она оставила его?».

Охотник сел и спустил босые ноги на прохладный глиняный пол. Только сейчас, устремив взор на противоположную стену, он заметил, что на ней выведены несколько иероглифов. Шанкар вскинул брови и, не выпуская сапфир из руки, встал, а затем подошел к стене, дабы повнимательней рассмотреть письмена. Рядом на полу валялся его длинный кинжал. Судя по кускам глины на лезвии, именно он и послужил орудием для послания. Иероглифы слегка плясали и кренились. Проведя подушечками пальцев по их поверхности, Шанкар сделал вывод, что человек, написавший их, сильно торопился.

Надпись гласила:

Я решила оставить сапфир у тебя. Думаю, это самое безопасное место для него. А мне пора возвращаться. Жду с нетерпением твоего прибытия с востока. И еще раз — я согласна!

Секунду Шанкар стоял и тупо рассматривал иероглифы, а затем захохотал на весь дом:

— Она бы еще мне на лбу написала! Эй, сапфир у него! — а затем, отсмеявшись, добавил. — Еще и стену мне испортила. Милая глупышка.

Покачав головой, он спрятал камень в мешочек обратно под кровать, затем надел чистую белую рубаху, а старую бросил в кадку из-под воды. После чего вышел наружу.

Небо на востоке осветилось предрассветными лучами, хотя само солнце еще не взошло над горизонтом. Скоро город начнет просыпаться от спячки, а пока что еще можно было поймать мгновения утренней тишины. Петух, так бесцеремонно вторгшийся в сон охотника, деловито прохаживался у Шанкара под окнами, периодически разбрасывая землю в поисках червяков.

— Когда-нибудь я пушу тебя на суп, — пообещал он и огляделся.

Каран сидел на ступеньках соседнего дома и со скукой взирал на небо.

— Эй, — окликнул его Шанкар.

Услышав знакомый голос, мальчуган перевел взгляд на охотника. Его лицо озарилось задорной улыбкой.

Вскочив с крыльца, он вмиг подбежал к нему:

— Доброе утро, Шанкар!

— Доброе, Каран. Занят?

Мальчик вскинул правую бровь:

— А что, похоже?

— Мало ли, — пожал плечами охотник.

— Сам же видишь, что умираю от скуки.

— Это хорошо, ибо у меня к тебе дело есть.

— Правда? — глаза Карана загорелись.

— Правда. Только работу нужно сделать быстро, ибо мне необходимо скоро уехать.

— Куда? — тут же поинтересовался Каран.

— На восток.

— А куда именно?

Шанкар вздохнул:

— И с чего ты всегда такой любопытный?

— Познаю мир, — выпятив нижнюю губу, гордо ответил мальчуган.

— Оно и видно, — буркнул охотник, — просиживая зад на крыльце.

— Так, куда? — проигнорировал колкость охотника Каран.

— На Сарасвати, — со вздохом ответил Шанкар, прекрасно зная, что тот не отвяжется.

Каран обладал свойством репейника.

— Ух, ты! — восхищенно прошептал он. — Возьми меня с собой!

— Нет, — немного резко ответил охотник.

Каран демонстративно надулся:

— Никогда не берешь.

— Мал еще, да и забот у тебя хватает.

— Уверен, госпожа Пратибха отпустила бы, если б ты попросил, — небрежно махнул рукой Каран, а затем, уперев костлявые руки в бока, спросил, — так, что за дело-то?

Шанкар знал ответ на этот вопрос, но на всякий случай все-таки задал его:

— Ты умеешь читать иероглифы?

— Пф, — фыркнул тот и закатил глаза так, что стали видны одни белки, — откуда? Кто станет тратить время на обучение раба письму?

«Ага, — подумал Шанкар, — и кому нужен раб, умеющий читать? Чем меньше слуга знает, тем лучше».

— Отлично! — воскликнул охотник и тут же нарвался на испепеляющий взгляд мальчишки.

— Не разделяю твоего веселья, — буркнул он, скрещивая руки на груди, будто желая огородиться от Шанкара.

— Помню-помню, ты познаешь мир, — примирительно улыбнулся охотник, — ну, так как, поможешь с одним делом?

Каран скосил взгляд:

— В зависимости от того, что я за это получу.

Шанкар усмехнулся:

— Познаешь мир.

— Задарма не работаю, — отвернулся он.

— Ты раб и привык работать бесплатно, — охотник легонько толкнул того кулаком в плечо, — так, что не заговаривайся.

— Спасибо, что напомнил, — беззлобно огрызнулся Каран, тем не менее, продолжая смотреть в сторону.

Верхняя часть небесного светила уже показалась над горизонтом.

— Я дам тебе 2 меры серебра.

Обиду как рукой сняло.

Каран так резко повернулся, что Шанкар явственно услышал хруст шейных позвонков:

— Шутишь?

— И не думал даже.

— Целых 2 меры серебра?!

— Да.

Каран заговорщически наклонился:

— На кого-то нужно вылить ведро помоев?

— Нет, все гораздо проще, — он поманил его пальцем за собой, — идем.

Вернувшись в дом в сопровождении Карана, охотник кивком указал на исписанную иероглифами стену:

— Вот это необходимо замазать глиной, да так, чтобы стена выглядела, как новенькая. Без следов какой-либо писанины.

Каран с интересом осмотрел иероглифы:

— Что здесь написано?

— Здесь написано, что Каран — любопытный болван.

— Очень смешно, — растянуто молвил мальчуган, — это ведь она написала, да?

— Она? — Шанкар сделал вид, что не понимает, о ком тот говорит.

— Да, ладно тебе, — Каран задорно подмигнул, — та девчонка с грудями, словно кокосы. А это, — он ткнул пальцем в иероглифы, — признание в любви, даже читать уметь не надо.

Шанкар отвесил ему легкий подзатыльник:

— Принимайся за дело. Времени у тебя до полного восхода солнца. Потом я уезжаю.

— Принимайся за дело, принимайся за дело, — скрипучим голосом передразнил его Каран, — сейчас, только сбегаю за ведром и скребком.

Шанкар с легкой улыбкой на устах проводил мальчишку взглядом, а затем поднял кинжал, прошел в кухню и очистил его от кусочков засохшей глины. Удовлетворенный осмотром клинка, он прикрепил его к поясу, после чего открыл чулан за очагом. В нем, аккуратно прислонившись к дальней стенке, стояли длинное копьё с бронзовым наконечником и лук в форме полумесяца. Проверив состояние тетивы, охотник достал вещи из чулана и прикрыл дверь.

— Вот это да, — услышал он шепот Карана и обернулся.

Мальчуган появился в дверном проходе, сжимая в правой руке ведро с жидкой глиной, а в левой — скребок. Он с благоговейным трепетом взирал на лук и копьё. В глазах светилось неподдельное восхищение.

— Не отвлекайся, — хмыкнул Шанкар, — солнце встает.

[1] Бхадрапада — август-сентябрь по древнеиндийскому календарю.

[2] Синха — лев/тигр на древнеиндийском.

[3] Пурпурная нектарница — птица из семейства воробьинообразных. Распространены в тропическом поясе Евразии, Африки и Австралии.

— Анил?

Лесоруб поднял веки и уставился в потолок. Белки глаз покраснелись. Тело ломило от усталости и перенапряжения. Вдобавок ко всему его переполнял страх. Страх перед неизвестностью. А картины из воспоминаний недалекого прошлого только ухудшали душевное состояние.

В их доме царил сумрак, несмотря на то, что солнце уже взошло над горизонтом. Тесная застройка не позволяла лучам проникать внутрь.

Мина лежала рядом на постели. Светлая хлопковая рубаша скрывала легкую полноту ее тела, от которой она никак не могла избавиться после рождения дочери. Темные длинные волосы растрепались по плечам. Густые брови сдвинулись к переносице, а в карих глазах застыла тревога.

— Что? — сухо ответил Анил.

— У нас заканчивается серебро.

— Я знаю.

Мина поджала губы:

— Тебе нужно вернуться на просеку.

— И не подумаю, — Анил резко отвернулся и лег спиной к жене.

— Тогда, что нам делать? — у Мины дрогнул голос.

— Пойду мести улицы. Устроюсь на свиноферму Панишвара. Что угодно, но больше топор я в руки не возьму!

— Анил, ты лесоруб, а не прислуга.

Он промолчал.

Анил ощутил, как мягкая холодная ладонь Мины коснулась его плеча:

— Панишвар много не заплатит. Уборщик улиц тоже получает гроши. Живи мы одни, я, быть может, и согласилась... поняла тебя. Но у нас маленькая дочь. Подумай о Нирупаме.

Кулаки Анила непроизвольно сжались:

— Я не могу, — процедил он сквозь зубы, — ты не ведаешь того, что там происходит. Не выдержу! Не выдержу я более!

— Ради Нирупамы, — в голосе Мины прозвучали слезы, — молю тебя, Анил.

Лесоруб закрыл глаза, пытаясь унять заколотивший его озноб.

Ради Нирупамы он готов пойти на все. Но способен ли вновь взять в руки топор? Шанкар не зашел к нему вчера после встречи со жрецом, поэтому лесоруб не знал — продолжается ли вырубка леса в верховьях Синдху, или Его Светлость отдал приказ о прекращении варварских действий? Анил злился. Злился, что охотник так и не явился прошлым вечером. А ведь он обещал! Быть может, в противном случае ему бы уже и думать не пришлось о возвращении на просеку.

Анил даже не подозревал, что Шанкар напрочь забыл о своем обещании. И все из-за прекрасной Нилам, перед чарами которой он не смог устоять.

***

— Ну и гадость!

Абхай, здоровый лесоруб с широкими плечами и тупым выражением лица, сплюнул на землю. Следом за харчком полились остатки гороховой каши — прямо под пень, на котором детина сидел.

Его приятель Кунал, такой же здоровяк, только чуть меньше ростом и с проблесками ума в глазах, хмыкнул, вставая с соседнего пенька:

— А ты ожидал, что нас тут разносолами кормить будут? Мы и так жалование получаем за работу. А еда, между прочим, казенная.

— Да плевать! — взревел Абхай. — Мне мясо нужно для силы, иначе как я буду рубить эти проклятые пальмы?

— Топориком, друг, топориком, — Кунал помахал перед его носом бронзовым лезвием топора, заблестевшим в лучах утреннего солнца.

Позади них послышался треск, а затем звук падения очередного срубленного дерева. Остальные лесорубы уже принялись за работу, очищая от джунглей новый участок земли. Вчера им пришлось отойти от берега вглубь на запад, ибо деревьев поблизости уже не осталось.

Только Абхай и Кунал продолжали находиться возле русла реки, складирова стволы на подготовленные плоты для дальнейшего их сплава вниз по течению в сторону Мохенджо-Даро. Там древесина должна была пойти на растопку огня, необходимого для обжига глиняных кирпичей под строительство нового городского квартала. Однако такие тонкости Абхая и Кунала не интересовали. Оба они были родом из небольшой деревеньки, что располагалась вверх по течению Синдху. Все, что привлекало их интерес в этом деле — плата за работу. И плата оказывалась немалой. Вполне возможно, что денег в итоге хватит на покупку лошади для хозяйства и постройки нового, более крепкого дома. Так, по крайней мере, размышлял Кунал, мечтавший стать первым парнем на деревне. Мысли же Абхая никогда дальше выпивки и веселья не заходили.

Четверо лесорубов приволокли к берегу очередную пальму и бросили возле деревенских приятелей.

— Хватит прохлаждаться, бездельники, — весело крикнул один из них, вытирая пот со лба, — топоры в руки и за дело!

— Кто бы говорил, Мадхан, — быстро парировал Абхай, — ты позавчера полдня на брюхе пролежал!

— Ладно-ладно, — взмахнул топором Кунал, — несите следующую, а мы, пока, займемся этой.

Компания лесорубов, возбужденно переговариваясь, вновь направилась вглубь чащи. Вскоре они скрылись за листьями деревьев, откуда непрерывно доносился звук откалывающихся щепок и хруст ломающихся стволов.

— Все, как обычно? — уточнил Абхай, берясь за топор.

— Да. Сначала отрубаем макушку, затем волочем ствол на плот.

Абхай тяжело вздохнул:

— Мне нужно мясо.

— Погрызи кокосы, — ухмыльнулся Кунал.

— Если только твои!

Оба расхохотались.

Солнце стремительно летело к зениту, все больше нагревая окружающий воздух. Спины лесорубов быстро покрылись испариной, а через некоторое время и вовсе залоснились от

пота, словно они только что искупались в реке. Лезвия топоров грозно сверкали в лучах небесного светила. Не успели они обработать одну пальму и погрузить ее на плот, как их товарищи приволокли из леса вторую, не давая им времени на передышку. Вновь в воздух взметнулись топоры, чтобы в следующий миг с силой обрушиться на макушку свежесрубленного дерева. Третья пальма поступила тогда, когда они еще даже не отнесли вторую на плот.

— Что, ребята, уже выдохлись? — подшутил над ними Мадхан.

— Вас там человек пятнадцать, а нас двое, — пропыхтел Абхай, хватаясь за ствол с одной стороны.

— Отговорки, — весело воскликнул Мадхан и махнул рукой, направляясь в сторону джунглей, — работайте, солнце еще высоко.

— Пошел ты! — крикнул ему в спину Кунал, берясь за другой конец ствола, но Мадхан только засмеялся.

Этот парень всегда пребывал в хорошем настроении, готовый поделиться им с окружающими. Настоящий душа компании. Поэтому остальные лесорубы снисходительно воспринимали его колкости.

Водрузив очередную пальму на, уже изрядно подзабитый, плот, они вернулись к третьему дереву и начали обрабатывать его своими топорами. Когда же обработка была завершена, и новый ствол оказался уложен на плот, тяжело дышавшие Абхай и Кунал обнаружили, что свежей партии древесины от лесорубов пока не поступило.

— Отлично! — пыхнул Абхай. — Можно и передохнуть.

— Верно, — согласился Кунал, упираясь руками в поясицу.

— Если сегодня вечером я не получу мясо, то, клянусь Богиней-матерью, сбегу отсюда, сверкая пятками.

— Как тот парень, Анил? — хмыкнул Кунал.

— Не сравнивай меня с этим городским слюнтяем! — гаркнул Абхай.

— Да уж, — издал смешок Кунал, — он так торопился обратно домой, что забыл здесь свой топор.

— Нюня, — сплюнул на песок Абхай.

— А топор, кстати, неплох. Прочный, бронзовый, а на лезвие нанесена гравировка в виде цветка лотоса. Из чистого серебра.

— Правда? — глаза Абхая загорелись. — Где он?

Кунал указал пальцем на север:

— В нашем лагере вверх по течению, где ж еще?

— Предлагаю разыграть его в кости. Раз хозяин бросил свою вещицу, значит она ему без надобности.

— Закатай губу, — хмыкнул Кунал, — на него претендентов человек двадцать.

— Ну, — упрямо твердил его приятель, — разыграем в кости.

Кунал не ответил. Он с удивлением смотрел в сторону джунглей.

Лесорубы до сих пор не принесли очередную партию деревьев. Более того, топоры дровосеков больше не раздавались в чаще джунглей. На берегах Синдху наступила полная тишина, прерываемая лишь тихим журчанием воды.

— Соберемся всем скопом и разыграем ценную вещицу, — не унимался Абхай, — чего добру пропадать-то...

— Тише, — прервал его Кунал, в приказном жесте поднимая руку с топором, —

слышишь?

Абхай умолк и напряг слух. Однако ничего, кроме журчания воды в Синдху, да пения нектарницы в цветах лотоса расслышать не сумел.

— Ничего не слышу, — недоуменно сказал он.

— Вот именно, — Кунал перевел взгляд на него, — они прекратили рубку деревьев.

До Абхая, наконец, дошло.

Его лицо, покрасневшее от работы, приобрело малиновый оттенок:

— Эти сукины-дети устроили себе привал в тенечке, пока мы тут горбатимся на жаре!

Кунал ловко махнул топором, рассекая воздух:

— Пойдем-ка, навестим этих лангуров[1].

С лицами, расплывшимися в злорадных ухмылках, они направились в сторону джунглей, уже предвкушая, какую трепку устроят лесорубам-бездельникам. Когда же Абхай и Кунал скрылись под сенью деревьев, вступая на тропинку посреди лесной чащи, до их слуха донеслись возбужденные голоса. Послышался лязг металла, а затем отчаянные вопли. Внезапные душераздирающие крики, от которых волосы на голове встали дыбом. В этих воплях читалась ярость и боль. Дикая, нестерпимая боль. Улыбки моментально слетели с лиц лесорубов. Абхай и Кунал недоуменно переглянулись.

— Что там происходит? — тупо пробормотал первый.

— Не знаю, — неуверенно ответил второй.

В этот момент крики усилились. Словно несколькими людям сразу прищемили дверью детородный орган. И снова вопли ярости и боли, смешанные с лязгом металла.

Кунал рванул вперед, поудобнее перехватив топор в руке. Не говоря ни слова, Абхай побежал следом.

Ветви деревьев хлестали им по лицу. Воздух свистел в ушах. Куналу и Абхаю приходилось постоянно опускать голову вниз, дабы случайный сучок не выколол глаза. Их ноги шуршали опавшими листьями. Несмотря на крупное телосложение, лесорубы ловко перепрыгивали через корни деревьев. Оба были взволнованы и возбуждены. Тайнственная неизвестность, происходящего впереди, будоражила разум, заставляя воспринимать окружение обострившимися чувствами. Поэтому, несмотря на бег и легкую усталость, они подметили про себя, что крики и лязг стихли еще до того, как друзья добрались до места вырубки леса.

Кунал остановился первым, переводя дыхания и вслушиваясь в звуки джунглей. Абхай встал позади него, едва не налетев на спину товарища. Теперь до них не доносилось ни звука. Ни пения птиц, ни журчания воды — вообще ничего. Словно мир вокруг мгновенно опустел. Будто все живое разом исчезло, как по мановению божественной руки. Только высокие пальмы и салы окружали лесорубов, в молчаливом упреке нависая над их головами. В какой-то миг Абхаю даже показалось, что их ветви тянутся к нему, дабы отобрать ненавистный топор, а затем свершить над ним природный суд, разорвав корнями на мелкие кусочки. Абхай никогда не страдал от видений. Даже когда напивался в стельку. Однако сейчас они были настолько явственными и реальными, что он ощутил страх. Не то волнующее возбуждение, как перед массовой дракой или минутой ранее, когда они вприпрыжку неслись через джунгли навстречу неизвестному, получая удары ветвями по лицу. А страх, который заставляет крутить твой живот и сосать под ложечкой.

Быстро моргнув и тряхнув головой, он отогнал жуткое наваждение, а затем обратился к Куналу:

— Я ничего не слышу.

— Я тоже, — нервно отозвался тот, — должно быть там...

— Ты не понял, — прервал его Абхай, — я *ничего* не слышу!

Кунал непонимающе уставился на него:

— Что?

Обладая небольшим зачатком самокритичного ума, Абхай прошептал:

— Кто из нас тупой, я или ты? Вслушайся! Я никогда еще не видел, чтобы посреди джунглей было настолько тихо! И что с ними произошло, в конце концов?!

Кунал не ответил, ибо это было бессмысленно. Теперь до него тоже дошло, что его обострившиеся чувства не воспринимают никаких звуков. Легкая дрожь пробежала по спине Кунала, несмотря на то, что в лесу воздух казался достаточно теплым.

Держа топор наготове, и сощуриив глаза, он начал продвигаться дальше по тропке, медленно переставляя ноги, стараясь ступать бесшумно. Лево́й рукой он аккуратно отодвигал свисающие ветви деревьев. Иногда лесоруб бросал косо́й взгляд на лианы. Не прячется ли среди них питон или гадюка? Однако змей замечено не было. Абхай следовал его примеру. Хотя у него получалось слегка хуже, но он также почти не производил шума. Словно маленькая мышь шуршала пожухшим листиком. Уклоняясь от свисающих лиан, Кунал медленно продвигался вперед. Он чувствовал, как напряглись все его мышцы. Похлеще, чем во время перетаскивания пальмы на плот. Абхай шел следом. Его грудь колесом массивно вздымалась в такт глубокому дыханию, а ноздри широко раскрывались при вдохе. Он походил на крупного быка, готового напасть на свою жертву. Видение с ожившими деревьями он полностью выкинул из головы, сосредоточившись на реальности.

Впереди показалась просека — небольшая круглая полянка, усеянная пнями, сломанными ветками, щепками и облетевшими желтыми листьями. Однако, когда лесорубы вышли к ее краю, то к своему животному ужасу обнаружили, что теперь просека усеяна не только продуктами ремесла дровосеков.

Кунал, шедший впереди и первым вступивший на полянку, ощутил, как вся кровь до последней капли отхлынула от лица.

Территория просеки была полностью устлана окровавленными трупами дровосеков. У многих из них отсутствовали конечности. Отрубленные руки, ноги и пальцы валялись вперемешку с телами, представляя собой леденящий душу багрово-розовый ковер из крови и плоти, покрывающий всю поляну целиком. Бронзовые топоры, обогранные свежими бурыми пятнами, торчали из трупов убитых, словно иглы оцетинившегося дикобраза. Они торчали из спин с перерубленными позвоночниками. Из вспоротых животов, через которые наружу вывалились длинные, словно лианы, розовые кишки. Повсюду валялись пальцы и руки. Некоторые из них продолжали конвульсивно подрагивать, а культы зловеще сверкали обнажившимися костями.

Кунал стоял, не в силах вымолвить и слова, ощущая, как душа уходит в пятки.

Абхай выглянул из-за его плеча и побелел, как дорожная известь. В следующее мгновение гороховая каша, часть которой он съел на завтрак, настойчиво попросилась наружу. Едва не выронив топор, прижимая руки к скованному спазмами животу, Абхай согнулся в три погибели и исторг из себя все, что употреблял в пищу за утро.

Кунал же продолжал смотреть на полянку, пребывая в состоянии полного и абсолютного шока. Только спустя минуту созерцания страшной картины, его взор заметил еще одну деталь, до сих пор скрывавшуюся за пеленой ужаса, накрывшей глаза.

Прямо посреди просеки на пеньке сидел Мадхан. Его волосы слиплись от крови в дикую прическу. Лицо, сплошняком покрытое багровыми разводами, уткнулось носом в колени, на которых покоился окровавленный топор. Дрожащие руки сжимали рукоятку, а губы беззвучно шевелились, произнося слова, смысл которых Кунал не мог разобрать. Набрав в грудь столько воздуха, сколько смог, Кунал обратился к Мадхану.

При этом его голос прозвучал тоньше, чем у маленькой девочки:

— Мадхан?

Тот поднял голову, и Кунал сделал невольный шаг назад, чуть было не уронив Абхая, вытирающего губы от рвоты. Глаза Мадхана закатились так, что виднелись лишь одни белки, ярко сверкающие на фоне заляпанного кровью лица. Словно два куриных яйца на темном столе. Кунал почувствовал, что еще немного, и его рассудок не выдержит подобного испытания. Разум вот-вот готов дать роковую трещину.

Руки Мадхана крепко сжали рукоятку топора. Дрожь в пальцах внезапно исчезла. Рот перекосила жуткая гримаса, обнажая белые зубы.

Медленно, будто лунатик, он поднялся с пенька.

Кунал смотрел в эти белые невидящие глаза и чувствовал, как ноги наливаются свинцом. Как ладонь, сжимающая топор, начинает трястись и покрывается потом. Как сердце заходится в бешеном ритме.

Мадхан, молча, стоял, слепо пялясь в его сторону. Грудь окровавленного лесоруба высоко вздымалась. Так прошло несколько мгновений.

А затем он завопил. Его истошный крик заставил душу уйти в пятки.

— *Еще один! Еще один!!!*

Размахивая топором над головой. Разбрызгивая кровавые капли, Мадхан бросился в их сторону.

[1] Лангуры — род обезьян из семейства Мартышковые. Название «лангур» происходит от слова «lungoor», означающего на языке хинди «длиннохвостый». Отличаются хитрым и пакостным характером.

Долина реки Сарасвати представляла собой обширную равнину, усеянную тут и там многочисленными деревушками. Жители этих поселений каждый день трудились на целой сети каналов, питающих поля, на которых выращивались всевозможные культуры — пшеница, ячмень, хлопок, бобовые растения и другие. Собранный урожай питал не только здешние деревни. Его отправляли крупными партиями в столичные города — Харалпу и Мохенджо-Даро. Каналы, обеспечивающие водой посевные площади, брали свое начало из вод могучей реки Сарасвати, которая, хоть и уступала размерами своему брату Синдху, но, тем не менее, обладала достаточным объемом водных ресурсов, дабы обеспечивать долину нужным количеством воды.

Последний раз Шанкар был в этих краях около трех лет назад после очередной охоты на диких зубров. Общая картина долины, ее дивные естественные красоты, вкупе с плодами трудов человеческих, произвели на него тогда неизгладимое впечатление. Охотник считал эту часть света одной из самых приятных и уютных уголков на земле. Полупустые грунтовые дороги, соединяющие одно поселение с другим, проходят меж широких полей, на которых поспевают золотистые злаки, колосающиеся на свежем ветру. Засевные площади плавно сменяются лугами для выпаса домашнего скота. Периодически встречаются местные жители, всегда приветливые и улыбающиеся, готовые принять путника в собственном доме и подсказать дорогу. Ближе к деревням людей на полях становится больше, жизнь не перестает течь ни на миг, подобно реке Сарасвати, наполняя регион своей силой. Таким запомнился этот край Шанкару.

Восседая на своем белоснежном коне, он покинул территорию джунглей, окружавших долину полумесяцем с запада и севера, и вступил на грунтовую дорогу, ведущую к одной из первых деревень. Цокот копыт о грунт гулко отдавался в полуденной тишине. Солнце, находившееся в самом зените, нещадно палило. В какой-то момент охотник начал жалеть, что покинул прохладную тень джунглей. Теперь он мечтал поскорее оказаться в деревне. Под спасительной соломенной крышей, и с кружкой пива в руке. Шанкар с трудом подавлял желание прищорить лошадь и преодолеть оставшееся расстояние галопом. Однако кобыла скакала без отдыха с раннего утра. Она тоже изнывала от палящего зноя. Из ее пасти вырывался тяжелый храп. Поэтому он не стал рисковать и решил побережить животное.

Вытерев тыльной стороной ладони пот со лба, Шанкар заметил, что луга, окружавшие дорогу с обеих сторон, выглядят далеко не так привлекательно, как они запомнились ему в последний раз. Трава сильно поредела и потеряла в высоте. Она утратила былую зелень, отдаваясь болезненной желтизной. Охотник прищурил глаза и озадаченно нахмурил брови. Почва изрядно выветрилась и просохла, покрывшись сеткой из многочисленных трещин. Если бы не растительный покров, она бы походила на каменистую пустыню. Шанкар почувствовал, как семена тревоги, посеянные несколько дней назад, дали всходы и теперь стремительно ползут вверх, словно молодые деревца, тянущие стебли к солнцу.

Продолжая двигаться по грунтовой дороге и взбивая копытами пыль, он заметил впереди высокий сал, раскинувшийся у кромки тракта. В тени его листьев лежал местный пастух в дырявой и грязной рубахе, выцветшей от долгого пребывания на солнце. Напротив через дорогу паслось небольшое стадо овец, щипавшее скромную траву. Подъехав немного ближе, Шанкар подметил, что пастух внешне напоминает своих подопечных. Кудрявые

волосы песочного цвета. Приплюснутый нос и близко посаженные черные глаза. Широкий рот с полными губами, массивными челюстями и таким же массивным подбородком. Приблизившись почти вплотную, охотник увидел, что пастух держит между губами тростинку и перекачивает ее из одного уголка рта в другой. В глазах застыло выражение глубокой скуки.

Однако, завидев Шанкара, его взор слегка просветлел.

— Подходи, добрый путник, — приветливо помахал он рукой, — передохни от жары под сенью этого прекрасного сала, — он поднял взгляд вверх к кромке дерева, — ветерок так приятно играет его листьями. Звук их шелеста ласкает слух. Успокаивает и убаюкивает. Не правда ли?

— Что верно, то верно, — согласился охотник, спешиваясь и привязывая лошадь к салу.

— Вы издалека?

— Мохенджо-Даро, — Шанкар отстегнул флягу с водой от седла и, не без удовольствия, сел рядом с пастухом.

— Далековато, — присвистнул тот, — просто путешествуете или по делу?

— По делу, — охотник отпил из фляги, а затем протянул ее пастуху.

— Нет, благодарю, — вежливо отказался он, продолжая жевать тростинку, — я нахлебался с утра на день вперед так, что жажды не испытываю.

Шанкар пожал плечами и убрал флягу. Все равно, вода в ней нагрелась и напоминала прокисшее молоко.

— И что же за дело привело к нам столичного человека?

— Сарасвати.

— А-а-а, — протянул пастух и выплюнул тростинку, — понимаю.

— Что с рекой? — задал вопрос в лоб Шанкар.

Пастух пожал плечами:

— Не знаю, это вам глава деревни пусть расскажет. Ему-то лучше знать. Я ведь в речных вопросах ничего не смыслю. Но скажу так, добрый путник, — он почесал затылок, — последнее время староста ходит какой-то озабоченный.

— Озабоченный? — переспросил охотник.

Пастух кивнул:

— Хмурый, как небо в пасмурную погоду, только не плачет. Ни с кем не разговаривает, кроме гонцов, что он посылал на север к верховьям Сарасвати.

— А что там, в верховьях? — поинтересовался Шанкар, чувствуя, что эта информация крайне важна.

— А шер его знает, — пастух отломил новую тростинку и сунул ее в рот, — нам, простым смертным, он в последнее время ничего не докладывает.

— Понятно, — протянул охотник, про себя решив переговорить со старшим на деревне.

— Угу, — буркнул пастух и тупо уставился на овец.

Только сейчас Шанкар осознал, что пастух произнес незнакомое ему слово и спросил:

— А что такое шер?

Тот отвлекся от созерцания кудрявых барашков и непонимающе воззрился на охотника.

Кажется, на мгновение, он потерял нить разговора:

— А?

— Вы сказали «шер». Что это значит?

— А-а-а, — протянул пастух, — вы про это, — он снова почесал затылок, а затем

осмотрел пальцы, будто намереваясь увидеть там блох, — гостил у нас как-то один странник. Шел он откуда-то с запада, — пастух небрежно махнул в ту сторону рукой, — и вот, за обедом, я спросил, не повстречался ли у него на пути синха? Я еще помню, что тот посмотрел на меня тогда, словно на идиота... Я ведь не похож на идиота?

— Нет, — заверил его Шанкар, однако, когда пастух вновь зачесал с тупым видом затылок, слегка усомнился в праведности своих слов.

— Ну вот, тот мужчина спросил, о каком таком синха я говорю. Пришлось объяснять, что, мол, зверюга такая. Полосатая, клыкастая, усатая и рычит постоянно, — пастух попытался изобразить рык синха, но получился лишь жалкий хрип, который рассмешил бы даже котенка. Кроме того, он чуть не проглотил тростинку. Раздраженно выплюнув ее, пастух продолжил. — Ну, странник понял, о ком я толкую, и сказал, что у него на родине, в Парсусе[1], таких зверей называют шер, — тут пастух пожал плечами, — мне показалось сие название более звучным, чем привычное синха.

— Хм, — безразлично хмыкнул Шанкар.

Монотонный рассказ пастуха, вкупе с убаюкивающим шелестом листьев и сильной жарой, навели на него дремоту. Глаза начали слипаться сами собой, но он усилием воли сумел прогнать сонливость.

— Вот так, — закончил свой рассказ пастух и опять уставился на овец.

Окончательно победив сон, охотник спросил:

— Что происходит с лугами?

— А?

— С лугами, — терпеливо повторил Шанкар.

Пастух перевел взгляд в указанном направлении:

— А че с ними не так?

Охотник вскинул брови:

— Разве не видно? Земля высохла и потрескалась. Трава поредела и приобрела желтый оттенок, — он взял из-под ног в ладонь ком земли и демонстративно надавил — тот тут же рассыпался на мелкие крошки, словно зола из очага. Подхваченные ветром, они разнеслись по округе.

— Не знаю, — вновь зачесал затылок пастух, — вы лучше у главы спросите, он...

— Разбирается в этих вопросах лучше, чем вы, — закончил за него Шанкар.

— В-о-о-о, — он поднял указательный палец вверх, — правильно мыслите.

— Вы меняете места выгона?

Пастух тупо уставился на него:

— Нет, а зачем?

Шанкар едва сумел сдержать стон:

— И сколько лет вы пасете здесь овец?

— Я не помню, — пастух опять полез пальцами на затылок.

Понимая, что больше ничего от него не добьется, Шанкар поднялся. Как бы хорошо ни было сидеть под салом, но нужно продолжать путь. Да и компания пастуха начинала его утомлять.

— Уезжаете? — спросил тот.

— Да, мне пора, — бросил охотник, отвязывая кобылу и вскакивая в седло.

— Жаль, — сказал пастух. В его тоне было ровно столько жалости, сколько испытывает женщина к таракану на кухне.

— Доброго вам дня, — вежливо попрощался Шанкар, выезжая на дорогу под палящие лучи солнца.

— И вам того же, — бросил ему в след пастух, глаза которого вновь приняли отсутствующее выражение.

Вскоре Шанкар оставил за своей спиной луга для выпаса скота. Впереди начинались поля с засеянными злаками и первые оросительные каналы. На горизонте показалась ближайшая деревня. Работников на полях оказалось меньше обычного. Видимо, большинство из них пережидали жаркое время суток под крышами своих жилищ.

Обливаясь потом и, то и дело, прикладываясь к фляге, Шанкар мечтал поскорее оказаться в прохладном месте.

Поселение представляло собой небольшую деревушку с двумя параллельными улицами, окруженную со всех сторон полями, которые покрывала сеть оросительных каналов. Река Сарасвати находилась немного восточнее, примерно в полчасе езды верхом. Дом главы располагался на невысоком пригорке южнее остальных хижин. Это было двухэтажное здание из необожженного сырцового кирпича.

Не долго думая, Шанкар направил кобылу в сторону жилища старосты, в уме предвкушая прохладное омовение и отдых за кувшином свежей воды. О том недоразумении, что осталось болтаться во фляге, охотник и думать не желал.

Распугав по пути ватагу загорелых до черна детей, которые в изумлении уставились на его лук за спиной и копье, прикрепленное к седлу, Шанкар остановил кобылу возле массивной деревянной двери и спешил. Животное издало фырк облегчения и мотнула головой. Потрепав лошадь по загривку, охотник решительно и громко постучал.

По ту сторону послышались шаркающие шаги и скрип отодвигаемого засова. Дверь слегка приоткрылась, и на пороге показался худой щуплый старик, подслеповато щурящий серые глаза из-под густых седых бровей, сросшихся на переносице орлиного носа.

— Что вам угодно? — прохрипел он скрипучим голосом.

— Мне нужно видеть главу деревни, — ответил Шанкар.

— По какому поводу?

— Насчет Сарасвати.

Лоб старика пробороздили морщины:

— А вы, собственно, кто будете?

— Шанкар. Охотник из Мохенджо-Даро, — он вытер пот со лба и мысленно попросил Богиню-мать, дабы та вразумила старику впустить его внутрь как можно скорее.

— А, вы, наверное, тот благородный охотник, которого хотел к нам прислать Его Светлость, да хранит его здоровье Богиня-мать, — догадался старик.

— Совершенно верно, — Шанкар моргнул, дабы сбросить с глаз соленые капельки пота.

— Входите, — старик распахнул дверь и отошел в сторону, пропуская его внутрь.

Очувтившись в прохладном сумраке комнаты привратника, Шанкар испытал настоящее облегчение.

— Можете оставить свои палки здесь, — прошамкал старик.

«Палки?».

Однако охотник спорить не стал, а спокойно снял со спины лук, отстегнул кинжал от пояса и поставил свое добро в углу, на который показал скрюченным пальцем привратник. Копье осталось снаружи, прикрепленное к седлу лошади.

— Я провожу вас до ванной комнаты, — старик зашлепал вперед босыми ногами, —

смоете дорожную пыль, расслабитесь, а затем пройдете в гостиную. Староста примет вас там.

Шанкар устало пожал плечами и, молча, пошел следом. Зайдя в комнату слева, они оказались в квадратном помещении с местами для омовений. Возле каждого стояли по одной кадке и кувшину с водой.

— Полотенце на крючке за дверью, — пробубнил старик и скрылся за порогом.

Шанкар подошел к одному из небольших возвышений и потрогал руками сосуды. В кадке была холодная вода, в кувшине — горячая. Видимо, ею при необходимости разбавляли ледяную. С презрительной усмешкой на губах, Шанкар отодвинул подальше кувшин и, сняв насквозь пропитанную потом рубаху и набедренную повязку, окатил себя холодной водой. Издав блаженный вздох, он вытерся полотенцем и вновь нацепил набедренную повязку, однако рубаху одевать не стал. Вместо этого, он замочил ее в другой кадке, выжал и повесил на крючок поверх полотенца.

«Полагаю, хозяин не будет против. Я ведь, все-таки, почетный гость, как-никак».

Уверенно кивнув своим мыслям, Шанкар вышел из ванной комнаты в коридор, где его поджидал привратник.

Казалось, старика ничуть не смутила почти полная нагота охотника:

— Готовы? Тогда идемте в гостиную.

Они прошли несколько шагов по коридору, а потом свернули в комнату справа. Прямоугольное помещение оказалось скромно обставленным. Глиняный пол устилал простой шерстяной ковер серого цвета. Из круглого отверстия в потолке проникал солнечный свет, падая лучами на низкий квадратный столик, на поверхности которого виднелись пара терракотовых кувшинов без росписи, два глиняных стакана и тарелка с пшеничными лепешками. Два плетеных тростниковых стула довершали скудный интерьер.

— Садитесь. Господин Нараян сейчас спустится.

Шанкар, не заставляя упрашивать себя дважды, последовал приглашению и уселся на один из стульев, тут же потянувшись к одному из кувшинов, не обращая внимания на привратника, который, к тому времени, тихо удалился. В сосуде оказалась вода. Холодная. Налив полный стакан, охотник быстро осушил его большими глотками, а затем снова заполнил его до краев и повторил. Почувствовав, как живительная влага растекается по организму, Шанкар откинулся на спинку стула и стал ждать. В животе сильно урчало, как от раскатов грома приближающейся грозы. Но охотник не спешил отведать пшеничных лепешек. Будет не слишком вежливо, если хозяин дома застанет его с набитым ртом.

Благо ждать пришлось недолго.

Вскоре в коридоре послышались неуверенные грузные шаги. Человек периодически бубнил себе что-то под нос. Наконец, он показался в проеме, и перед охотником предстала фигура главы деревни. Короткие песочного цвета волосы, тронутые на висках сединой. Озабоченный взгляд из-под нахмуренных густых бровей. Орлиный нос, на котором вздулись вены и полопались сосуды, из-за чего он покраснел, словно красноперый луциан[2]. Худощавое, но жилистое тело, прикрытое длинной белоснежной рубахой с подолом до колен и вырезом на левом плече. Одного быстрого взгляда охотнику оказалось достаточно, дабы определить — глава деревни пьян и, судя по всему, не просыхает уже пару дней.

— Явились? — проворочал тот заплетающимся языком.

— Рад встрече, староста Нараян, — холодно поприветствовал хозяина дома Шанкар. Вид главы вызывал у него легкую неприязнь, которую он постарался скрыть.

— А уж я-то как рад, — язвительно произнес Нараян, скорчив гримасу обезьяны и, шатаясь, входя в комнату, — что смогу, наконец, снять груз проблем со своих плеч и взвалить их на кого-нибудь другого, — трясущейся рукой он ухватился за спинку стула напротив и, крякнув, плюхнулся на сиденье.

«Еще один, — подумал Шанкар, — сначала Девадат решил свалить на меня свои проблемы, теперь этот. Только почему ими должен заниматься я?».

Тростниковое плетение закрипело под ним от такой неслыханной наглости. Не обращая на эти звуки абсолютно никакого внимания, глава деревни вцепился тонкими пальцами в другой кувшин с такой силой, будто от его содержимого зависела вся его жизнь. Трясущимися руками он наполнил стакан. Как Нараян ни пытался, часть вина пролилась на поверхность стола под недовольный бубнеж его хозяина. Да, во втором сосуде оказалось именно вино. А вода в первом, очевидно, предназначалась для разбавки. Но староста даже не помышлял об этом.

— Не переусердствуйте с вином, — сказал Шанкар.

— Обойдусь без ваших советов, — огрызнулся тот.

Расплескав часть содержимого, и оставив пару багровых пятен на рубахе, Нараян залпом осушил стакан и вновь начал его заполнять.

Разумно предположив, что обмен любезностями закончен, охотник перешел к делу:

— Что с рекой?

— Понятия не имею, — глава деревни рыгнул.

Шанкар резко нахмурил брови:

— Это шутка какая-то?

— Разве я похож на шутника? — ответил вопросом на вопрос Нараян, беря в руку наполненный стакан.

— Нет, — покачал головой охотник, скрещивая руки на груди и оглядывая старосту уже с нескрываемым презрением.

— То-то же.

— Вы похожи на подзаборного пьяницу.

Рука со стаканом застыла, так и не дойдя до губ Нараяна. Даже пальцы перестали трястись. Лицо старосты приобрело малиновый оттенок, сливаясь в единый цвет с орлиным носом, а взгляд пытался буквально испепелить охотника, сидевшего напротив. Но Шанкар оставался непроницаем. С уст Нараяна уже готово было сорваться грязное ругательство, однако остатки трезвого разума вынудили его не произносить их в адрес жреческого посланника. Рот главы деревни беззвучно открылся и захлопнулся. Как у рыбы.

— Так что с рекой? — повторил охотник.

— Если бы я знал, то не стал бы посылать в столицу за помощью, — проворчал Нараян, осушая-таки стакан и, едва не промахиваясь, ставя его на стол.

— Но что-то заставило вас послать за мной, — нетерпеливо надавил Шанкар.

Около минуты Нараян просто сидел, уставившись затуманенным взором в пол. Краснота постепенно сходила с его лица, кроме носа.

Наконец, он выдавил:

— Мелеет.

— Мелеет?

— Да.

— Когда начала?

— Около полугода назад, — насутился глава деревни.

— И вы послали за мной только сейчас?! — едва сдерживая гнев, возмутился охотник.

— Я не разбираюсь в реках, синха тебя раздери! — сорвался на крик Нараян.

Шанкар и бровью не повел:

— Как быстро Сарасвати теряет воду?

— Она отступает от берега более, чем на десять локтей в месяц, — глава деревни шмыгнул носом и, наконец, перевел взгляд на охотника, — нам приходится с удвоенной силой накачивать воду в каналы. Ее пока хватает, но силы людей на исходе. Мы не привыкли к таким нагрузкам.

Шанкару было жаль сельчан, но не их старосту.

— Есть предположения, касаясь причин обмеления?

— Нет, — он опять потянулся к кувшину.

— И поэтому вы решили упиться вусмерть?

— Не твое дело, — на этот раз Нараян не удержал стакан, и тот выпал из его, ходивших ходуном, пальцев. С гулким звуком он ударился о шерстяной ковер, разливая содержимое по полу. Издалека проступившие пятна напоминали кровь.

— Ошибаетесь, — с трудом сохраняя самообладание, охотник подался вперед, — теперь это *мое* дело. И в ваших же интересах способствовать мне в поисках решения проблемы. Если, конечно, не хотите оказаться в тюрьме Цитадели.

Нараян злобно стрельнул глазами, но ничего не ответил, продолжая, покачиваться на стуле. Вывать к его совести и благоразумию было бессмысленно. Староста так сильно напился, что готов был рухнуть на пол в любой момент.

Шанкар откинулся на спинку стула:

— Поэтому я повторяю свой вопрос — есть предположения по поводу причин обмеления реки?

— Нет, — выплюнул Нараян.

— Зачем вы посылали гонцов к верховьям реки?

Нараян вздрогнул и тупо уставился на охотника:

— Какая макака вам это наплела?

— Отвечайте на вопрос!

— Проверить, как там наши лесорубы поживают, — пролепетал он, — от них что-то давно не было известий.

Лицо Шанкара побелело, как сахар:

— В верховьях Сарасвати ведется вырубка леса?

— Нет, они просто погулять ушли, — огрызнулся Нараян.

«И здесь тоже самое, что и на Синдху. Но с какой целью?»

Пропуская мимо ушей словесный выпад главы деревни, Шанкар спросил:

— Для чего потребовалось вырубать лес?

Почти онемевшим языком Нараян пролепетал:

— Для строительства нового поселения. Нужно расчистить территорию под дома, каналы, огороды, — он взмахнул рукой, — все дела.

Глаза Шанкара сузились:

— И какие вести принесли вам гонцы?

— Никаких.

— То есть?

— Они до сих пор не вернулись, — с выражением упрямого быка, Нараян взглянул на охотника.

Шанкар устало вздохнул:

— Ясно. Похоже, от вас сейчас больше ничего не добиться. Я займусь поиском решения, но сперва отдохну. У вас ведь найдется отдельная комната?

— Абхе! — заорал во все горло глава деревни.

В коридоре послышались тихие шаги. Шанкар ожидал снова увидеть старого привратника, однако на зов Нараяна явился вовсе не он.

В проеме показалась невысокая девица с распущенными волнистыми и черными, как смоль, волосами, ниспадавшими ей прямо на плечи. Шанкар подметил про себя, что девушка имеет точно такой же орлиный нос, как и хозяин дома, только без красных сосудов. Скользнув взглядом вниз, охотник увидел, что она обнажена по пояс. Маленькие груди выпирали вперед, словно два бугорка, а пурпурная юбка плотно облегла бедра и стройные ноги. Девица с интересом наблюдала за происходящим, изящно прислонившись к косяку и наматывая волосы на указательный палец левой руки.

— Отведи почтенного посланника жрецов в комнату для гостей, — пробубнил Нараян.

— Как скажешь, отец, — хриплым голосом ответила она.

«Отец? Выходит, мне не показалось».

Игривым жестом Абхе поманила охотника за собой. Тот встал, при этом забирая со стола кувшин с вином и тарелку пшеничных лепешек. Нараян неуверенно попытался его остановить, но все, что у главы деревни получилось, так это раскачать стул и грохнуться вместе с ним на глиняный пол.

Шанкар презрительно смотрел на него сверху вниз:

— Я оставлю вам кувшин с водой. Говорят, при похмелье она крайне необходима. Советую протрезветь как можно скорее, иначе вам не поздоровиться.

Нараян злобно промычал нечто нечленораздельное и попытался подняться. Охотник потерял к нему всякий интерес. Через мгновение он уже поднимался по лестнице следом за Абхе, невольно следя за движением ее округлых бедер под юбкой.

— Ваш отец всегда так пьет?

— Только последнюю неделю, — бросила та через плечо, поднимаясь на второй этаж и идя по узкому коридору, освещенному лучами солнца из окна на лестничном пролете.

— Мне повезло, — буркнул Шанкар себе под нос.

— О, вам может повезти еще больше, — сладко проворковала Абхе, открывая первую левую дверь, — вот ваша комната, господин...

— Шанкар.

— Красивое имя, — прошептала она, стоя в проеме.

Он почувствовал, как сердце в груди начало стучать чуть быстрее, поэтому поспешил отвести взгляд и вошел в помещение.

Это оказалась небольшая комната с ровными углами и арочным окном, выходящим на деревенскую улицу. Справа стояла обычная деревянная кровать на низких ножках и прикроватная тумба. Поставив кувшин с тарелкой на нее, Шанкар подошел к окну и мельком глянул наружу. Его кобыла по-прежнему переминалась возле входа в жилище Нараяна под палящими лучами послеобеденного солнца. Никто так и не удосужился отвести усталое животное на конюшню. Чуть поодаль местная детвора продолжала резвиться в придорожной пыли и уничтожать палками орды лопухов. Местные жители, переждав полдень, выходили

из глиняных хижин, собираясь вернуться к работе на каналах.

— Вам нужно что-нибудь еще? — услышал он позади себя томный голос Абхе.

— Да. Отведите мою лошадь в конюшни.

— Я передам привратнику. Еще что-нибудь?

Он отвернулся от окна. Абхе продолжала стоять в дверном проеме, прислонившись к косяку. Ее пухлые губы были слегка приоткрыты.

— Больше ничего. Я хочу отдохнуть с дороги.

— О, я знаю толк в отдыхе, — Абхе загадочно улыбнулась, — могу помочь расслабиться.

Шанкар медленно приблизился к ней. В ее глазах он заметил страстный огонь. В какой-то момент охотник уже был готов дать свое согласие на столь манящее предложение, но в следующую секунду перед его невидимым взором предстала Нилам. С ее длинной черной косой и огромными, словно два сапфира, глазами. Возникшее, было, желание мгновенно улетучилось.

— Нет, благодарю, — холодно ответил Шанкар и захлопнул дверь прямо перед ее носом.

Улегшись на кровать, предварительно запихнув в рот пшеничную лепешку, охотник задумчиво уставился в гладкий глиняный потолок. С улицы доносился веселый ребяческий смех.

«Ну и деревня. Пастух идиот, староста пьяница и его дочь... его дочь... та еще...».

Он не смог подобрать подходящего слова.

Громко вздохнув, охотник закрыл глаза и быстро погрузился в крепкий сон. Усталость с дороги дала о себе знать.

[1] Парсус — Древняя Персия (Иран).

[2] Красноперый луциан — вид лучеперых рыб из семейства луциановых (окунеобразные). Распространены в западной части Индийского океана.

С лицом мрачнее тучи Анил угрюмо вышагивал по грунтовой дороге, ведущей из Мохенджо-Даро на север. Ноги твердо ступали по земле, то и дело норовя перейти с быстрого шага на бег, но он удерживал себя, чтобы экономить силы. К тому же, лесорубу требовалось время, дабы еще раз все обдумать и собраться с мыслями, а также попытаться хоть немного унять бушующий пожар в своей душе. Именно поэтому Анил миновал поворот на просеку и стал двигаться дальше в сторону лагеря лесорубов. Чтобы выиграть еще немного времени. К тому же, он оставил в палатке бронзовый топор с выбитым на лезвии серебряным узором в виде цветка лотоса. Как бы ни было противно ему это орудие труда, Анил должен был забрать его. Не зубами же грызть деревья, в конце концов? Топор был подарком жены, на который ушло почти все ее состояние, когда он только подался в лесорубы зеленым юнцом. В отличие от многих других, подобных ему, топор Анила был изготовлен из особо прочных кусков бронзы, что только добавляло тому ценности. И осознание сего факта мучило Анила не менее сильно, чем все остальные переживания.

«Я бросил его здесь, в лагере, несмотря на то, что он является дорогим подарком жены, моей, горячо любимой, Мины. А ведь она даже и слова не сказала, касаясь топора, когда я сбежал домой с просеки. Я хочу избавиться от этого ненавистного предмета, но не могу... что скажет Мина?».

Лагерь оказался пуст, но Анила это совсем не смутило. Он даже обрадовался такому повороту событий. По крайней мере, лесоруб отсрочил, хоть и ненадолго, тот момент, когда его товарищи по работе начнут тыкать в него пальцем, будто в прокаженного. Насмехаться над слабостью духа. Городской паренек не годится для жизни среди джунглей. Анил горько усмехнулся своим мыслям и зашел в палатку, в душе надеясь, что лесорубы давно украли его топор и пропили вырученные деньги. Однако надеждам сбыться было не суждено. Он остался лежать в том самом месте, где он его оставил. Возле старой потрепанной циновки, служившей лесорубу постелью. Шумно втянув воздух, Анил ухватился за черенок и поднял орудие. Иногда ему даже казалось, что топор обжигает ладонь. Словно он состоит не из дерева, а раскаленной стали.

Не произнося ни слова, лесоруб покинул палатку и направился в сторону просеки. Лезвие ярко сверкало в лучах солнца.

«Только ради Нирупамы. Я делаю это только ради Нирупамы... да простит меня Богиня-мать».

Сия мысль не принесла душевного покоя, но немного смягчила внутренние метания Анила. Он все еще осознавал, что у него был выбор. Имелась возможность не возвращаться сюда, на ненавистную просеку и не брать снова в руки пресловутый топор. Он мог пойти работать уборщиком улиц. Подметать по ночам опавшие листья и убирать за нерадивыми жильцами, предпочитающими выливать кухонные отбросы через окно, вместо того, чтобы спускать их в канализацию. А днем стал бы подрабатывать на свиноферме Панишвара. Тогда денег хватило бы на троих.

«И надо мной потешались бы все знакомые. Лесоруб, опустившийся до рабского труда. Грязный, никчемный мужлан, возящийся, словно свинья, в кухонных отбросах, а днем ухаживающий за своими собратьями на ферме Панишвара».

Губы Анила задрожали. Ему стоило огромных усилий, дабы унять пробивший озноб.

Он уже приближался к месту вырубki леса. Впереди показались ряды плотов, доверху заваленных стволами срубленных деревьев и ожидающих отправки в Мохенджо-Даро. Лесорубов нигде не было видно. И если сей факт приносил доколе облегчение, то сейчас заставил слегка насторожиться.

«Они там что, устроили привал в лесу? Ну, так я сейчас присоединюсь. Возвращение блудного сына!».

Не глядя на реку, Анил миновал подготовленные плоты и вступил на узкую тропинку, ведущую через джунгли в сторону просеки. Опавшая листва и сухие сучки хрустели у него под ногами. Шмыгая носом и глубоко дыша ртом, Анил продвигался вперед, периодически уворачиваясь от свисающих веток и лиан. Время от времени он посматривал на деревья, не скрывается ли в листьях удав, готовый наброситься на шею и скрутить, ломая позвонки. Но путь оказался чист.

Однако перед самым выходом на полянку Анил так резко остановился, что едва не зацепился за торчащий из-под земли корень, чудом не растянувшись на влажной земле. Глаза лесоруба округлились и готовы были вылезти из орбит. В них засквозил страх, постепенно охватывающий все нутро. Руки задрожали, словно тонкий ствол деревца на штормовом ветру. Анил едва не выронил топор из ослабевших ладоней. Ноги подкосились, будто мышцы и кости в них моментально заменили на пух. Дыхание, и без того учащенное от долгой прогулки, усилилось, а предательски холодная испарина выступила по всему телу.

В нескольких шагах впереди распростерлись три тела. Одно из них оказалось буквально изрублено на куски, как свинья на бойне. Море засохшей крови обрамляло ужасающую картину. Не совсем соображая, что делает, Анил на ватных ногах приблизился к телам. Одного из погибших он узнал сразу. Абхай. Здоровый деревенский детина. На его лице застыла маска неопишeмого ужаса. На губах виднелись кусочки зеленоватой массы, будто того вырвало незадолго перед смертью. Из тела в районе правой ключицы торчал окровавленный топор. Двух других опознать Анилу не удалось. Тела лесорубов оказались настолько изуродованы, что бессмысленно было предполагать, кто есть кто.

Силы окончательно покинули Анилу. Он рухнул на колени прямо в лужу запекшейся крови. Рассудок, и без того испытывающий серьезную нагрузку внутренними метаниями, дал трещину. Чувствуя, что вот-вот потеряет контроль над собой, Анил собрался было подняться, но тут услышал над головой тихий, но весьма отчетливый шепот.

— Уд-а-а-а-а-рь.

Лесоруб вздрогнул и поднял взгляд вверх.

Ветер шумел в кронах деревьев, заставляя колыхаться многочисленную листву и отбрасывать на землю причудливые тени. Ветви извивались под напором воздуха, создавая рокот, словно морской прибой. Естественная картина леса... но такая жуткая и пугающая в этот момент. Кроме этого шума, подобного огромным волнам, до Анилу не доносилось ни единого звука. И тем более страшным получался этот образ. Застывшие, изуродованные тела в луже собственной крови... и ветер, завывающий в кромках деревьев. Лесоруб опустил взгляд обратно... на лежавшие рядом трупы... и в этот момент вновь услышал шепот. Только на этот раз Анил уже не мог поручиться за то, что не слышит его в своей голове.

— Уд-а-а-а-а-рь.

Руки инстинктивно сжали рукоятку топора так, что костяшки побелели. Сердце затрепыхалось в груди. Анил ощущал неопишeмый страх, хотя казалось, дальше уже некуда, самое жуткое в своей жизни он увидел. Но что-то подпитывало его ужас. А источник он

разглядеть не мог. В голове стала крутиться навязчивая идея. Идея о том, что он должен опустить. Опустить лезвие своего топора с серебряным лотосом в бездыханное тело Абхая.

— Уд-а-а-а-а-рь, — прошелестел ветер в кромках деревьев над ним.

«Что я делаю? Богиня-мать, что я делаю?!!».

Остатки здравого рассудка отчаянно сопротивлялись, но, в конце концов, потерпели поражение. Топор с силой вошел в бездыханное тело, издавая отвратительный чавкающий звук. Небольшой фонтанчик крови, той, что еще сохранилась в теле, брызнул из проломленной грудной клетки, окропляя лицо лесоруба. Анил, трясущимися руками, выдернул лезвие из рубленой раны. Перед глазами все плыло, а из горла норовил вырваться безумный крик.

Вновь зашелестели листья у него над головой:

— Х-а-а-а-а.

В этот момент разум, давший трещину, раскололся на множество осколков, словно упавший терракотовый сосуд. Взвыв, подобно стае голодных шакалов, Анил вскочил на ноги и, крепко сжимая в руке окровавленный топор, помчался сквозь джунгли, не разбирая дороги.

Ветки хлестали его по лицу. Ноги постоянно спотыкались о корни и сухие сучки.

А ветер шумел над его головой в верхушках деревьев. И в этом шуме он слышал смех. Тихий злорадный смех.

***

Даже сквозь сон обостренные чувства охотника подсказали ему, что в комнате кто-то есть. Еще до того, как Шанкар открыл глаза, его рука непроизвольно легла на пояс... и только потом он вспомнил, что оставил кинжал у входа в дом... в помещении привратника.

«Весьма неосмотрительно с моей стороны».

Шанкар открыл глаза.

Неподалеку от изголовья, на краешке кровати сидела Абхе, скрестив стройные ноги и покачивая ступней. На ней была все та же облегающая пурпурная юбка, составляющая единственный элемент ее гардероба. Внимательные черные глаза с интересом рассматривали лежащего охотника.

— Что тебе нужно? — спросонья вопрос прозвучал несколько грубо.

— Почему? — в ее хриплом голосе не слышалось и капли обиды.

— О чем ты? — уточнил охотник, хотя догадывался, касаясь чего она завела разговор.

«И давно она тут сидит?».

— Еще ни один мужчина не закрывал дверь перед моим носом, — она продолжала вальяжно покачивать ступней.

— Все бывает в первый раз, — усмехнулся он, заводя руки под голову.

— Я тебе не нравлюсь?

Шанкар не хотел отвечать, ибо прекрасно знал ответ. Но легче от этого не становилось. Скорее наоборот.

Абхе притягивала к себе, источая неопишемую животную страсть. Нилам же была совершенной противоположностью. Девушка из публичного дома Мохенджо-Даро приносила внутренне умиротворение. Но Нилам была далеко, за тысячи локтей отсюда, а Абхе находилась на расстоянии вытянутой руки, чем только усиливала искушение.

— Нравишься, — выдавил он из себя.

— Так в чем же дело? — она казалась заинтригованной.

— Есть другая.

Абхе фыркнула:

— Так она не узнает. Твоя жена?

— Нет, мы не женаты.

— Тем более! — она тряхнула волосами и облокотилась на правую руку.

Шанкар чувствовал, что вот-вот не сможет противиться естественным желаниям, и Абхе прекрасно читала смену настроения по его лицу. На пухлых губах дочери старосты заиграла кокетливая улыбка. Вновь всплывший перед внутренним взором образ Нилам уже не так категорично загораживал собой вид на очаровательную в своей животной красоте Абхе.

«Спасение» пришло с совершенно неожиданной стороны.

На весь дом раздался громогласный рев Нараяна:

— Абхе! Тащи сюда свою тощую задницу!

Девушка состригла гримасу сожаления на красивом личике:

— Как не вовремя, — она поднялась, — никуда не уходи, я скоро вернусь.

В глазах Шанкара появилось озорное выражение. Как только дверь за ней затворилась, он вскочил с кровати и подошел к окну, выглянув наружу.

Сельчане продолжали работать в поле. Тени существенно удлинились, предвещая скорое наступление вечера. Оценив расстояние до земли, охотник ловко перемахнул через подоконник и повис на вытянутых руках.

«Если приземлиться на полусогнутых, то все будет в порядке».

Разжав пальцы и выпустив опору, Шанкар с глухим звуком приземлился на землю, тут же совершив кувырок вперед. Ступни слегка засадило, но охотник не испытал даже легкого ушиба. Резво вскочив на ноги и отряхнув грязь с ладоней, он дернул за ручку входной двери. Та не поддавалась, и Шанкару пришлось постучать. Вновь, как и с утра, по ту сторону слышались шаркающие шаги, а затем скрип отодвигаемого засова. Сказать, что старик-привратник был удивлен, увидев на пороге почетного гостя, который должен был в это время потчевать на втором этаже, значит, ничего не казать. Нижняя челюсть отвисла, обнажая беззубый рот, а правая бровь взметнулась ко лбу с немыслимой скоростью.

Шанкар ослепительно улыбнулся:

— Добрый вечер.

— А-а, вы... — промямлил привратник.

— Лошадь мне подайте, — все еще улыбаясь, продолжил охотник, протискиваясь мимо ошарашенного слуги, — а я пока заберу одежду и снаряжение.

— Да, господин, — сиплым шепотом произнес старик.

Дотронувшись до двери ванной комнаты, Шанкар обернулся.

Теперь его улыбка уже была не такой лучезарной:

— И скажите господину Нараяну, что ему придется меня сопровождать. Это в его же интересах.

Войдя в комнату для омовения, охотник подошел к крючку, на котором оставил сушиться рубаху и потрогал ее за края. Одежда оставалась влажной, но это несколько его не смутило. В такую жару сырая рубаха станет приятно холодить кожу, да и высохнет в ближайший час. Облачившись, Шанкар покинул ванную комнату и вернулся в помещение

привратника. Тот отсутствовал, по всей видимости, отправившись докладывать своему хозяину о воле жреческого посланника. Распрямив складки на животе, охотник повесил лук на спину и прикрепил длинный кинжал к пояснице. Закончив все приготовления, он толкнул массивную дверь и вышел на улицу. Как раз в этот самый момент из-за угла дома появилась его лошадь. Увидев, кто ведет животное под уздцы, Шанкар с трудом подавил ироничный смешок.

Поравнявшись с ним, Абхе вручила ему вожжи. На ее лице играла все та же кокетливая ухмылка.

— Красивая кобыла, — подметила она, скрещивая руки на обнаженной груди.

— Да, ты тоже, — бросил охотник, вскакывая в седло.

Та прыснула со смеху:

— Не думай, что отделаешься от меня так легко.

«Богиня-мать, спаси меня!».

— Я и не думаю, — внезапно в его голове созрела одна идея, — приходи ко мне сегодня вечером.

Глаза Абхе вспыхнули:

— Созрел, наконец?

— Для разговора.

Она хмыкнула и уперла руки в бока:

— Одним разговором дело не закончится.

— Увидим, — коротко сказал Шанкар, проверяя, на месте ли копьё.

Внимательно следившая за его действиями Абхе, поинтересовалась:

— Научишь им управляться?

Охотник бросил беглый взгляд на девушку:

— Я думал, ты искусница в плане обращения с копьями, — на последнем слове он сделал особое ударение, но это ничуть не смутило дочь Нараяна, лишь подбросило дров в огонь.

Ответить Абхе не успела, ибо на пороге появился ее отец. Нараян не выглядел трезвым, его едва заметно пошатывало, но в целом было лучше, чем несколько часов назад. Поверх белоснежной рубахи он накинул походный плащ из козьей шерсти.

— Коня! — рявкнул староста.

— Слушаюсь, отец, — проворковала Абхе, направляясь в сторону конюшни, нарочито виляя бедрами.

— Шевелись! — гаркнул ей вдогонку Нараян, обхватывая лоб пятерней.

— Голова болит? — учтиво поинтересовался Шанкар. — Выпили воду, что я оставил?

— Воду, что вы оставили, — злобно повторил Нараян, — мою воду, что *вы* мне оставили в моем же доме.

— Так выпили или нет? — не обращая внимания на его тон, переспросил охотник.

— Да, — буркнул тот.

— Прекрасно, ибо ближайший час вам придется провести в седле. Не очень хочется, чтобы вы словили солнечный удар и упали с лошади, сломав шею.

Нараян насупился, но ничего не ответил.

Тем временем снова показалась Абхе, на этот раз ведя под уздцы рыжего скакуна, чуть более упитанного, нежели лошадь Шанкара, и с мощными копытами. Грубо вырвав из ее рук вожжи, глава деревни вскочил, точнее, вполз в седло.

— Куда едем? — угрюмо спросил он.

Шанкар удивленно воззрился на него:

— К Сарасвати, куда же еще? Протрезвейте, наконец.

— Я-то вам зачем?

— За компанию. А также для того, чтобы прояснить некоторые вопросы.

Нараян снова потер лоб рукой:

— А мы не можем прояснить их дома?

— Исключено.

Староста издал злобный и досадный рык.

— Не станем терять время, — сказал охотник, — я не намереваюсь проводить разведку

в темноте.

— Абхе! — крикнул Нараян.

— Я здесь, и незачем так орать, я не глухая.

Его дочь с ехидной ухмылкой наблюдала за происходящим, скрестив руки на груди и прислонившись спиной к стене дома.

— Приготовь ужин к моему приезду. Свинину с бобами.

— А винца не надо?

— Давненько я тебя не порол, — процедил сквозь зубы Нараян, выезжая на тропинку, ведущую от дома в деревню.

— Зато я уже давненько превратилась в кухарку, — шепотом парировала она, но ее услышал только Шанкар, которому Абхе послала воздушный поцелуй.

Улыбнувшись уголками губ, охотник развернул свою кобылу и отправился следом за главой деревни.

Когда они выехали за пределы поселения, солнце уже клонилось к закату, наполняя окрестности оранжевым сиянием. Грунтовая дорога, ведущая на восток к реке, проходила меж полей, засеянных злаками, над которыми трудились немногочисленные поселенцы. К своему неудовлетворению, Шанкар подметил, что земля, несмотря на оросительные системы, выглядит суше обычного. Нараян ехал справа, сохраняя гробовое молчание. Лицо его покрылось легкой испариной, зато теперь он выглядел абсолютно трезвым. Выдавал только хмельной блеск в глазах, да перегар изо рта.

— Давно вы староста? — спросил Шанкар.

— Лет десять, — коротко буркнул тот.

— За эти годы когда-нибудь менялось место выпаса скота?

— Нет.

— Вы же знаете, что это неприемлемо.

Нараян не ответил, отвернувшись в сторону, наблюдая за тем, как несколько женщин копошится среди бобовых растений, а бородатый мужчина подносит им ведра для полива.

— Постоянный выпас животных на одной и той же территории ведет к истощению почвы и утрате ее плодородных ресурсов.

— Я знаю.

— Знаете, но упрямо продолжаете выгон на старых лугах.

— В этом году все иначе.

— Ложь! Я встретил по дороге пастуха, осуществлявшего выпас там, где земля давно превратилась в золу, а трава обмельчала и пожухла.

— Что вы хотите от меня услышать?! — грубо бросил Нараян. — Сожаления? Признания своих ошибок?

— Было бы неплохо.

— Разумеется! — ухмыльнулся глава деревни. Какое-то время он хранил молчание, нарушаемое лишь цокотом копыт по грунту, да приглушенными голосами сельчан. — Да, я надеялся на то, что запаса плодородия хватит на более долгий срок. Видимо, просчитался.

— И вы так спокойно об этом говорите?

Нараян пожал плечами:

— После драки кулаками не машут.

— Впервые за день вы сказали нечто разумное.

— Может, сменим тему? — огрызнулся глава деревни.

— Нет, не сменим. Ведь именно по этой причине я здесь.

— Вас прислали разбираться с проблемами реки, а не почвы.

— Боюсь, эти проблемы взаимосвязаны.

Нараян удивленно посмотрел на охотника:

— Каким образом?

— Иссущение, — мрачно ответил Шанкар, — наступление пустыни.

Услышав эти слова, Нараян побледнел. Остатки хмеля мгновенно улетучились из его головы.

— Нет, не может быть!

Шанкар пожал плечами:

— Скажу более точно, когда прибудем на берег и осмотрим реку, — он взглянул спутнику прямо в глаза, — и вырубка леса в верховьях Сарасвати также может сказаться на этом.

— Как?

— Изменение русла реки, — Шанкар махнул рукой на север, Нараян тупо проследил за его жестом, — пустыня здесь, болота там.

— И все из-за кучки срубленных деревьев? — фыркнул глава поселения.

Шанкар скосил на него взгляд:

— Уверен, вы лукавите, и речь идет далеко не о кучке.

Нараян промолчал. Больше они не проронили ни слова вплоть до конца поездки.

Солнце уже склонилось к горизонту, отражаясь от гладкой поверхности реки Сарасвати. Взбудораженный плохими предчувствиями мозг Шанкара рисовал ему ужасные картины полностью высохшего русла, превратившегося в липкое и смрадное болото с примесью грязи и песка. Однако реальная ситуация оказалась далеко не такой плачевной. Да, Сарасвати обмелела, отступив на добрых полсотни локтей, обнажая каменистое дно рядом с берегом. Местами виднелись полусгнившие коряги, почерневшие от длительного пребывания в воде. Несмотря на обмеление, река оставалась достаточно полноводной, чтобы питать долину, однако охотнику не понравился горячий ветер, доносящийся с восточного берега. Словно на той стороне находились не поля со злаками, а жгучая и безжизненная пустыня. Сощурился глаза, Шанкар взглянул в противоположный берег. Тот выглядел пустым и безжизненным. Чувство надвигающейся угрозы зародилось где-то в глубине души.

— Вы знакомы с кем-нибудь из левобережных жителей? — спросил он у старосты.

— Нет, — сплюнул на прибрежный песок Нараян, — люди не часто знакомятся со мной.

Шанкар посмотрел на главу деревни:

— Прекрасно понимаю, почему. Я бы тоже сбежал от вас, не чуя ног.

— Оставьте меня в покое, — проворчал тот.

— Я вас и не трогал, — усмехнулся охотник, спешиваясь.

Нараян остался в седле, то и дело прикладывая руку ко лбу. Видимо, после выпитого вновь разболелась голова.

Аккуратно спускаясь по пологому склону, дабы не наступить на острые коряги, Шанкар подошел к самой кромке воды и внимательно осмотрел реку. Если три года назад Сарасвати запомнилась ему практически идеально чистой, то сейчас этого о ней говорить не приходилось. В течении то и дело мелькали частички мусора в виде полусгнивших кусков дерева. Песка намывало больше обычного. И водоросли. Очень много водорослей, словно где-то в истоках реки располагалось настоящее болото. Шанкар закусил нижнюю губу и задумался. Увиденное не внушало ему никаких надежд на светлое будущее. Оставалось отправиться на север и узнать, что натворили лесорубы. Быть может, притоки Сарасвати уже изменили течение? С крайне задумчивым видом, охотник вернулся к Нараяну, судя по виду которого, тому не терпелось поскорее закончить эту, невыносимо утомительную для него, конную прогулку.

— На рассвете отправляемся на север, к месту вырубки леса, — произнес Шанкар, стряхивая песок с сандалий.

— Без меня, — сказал, как отрезал, Нараян.

— Вот как? — охотник вскочил в седло. — Чем обусловлен ваш отказ?

— У меня много забот.

— Придется отложить попойку на другой день, а больше вы, судя по всему, ничем в последние дни не занимаетесь.

Нараян покраснел:

— Во имя Богини-матери, для чего мне отправляться на север?!

Шанкар вскинул левую бровь:

— Вас настолько не заботит судьба пропавших лесорубов и гонцов?

Глава деревни пожал плечами:

— Наверняка, ничего серьезного. Налопались дешевого пива и валяются где-нибудь в кустах, а работа стоит.

В этот момент Шанкар ощутил дикое желание крепким ударом в висок выбить Нараяна из седла и хорошенько намять тому бока.

Но сдержался и лишь холодно произнес:

— По себе других не судят, господин староста.

В предзакатных сумерках глаза главы деревни недобро блеснули, и Шанкар решил, что на этот раз оставит кинжал при себе. Так, на всякий случай.

— Вы поедете со мной, или я потащу вас силком, привязав к крупу собственной лошади на потеху сельчан. Выбор за вами, — не дожидаясь ответа, охотник развернул кобылу и поскакал в сторону деревни. Не произнося ни слова, Нараян последовал за ним.

Огромный оранжевый диск солнца наполовину скрылся за горизонтом, придавая мрачный вид немногочисленным облакам, вяло плывущим по небу. Тени, отбрасываемые всадниками, теперь казались настолько огромными, будто принадлежали большим медведям, вставшим на задние лапы. Поля полностью опустели. Жители вернулись в свои дома, дабы предаться отдыху после тяжелого трудового дня и набраться сил перед днем грядущим. Их место на полях заняли насекомые. Стрекотание мириадов кузнечиков заполняло закатную тишину, которую нарушал лишь цокот копыт по грунтовой дороге. Даже ветер, дувший жарким дыханием в лицо Шанкару на берегу Сарасвати, здесь терял свою силу, переходя в легчайшие дуновения, едва заставлявшие незаметно колыхаться пшеницу на полях.

Вспомнив о неприятных ощущениях и серьезном беспокойстве, что охотник ощутил, почувствовав на своем лице жгучее дыхание восточных порывов, он произнес:

— Перед отъездом направьте гонцов на ту сторону реки. Мне нужно знать, как обстоят дела на левобережье Сарасвати. Пусть разузнают как можно больше во время нашего отсутствия.

— Как будто они станут их слушать, — пробурчал Нараян.

— Станут. Я дам им жреческую печать.

Солнце стремительно скрывалось за горизонтом, и всадники подъехали к дому главы деревни, окутанные густым сумраком. На пороге их уже встречал старик-привратник, готовый подхватить вожжи их ездовых животных. К небольшому удивлению Шанкара, Абхе нигде не было видно.

— Еда готова? — поинтересовался Нараян, сползая с коня и потирая затекшую спину.

— Да, господин, — старик подслеповато сощурился, — ужин ожидает вас в гостинной.

— Замечательно, — Нараян косо взглянул на охотника, — приглашаю вас присоединиться ко мне и разделить трапезу.

Шанкар едва не расхохотался во всю глотку — настолько кислое было выражение лица

у главы деревни. Его словно заставляли выдавливать из себя одно слово за другим, пытая раскаленной сталью.

— Нет, благодарю. Если вы не возражаете, я сразу поднимусь наверх.

Нараян кивнул. Судя по выражению невероятного облечения, он надеялся услышать подобный ответ.

Усмехнувшись в спину уходившему в дом старосте, охотник спешил и передал вожжи старику:

— Найдешь дорогу в темноте?

— Хоть с закрытыми глазами. Не волнуйтесь, господин, — удивленно ответил тот и с благодарностью посмотрел на него. Видимо хозяин дома подобной заботы не оказывал.

Шанкар легонько потрепал привратника по плечу и вошел следом за Нараяном. Проходя мимо гостиной и бросив в нее мимолетный взгляд, он увидел, как староста уже вовсю уплетает свиную шейку, даже не удосужившись снять походный плащ. Жирные пятна от еды на одежде не заставили себя ждать. Презрительно сморщив нос, охотник поспешил скрыться, дабы не лицезреть сие действо. Быстро вбежав по ступенькам на второй этаж, он толкнул дверь в комнату для гостей.

Абхе была там. Заложив руки за голову, с самодовольной ухмылкой, она лежала на кровати и смотрела прямо на него. Шанкар несколько не удивился, застав ее у себя.

Тем не менее, он спросил, прикрыв дверь:

— Ты уже здесь?

Она пожала плечами:

— А чего тянуть?

Огонь от глиняной лампы в виде остроносого сапожка, стоявшей на тумбе возле кровати, ярко освещал ее красивое лицо, плавно рассеиваясь по обнаженной груди и стройным ногам. Остальная часть комнаты оказалась погружена во мрак. Краем глаза Шанкар подметил, что к кувшину с вином и тарелке лепешек добавился еще один сосуд, пара глиняных стаканов и овальное терракотовое блюдо с кусочками свинины. Живот предательски заурчал.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— О-о-о, — она закатила глаза.

Шанкар присел на кровать и потянулся за кувшином.

Абхе наблюдала за ним, слегка привстав и оперевшись на локоть:

— Какой же ты скучный.

Шанкар хмыкнул, разливая вино по стаканам:

— Зато ты веселишься за двоих.

— Ха!

Он протянул ей один, а сам большими глотками осушил свой. Абхе не торопилась, смакуя вино мелкими порциями.

— Я хочу поговорить о твоём отце.

— Скучнее темы для беседы не мог выбрать? — фыркнула она.

— Выбрал, если б знал такую, — парировал он, аккуратно беря двумя пальцами кусочек свинины и отправляя его в рот.

— Понятно, — с кислым лицом, будто съела неспелый фрукт, Абхе сделала еще один маленький глоток, — и что же интересует досточтимого жреческого посланника?

— Давно он пьет?

— С рождения, но... — она намеренно выждала паузу, — так сильно — около недели.

— Не догадываешься, в чем может быть причина?

— Причина стара, как мир, — Абхе зевнула, — хмель помогает ему уйти от проблем.

— Есть от чего уходить? — Шанкар, прожевав мясо, пристально посмотрел на девицу.

— Есть, — коротко ответила она и, в свою очередь, ловким движением пальцев забросила в рот кусочек свинины.

— Тогда поделись со мной.

В глазах Абхе заплясал огонек:

— А ты, случайно, не из этих?

— О ком ты? — непонимающе уточнил Шанкар.

— Ну, — прожевав, она многозначительно подмигнула, — из тех, кто предпочитает мужчин?

Глаза Шанкара широко распахнулись и, Абхе, удовлетворенная произведенным впечатлением, ухмыльнулась.

— С чего вдруг ты сделала подобные выводы?

— Очень просто. Ты интересуешься моим отцом гораздо больше, нежели мной.

На долю секунды Шанкар почувствовал неловкость, но мигом прогнал это ощущение:

— Я здесь по важному делу, а не ради увеселений. К тому же...

— Да-да, — она снова закатила глаза, — в столице тебя ждет жена.

— Мы не женаты.

— Неважно. Как ее звать хоть?

— Нилам.

— Хм. Милое имя. Она красивая?

— Да.

— Красивее, чем я?

— Вернемся к делу, — резко прервал ее Шанкар, быстро наливая себе еще вина.

«Вот же ж змеючка!».

Довольная, словно сытая синха, Абхе наблюдала за легким напряжением охотника, получая неопишное удовольствие.

— Мне крайне необходим взгляд со стороны. Что тревожит твоего отца? Почему он ушел в запой? И да, — тут он нашел в себе силы подмигнуть, — всегда ли тот был такой скотиной? — охотник залпом осушил стакан.

К удивлению Шанкара, вся игривость моментально слетела с лица дочери главы деревни. Она задумчиво вертела в руках стакан с остатками вина. Охотник и не подозревал, что Абхе может быть такой серьезной и сосредоточенной. И это ничуть не портило ее, предавая образу новый, особенный блеск. Она, молча, лежала примерно пару минут, и Шанкар не торопил ее, прожевывая в это время пшеничную лепешку, которая уже слегка зачерствела.

Наконец, Абхе заговорила, нарушая тишину:

— Отец однажды обмолвился, что не будь он скотиной, как ты выразился, то никогда бы не дожил до того, чтобы стать старостой.

Шанкар кивнул. Многие люди, коих он встречал на своем жизненном пути, мыслили подобным образом, хоть охотник никогда и не разделял подобных взглядов. Он считал, что человек обязан оставаться человеком вне зависимости от должности, которую тот занимает.

Абхе, тем временем, продолжала:

— Жесткость, упорство и настойчивость — вот те качества, позволившие моему отцу занять должность главы деревни, — она перестала вращать стакан, — но Нараян никогда не был дальновидным управленцем. Дать результат здесь и сейчас — вот его основное преимущество. Деревня под его контролем могла собрать самый большой урожай в долине. Такой, что жители окрестных поселений с черной завистью наблюдали за его результатами. Не раз к Нараяну приезжали посланцы из Мохенджо-Даро, дабы вручить похвальную печать или несколько сот дополнительных мер серебра.

— Его дом не похож на жилище богача, — подметил охотник.

— Потому, что он не тратит деньги на себя.

— Куда же он их девает?

— Строительство новых каналов, найм рабочих и лесорубов, расчистка земли под другие поля и поселения, — Абхе вяло махнула ладошкой, — много куда.

— Хм, — задумчиво хмыкнул Шанкар, — кажется, начинаю понимать. Когда я велел твоему отцу отправить поутру гонцов на восток в левобережные поселения, он заявил, что тамошние жители навряд ли будут их слушать и согласился послать своих людей только после моего обещания отдать печать жреца, — охотник многозначительно посмотрел на дочь главы деревни, — с Нараяном не хотят вести дел не только из-за скверного характера. Ему завидуют и ненавидят.

— Верно, — кивнула та и допила вино из стакана, — и они старались его превзойти. Собрать еще больший урожай, нежели наш. Не гнушаясь средствами и позабыв обо всем.

Охотник вздрогнул:

— Это как?

Абхе честно помотала головой:

— Не знаю. Отец так говорил.

«Не гнушаясь средствами и позабыв обо всем. Проклятье! Что они там натворили?».

— Ты упомянула, что Нараян недальновидный, — Шанкар плеснул себе еще вина, — откуда такой вывод?

Абхе горько усмехнулась:

— Даже мне известно, что нельзя устраивать выгон скота на одних лугах каждый год.

— Что же мешало перевести животных на выпас в другое место?

— Недальновидность, — повторила дочь главы деревни.

— Пояснишь?

— Да, только налей мне вина, не привыкла так много говорить.

— Я думал, ты щебечешь, как нектарница, — подметил Шанкар, выполняя ее просьбу.

Абхе наигранно вздохнула:

— Только не на такие угрюмые темы.

Отпив маленький глоток, она продолжила:

— Как я уже рассказывала, многие из наших соседей стремились перегнать деревню под управлением отца в плане продовольствия, и Нараян не мог этого позволить. Поэтому он откровенно наплевал на состояние лугов для выпаса скота, полностью сосредоточив все свое внимание на подготовке новых земель для посевов.

— Вырубка леса на севере имеет к этому какое-то отношение.

Абхе на секунду задумалась, потом кивнула:

— Полагаю, что да.

— Под вырубку попала значительная территория?

— Чего не знаю, того не знаю, — она отпила еще глоток, — единственное, о чем я слышала из разговора отца с нанятыми лесорубами это то, что они рубят лес, а затем сжигают его... — она замялась, подбирая слова, — не знаю, как это называется. В общем, зола, оставшаяся после сожженных деревьев, позволяет дать отличный урожай.

Услышав сие слова, Шанкар чуть не поперхнулся куском лепешки:

— Так вырубка продолжается уже не первый год?

— Да. А вам там что, в Мохенджо-Даро, это не известно?

«Кажется, поутру меня ожидает с Нараяном еще один серьезный разговор. Серьезный и крайне неприятный».

— Слышал, лесорубы пропали, — вместо ответа сказал Шанкар.

— Да.

— И гонцы твоего отца, посланные с разведкой.

— Они тоже.

— И Нараян не придумал ничего лучше, как уйти в запой?

— Недальновидность, — подметила вновь Абхе, — к тому же, он теряется, когда на его голову обрушивается масса проблем. А тут еще Сарасвати мелеть начала.

Шанкар не стал ей говорить, что обмеление может быть следствием недальновидности ее отца и грозит в будущем крупными неприятностями. Незачем пугать и расстраивать девушку раньше времени.

Решив, что узнал достаточно, охотник произнес:

— Пора спать.

Абхе поставила стакан на тумбу. Серьезность медленно сползла с ее лица, вновь сменившись озорным выражением.

Ее теплая ладонь легла на бедро Шанкара:

— Наконец-то глупая болтовня закончена, и мы можем приступить к самой приятной части этого вечера.

— Не заставляй меня опять прыгать через окно.

— У тебя ничего не выйдет.

— Это еще почему?

— Я заколотила ставни.

Громкий и настойчивый стук в дверь пробудил Мину от ночного сна.

Из соседней комнаты донесся приглушенный голос Нирупамы:

— Кто там, мамочка?

— Не знаю, — сипло ответила она, — спи, дорогая.

— Быть может, это папа?

— Нет, папа работает в лесу.

Мина поднялась. Ее темные растрепанные волосы лежали на воротнике белой ночной рубашки. Дверь продолжали сотрясать удары чьих-то рук.

— Да иду я, иду, — пробурчала Мина, подходя вплотную к выходу, — кто там?

— Стража Мохенджо-Даро, откройте дверь! — послышался снаружи властный голос.

— Стража? — непонимающе прошептала Мина, отпирая засов.

На пороге стоял молодой стражник в серой рубахе, опоясанной в талии тонким ремнем. Он опирался на длинное копьё с медным наконечником. Во взгляде серых глаз читалась решимость, непреклонность и осуждение.

— Что случилось? — спросила Мина, предчувствуя нечто плохое.

— Госпожа Мина? — холодно ответил стражник.

— Да, это я.

— Лесоруб Анил является вашим мужем?

— Все верно, — голос Мины дрогнул, — с ним что-то случилось?

Вместо ответа стражник поднял левую руку. В сумраке Мина увидела, что в ней он сжимает печать Верховного жреца.

— По приказу Его Светлости Чудамани, ваш муж, лесоруб Анил, схвачен и препровожден в тюрьму Цитадели.

Вся кровь отхлынула от лица женщины. Теперь оно сливалось с фоном ее ночной рубашки. Ноги подкосились и, дабы не упасть, она ухватилась о дверной косяк:

— Как... — заикаясь, произнесла Мина, — почему... за что?

Стражник посмотрел ей прямо в глаза, и во взгляде этого молодого человека она не увидела ничего, кроме немого осуждения:

— Он обвиняется в жестоком убийстве своих товарищей.

— Убийство? — как заговоренная повторила Мина, чувствуя, что земля уходит у нее из-под ног.

Стражник кивнул:

— Вы вызываетесь в Зал собраний для дачи показаний перед советом жрецов.

— Я... — только и смогла произнести женщина внезапно онемевшими губами.

— Это первое убийство за несколько лет, к тому же, массовое, и вы прекрасно должны понимать, какое наказание грозить вашему мужу, а ваша семья может... госпожа? Госпожа?

Стражник не успел подхватить ее, и Мина рухнула на порог дома, сильно ударившись головой о косяк.

***

— Вы не сказали, что производите вырубку леса на протяжении целого года, —

атаковал Шанкар главу деревни сразу после того, как они покинули пределы поселения, отправляясь на север.

Небо на востоке светилось в предрассветной дымке, однако само солнце еще не успело показаться над горизонтом. Грунтовая дорога прокладывала свой, слегка искривленный, путь между двумя полями, засеянными рожью. Ближе к горизонту они сменялись густыми джунглями, подступающими к тракту прямо вплотную. Справа от дороги виднелись луга для выпаса скота, плавно сужающиеся по мере продвижения на север и, в конечном итоге, переходящие в обрывистые склоны русла Сарасвати. Ясный небосвод над головами путников был усыпан мириадами разнообразных звезд, стремительно бледневших под натиском рассвета. Прохладный воздух, остывший после ночи и не успевший нагреться под жаркими лучами солнца, приносил приятное ощущение свежести, обдувая кожу легкими порывами.

Со слов Нараяна, расчистка земли под новое поселение и злаковые поля велась примерно в полдня пути от деревни на север, поэтому они отправились налегке, прихватив с собой только суточный запас провизии и воды, намереваясь вернуться обратно уже к вечерним сумеркам.

— Это вам моя дочь разболтала?

К легкому удивлению охотника, Нараян даже не стал препираться и отрицать данный факт.

— Неважно, — ответил Шанкар.

— И в самом деле, — пожал плечами глава деревни, — она была с вами прошлой ночью?

— Вас это не касается, — отрезал Шанкар, отводя взгляд.

Нараян хмыкнул:

— Вот тут вы ошибаетесь, господин жреческий посланник. Отца всегда волнует, где и с кем проводит время его дочь.

— Она уже взрослая, и может обходиться без вашей опеки, — сухо ответил охотник.

Нараян хрипло хохотнул. К тому моменту достаточно рассвело, и Шанкар обнаружил темные круги у него под глазами. Видимо, глава деревни плохо спал. Да, охотник сам не сильно выспался, но явно по другим причинам, нежели его спутник.

— Думаете, я не знаю, чем занимается Абхе? Я предполагал, что все этим и закончиться. Вы не первый, — он внезапно умолк.

Не терпящий недомолвок охотник настойчиво потребовал:

— Нет уж, договаривайте!

Нараян не пытался скрыть от взгляда Шанкара получаемое от обсуждения этой темы удовольствие. Будто неловкость, в которую тот загнал охотника, являлась своеобразной мстостью за то, что жреческий посланник бесцеремонно вытащил его ни свет ни заря из постели и заставил ехать искать проклятых лесорубов вместо того, чтобы весь день предаваться вину. Неразбавленному!

Выждав минутную паузу, дабы позлить спутника поневоле, он заговорил:

— Абхе мечтает уехать отсюда куда подальше. Все уши мне прожужжала, что ей надоела деревенская жизнь. Тянет, мол, в столицу, и неважно, в какую. Хараппа ли, Мохенджо-Даро. Поэтому она ложится под всякого знатного гостя из тех городов в надежде, что тот возьмет ее в жены и увезет из этой дыры, как сама она выражается, — Нараян смачно харкнул на дорогу, — так, что вы не первый, но... — он многозначительно замолчал, а затем добавил, — можете стать последним. Честно говоря, — глава деревни пожал

плечами, — я буду не против, если вы избавите меня от нее.

Шанкар присвистнул:

— Веселая семейка. Только зря стараетесь очернить дочь в моих глазах. Не могу ручаться, как обстояли дела до меня, но, проводя ночь со мной, Абхе прекрасно знала, что я не возьму ее в Мохенджо-Даро.

— Вот как? — вскинул брови Нараян.

— Дома меня ждет другая женщина.

— И вы сказали об этом Абхе?

— Именно.

— Вы женаты?

— Нет.

Нараян хрипло хмыкнул:

— Тогда ничего это не опровергает. Моя дочь все та же распутная девка, какой и была. Пока мужчина не женат, шансы есть.

Шанкар не стал его переубеждать. Сама тема для разговора была ему крайне неприятна. К тому же, охотника совсем не интересовали перипетии семейной жизни главы деревни. Однако слова Нараяна оставили неприятный осадок на душе. Да, Шанкар поддался искушению прошлой ночью, и сам был недоволен проявленной слабостью. Но осознание того, что его пытались использовать в чужих целях, отнюдь не прибавляло хорошего настроения. Охотник старался не принимать всерьез слова Нараяна, но они отлично объясняли внезапную заинтересованность Абхе в его персоне в первый же миг их знакомства.

Тем не менее, он не сдержался и, напоследок, подметил:

— Сначала утверждаете, что вас волнует судьба дочери, а теперь заявляете, мол, не против, если я увезу ее с собой в Мохенджо-Даро. Хмель разрушает мозг, знаете?

Нараян злобно зыркнул глазами, реагируя на колкость Шанкара:

— Я не говорил такого.

Теперь пришла пора Шанкару недобро взглянуть на спутника:

— Как это не говорили?

— Я сказал, что отца всегда волнует, где и с кем проводит время его дочь.

— Разве это не одно и то же?

— Нет, — твердо ответил Нараян, — кроме того, я выразился образно.

Охотник почувствовал, что закипает, словно вода на углях, поэтому заставил себя сделать глубокий вдох и, такой же глубокий, выдох. Прохладный утренний воздух помог ему быстро овладеть собой.

— Так что, — не унимался староста, — избавите меня от нее?

— Я вроде четко ответил, — процедил тот, — в Мохенджо-Даро меня ждет другая.

— Жаль, — Нараян театрально вздохнул, — придется терпеть ее выходы до скончания...

— Хватит! — оборвал его Шанкар. — Закройте рот и не открывайте более, пока я к вам не обращусь! У меня уже уши вянут, как трава на ваших лугах, от бессмысленной болтовни!

— Как скажете, господин жреческий посланник, — молвил глава деревни.

Охотник готов был поклясться, что уловил в голосе Нараяна нотки торжества и издевки. Закусив нижнюю губу, Шанкар постарался не обращать больше на своего спутника внимания, полностью сосредоточившись на дороге.

Солнце встало из-за горизонта и заполнило округу ярким светом, когда они миновали, усеянные рожью поля, а слева к дороге густой зеленой стеной подступили джунгли. Оттуда доносилась, нестихаемая ни на минуту, звонкая и разнообразная песня лесных птиц, периодически прерываемая криками обезьян. Луга для выпаса скота справа от дороги, такие же высушенные и истощенные, что видел охотник при въезде в долину, плавно сужались, уступая место обрывистому склону Сарасвати. Ветер, дувший с реки, не приносил облегчающую прохладу, как обычно это бывает возле крупных водоемов. Вместо свежести и влаги, воздух нес с реки жар, будто где-то в той стороне располагались гигантские невидимые кузничные меха. Шанкар вновь ощутил чувство нарастающей скрытой тревоги. Ветер, дующий с реки, не должен быть таким. Краем глаза он посмотрел на Нараяна. Тот вытирал пот со лба и явно мечтал, чтобы эта поездка поскорее закончилась.

«Недальновидный человек, который способен дать результат здесь и сейчас, но, столкнувшись с трудностями и проблемами, быстро теряется. Идеальное описание главы деревни. Ах да, еще он большая скотина!».

Вскоре дорога пошла буквально по краю склона, недалеко от кромки воды. Точнее, возле того места, где она должна была быть. Сарасвати мелела на протяжении всего своего течения.

Нараян снял походный плащ и обвязал его вокруг талии. Затем потянулся к фляге и, открыв ее, жадно припал к краю губами, совершив парочку огромных глотков. Смачно причмокнув, он закрыл сосуд и прикрепил обратно к седлу. В голову Шанкара забралась шальная мысль, уж не вино ли распивает глава деревни прямо на ходу? Но интересоваться не стал. В какой-то момент, Нараян полностью перестал его интересовать. Охотник думал о том, как бы побыстрее провести разведку, вернуться обратно в деревню, дожидаться гонцов с докладом с левобережья Сарасвати и, с чувством выполненного долга, вернуться в Мохенджо-Даро. Получить от верховного жреца причитающуюся ему награду, выкупить Нилам из публичного дома и забыть обо всем. Хотя бы на время.

Нараян оказался прав. Когда солнце стремительно продвигалось к зениту, вкупе с жарким восточным ветром делая воздух нестерпимо знойным, впереди показали первые признаки деятельности лесорубов. Лес слева от дороги внезапно поредел, обнажая перед взором всадников небольшую прямоугольную поляну, с возведенным на ней десятком глиняных хижин из необожженного кирпича и соломенной крышей, аккуратно выстроенных полукругом вдоль оконечности просеки.

Глава деревни горделиво приосанился и, с важным видом, обвел рукой местность:

— Здесь будет находиться моя вторая деревня. Совсем скоро я смогу поставлять в города вдвое... нет, втрое больше урожая, нежели сейчас!

— На вашем месте я бы сосредоточился на решении нынешних проблем, а не будущих, — подметил Шанкар.

— А я и не ожидал, что вы оцените плоды моих замыслов! — гневно произнес Нараян. — Вы, городские, и понятия не имеете, как сложно выращивать продукты собственными руками! — он сжал ладони в кулаки и потряс ими перед собой. — Получая к столу свежие овощи и хрустящий хлеб, вы думаете лишь о вкусе еды и о том, как набить собственное брюхо посытнее, совершенно не зная, что все это выращивается потом и кровью!

Пропуская разглагольствования старосты мимо ушей, Шанкар спрыгнул на землю и медленно направился в сторону хижин.

— Куда это вы? — спросил ему вдогонку раскрасневшийся от пламенной речи Нараян.

— Хочу осмотреться.

— А толку? Они, наверняка, все работают над очищением джунглей под поля. Минут двадцать верхом дальше на север, — он махнул рукой в нужном направлении.

Уставший от жары и вечных препирательств, Шанкар бросил через плечо:

— Я не учу вас сажать горох, вот и вы не лезьте в мою работу. Ясно?

Староста проворчал нечто неразборчивое, но слез с коня и, чертыхаясь себе под нос, поплелся следом за охотником.

Домики ничем не отличались от тех строений, которые Шанкар видел в других деревенских поселениях. Они были меньше самых маленьких городских жилищ и состояли всего из одной комнаты. Вход прикрывали тонкие, грубо сколоченные, двери. Вступая по низкой зеленой траве, охотник подметил, что земля тут не такая потрескавшаяся, как в других местах, а растения не имеют налета болезненной желтизны. Тем не менее, почва оказалась суше обычного.

Подойдя к ближайшей хижине слева, Шанкар осторожно толкнул дверь. Когда та, с противным скрипом, медленно отворилась, охотник почувствовал себя неуютно. Люди ушли на работу, не закрыв собственные жилища? Да, они здесь были одни, но нельзя исключать случайных путников или забредших диких зверей. Подумав о последних, Шанкар нащупал на поясе рукоятку кинжала и сжал ее.

Хижина была пуста.

Справа стояла невысокая деревянная кровать, а слева виднелся каменный очаг для приготовления пищи. Вдоль дальней стены расположились парочка глиняных кувшинов и широкий горшок для вареной пищи. Войдя внутрь, Шанкар втянул ноздрями воздух. Запаха еды не ощущалось. Присев на корточки перед очагом, он прикоснулся к нему тыльной стороной ладони.

— Решили отдохнуть? — встрял Нараян, цокая губами.

— Он холодный.

— Не понял.

— Очаг холодный, — повторил Шанкар, запуская ладонь внутрь и доставая пригоршню пепла, — но зола свежая, не более трех дней.

— И что это значит?

Охотник встал и отряхнул руки:

— Это значит, что им пользовались дня два-три назад. Однако последние сутки он точно стоял потухшим.

Шанкар подошел к сосудам у стенки. Кувшины содержали воду. Один оказался полностью заполненным, второй стоял полупустым.

— Как часто вы привозили сюда припасы? — поинтересовался он у главы деревни, заглядывая в горшок. На внутренних стенках сосуда он нашел следы от мясного бульона примерно недельной давности.

— Мы ничего сюда не возили, — глухо отозвался Нараян, — один из них сам приезжал на телеге с зебу в деревню за провизией раз в неделю.

— Телега с зебу, значит? — переспросил охотник, вставая и оборачиваясь.

Нараян стоял в проходе и щурился от солнца:

— Все так.

— Я не заметил ни телеги, ни зебу.

Староста пожал плечами:

— Телега, наверняка, валяется где-то за одним из домов, а зебу убежал в джунгли, где его, вероятно, сожрал синха.

— Как все просто, — хмыкнул Шанкар, — и вы направили гонцов, когда лесоруб не явился в назначенный день за припасами?

— Да, — бросил тот.

— Три дня назад?

— Хм-хм, — утвердительно промычал Нараян.

Немного поразмыслив, Шанкар вышел из дома, при этом слегка подтолкнув плечом загораживающего проход Нараяна, и осмотрелся.

Ветер продолжал нести изнуряюще жаркий воздух с реки и завывал в верхушках деревьев, окружавших поляну с трех сторон. Птицы в джунглях пели на всевозможные лады, заполняя округу своими разнообразными голосами. В невысокой траве стрекотали кузнечики.

Охотник, нахмутив брови, внимательно рассматривал поляну. Нараян, скрестив руки на груди, прислонился к стене хижины и нетерпеливо постукивал ногой в кожаной сандалиии по земле.

Наконец, Шанкар произнес, обращаясь, скорее, к самому себе, нежели к спутнику:

— Странно.

— Что?

— Их нет.

— Может, хватит говорить загадками?! — взвился Нараян.

— Следов нет, — Шанкар обернулся.

— Каких еще следов?

— Телеги, копыт зебу. Гонцов ваших, в конце концов. Не пешком же они сюда пришли? Здесь нет ничего, вообще ничего!

— Так, куда они подевались, шакалы их подери?!

Охотник ответил не сразу.

Хорошенько подумав около минуты, он сказал:

— Пока не знаю. Могу ответить только, что здесь точно никто не проходил или проезжал за последние сутки, иначе следы остались бы на земле или траве. Кроме того, — он перевел взгляд на хижину, о стену которой облокотился Нараян, — очаг в доме не зажигали более суток. Как минимум, могу сказать — поляна пустует около двух дней. Более того, у жителей оставалось еще достаточно провизии. Только один кувшин с водой стоит полупустым, а второй и вовсе нетронут. Видимо, лесорубы не возвращались в свои дома уже более трех дней.

— Но вы же сами сказали, что зола в очаге свежая, — подметил Нараян.

— Ее, наверняка, оставили ваши гонцы, — произнес охотник, вновь осматриваясь.

— И куда, во имя Богини-матери, они все делись?!

— Еще не знаю.

— Бросили меня! — Нараян сплюнул на землю. — Сбежали в соседние деревушки. Ублюдки! Разве я мало им платил?!

— Перестаньте сотрясать воздух и идемте за мной.

— Куда?

— Проверим ваше предположение насчет телеги и поищем ее за домами.

Недовольно бурча под нос, глава деревни пошел следом за охотником. Его походный плащ, обмотанный вокруг пояса и песочные волосы с сединой на висках развевались на горячем ветру. Пройдя до дальнего конца поляны, они зашли за дом и остановились в его тени. Листья деревьев гулко шелестели над их головами.

— Идите направо, я пойду налево. Если наткнетесь на телегу, крикните.

— Ну, еще бы, — хмыкнул Нараян, — налево вы любите ходить.

Шанкар вновь почувствовал дикое желание врезать старосте по зубам, но снова сдержался. Не проронив ни слова, он двинулся в выбранном направлении, внимательно осматриваясь в поисках следов. Нараян пошел вправо, даже не пытаясь смотреть под ноги.

Земля за хижинами оказалась более влажной. Прикрытая тенью от домов с одной стороны и лиственной завесой с другой, она была защищена от иссушающих лучей солнца. А следы на влажной земле имели свойство сохраняться намного дольше, нежели на потрескавшейся почве или, тем более, в низкой траве. Однако, как Шанкар ни старался, до рези в глазах всматриваясь под ноги, никаких следов обнаружить ему не удавалось. И чем дольше он находился в этом месте, тем сильнее становилось его необъяснимое чувство тревоги. В какой-то момент его даже охватило острое желание бросить все, вскочить в седло и ускакать отсюда куда подальше. Плевать на работу и щедрое вознаграждение, лишь бы уехать отсюда прочь.

Шанкар резко остановился и посмотрел в сторону джунглей. Несмотря на жару, легкий холодок пробежал по его телу. Ветер раскачивал ветвями. Издалека они походили на выпущенные когти синха. В какой-то миг охотнику даже почудилось, что он слышит грозный рык полосатого хищника. Он внимательно осмотрел лесную чащу. Та взирала на него своей тьмой. Тьмой, которую не мог развеять даже солнечный свет.

Охотник прикрыл глаза и глубоко выдохнул.

«Просто нервы разыгрались».

Воззвав к внутреннему голосу разума, Шанкару удалось быстро подавить вспыхнувшие эмоции и заставить себя сосредоточиться на поисках.

«А моя ли это вообще работа? Искать пропавших лесорубов Нараяна? Меня сюда прислали с Сарасвати разбираться, а не лазить по задворкам покинутого селения».

Охотник не успел развить сию мысль. До него донесся крик главы деревни. От былой надменности, злобы и презрения в голосе Нараяна не осталось и следа.

Теперь в нем слышались нотки испуга:

— Идите сюда! Кажется, я нашел!

Ощувив, как несколько участился пульс, Шанкар бегом пересек поляну, направляясь на звуки голоса старосты. Мгновенно он покрылся слоем липкого пота.

— Нашли телегу? — запыхавшись, спросил Шанкар, подбегая к хижине, за которой стоял староста.

— Нет.

Тембр его голоса совсем не пришелся охотнику по душе. Он вновь непроизвольно сжал рукоятку кинжала, прикрепленного к поясу. Неприятные мурашки пробежали в области шеи прежде, чем он завернул за угол и едва не налетел на Нараяна, стоявшего к нему спиной.

— Да не стойте вы на дороге, — буркнул Шанкар, аккуратно отодвигая того за плечо, — что вы здесь нашли?... — слова застыли у него на языке, когда он увидел представшую взору картину.

Возле задней стены хижины лежал зебу. Точнее то, что от него осталось. Брюхо оказалось вспорото, будто от удара носорога, из него вывалились все внутренности, от которых изрядно смердило. Шанкар было удивился, что не смог сразу учуять такой омерзительный запах, но затем вспомнил о сильном ветре, дувшем с реки. Наверняка, он сносил вонь в сторону джунглей. Задние копыта животного отсутствовали. Вместо них торчали какие-то устрашающие огрызки костей, обрамленные тонким слоем мышц и сухожилий. Некогда длинные рога на голове, оказались сломаны почти у самого основания и валялись рядом на земле. Ошеломленный и, побелевший как сахар, Нараян стоял ногой на одном из них.

— Богиня-мать, — прошептал глава деревни, — кто это сделал?

Шанкар внимательно осмотрел изувеченный труп животного.

— Бешеный носорог, не иначе, — сам себе ответил староста.

— Не уверен, — медленно произнес охотник.

— А больше некому! — в голосе Нараяна зазвучали истеричные нотки. Он ткнул пальцем в останки. — Посмотрите на брюхо! Его вспороли, словно бивнем!

— Верно, — согласился Шанкар, — и удар был такой силы, что зебу отбросило на несколько локтей и швырнуло о стену, от чего он сломал свои рога.

— Ну, вот!

— Но у носорога нет острых зубов.

— А? — непонимающе взглянул на охотника Нараян, и тот кивком указал на жуткие огрызки вместо копыт.

— Посмотрите на ноги. Носорог никогда такого бы не сотворил. Это больше походит на синха... но у синха нет рога.

— Тогда кто же это? — Нараян явно испытывал легкий испуг.

— Не знаю, — признался Шанкар.

Староста насупился:

— Вы же охотник, вы должны знать обо всех лесных тварях!

Шанкар окатил его ледяным взглядом:

— Я никогда не встречал носорога с челюстями синха, если вы об этом.

— И что тогда делать?

Охотник бросил еще один взгляд на труп зебу. Под действием жары тело животного интенсивно разлагалось. Судя по всему, оно лежит здесь уже несколько дней.

— Искать ваших людей, а заодно изучить ситуацию в верховьях Сарасвати, — наконец, произнес он.

Глаза Нараяна вылезли из орбит:

— Что? Да вы из ума выжили! Надо убираться отсюда!

— Никак не думал, что вид мертвого животного заставит вас наложить в штаны, — усмехнулся Шанкар, хотя самому было не по себе.

— Поступайте, как хотите! Можете даже в пасть к этой зверюге направиться, а я возвращаюсь домой, — решительно протараторил глава деревни и быстрым шагом направился на поляну.

Презрительно посмотрев тому в след, Шанкар вновь перевел взгляд на труп зебу.

Закусив нижнюю губу, он глубоко задумался.

«Никогда ничего подобного не встречал, а видел я в своей жизни немало. И самое интересное — кто бы это ни был, он убил свою жертву не ради еды, иначе вернулся бы и доел останки. И следов не осталось. Проклятье!».

С досады хлопнув себя кулаком по ляжке, охотник закончил осмотр и направился обратно на поляну. Пройдя между хижинами, он обнаружил Нараяна, стоявшего посреди заброшенного селения и смотрящего в сторону джунглей. Его лицо стало еще бледнее, чем раньше. Рот слегка приоткрылся, и из него вырывалось глубокое дыхание. Глаза подслеповато сощурились.

— Эй, — окликнул его Шанкар, — вас там солнечный удар хватил?

Тот не ответил, и охотнику пришлось вплотную приблизиться к главе деревни.

— Если долго стоять на одном месте, то можно пустить корни, — попытался пошутить он, но Нараян продолжал напряженно всматриваться в зеленую чащу, — да что с вами такое?

Облизав пересохшие губы, староста, наконец, произнес:

— Мне кажется, за мной наблюдают.

Шанкар проследил за его взглядом.

Впереди них, в паре десятков локтей, начинался густой лес. Сильный ветер трепал верхушки деревьев, отбрасывая длинные пляшущие тени. Шелест листьев сливался в единый гул, словно ливень барабанит по глиняной крыше. В этом пляшущем зеленом хаосе веток и тени охотник не смог разглядеть ничего подозрительного. Единственное, на что он обратил внимание, так это на полное отсутствие птичьего пения, которое еще недавно заполняло округу своим щебетанием.

— Ничего не вижу, — сказал он.

Нараян оторвался от созерцания джунглей.

Его лицо сохраняло мертвенно-бледный цвет:

— Говорю же, я чувствую, на меня кто-то смотрит.

Шанкар улыбнулся:

— Наверняка это тот бешеный носорог, хочет познакомиться с вами.

— Да пошел ты! — взвизгнул Нараян. — Я не шучу.

— И я не шутил, когда предупреждал, что хмель разъедает мозг. Пить надо меньше. У вас, небось, в той фляжечке вовсе не вода.

Нараян не выдержал и, почти бегом, направился в сторону коня, которого он оставил у обочины. Издав смешок, Шанкар двинулся следом, сохраняя размеренный шаг. Глава деревни, подгоняемый страхом, в два счета преодолел расстояние от середины дороги до поляны и уже водрузился на своего рыжего скакуна. Легко вступая по невысокой траве, охотник, не торопясь, направлялся в его сторону, когда позади он услышал шепот.

Тихий и едва уловимый:

— С-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.

Шанкар резко остановился, словно налетел на невидимую стену, а затем быстро развернулся в сторону джунглей.

В этот момент особо сильный порыв ветра налетел на поляну. Дверь хижины, в которую он недавно входил, распахнулась и с оглушительным треском ударилась о стену. Охотник вздрогнул от неожиданности. На секунду он отвлекся на звук. Вид заброшенной поляны снова вызвал в нем необъяснимое чувство тревоги. Тревоги, готовой подстегнуть и броситься

отсюда наутек. Не без труда Шанкар вновь подавил в себе это желание. А затем вернулся к созерцанию джунглей. Все его чувства, собранные в единое целое, сконцентрировались на одной единственной точке — на участке густых зарослей, шатаемых ветром, расположенном напротив него через поляну, куда ранее вглядывался Нараян. Он простоял так примерно с минуту, тем самым вызвав нетерпеливый стон главы деревни, но, как и в первый раз, его пронизательный взгляд не сумел разглядеть среди безумной пляски ветвей и тени ничего подозрительного. Шепот больше не повторился.

— Наверное, просто ветер, — пробормотал Шанкар, разворачиваясь спиной к джунглям и продолжая движение.

— Во имя Богини-матери, поторопитесь! — крикнул Нараян.

— Да угомонитесь уже, — бросил охотник, подходя к своей лошади, однако на этот раз его голос не звучал так уверенно.

***

До места основной вырубki они добрались, как и говаривал Нараян, минут за пятнадцать. Масштабы проводимых работ впечатлили даже Шанкара, который внутри себя готовился к худшему. Огромный участок джунглей слева от дороги полностью отсутствовал. Вместо него на сотни локтей в сторону запада меж зеленых массивов зияла огромная дыра, земля на которой почернела от пепла и золы. Охотник принюхался, но запаха гари не уловил. Видимо, деревья здесь не жгли относительно давно. Дальше на север снова шла лесная полоса, однако что-то в ее виде настораживало охотника. Большинство салов и пальм, растущих в той стороне, росли под каким-то странным углом, будто им обрубili часть корней, и деревья дали сильный крен.

Шанкар указал пальцем на север:

— В той стороне проводились работы?

— Только вдоль берега, — ответил староста. Он явно нервничал и постоянно вытирал пот со лба.

— Понятно, — прокомментировал охотник, спрыгивая на дорогу и отсоединяя копьё от седла.

Нараян с волнением наблюдал за действиями Шанкара:

— Зачем вы взяли копьё?

— Пусть будет под рукой. На всякий случай.

Тут глава деревни не выдержал:

— На какой еще случай?! Давайте уедем отсюда!

— Хватит истерить, Нараян, — одернул охотник, — что вы как ребенок? — закинув за спину еще и колчан с несколькими стрелами, он направился к берегу реки.

— Куда вы? — нервным голосом спросил староста.

— Туда, ради чего я, в первую очередь, сюда приехал. К Сарасвати.

— Давайте быстрее!

Охотник остановился, а затем развернулся лицом к Нараяну. Тот, сидящий в седле, выглядел бледно и нездорово. За его спиной виднелась громадная просека, усеянная золой и пеплом. Нараян в эти секунды напоминал неудачливого завоевателя, ненароком спалившего дотла захваченные земли. Налетевший порыв ветра растрепал волосы охотника, и тому пришлось убрать их назад.

— Если хотите уехать отсюда поскорее, тогда помогите мне.

— Чем помочь?

Шанкар указал рукой в сторону пепелища:

— Идите туда и поищите следы ваших людей. Какие угодно. Они должны были остаться.

Разинув рот, Нараян вытаращился на него:

— Да вы спятили! Никуда я не пойду!

Охотник раздраженно пожал плечами:

— Тогда сидите и помалкивайте! Я не собираюсь тратить время на разговоры с вами.

Развернувшись, он быстрым шагом направился к кромке воды. Через секунду охотник услышал, как Нараян позади него слез с седла и, бормоча одно нехорошее слово за другим, отправился в сторону просеки. Как нервно тот себя ни чувствовал, нежелание проводить лишние мгновения в этом мрачном месте побудили главу деревни к действиям.

Спустившись по откосу к реке, Шанкар сразу же обратил внимание на то, что течение здесь не такое интенсивное. Если это вообще можно было назвать течением. Воды Сарасвати неслись на юг со скоростью старой черепахи. Река содержала в себе огромное количество земли, грязи и ила. Шанкар посмотрел прямо перед собой. На противоположном берегу виднелись густые джунгли. Очевидно, жители долины еще не успели прибрать к рукам ту местность, и она сохраняла природную девственность, естественную в своей красоте. Повернув голову на север, Шанкар обратил взор туда, где должны были протекать притоки Сарасвати, однако с такого расстояния разглядеть что-либо оказалось невозможно.

«Придется пройти еще немного. Надеюсь, я ошибаюсь, но...».

Решив не заканчивать плохую мысль, он взобрался по склону и вышел обратно на дорогу. Нараян бесцельно бродил по просеке, в тщетных попытках разглядеть какие-нибудь следы пребывания лесорубов. Со стороны он походил на ожившего мертвеца, в которого вселился ветала[1]. Староста продолжал бормотать себе что-то под нос, но охотник не мог различить слова, сносившие сильным ветром. Быстро оглядев просеку пронизательным взглядом и не заметив признаков опасности, Шанкар трусцой направился на север. Как ни был ему неприятен Нараян, оставлять того надолго одному охотнику не хотелось.

Пробежав минут пять на север, он ощутил, как в ноздри вдарил запах гнили и разлагающегося дерева. И чем дальше он продвигался вперед, тем сильнее в воздухе ощущалось гниение. Теперь Шанкар понял, почему издалека местные джунгли показались ему странными. Подойдя ближе, он увидел, что стволы деревьев погружены в грязную воду, примерно на пару локтей, и та постепенно вымывает почву из-под корней. Охотник остановился — грунтовая дорога впереди оказалась полностью размыта, теряясь среди настоящего болота. Тяжело дыша и вытирая рукавом пот с лица, Шанкар пристально взгляделся вперед. Теперь он увидел притоки Сарасвати. Вернее, то, что от них осталось. Лишенный естественного природного крепежа в виде корней деревьев, правый берег полностью обрушился в воду, сильно загрязнив и затормозив течение. Более того, лишившись преграды, притоки вышли из своих берегов, затопив местность. Медленно, но неумолимо верховья Сарасвати превращались в топкое болото. То, чего в глубине души Шанкар опасался больше всего, подтвердилось. Полное исчезновение некогда могучей реки из долины теперь оставалось лишь вопросом времени. И чем дольше затянется засушливый период, тем быстрее это произойдет. От осознания сего охотнику стало нехорошо. К горлу подступила легкая тошнота, а в ногах появилась неприятная слабость.

«Совсем скоро. Сарасвати прекратит свое существование. Луга высохнут первыми, не давая возможности выгуливать скот. Начнется его медленное и мучительное вымирание. Затем закончится вода в оросительных каналах, ибо неоткуда станет ее накачивать, и тогда начнем вымирать уже мы, не менее мучительной голодной смертью. А еще этот ветер. Горячий, словно жаровня. Необходимо немедленно возвращаться с докладом к Верховному жрецу».

На какой-то момент Шанкар полностью позабыл о страшной находке изувеченного зебу. О Нараяне, бродившем, словно оживший мертвец, на пепелище. Его богатое воображение рисовало мрачную картину пустыни, медленно надвигающейся с востока. Как пески, подгоняемые сильным ветром, неумолимо засасывают в свое лоно то, что такими трудами было создано человеком. Луга, поля с колоссящимися злаками, сады и селения — все исчезает в ненасытном чреве, оставляя после себя только песок и камни.

Шанкар настолько глубоко погрузился в себя, что не сразу сообразил, как слышит отчаянный крик Нараяна. Глава деревни верещал так, словно ему живьем отпиливали ноги. Сбросив оцепенение и крепче ухватив копьё за древко, охотник побежал в обратную сторону с такой скоростью, на которую только был способен.

***

Парочка настенных факелов тускло освещали широкий коридор подземной темницы.

Тюремщик, невысокий полный мужчина с черными волосами и густой бородой, устало наблюдал за рядами пустующих камер напротив него. Широкий лоб пробороzdили морщины, а глаза измождено сощурились под нахмуренными бровями. Темные стальные решетки мрачно блестели в свете огня, и за одной из таких решеток находился единственный заключенный всей тюрьмы. Лесоруб Анил. Он сидел здесь со вчерашнего утра, когда его, с охрипшим от продолжительных криков, голосом и окровавленным топором обнаружили стражники пригорода. Анил выглядел сильно изнуренным. Руки и ноги покрывали красные следы от множественных ударов, как от тонкой тростниковой палки. В тот же день жрецы Мохенджо-Даро спешно снарядили отряд воинов, дабы проверить, что за дела творятся в верховьях Синдху, где проводилась вырубка леса. Ибо среди бессвязного бормотания лесоруба удалось различить только одно слово. Слово, которое он повторял, подобно безумцу.

«Ударь. Ударь. Ударь. Ударь».

Разумеется, Анил тут же был заключен под стражу в храмовую темницу Цитадели. У многих не оставалось сомнений, что, обезумевший лесоруб попросту перебил своих товарищей в джунглях. Оставалось загадкой лишь то, как ему удалось расправиться с дюжиной крепких молодцов? Один из жрецов высказал предположение, что Анил действовал ночью, застав лесорубов врасплох. Однако, дабы не гадать и узнать подробности (с Анила спрос оказался не велик, разум его был разрушен окончательно) совет жрецов принял решение послать в лагерь на реке отряд городской стражи. Разумеется, дальнейшую вырубку джунглей на время придется отложить.

Весть о схваченном лесорубе и, вероятно, об убиенных им людях, очень быстро распространилась по всему Мохенджо-Даро. Жители перешептывались на разный лад, пересказывая друг другу известные немногочисленные подробности. Семьи пропавших людей не находили себе места, с волнением и надеждой ожидая возвращения отряда

стражников. Они не хотели верить в то, что Анил сотворил нечто страшное. *Не могли* в это верить. Ведь убийство в долине Синдху было крайне редким явлением, а уж про массовое и вовсе никто никогда не слыхивал. Люди задавались вопросом — зачем Анил это сделал? И что послужило причиной его безумию? Кто-то поговаривал о неурядицах в семье лесоруба. Кто-то слышал о том, что работа ему была не мила, и от этого он замыкался в себе, испытывая душевные муки. Но истинной причины никто точно не знал.

Вот и тюремщик, когда к нему привели заключенного, поначалу с интересом осматривал Анилу, будто диковинного зверя в клетке. Однако чем дольше тот оставался взаперти, тем сильнее его раздражал.

Лесоруб сидел, прислонившись к холодной стене камеры, обхватив руками ноги, согнутые в коленях и постоянно бормотал себе под нос:

— Ударь. Ударь. Ударь. Ударь.

Тюремщик надеялся, что суд над Анилом состоится как можно скорее, иначе ему грозит такое же помешательство, если он будет продолжать слушать заунывные стенания заключенного. Однако придется дожидаться возвращения стражников. А также, пока Мина, жена Анилы, не придет в себя. Бедняжка испытала настоящий шок и сильно ударила головой. Немудрено.

Прикрыв глаза, он почесал голое пузо и попытался отвлечься, сосредоточившись на приятных мыслях. Он представил, что идет вечером домой по улице, окутанной приятным сумраком. Слабый ветерок колышет его, еще не тронутые сединой, волосы. Тюремщик заходит в дом и видит свою жену, встречающую любящего мужа приветливой улыбкой и жареным бараньим окороком на ужин.

Она открывает рот, однако вместо мелодичного голоса суженой, он слышит монотонный вой:

— Ударь. Ударь. Ударь. Ударь.

Тюремщик вздрогнул от такого наваждения и резко открыл глаза, испуганно озираясь по сторонам. Оказывается, он сам не заметил, как задремал.

Анил тем временем продолжал тоскливо стенать, бубня одно и то же себе под нос, при этом слабо покачиваясь:

— Ударь. Ударь. Ударь. Ударь.

— Да заткнись ты, ублюдок! — взорвался тюремщик, вскакивая с табурета так резко, что тот с глухим стуком упал на пол.

Лесоруб, казалось, не слышал его. Обхватив голову руками, он завыл пуще прежнего.

Тюремщик подошел к прутьям решетки и сильно ударил по ним огромным кулаком:

— Заткнись! Заткнись немедленно! Или, клянусь Богиней-матерью, я разукрашу тебя так, что дочь родная не узнает! — немного остыв, он добавил. — Хотя, может это и к лучшему. Такую тварь, как ты стоит предать забвению!

Еще крепче сдавив руками голову, Анил, взыв подобно побитой собаке, наконец замолчал, однако при этом не перестал качаться, словно тонкий ствол дерева на свежем ветру.

Удовлетворенный, тюремщик вернулся на свое место, предварительно подняв с пола табурет.

После столь длительного пребывания в компании умалишенного, по-настоящему начинаешь ценить тишину.

[1] Ветала — в индийской мифологии вампироподобные злые духи, которые могут вселяться в мертвецов и заставлять их действовать, как живые люди. В отличие от зомби, ветала не заинтересован в пожирании мозгов или человеческой плоти. Его цель — просто раздражать и мучить людей из зависти.

Когда Шанкар добрался до просеки, пот градом стекал по всему телу, заставляя рубаху прилипать настолько плотно, будто она вторая кожа. В его легких полыхал огонь, а сердце готово было выскочить из груди. Так сильно оно билось в ребра. Тем не менее, ум сохранял полную ясность, а глаза внимательно осматривали местность. Тяжело дыша, он озирался в поисках старосты. Того нигде не было видно.

— Нараян! — чуть отдышавшись, крикнул охотник.

Глава деревни на зов не ответил, однако правым глазом Шанкар уловил какое-то движение.

Возле северного края поля, недалеко от джунглей, он увидел старосту. Тот сидел на земле, с ног до головы перепачкавшись золой и сажей. Взгляд Нараяна был устремлен в сторону леса. Зеленая масса шаталась под натиском горячего ветра, как волны в бурю.

Не теряя ни секунды, охотник ринулся к нему, взбивая в воздух небольшие кучки пепла подошвами своих сандалий. При этом, Шанкар старался держать в поле зрения ту область джунглей, на которую смотрел глава деревни. Что бы ни напугало того до полусмерти, оно находилось в той стороне, и рисковать Шанкар был не намерен.

Преодолев половину расстояния, он, запыхавшись, окликнул:

— С вами все в порядке?

Ответа не последовало.

Перейдя с бега на ускоренный шаг, охотник добавил:

— На вас напал синха?

Нараян повернул голову в его сторону, продолжая сидеть на земле. Сажа, густо покрывавшая щеки старосты, не могла скрыть невероятную бледность лица. Как будто туча комаров разом села на него и высосала всю кровь до последней капли. Приблизившись к Нараяну вплотную, охотник с облегчением заметил, что тот цел и невредим, если не считать полностью перепачканной одежды и пепла в волосах. В широко раскрытых глазах главы деревни читался ужас вперемешку с отвращением.

— Что произошло? — спросил охотник, стараясь одновременно унять пульс и нормализовать дыхание.

Не произнося ни слова, Нараян повернул голову обратно в сторону джунглей. Шанкару ничего не оставалось, как проследить за его взглядом. Сердце, которое только начало успокаиваться после длительной пробежки, усиленно забилося вновь. Его удары четко отдавались в висках. Охотник почувствовал, что начинает задыхаться. И дело было вовсе не в горячем ветре и испепеляющем солнце.

В десяти локтях от них на опушке высился широкий сал с пышной верхушкой и толстыми ветвями. К сожалению, нижняя часть дерева пострадала во время пожара, устроенного лесорубами. Листья с нижних веток полностью опали, как и мелкие веточки, сохраняя лишь полуобугленные основания, издаലെка напоминающие огромные черные шипы. На одну из таких ветвей, невысоко над землей, был насажен человек. Древесный шип пронзил ему спину прямо сквозь позвоночник и вышел через грудную клетку. Белоснежная рубаха мертвеца насквозь пропиталась кровью, немалое количество которой стекло по стволу к подножию дерева, превратившись в засохшее огромное бурое пятно. Ветер играл его серым походным плащом, словно парусом лодки. Звуки хлопающей одежды отчетливо

выделялись на фоне глухого шума листвы. Лицо мертвеца исказила предсмертная гримаса боли и ужаса.

Словно замороженный, Шанкар смотрел на тело, прибитое к стволу с помощью ветви, чувствуя, что сердце учащает ритм с каждой секундой, а стук в голове превращается в настоящий звон колокола. Как будто издалека, до него донесся безжизненный голос Нараяна. Настолько безжизненный, что он мог принадлежать мертвецу на сале, а не живому спутнику. В нем отсутствовали какие-либо эмоции.

— Это один из моих гонцов.

Охотник заставил себя прекратить созерцание жуткой картины и взглянул на главу деревни:

— Уверены?

— Да, — просипел тот, — а вон там, на кустах, — он кивнул головой в сторону зарослей дикого сахарного тростника, растущего у опушки, — второй. Я узнал его по узору на плаще. В виде цапли.

Шанкар сделал несколько неуверенных шагов в сторону кустарника.

— Нет! — прохрипел Нараян. — Не смотрите!

Но охотник не послушал и решил-таки подойти поближе.

Дикий сахарный тростник рос на опушке рядом с лесом. Местами он также пострадал от огня. Некоторые стебли высохли и обгорели, но многие продолжали сохранять жизненный цвет. Из тростниковых зарослей наружу торчали чьи-то ноги в истоптанных сандалиях. Задержав дыхание и схватив поудобнее копьё правой рукой, Шанкар внимательно прислушался, не донесется ли до его тренированного слуха слабый, едва уловимый, хруст тростника или же нос уловит запах хищника, притаившегося в чаще.

Однако ничего не нарушало привычные шумы джунглей, в котором бушует разгулявшийся ветер. Только шелест листвы, да хлопающий плащ мертвеца.

Тогда охотник, еще крепче вцепившись в копьё уже обеими руками, подошел к зарослям вплотную и осторожно отодвинул часть тростниковых стеблей в сторону. Его взору открылись длинные мускулистые ноги, прикрытые походным серым плащом с вышитым узором цапли... и больше ничего. Заросли дальше по ходу движения оказались смяты и придавлены к земле. Некоторые тонкие стебли кустарника были сломаны. Но не это заставило Шанкара быстро отвернуться, зажав рот рукой, дабы скудный завтрак не вывалился наружу с подступившей рвотой. На дальних участках тростниковых зарослей болтались высохшие внутренности. Человеческие внутренности. Отступив на несколько шагов, Шанкар согнулся, оперевшись на копьё. Дыхание перехватило. Он судорожно глотал ртом воздух. Охотник закрыл глаза, пытаясь остановить бешеное сердцебиение, чтобы удары кузничного молота стихли в его голове, а тошнота отступила.

— Это, наверняка, он, — послышался безжизненный голос Нараяна.

— Кто он? — спросил Шанкар, справляясь с приступом тошноты.

Дыхание удалось восстановить, и он шумно вдохнул воздух через ноздри.

— Тот бешеный носорог, который убил зебу! — староста, кажется, начал приходить в себя.

Охотник выпрямился и открыл глаза. Тошнота окончательно отступила, а пульс стал чуть ровнее. Тем не менее, неприятная слабость, кою он ощутил во время созерцания болота, только усилилась.

— Возможно, — коротко предположил Шанкар, а затем выдохнул.

— Быть может, теперь-то мы уедем отсюда? Я не хочу разделить судьбу этих несчастных!

Охотник кивнул, стараясь оправиться от увиденного:

— Да, только дайте мне еще пару минут, — с этими словами он вновь повернулся лицом к кустарнику.

Нараян ошалело смотрел на жреческого посланника:

— Вам не хватило? Чего еще нужно?!

— Помолчите, — попросил его охотник, — возвращайтесь к лошадям, я догоню.

Дважды упрашивать старосту не пришлось. Нараян тут же вскочил, с облегчением приняв предложение Шанкара и, забыв даже отряхнуть пепел с одежды и лица, бегом затрусил в сторону дороги. Охотник же, собрав всю волю в кулак и подавив приступ отвращения, снова приблизился к зарослям дикого тростника.

Осторожно ступая ногами, он перешагнул через нижние останки гонца, прикрытые серым походным плащом с узором цапли. Стараясь не касаться, развешанных тут и там внутренностей, болтающихся, словно сушеные стебли гороха, охотник углубился в кустарник. Широкий бурый след из запекшейся крови выходил из зарослей тростника с другой стороны и вел в сторону джунглей. Держа копье наготове и, максимально сосредоточившись, Шанкар, бесшумно ступая, пошел по следу. Каждая клеточка его тела находилась в напряжении, готовая к действию при любой неожиданности. Кровавый след не увел его далеко. Верхняя часть туловища второго гонца распростерлась подле ближайшей пальмы. Его буквально разорвало пополам некой могучей силой, оторвав ноги и перебив тазобедренную кость. Пытаясь спастись, гонец выполз из зарослей, но сумел преодолеть лишь считанные локти. Оно и неудивительно, учитывая те остатки внутренностей, что охотник обнаружил, продираясь сквозь тростник. После таких травм и увечий никто долго не проживет. Труп лежал ничком, и у Шанкара не было никакого желания переворачивать его.

— Проклятье, что же здесь произошло? — шепотом спросил он сам себя, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Ветер продолжал шуметь над его головой, а походный плащ мертвеца, насаженного на ветвь сала, трепыхался на нем, словно парус, издавая громкие хлопки.

«Кто бы это ни был, он, наверняка, причастен к убийству зебу в селении. Могли ли подобное сотворить лесорубы? Навряд ли. Характер ран, нанесенных животному и гонцам, не походит на отметины от лезвия топора или какого-либо другого орудия, созданного человеком. Да и сами жители пропали. Нет, здесь явно имеет место нападение зверя. Но какого? Бешеный носорог, как предполагает Нараян? Очень похоже. У зебу был вспорот живот, как от удара острым рогом, а этого бедолагу разорвало пополам. Вполне похоже на последствия удара бивнем в область поясницы с дальнейшим проникновением в живот. Вот только... Вот только у зебу кто-то отгрыз задние ноги. Носорог не обладает столь острыми челюстями. Это мог сделать синха, но у синха нет рога. Да, не исключено, что полосатый хищник случайно набрел на останки жертвы бешеного носорога и полакомился задней частью. Но почему именно задней? Ведь самое вкусное мясо всегда располагается в области шеи, а копыта — самая жесткая и жилистая часть. Кому, как не синха это знать? И почему тогда зверь не вернулся потом, чтобы доестъ зебу? Ну, и самое главное — синха не смог бы подбросить человека с такой силой, чтобы насадить его на ветвь дерева, да так, что тот насадился бы на нее целиком. Синха вообще так не охотится и не убивает.

Получается, носорог? Но у мертвеца на дереве отсутствуют следы переломов. Бешеное животное могло подбросить беднягу и пригвоздить к салу, но только с помощью рога, а следов от удара бивнем на теле нет».

Шанкар осмотрел землю вокруг. Она была девственно чистой, если не считать бурых пятен крови и частичек золы.

«И никаких следов. Ни лесорубов, ни зверя. Кто-кто, а уж носорог точно оставил бы за собой след. Такая туша не способна передвигаться незаметно».

Охотник огляделся по сторонам.

«Стоит ли искать лесорубов? Ох, Богиня-мать, если бы ты знала, как этого делать не хочется!».

Он вернулся на просеку, пытаясь найти под ногами хоть какие-нибудь зацепки, способные пролить свет на произошедшие события и подсказать, где искать пропавших лесорубов, хотя внутреннее чутье подсказывало Шанкару, что искать их лучше не стоит. Ибо находка может показаться еще ужаснее, нежели те, которые предстали сегодня перед его глазами, одна страшнее другой. Внимательно осматривая землю, усыпанную золой и пеплом, охотник попытался найти следы людей, но безрезультатно. Он знал, что может потратить время и углубиться в окрестные джунгли. Тогда, наверняка, удастся пролить свет на тайну исчезновения группы лесорубов, но ему совсем не хотелось этого делать. Слишком странными и непонятными выглядели последствия нападения таинственного зверя. Слишком жуткими. А охотник не любил иметь дело с тем, в чем до конца разобраться не мог. В конце концов, он убедил себя в том, что первоочередной задачей является немедленное возвращение в деревню засветло, дабы поутру переговорить с гонцами, прибывшими с восточного берега Сарасвати, а затем отправиться в Мохенджо-Даро. Верховный жрец обязан узнать о начале гибели долины реки как можно скорее.

«Заодно поведаю о пропавших лесорубах и таинственном звере. Я никогда не встречал животного, обладающего похожими повадками и способностями, и лезть на рожон не намерен».

Вооружившись этими мыслями, он бросил поиски и направился в сторону дороги. Нараян уже ждал его, нетерпеливо ерзая в седле и теребя вожжи дрожащими от нервов руками.

***

Обратная дорога заняла оставшиеся полдня и прошла без приключений.

Шанкар решил, что стоит поведать старосте реальное положение дел, касаясь ситуации с долиной и Сарасвати, но Нараян, казалось, так и не пришел в себя до конца. Кожа на его лице порозовела, однако он до сих пор не удосужился ополоснуть его водой. Сажка полностью высохла на ветру и теперь болталась на нем грязными кусками. Слушая повествование охотника, глава деревни только угрюмо кивал, не произнося при этом ни единого слова, витая где-то у себя в облаках. Поняв, что собеседник слушает его в пол-уха, Шанкар вынужден был отложить разговор на потом

Остаток пути они провели в мрачном молчании. Усталые и грязные они добрались до дома главы деревни только тогда, когда солнечный диск полностью пересек линию горизонта, заставляя вечерние сумерки сгущаться в особо темных углах.

С наступлением темноты Нараян вновь начал нервничать, то и дело, оглядываясь по

сторонам. Его тревога незаметно передалась и охотнику. Услышав в отдалении громкий крик обезьяны или вспорхнувшей с полей птицы, он невольно хватался за рукоятку кинжала, висевшего на поясе. Перед мысленным взором вновь представляли жутки останки, найденные в лесу. А стоявшие в отдалении джунгли навевали смутную тревогу. Густая зеленая завеса, обьятая сумерками, таила в себе скрытую угрозу. Оба чувствовали ее. Ощущали на собственной коже, подобно дуновению холодного ветра. И только когда всадники въехали в деревню, то испытали некоторое облегчение.

Передав лошадей на попечение старика-привратника, они вошли в дом. Нараян, не раздеваясь, сразу направился в гостиную, где на столе его уже поджидал непочатый кувшин крепкого вина. Он даже не удосужился снять походный плащ и переодеться в чистое белье. Шанкар же отправился в ванную комнату. От его белоснежной рубахи разлило потом, пылью и болотной затхлостью. Сняв ее через голову, а заодно и набедренную повязку, он замочил одежду в кадке и, ухватившись за края другой, вылил на себя ледяную воду. Охотник ощутил, как вместе с дорожной пылью и грязью с него уходит напряжение, сменяясь приятной истомой.

— Вернулся? — услышал он позади себя знакомый голос.

Шанкар обернулся через плечо. Абхе вошла в ванную комнату, прикрыв за собой дверь и подперев ее спиной. Остатки дневного света, проникающего через окна, смутно освещали ее стройную фигуру, однако в сумраке помещения охотник с трудом мог разглядеть лицо девушки. С гулким стуком, он поставил пустую кадку на глиняный пол и приблизился к ней. Подойдя вплотную, Шанкар увидел, что Абхе улыбается ему той знакомой, манящей улыбкой.

— Я не возьму тебя в Мохенджо-Даро, — тихо сказал он.

Несмотря на сумрак, от него не укрылось, как дочь главы деревни едва заметно вздрогнула:

— С чего ты... откуда... я...

Поскольку охотник продолжал молчать, вынуждая ее говорить, она всплеснула руками:

— Отец наговорил?! Ну, хорошо... видимо... глупо отрицать. Да, я действительно хочу уехать отсюда и сделаю все для этого возможное.

Шанкар продолжал, молча, ее слушать. Холодная вода ручейками стекала с его мокрых волос по плечам.

— Значит, не возьмешь?

— Я ведь уже говорил...

— Да-да, — обреченно вздохнула Абхе, — там тебя ждет другая.

Шанкар подошел к ней и оперся правой рукой о дверь. Заглянув ей в глаза, он увидел, накрывшую их, легкую пелену печали и разочарования.

— Не покидай пределы деревни, — твердо и тихо сказал он.

— Не понимаю, — она удивленно вскинула брови.

— Сейчас это может быть опасно.

— Опасно?

— Да.

— Но почему? — Абхе испытывала явное замешательство.

— Просто обещай мне не покидать деревню. Хотя бы в ближайшее время.

На губах Абхе вновь заиграла завлекающая улыбка:

— Я что, дорога тебе?

Сохраняя абсолютно серьезное выражение лица, охотник произнес:

— Немного.

«Интересно, насколько это правда? А насколько ложь? Мне кажется, все же ближе к истине».

Абхе хмыкнула:

— Тогда возьми меня в Мохенджо-Даро.

Шанкар отрицательно покачал головой, и тогда девушка беззлобно добавила:

— Негодяй.

— Я знаю.

Когда за деревенскими гонцами закрылась дверь гостиной, и они остались одни, Нараян облизнул пересохшие губы. В этот момент они напоминали луга для выпаса скота к западу от поселения. Такие же потрескавшиеся и болезненные.

Утренний свет проникал внутрь помещения через овальное отверстие в крыше, освещая стоявшие на столике два кувшина с вином и тарелку гороховой каши.

Слова гонцов заставили охотника позабыть о таинственном звере и тех жутких находках, что они обнаружили со старостой.

Худшие опасения подтвердились. В погоне за урожаем и алчностью жители правобережья Сарасвати так увлеклись выращиванием урожая, что напрочь забыли об истощении земли. Пустыня подкралась незаметно, подобно синха, прячущемуся в высокой траве. И этот страшный зверь уже совершил свой роковой бросок. Многие селения по ту сторону реки стремительно пустеют. Люди вереницей направляются на юг, в Лотхал, увозя с собой те остатки урожая, которые еще можно спасти. Пески наступают с пугающей быстротой. Левый берег спасает лишь Сарасвати. И как только ее русло окончательно иссякнет, уже ничто не сможет сдержать ненасытную утробу пустыни с востока. Она поглотит плодородную долину. Скоро от былой жизни и процветания не останется и следа. Будет только камень, песок и болота на севере.

— Мне нужно выпить, — пробормотал староста.

Шанкар, сидевший на плетеном тростниковом стуле напротив, ехидно подметил:

— Неужели?!

Нараян притворился, что не расслышал. Дрожащей рукой, он наполнил стакан и залпом осушил его. К утру староста переоделся в чистую белую рубаху, и теперь, с легким румянцем на щеках, очищенных от сажи, походил на здорового человека. Если не считать кругов под глазами и недельной щетины, покрытой сединой.

— Я не знаю, что мне делать, — глаза главы деревни быстро забежали из стороны в сторону.

Шанкар поднял левую бровь:

— Пить, конечно, что же еще? Вы этим целую неделю занимаетесь.

— Да прекратите! — Нараян злобно зыркнул в сторону охотника. — Я серьезно.

— Если серьезно, — Шанкар нахмурился, — то ничего. С этой минуты, что бы вы ни делали, долина Сарасвати обречена. Можно попробовать отсрочить неизбежное, но ненадолго.

— Завистливые мрази! — прошипел Нараян, сжимая стакан с такой силой, что он чуть не треснул в его ладони.

— О ком это вы?

— О соседях, о ком же еще? Их жадность и зависть погубили нас!

— Вот как?

— Да! Будь они хоть немного дальновиднее, то не стали бы истощать почву только для того, чтобы потягаться со мной в сборе урожая! А сейчас посмотрите, — он махнул рукой на восток, — теперь из-за них нас поглотит пустыня, шакалы их подери!

— Из-за них?! — охотник так резко подался вперед, что Нараян невольно отпрянул, едва не упав со стула. — Если бы не ваше варварское уничтожение джунглей на севере,

притоки остались бы целы. Сарасвати не пересохла, и пустыню удалось остановить. Но, — Шанкар вернулся в исходное положение, — вы нанесли по долине решающий удар.

Староста отвел взгляд, его дыхание участилось:

— Я хотел, как лучше. Чтобы урожая хватало вдоволь на годы вперед. Я просто...

— Недальновидный, — закончил за него охотник.

Нараян иронично ухмыльнулся:

— Моя жена говорила то же самое.

Шанкар промолчал, не желая выдавать Абхе.

Глава деревни растерянно посмотрел на него:

— Что со мной будет?

Охотник теперь вскинул сразу обе брови:

— Даже сейчас вас интересует только собственная шкура?

Нараян понурил голову и потянулся к кувшину.

Следя за его трясущимися руками и испытывая неприязнь с легким привкусом жалости, Шанкар молвил:

— Я не знаю, какую судьбу уготовят для вас жрецы, узнав о последствиях вашей деятельности на посту главы деревни, но если хотите, я могу попробовать выторговать милость для вашей персоны.

Нараян с надеждой во взоре посмотрел на охотника и поставил стакан на столик:

— Правда? Что я должен для этого сделать?

— Во-первых, — тут Шанкар резким движением смахнул кувшины со стола.

Оба сосуда с громким хрустом разбились об пол, покрывая шерстяной ковер бурыми пятнами. Глава деревни аж подпрыгнул.

— Вы что творите?! — взвизгнул он, с долей отчаяния смотря на осколки.

— Во-первых, — как ни в чем не бывало, продолжил Шанкар, — бросайте пить. Сейчас вам действительно хватит забот, помимо того, как нагружаться хмелем с утра до ночи.

Староста обернулся к охотнику и уже собирался высказать все, что о нем думает, но, увидев суровую и непроницаемую маску на лице жреческого посланника, отказался от подобной затеи.

— Во-вторых, стройте колодцы. В деревне, рядом с дорогой, в полях. Где только возможно, на примерно одинаковых расстояниях друг от друга. Это обеспечит жителей чистой водой и позволит отсрочить тот момент, когда растениям перестанет хватать влаги.

— Колодцы не спасут поля со злаками, — обреченно вздохнул Нараян.

— Нет, — согласился Шанкар, — не спасут. Но они и не должны. Колодцы необходимы для мелкого хозяйства, вроде огородов и садовых деревьев. Это позволит вам выиграть время и остаться в долине на неопределенный срок.

— Хорошо, — тяжело выдохнул глава деревни, — что-нибудь еще?

— Да. Ветер с востока скоро начнет наметать сюда песок. Сначала это будут мелкие, едва заметные песчинки, но затем их станет все больше и больше. Каналы засорятся. Сарасвати пересохнет, и тогда все. Чтобы это произошло, как можно, позже, начинайте строительство частоколов на правом берегу реки. В несколько рядов, чем выше, тем лучше. Это задержит песок и позволит пользоваться землей.

— На сколько задержит? — Нараян пристально взгляделся в лицо собеседника. — Как долго мы еще сможем здесь оставаться?

— Если сделаете все, как я сказал?

Староста кивнул. Охотник ответил не сразу, видимо, проводя в голове какие-то подсчеты. Для Нараяна это было самое томительное ожидание в жизни. Наконец, Шанкар ответил.

Его слова прозвучали, как приговор:

— Год. В лучшем случае, полтора.

— О-о-о-о, — застонал глава деревни, опуская голову на грудь и закрывая ее руками.

Охотник не стал его утешать, ибо считал, что во всех своих бедах Нараян виноват исключительно сам, да и подходящих слов утешения подобрать Шанкар не смог бы.

Вместо них он сказал:

— Я отправляюсь в обратный путь. Необходимо доложить верховному жрецу о сложившейся ситуации. Быть может, он сумеет что-то предпринять, дабы мы все не умерли голодной смертью в обозримом будущем. Долина Сарасвати — главная и основная житница нашего народа. Нужно немедленно придумать, что делать дальше.

Нараян вскинул голову и посмотрел на охотника.

Его волосы встали дыбом:

— А носорог?

— Что, носорог?

— Разве вы не собираетесь его изловить и уничтожить?

— Нет, — после секундного замешательства ответил Шанкар.

— Но ведь вы опытный охотник! — взвился Нараян. — Вы обязаны...

— Вам я ничем не обязан, — резко прервал его он, — тем более, я не работаю за бесплатно.

— Я заплачу!

Шанкар хмыкнул:

— Чем? Бобами?

— Серебром! Дам столько, сколько потребуете.

Охотник положил руки на стол и сцепил пальцы:

— Нараян, я прекрасно осведомлен, что вы гол, как сокол.

— Откуда вам это известно? — удивился глава деревни.

Шанкар не ответил, однако многозначительно поднял правую бровь.

— Понятно, — пробормотал староста и грохнул кулаком по столу. Глиняный стакан подпрыгнул и полетел следом за кувшинами. — Давненько пора ее было выпороть! — он вновь перевел взгляд на Шанкара. — Вы не можете бросить нас на растерзание зверю.

— Уверен, вы сможете от него отбиться, если станете соблюдать простые правила.

— Правила?! — в голосе главы деревни прорезались истерические нотки. — Какие еще правила?!

— Не уходить далеко от селения...

— О, боги, вы серьезно?!

— Работать в поле на виду у остальных и не бродить в одиночку.

— Да что вы, во имя Богини-матери, несете?! — взорвался Нараян. — Эта тварь разделалась с дюжиной моих лесорубов...

— Этого мы не знаем, — тихо возразил Шанкар, но староста его даже не слушал.

— ... И прикончила гонцов. А вы твердите о каких-то дурацких правилах! Да он уничтожит всех нас еще раньше, чем это сделают пески, если зайвится сюда!

— Ни один зверь добровольно не атакует людское поселение, — спокойно парировал

ОХОТНИК.

— Да ну? — язвительно хохотнул глава деревни. — А деревушка на просеке?

— Вы вторглись на его территорию, вот он и напал. Джунгли — его дом, а вы пришли туда с топорами и огнем. Но не волнуйтесь, — Шанкар встал, — свою кровавую месть носорог, или кто он там, уже совершил, и не полезет в деревню.

— Почему? — сокрушенно покачал головой Нараян. — Почему вы отказываетесь изловить чудовище? Неужели дело только в серебре?

— Нет, — покачал головой охотник, — не только.

— Тогда в чем же? Объясните!

— У меня нет времени, — словно плаксивому ребенку, начал пояснять Шанкар, — я должен вернуться в Мохенджо-Даро, как можно скорее, и не могу задерживаться, тратить драгоценные дни на поиски и убийство зверя, о котором, кстати, я мало, что знаю. На сбор сведений уйдет еще какое-то количество времени, а промедление сейчас недопустимо. Скоро вы не сможете кормить долину Синдху. Да, в каждой из столиц имеется крупное зернохранилище с запасами продовольствия, но надолго ли их хватит, когда главная житница страны иссохнет, как лужа под палящим солнцем?

Нараяну нечем было ответить. Он сидел, понуро опустив голову и сцепив руки на коленях.

Шанкар решительно произнес:

— Я отправляюсь в город немедленно.

Охотник уже собрался было двинуться к выходу, но тут холодная и липкая рука главы деревни ухватила его за локоть:

— Но вы вернетесь? — в глазах старосты сквозила мольба. — Вернетесь, чтобы убить носорога?

Охотник одернул его руку:

— Не знаю.

Дойдя до входной двери, он услышал, как Нараян произнес:

— За что мне все это?

— Этот вопрос, Нараян, — бросил охотник через плечо, — вам стоит задать самому себе, — и вышел из гостиной, прикрыв дверь.

Лошадь уже поджидала его у входа в дом старосты. На этот раз ее привела Абхе. Забрав из руки девушки вожжи, Шанкар вскочил в седло, проверяя снаряжение. Все оказалось на месте.

Дочь старосты, с легким налетом грусти в голосе, произнесла:

— Жаль, что я не могу уехать с тобой.

— Не переживай, — охотник поправил пояс с кинжалом, — скоро твоя мечта осуществиться и без моей помощи.

Она широко раскрыла глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— Спроси у своего отца, — бросил охотник и вывел белоснежную кобылу на тропинку, ведущую от дома Нараяна.

Проехав пару локтей вперед, он обернулся. Абхе стояла и молча смотрела ему в след. Она улыбалась, но улыбка оказалась натянутой и печальной.

— Помнишь, что я сказал? — спросил он.

— Насчет опасности, что подстерегает меня?

Шанкар кивнул.

— Помню.

— Это хорошо, — еще мгновение он смотрел на нее, а затем молвил, — прощай, Абхе, — и с силой пришпорил кобылу. Та понеслась вперед, поднимая в воздух клубы дорожной пыли и распугивая местных детей.

— Прощай, Шанкар, — прошептала дочь Нараяна и вернулась в дом.

***

— Поверить не могу, что он это сделал!

— Полностью согласен с тобой, дружище. Просто неслыханное преступление, в наше-то время!

— Думаешь, это правда Анил убил всех лесорубов?

— А кто же еще? Он выбежал из джунглей с окровавленным топором, бормоча всякую околесицу, а древесины из лагеря не поступало уже очень давно. Не знаю, как ты, а я готовлюсь к худшему, поэтому не стал завтракать сегодня утром.

— Думаешь, нас ждет неприятное зрелище?

— Уверен в этом! Топоры, обычно, оставляют скверные раны.

— Отвратительно.

— Согласен.

— И, все же, не похоже это на Анилу.

— О чем ты?

— Об убийстве. Да, тем более, массовом.

— Ты с ним знаком?

— Немного. Моя жена водит дружбу с Миной, супругой Анилы и иногда заходила к ним в гости. У них растет дочь, Нирупама. Славная малышка. Так вот, по словам жены, Анил никогда не производил впечатления безумца. Да, немного нервный, но точно не убийца.

— Друг мой, ну вы же не жили с ними под одной крышей! Откуда вам знать всех тайн чужой семьи?

— Верно, но...

Два стражника с длинными копьями, медные наконечники которых сверкали в лучах полуденного солнца, так увлеклись светской беседой, что не сразу услышали крик одергивающего их командира:

— Эй, вы, там, в хвосте! Заткнулись оба!

— Слушаюсь, командир Аджит! — хором произнесли стражники, резко замолкая.

Пробурчав грязное ругательство себе под нос, Аджит вновь обернулся вперед, сосредоточив взгляд на дороге, ведущей на север в сторону лагеря лесорубов в верховьях Синдху.

Командир прослужил в городской страже почти всю свою взрослую жизнь и, несмотря на зрелый возраст, сохранил неплохую физическую форму. Крепкие, жилистые ноги. Плоский живот с выступающими мышцами и легким намеком на появляющийся жирок. Сильные руки. Не такие огромные, как у кузнеца, но и побольше, чем у любого стражника, вверенного ему отряда из десяти человек, не считая его самого. Овальное лицо обрамляла длинная густая борода. Плоский нос придавал смешное выражение его лицу, в связи с чем подчиненные прозвали Аджита «Прибитый». Однако никому и в голову не приходило

сказать ему это в лицо. Иначе бы уже подобного смельчака стали величать «Прибитым». В прямом смысле этого слова. Узкие карие глаза всегда пытливо смотрели на мир из-под толстых нахмуренных бровей, а лоб испещряли глубокие морщины. В общем, Аджиту и самому нравился его внешний вид. За исключением, пожалуй, одного — он довольно рано облысел, и теперь голова напоминала куриное яйцо, подгоревшее с нижней стороны.

На фоне остальных людей из отряда, командир выделялся не только более мощным телосложением, но и одеждой. Обычный стражник носил простую серую рубаху до колен, перевязанную кожаным ремнем у пояса, на который можно было повесить кинжал. Однако ничего, кроме копий, они с собой не прихватили, заменив клинки на дополнительную флягу с водой, ибо день выдался жарким. Но только не Аджит. Командир никогда не пропускал случая, чтобы покрасоваться перед подчиненными своим длинным блестящим кинжалом, отлитом из особо прочных сплавов бронзы. Рукоятку клинка украшал бирюзовый камень. В отличие от рядовых стражников, Аджит носил красную рубаху и фиолетовый плащ — один из самых узнаваемых символов богатства и высокого статуса в обществе Мохенджо-Даро. Командир безмерно гордился своим снаряжением и одеждой.

Вот и сейчас, вышагивая впереди колонны, с гордо поднятой головой, он ощущал себя настоящим полководцем, несмотря на то, что никогда не был на войне. Как, в принципе, и все жители долины Синдху. Однако Аджита сей факт нисколько не смущал. Когда сообщили, что именно ему поручен поиск пропавших лесорубов, командир с радостью принял эту новость. Кто, как не он должен будет оказаться в центре всеобщего внимания, когда найдет доказательства вины безумца Анила и прижмет того к стенке? А то, что он их найдет, у Аджита не было никаких сомнений. Поэтому сейчас, вышагивая под лучами жаркого солнца, он находился в приподнятом расположении духа, мечтая поскорее добраться до лагеря лесорубов, а потом вернуться обратно в Мохенджо-Даро, окутанный лучами славы. Лавры разоблачения злостного преступника должны принадлежать ему и только ему! Его подчиненные не особо разделяли энтузиазм командира, прекрасно отдавая себе отчет в том, что максимум чего они смогут добиться от данной прогулки, так это парочка новых мозолей на пальцах.

Когда впереди показался лагерь лесорубов, Аджит, чувствуя приятное возбуждение, ускорил шаг. Его отряд, словно по молчаливой команде, поспешил следом за ним.

— Осмотрите палатки, — пробасил командир, и двое стражников, болтавших между собой по пути, тут же бросились выполнять его приказ.

Остальные воины выстроились в шеренгу и молчаливо наблюдали за тем, как двое их товарищей заходят и выходят во временные пристанища лесорубов. На их лицах было написано тревожное возбуждение. Никто не знал, на что они могут здесь наткнуться. Не знали, но подозревали. Аджит, насупившись и пыхтя, как бык, нетерпеливо ждал, когда его подчиненные закончат проверку.

Наконец, когда последняя палатка была осмотрена, один из стражников доложил:

— Они все пусты, командир!

— Кхм, — хмыкнул Аджит, — получается, он убил их не здесь?

— Странно, — прошептал один из его подчиненных, прыщавый и тощий юнец.

— Ты что-то сказал, Банси? — прогремел Аджит.

Банси побледнел, но нашел в себе силы повторить:

— Я сказал «странно», командир.

— Что странного-то?

— Ну, — протянул Банси и тут же нарвался на грубый тон Аджита.

— Не нукай, я тебе не зебу! Говори, как думаешь, или замолкни!

— Жрецы считали, что Анил убил лесорубов во сне, — пролепетал Банси, — иначе, как бы он смог справиться с дюжиной вооруженных топорами людей?

— И, что?

— Тел здесь нет, — быстро пояснил Банси, — выходит, если Анил и убил их, то явно не во сне. Не ночевали же они на просеке?

Аджит озадаченно почесал лысину.

До него начинал доходить смысл сказанных его подчиненным слов:

— А если он не убивал их во сне, то... как сумел расправиться с лесорубами?

Вопрос не был обращен к кому-либо, но стражники недоуменно переглянулись, явно пребывая в легком замешательстве.

— Ладно, неважно, — продолжил Аджит, — отправляемся на просеку. Возможно, там мы и найдем ответы на вопросы...

Пока Аджит продолжал разглагольствовать, Банси шепотом обратился к широкоплечему стражнику, стоявшему слева от него. Кажется, его звали Вишал.

— Ты слышишь?

Тот непонимающе взглянул на него:

— Слышу, что?

— Птицы, — пояснил Банси, — они не поют.

— А ну заткнулись! — рявкнул Аджит, прерывая шепот стражников.

Весь отряд вздрогнул и испуганно воззрился на своего командира. Лицо Аджита покраснелось и стало похоже на пурпурную рубаху, плотно облегающую мощную грудь стражника. Его глаза метали молнии.

— Вы должны всегда слушать то, что я говорю. Понятно?! Трепля языками у меня за спиной, вы, тем самым, проявляете неуважение ко мне! — он сделал несколько шагов вперед, его ноздри раздувались и пыхтели. В какой-то момент, стражникам показалось, что из них вот-вот пойдет пар. — Или я для вас, молокососов, просто пустой звук?!

Вся группа стражников побелела, как сахар. Их глаза вылезли из орбит, а на лбах

выступили маленькие капли пота.

Крайне довольный произведенным впечатлением, Аджит позволил себе немного смягчить тон:

— Надеюсь, вы усвоили мои слова. А теперь в путь, у нас много дел.

Он ожидал, что стражники мигом помчатся выполнять его приказ, как это обычно происходит, но те остались стоять на месте, продолжая таращиться на него глазами, полными неподдельного ужаса.

Аджит заорал:

— Оглохли?! Бегом на просеку, я сказал!

В этот момент где-то позади него хрустнула сухая ветка. И этот звук помог осознать командиру, что стражники испытывают страх, смотря вовсе не на него, а на что-то *позади* него!

Ухватив копьё за древко покрепче, Аджит резко развернулся. То, что предстало перед его глазами, настолько поразило командира, что ему понадобилось несколько мгновений, дабы вернуть, утраченное на секунду, самообладание.

Оно стояло буквально в четырех-пяти локтях от него.

В голове Аджита промелькнула мысль.

«Как... как такая здоровая туша, размером с носорога, смогла бесшумно подобраться ко мне со спины?».

Да, он увлекся своей пламенной речью, но не настолько же, чтобы не услышать топот этих массивных лап, вооруженных длинными острыми когтями, как у синха. Или же тварь умела ходить бесшумно, и только случайность в виде хрустнувшей ветки позволила Аджиту обратить на подкрадывающееся существо внимание? Но, посмотрев чудовищу прямо в его круглые, красные, словно кровь, глаза командир стражников понял — все обстояло намного проще. Он не знал, откуда возникла у него такая уверенность... не мог ее объяснить, но понял — существо *хотело*, чтобы он его обнаружил. Синхаподобный носорог, или кто он там на самом деле, не собирался нападать исподтишка, будто стая шакалов. Уверенное в собственном превосходстве над людьми, как еще недавно сам Аджит над своими подчиненными, оно возвышалось над ним на добрых две головы. Слегка вытянутую морду на длинной шее украшал более тонкий, нежели у носорога, но выглядевший не менее смертоносно, рог. Крепкое, мускулистое туловище, поддерживаемое четырьмя мощными лапами, покрывала плотная коричневая чешуя.

Когти твари заскребли по земле, разрывая хрустнувшую ветку на мелкие щепки. Длинный хвост, доселе скрывавшийся позади массивного тела, взвился в воздух, рассекая его со звуком хлыста. Закругленный на конце в форме небольшой металлической гири, он наливался зелено-янтарным цветом.

До Аджита не сразу дошло, что чудовище не издает никаких звуков. Ни рева, ни шипения. Оно просто смотрит на него своими кровавыми глазами, и под этим взглядом командир ощутил себя, будто кролик перед броском кобры. В какой-то момент он осознал, что вообще не слышит никаких звуков, кроме собственного тяжелого дыхания, да когтей существа, скребущих пожухшую листву на земле.

Внезапно пасть чудовища разверзлась, обнажая стройный ряд мелких острых зубов, и в тот самый миг Аджит, полностью вернув контроль над собой и заставив затолкать лишние эмоции с вопросами куда подальше, вскинул копьё, прицелившись твари в шею. Ему показалось, что чешуйки на ней более мелкие и не так плотно прилегают друг к другу, как на

остальных участках тела существа. Мышцы правой руки напряглись так сильно, что едва не порвали ткань рубахи. Аджит отвел копьё в сторону, готовясь совершить прицельный бросок и вложить в него всю мощь, на которую только был способен. В ту же секунду из пасти чудовища показался длинный язык, раздвоенный на конце, как у змеи. В тот самый миг, когда командир стражников уже готов был отправить копьё в полет, язык чудовища метнулся вперед со скоростью, подобно которой земляной лев[1] ловит свою добычу, и выхватил копьё из руки Аджита, словно тростинку из кулачка ребенка. Уже в следующую секунду копьё оказалось в пасти зверя. Послышался треск перегрызаемого древка и оружие, перекусанное пополам острыми зубами, выпало из пасти твари на землю. Маленький медный наконечник тоскливо блеснул в лучах полуденного солнца, будто оплакивая собственную судьбу.

И тут Аджита прорвало:

— Копьё мне! К бою!

Сохранив мышечные инстинкты, благодаря долгим тренировкам, командир стражи откатился в сторону сразу же, как только его бывшее оружие исчезло в пожухшей листве. И это спасло ему жизнь. В то же мгновение хвост существа рассек воздух над его головой, а удар зелено-янтарного кончика, предназначавшегося для лица Аджита, прилетел прямо в живот Вишалу, сделавшему за секунду до этого шаг вперед, дабы обеспечить своего командира собственным копьём. Удар оказался такой силы, что Вишала отбросило назад на ряды сгрудившихся стражников. Каким-то невероятным чудом он не налетел на одно из копий своих товарищей, которые, несмотря на дикий ужас, сумели-таки выставить их перед собой в оборонительном порядке. Вишал взвыл, прикладывая руки к животу, чувствуя, как жгучая боль начинает пульсировать в районе пупка. Тем временем не растерявшийся Аджит вцепился руками в копьё, выроненное его подчиненным, и вскочил на ноги.

— Кидайте в шею! — крикнул он, быстро отступая назад.

Звук его голоса вывел некоторых из оцепенения.

Банси, нарушив строй, вышел вперед и, размахнувшись, метнул копьё в чудовище. Тварь, в этот момент продолжавшая следить своими красными глазами за Аджитом, не заметила движения стражника, и пущенное копьё угодило точно в цель. Очевидно, остальных людей за достойных противников она не считала. Банси, увидев, как копьё достигло цели, уже готов был расплыться в торжествующей улыбке. Ведь не кому бы то ни было, а ему самому предоставилась честь спасти своего командира от пасти страшного чудовища. Однако улыбка на тонких устах прыщавого стражника так и застыла в моменте своего зарождения, когда он увидел, что брошенное копьё не пронзило чешую зверя, а отскочило от нее, словно маленький камешек от глиняной стены. Все, чего смог добиться Банси, так это перевести взгляд существа на себя.

Голова твари на тонкой шее медленно обернулась к нему. Острый рог навис над ним, подобно неумолимой каре богов. Глаза чудовища стали еще ярче. Еще краснее. Хотя казалось, что это уже невозможно. Из разинутой пасти послышался гулкий и шелестящий звук, будто сотня змей предостерегающе зашипела одновременно.

Банси похолодел от ужаса и впал в настоящее оцепенение, когда увидел, что острый рог существа направлен прямо на него. Чиркнув когтями по земле, чудовище одним броском преодолело расстояние до стражника, не давая ему ни малейшего времени опомниться. Уже в следующую секунду Банси отправился в высокий полет над землей. Даже не успев приземлиться в паре десятков локтей от лагеря лесорубов, он уже испустил дух, так и не

осознав, что острый рог чудовища прошел через все его тело от пояса до шеи.

Оставшиеся в строю восемь стражников сумели-таки, хотя бы немного, побороть сковывающий их страх. Трое ближайших из них подбежали к невиданному зверю и попытались проткнуть копьями толстую чешую. Однако их попытки имели ровно такой же успех, как если бы кто-то решился продолбить стену пальцем. Один из стражников моментально поплатился за свою наглость откушенной головой. Конвульсивно всплеснув руками и поднимая в воздух алый фонтан крови, бездыханное тело рухнуло на землю. Когда же второго смельчака буквально разорвали на куски передние лапы чудовища, организованный бой был окончен. Паника, охватившая стражников, никогда не сталкивавшихся с угрозой, страшнее рыночных воришек, позволила существу начать настоящую бойню. Слепленные неудержимым ужасом, затуманившим их разум, сразу трое воинов угодили в пасть твари, сами идя навстречу собственной смерти.

В воздух взлетели ошметки человеческих тел. Округа наполнилась отчаянными воплями, перемешавшимися с хрустом костей. И что самое жуткое, тварь продолжала свое хладнокровное убийство, не издавая ни единого звука. Только из окровавленной пасти, продолжавшей терзать человеческую плоть, периодически доносилось гулкое шипение. И если бы стражники сохраняли к тому моменту возможность слышать хоть что-нибудь, кроме собственных безумных криков, то они смогли бы разобрать в этом шипении всего лишь одно слово.

— С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.

Аджит, все это время стоявший чуть в отдалении, понял, что у него есть только один способ выбраться отсюда живым. Вся жизнь мигом пронеслась у него перед глазами, когда он решил сделать то, чего считал единственным шансом на спасение. Крепче ухватив копьё Вишала, он быстро приблизился к чудовищу со спины, подныривая под вращающийся хвост, едва не налетев на его зелено-янтарный конец. Тварь, словно почувствовав намерения командира отряда, попыталась лягнуть того задними лапами, когти на которых были еще длиннее, нежели на передних. При этом морда чудовища, раскачивающаяся на длинной шее, не переставала рвать на куски впавших в панику стражников. Один из когтей слегка полоснул Аджита по бедру, оставляя на коже глубокую кровоточащую борозду. Место повреждения сразу начало щипать, как от кошачьей царапины. Не обращая на нее абсолютно никакого внимания, Аджит уперся правой ногой в бок чудовища и, ловким движением, запрыгнул ему на хребет. Дернувшись, существо попыталось сбросить непрошеного седока на землю, дабы там прикончить его с помощью своих смертоносных когтей. Однако Аджиту, каким-то непостижимым образом, удалось сохранить равновесие. Когда жизнь человека висит на волоске, ради ее спасения он способен на такие действия, которые ни за что не смог бы повторить в спокойной обстановке. Упав на спину существа и вцепившись ногтями ему в чешую, Аджит дождался момента, когда тварь на мгновение успокоится, отвлекаясь на убийство очередного его подопечного (бедолагу разорвало рогом напополам), и встал. Сделав пару быстрых шагов, дорожа каждым мгновением, он добрался до основания шеи существа и занес копьё, готовый опустить его вниз со всей силой, на которую только был способен. В тот момент весь окружающий мир перестал для него существовать. Даже время, казалось, полностью прекратило свой ход. Существовал лишь он, копьё и тварь, рвавшая на куски его людей.

«Клянусь Богиней-матерью, ты заплатишь за смерть каждого из них!».

Со скоростью молнии промелькнула эта мысль в голове Аджита, а затем грянул гром.

Руки с копьём опустили. Но не для того, чтобы попытаться пронзить кожу чудовища, прикрытую прочной чешуей. Ладони командира стражников внезапно обмякли, выпуская из разжатых пальцев копьё, которое, с тихим стуком ударившись о чешую чудовища, полетело вниз. Удивленный Аджит, не понимающий, от чего вдруг руки внезапно отказались ему служить, опустил взгляд. Из его груди, пронзенной насквозь, торчал зелено-янтарный наконечник хвоста.

«Ах ты ж змей проклятый...».

Его мысль, как и сознание, быстро оборвалась, когда существо резким движением выдернуло хвост из тела командира стражников, прихватывая за собой позвоночник. Бесформенная масса человеческих останков разлилась по спине твари.

Все было кончено.

***

Вишал лежал на земле, устремив взгляд сощуренных глаз в чистое синее небо, раскинувшееся над его головой подобно огромному куполу. Тело сотрясали судороги, а низ живота, куда угодил удар хвоста неизвестного существа, горел так, словно его подожгли заживо. Отец однажды рассказывал ему, что если не высосать яд кобры, то человек умрет в жутких судорогах. Подсознательно Вишал понимал — нечто подобное сейчас происходит и с ним. Только кобра оказалась намного крупнее обычной, да и яд высосать, судя по всему, уже некому. Какое-то время до него доносились отчаянные крики и жуткие стоны, но потом все стихло.

Лагерь лесорубов погрузился в полное безмолвие.

Вишал различал лишь собственное тяжелое дыхание, с каждой минутой становившееся все прерывистее. Боль медленно, но неумолимо приближалась к сердцу, поднимаясь от низа живота. Судороги все сильнее скручивали мышцы. Вишалу приходилось крепко стискивать зубы, дабы не закричать. Зажмурившись на мгновение, во время особо тяжелого приступа, он снова открыл глаза. Однако вместо привычной картины синего неба, он увидел *его*.

Коричневатая морда зверя, покрытая кровью и кусочками человеческой кожи. Красные глаза, полные холодной ярости, без малейшего сострадания наблюдали за тем, как жизненные силы покидают раненого стражника. Даже когда Вишал утратил способность четко видеть, красные глаза чудовища, подобно двум пылающим факелам, продолжали смотреть на него сквозь белую завесу до тех пор, пока тот не отправился на встречу с богами...

...Мощные лапы с острыми когтями пересекли лагерь лесорубов. Хвост с зелено-янтарным наконечником перестал рассекал воздух, словно плетть...

Поляна опустела, а джунгли вновь приняли в свой дом страшного обитателя, который оставил позади себя груды растерзанных тел.

Солнце пересекло зенит, когда в лагере лесорубов снова послышалось пение птиц.

[1] Земляной лев — древнегреческое название хамелеона. Существует предположение, что оно было калькировано с аккадского.

Отчаяние — это страх без надежды.

Рене Декарт

Шанкар вернулся в Мохенджо-Даро к исходу четвертого дня с тех пор, как он покинул деревню в долине Сарасвати. Участок дороги, что проходил через джунгли, охотник инстинктивно постарался проскочить, как можно быстрее. И хотя он пытался внушить себе, что загонял лошадь исключительно ради того, чтобы преодолеть расстояние в кратчайшие сроки, обмануть собственный разум ему не удалось. В глубине души Шанкар прекрасно осознавал, по какой действительно причине он галопом несся по грунтовой дороге, окаймленной с обеих сторон густыми зелеными лесами. Из памяти никак не стирались жуткие находки, попавшиеся охотнику на глаза. Изувеченный труп зебу. Останки гонцов Нараяна. Все эти картины хорошенько впечатались в память, и Шанкар не был уверен, что сможет забыть их в ближайшее время. Тем не менее, первоочередной задачей был доклад о результате разведки в долине Сарасвати Верховному жрецу. Бешеный носорог, или кто он там на самом деле, может подождать.

Солнце клонилось к горизонту и заливало город оранжевым светом, когда он проскакал через северные ворота. Шанкар хотел, было, продолжить путь до Цитадели верхом, однако хозяин конюшен настойчиво потребовал вернуть лошадь. Хотя кобыла и числилась за охотником, принадлежала она государству. На ярые увещевания Шанкара о том, что ему нужно успеть сегодня повидаться со жрецом, хозяин конюшен лишь хладнокровно покачал головой. Убедившись, что спор ни к чему не приведет, и он только зря потеряет время, охотник плюнул на мостовую, открепил от седла копьё, поправил колчан со стрелами, а также флягу с остатками воды. Забрав пожитки и, держа оружие в правой руке, Шанкар зашагал по главной улице на юг в сторону возвышавшейся Цитадели. Вид у него был крайне мрачный и угрюмый. К тому же, он очень устал с дороги, а путь до противоположной части города был не таким уж и близким. И теперь, благодаря неслыханной щедрости хозяина конюшен, ему придется преодолеть его на своих двоих.

Он как раз проходил мимо своего дома, когда услышал, что его окликнул знакомый голос:

— О, ты вернулся!

Шанкар повернул голову и вяло улыбнулся:

— Доброго вечера, Каран. Извини, спешу, не могу сейчас говорить.

Мальчуган сидел на маленькой изгороди и болтал ногами, выбивая босыми пятками дробь по деревянной поверхности. Позади него виднелся палисадник с золотистыми бархатцами.

— Да? Жаль. Думал, ты расскажешь о своих приключениях.

Охотник невольно скорчил кислую гримасу.

«Поверь, дружок, тебе точно не захочется узнать подробности моего путешествия».

Однако вслух сказал:

— Быть может, завтра?

Глаза мальчугана заблестели:

— Договорились! С утра?

— Шер с тобой, — вздохнул охотник, — с утра, так с утра.

— Шер? — непонимающе взглянул на него Каран. — Что такое этот шер?

— Синха, на языке людей с запада, — Шанкар был доволен, ведь ему удалось вернуть в разговор новое словечко.

— Я запомню, — с умным видом кивнул Каран.

— Познавай мир, — бросил ему охотник и, уже хотел было продолжить путь, как мальчуган его снова окликнул.

— Кстати, пока тебя не было, сюда приходили.

— Кто?

Каран подмигнул:

— А ты догадайся.

— Каран, — устало вздохнул Шанкар, — у меня нет времени на игры.

— Ладно-ладно, — буркнул мальчишка, — девица твоя заявлялась.

— Нилам? — охотник сделал шаг навстречу.

— Имени ее не знаю, — пожал плечами Каран, — ну, та, у которой груди, словно два кокоса и глаза огромные. Синие такие.

— Я, вроде, говорил ей, что меня не будет около двух недель...

Каран кивнул:

— Да, она помнила, но пришла сказать, дабы я передал тебе важную весть.

— Какую весть?

Мальчик перестал бить пятками по изгороди и хитро посмотрел на охотника:

— А что мне за это будет?

— Каран! — охотник не хотел поднимать на него голос, но он спешил и дико устал.

— Ну, хорошо, — насупился тот, — вижу, ты не в настроении.

— Я спешу.

— Оно и видно, — Каран скосил взгляд на грязные сандалии охотника, а затем добавил, — она сказала, что сегодня утром вынуждена поехать в Хараппу.

— В Хараппу? Зачем?

Мальчик пожал плечами:

— Там у одного из Верховных жрецов намечается какой-то пир. Понятия не имею, по какому случаю, но он приглашает гостей с обеих столиц. А чем больше гостей... — тут Каран подмигнул, — тем больше нужно девиц. А твоя подружка состоит в одном из самых почетных публичных домов Мохенджо-Даро. Вот, она и поехала.

— Ясно, — охотник слегка погрузтел, — Нилам не сказала, когда вернется?

— Сказала, — кивнул мальчуган, — через пять дней.

— Больше ничего не передавала?

— Да, еще одно слово, — Каран широко улыбнулся.

— Какое?

Мальчик выпятил грудь, приподнял голову и наигранно произнес:

— Согласна.

Шанкар почувствовал, как в полном мраке, царившем внутри его души, забрезжил лучик света. Он улыбнулся.

Каран, внимательно следивший за реакцией охотника, нагло спросил:

— Ты возьмешь ее в жены?

— Мне пора, — быстро развернулся охотник, — спасибо, и до встречи, Каран.

— И это вся благодарность? — пробурчал Каран, слезая с изгороди и направляясь в дом.

Пройдя несколько шагов вперед, Шанкар было подумал, не навестить ли ему Анилу. Последний раз, когда они с ним виделись, тот выглядел нездорово. Однако охотник довольно быстро отменил эту затею. Главной целью является разговор с Верховным жрецом, а уж потом — все остальное.

Уже начинало смеркаться, когда он дошел до рыночной площади недалеко от моста через канал, разделяющий основной город от Цитадели.

— Эй, Шанкар! — окликнул его кузнец Брасид. — Где мои шкуры дикого зубра? Ты обещал мне их к концу недели.

— Извини, приятель, — не сбавляя ход, ответил охотник, — не было времени. Да, честно говоря, я и сейчас спешу.

— Куда? — пробасил кузнец. — Навестить Анилу в тюрьме?

Шанкар сбился с шага и едва не упал носом в известняк мостовой, заплетая собственные ноги.

В изумлении разинув рот, он обернулся к кузнецу:

— Что ты сказал?

— А ты не знал? Об этом весь город трубит!

Охотник медленно приблизился ко входу в кузню. Брасид, как всегда, потный и грязный, сочувственно взирал на него сверху вниз.

— Анил в тюрьме? За что?

— За массовое убийство.

Челюсть Шанкара поползла вниз, а брови — вверх.

При этом его глаза выпучились, как у рыбы:

— Да ты, что, Брасид, белены объелся?

— Ничего я не объелся! — обиделся кузнец. — Он перерубил всех своих товарищей лесорубов, словно мелкий кустик.

— Тела уже нашли?

— Нет, — насупился Брасид, — но на просеку отправили отряд стражников. Уж они-то, наверняка, их обнаружат, — тут он взмахнул могучими руками, — да и кто, если не он? Бешеный носорог что ли? — кузнец нервно хохотнул. Шанкар же побледнел, как полотно. — Его поймали, всего в багровых пятнах и с окровавленным топором, а от лесорубов не поступало известий вот уже несколько дней. Ни слуху, ни духу. Так, что это точно Анил, — Брасид рассек ладонью воздух, — точно тебе говорю.

Охотник, к моменту окончания его диалога, сумел взять себя в руки и надеялся, что кузнецу не бросится в глаза сильная бледность, покрывшая его лицо.

— Значит, он сейчас в темнице?

— В храмовой тюрьме Цитадели, — кивнув, подтвердил Брасид, — единственный заключенный с почетным караулом, — тут он хмыкнул.

— А его семья?

Брасид перестал улыбаться.

Его добродушное лицо стало хмурым:

— Жена, когда получила печальную весть, упала без чувств, сильно ударившись головой о косяк. Она сейчас дома, переживает последствия падения и ожидает вызова в суд. Нирупама всегда находится подле матери. В общем, несладко им сейчас, без кормильца все-

таки остались, — он посмотрел на Шанкара, — ты бы заглянул к ним.

— Обязательно, — пообещал охотник, — но сейчас не могу. Мне необходимо переговорить с Верховным жрецом.

— Да, конечно, дела, — понимающе кивнул кузнец и протянул руку, — удачи тебе, Шанкар.

— И тебе, Брасид, — ответил охотник на сильное рукопожатие.

— Не забудь про шкуры.

Шанкар натянуто улыбнулся:

— Не забуду.

Кузнец скрылся в своей мастерской, подготавливая ее к закрытию, а Шанкар, все еще слегка ошеломленный, продолжил движение в сторону Цитадели, окутанной вечерними сумерками.

Новость о том, что Анил обвиняется в убийстве лесорубов поразила его до глубины души. Он никак не мог поверить в то, что его знакомый способен на такое. Взбираясь по склону холма к воротам Цитадели, охотник внезапно вспомнил о загадочном существе, убившем зебу и посланников Нараяна. По спине пробежал неприятный холодок.

«Уж не связаны ли эти события?».

Однако, немного поразмыслив, Шанкар пришел к выводу, что навряд ли. Долина Сарасвати, где оказались обнаружены следы пребывания зверя, находилась на значительном расстоянии от лагеря лесорубов в верховьях Синдху. Ни одно живое существо не имеет такого огромного ареала обитания. К тому же, ему пришлось бы постоянно перемещаться между двумя местами, дабы успеть расправиться и с лесорубами на Синдху, и с сельчанами на Сарасвати. А для этого зверь должен был обладать развитым умом, не хуже человеческого. И в последнем Шанкар сильно сомневался, ибо каждое животное на земле уступало в умственном развитии людям. Даже обезьяны. Охотник скорее поверит в то, что это действительно Анил в припадке безумия перебил своих товарищей, нежели в то, что это дело рук сверхумной макаки-людоеда. Макака-людоед. Он даже усмехнулся такому повороту мыслей.

Приблизившись к воротам Цитадели, он поинтересовался у скучающего стражника:

— Где мне найти Верховного жреца Чудамани? Это срочно.

— По какому делу? — вяло спросил тот.

— Насчет Сарасвати.

На лице стражника появились проблески интереса:

— А, так это вы... — он указал пальцем себе за спину, — Верховный жрец сейчас отдыхает в банях. Думаю, вы найдете его там.

— Благодарю, — бросил охотник, проходя сквозь ворота внутрь Цитадели.

К тому моменту, как он приблизился ко входу в бани, небо покрылось звездами, а сумерки сгустились настолько, что без дополнительного освещения становилось трудно различать дорогу. Охотник надеялся, что уборщики улиц соизволят зажечь факелы, когда он отправится домой.

Он постучал в деревянную дверь, чувствуя, как ноги начинают ныть от перенапряжения, а в животе урчит от голода. Дверь открыл знакомый слуга-привратник и вопросительно уставился на Шанкара.

— Я ищу Верховного жреца Чудамани. Мне сказали, что он здесь.

— Он не велел беспокоить его, — пробурчал слуга.

— Я из долины Сарасвати.

— О, — резко посторонился привратник, — тогда входите.

Охотник кивнул и зашел в темную комнату.

— Он у бассейна. Полагаю, вы найдете дорогу.

— Несомненно, — ответил Шанкар, пересекая комнату слуги и выходя на террасу возле бассейна.

Верховный жрец Чудамани сидел за тем же столиком, за которым находились охотник и Девадат во время их последнего разговора накануне путешествия Шанкара в долину Сарасвати. Свет от ряда треножников, стоявших вдоль стен, освещал его гладкое лицо. Насколько мог судить охотник, жрец был достаточно молод. Достаточно молод для занимаемой должности. Ухоженная короткая борода обрамляла овальное лицо Чудамани. Темные волосы были коротко острижены. Серые глаза, расположенные близко к ровному прямому носу, с умиротворением наблюдали за небом. В руке жрец держал бронзовый кубок, наполненный вином, из которого он периодически делал небольшие глотки, смакуя хмельной напиток. Подойдя чуть ближе, Шанкар заметил, что на нем выгравирован рисунок в виде парящего коршуна.

Заслышав усталые шаркающие шаги охотника, жрец прекратил созерцание ночного неба и обернулся.

Шанкар склонил голову в почтительном поклоне и произнес:

— Приветствую вас, Ваша Светлость. Простите за бесцеремонное вторжение, но у меня имеются известия из долины Сарасвати.

— Вы Шанкар? Охотник? — поинтересовался он слегка хриплым голосом, отставляя кубок.

— Да, господин, я...

— Садитесь, — перебил его Чудамани, указывая на плетеный стул, — вы с ног валитесь.

— Благодарю, — искренне произнес Шанкар, снимая со спины лук с колчаном и бросая на пол копьё.

— Еще один кувшин вина сюда! — крикнул жрец в темноту. — И тарелку баранины.

Где-то во тьме закопошился слуга-привратник, скрываясь в подсобке.

Шанкар рухнул на стул, ощущая, как гудящие ноги охватывает приятная истома.

Чудамани широко улыбнулся:

— Слышали новость?

— Какую? — вяло поинтересовался Шанкар.

— Наши олухи-стражники к северу от Хараппы снова видели повозку, стремительно проносящуюся вдаль. Причем на этот раз их было несколько!

— А, вы про это... — охотник подумал, что Верховный жрец хочет рассказать ему об Аниле, но нет. — Не слышал. Снова кто-то перебрал вина?

— Это уже второй случай за последнее время, — пожал плечами Чудамани, — меня это начинает интересовать. Была мысль самому отправиться туда и взглянуть на диво собственными глазами, однако, — тут легкая тень пробежала по его гладкому лицу, — сейчас и здесь хватает забот.

— Верно.

— А теперь, рассказывайте, — вновь улыбнулся Чудамани. — От чего жители долины Сарасвати так всполошились?

Охотник подметил про себя, насколько идет этому человеку улыбка. Она внушала

искреннее доверие и чувство сопереживания со стороны собеседника. Шанкару даже стало немного жаль от того, что придется разрушить хорошее настроение жрецу.

Не собираясь ходить вокруг, да около, он глухо произнес:

— Все плохо, Ваша Светлость.

Как и предполагал охотник, улыбка слетела с уст Чудамани, словно пожухший лист пальмы.

Когда жрец заговорил, в его голосе послышались твердые стальные нотки:

— Говорите, без утайки.

— Сарасвати высыхает, и это не предотвратить.

Чудамани слегка побледнел. Огонь треножников отражался в его глазах, скрывая от Шанкара частичку внутренних чувств. В этот момент к столу подошел привратник, неся на подносе еще один бронзовый кубок, тарелку с бараниной и кувшин вина.

Подождав, пока тот удалится на почтительное расстояние, жрец спросил:

— Долина будет пригодна для выращивания хлеба?

Шанкар налил полный кубок вина. На нем также виднелось изображение парящего коршуна.

— Еще год или полтора. Потом все.

— Что вы имеете в виду?

Охотник посмотрел жрецу прямо в глаза:

— Потом долина превратится в пустыню. Только камень и песок.

Чудамани побледнел еще сильнее. Жрец прикрыл глаза, старательно обдумывая услышанные слова. Не мешая его размышлениям, Шанкар отпил добрую половину из кубка, а затем закусил крупным куском баранины.

Они провели в молчании около пары минут. Потрескивание треножников и пение ночных птиц наполняли окружающую тишину. Будь обстановка не столь серьезной, быть может, охотнику удалось бы проникнуться этой ночной красотой.

Наконец, Чудамани открыл глаза, прерывая собственные размышления:

— Каковы причины обмеления реки?

— Вырубка леса, — при этих словах жрец вздрогнул, — повлекла за собой разрушение берегов у притока Сарасвати. Теперь ее питает зловонное болото, а с востока надвигается пустыня из-за нерадивого использования земли местными жителями, — поскольку жрец не перебивал, охотник отпил еще немного вина и продолжил, — они истощали почву постоянными выпасами скота на одном и том же месте. Не меняли места посевов, высасывая из земли все соки год от года. Быть может, оставайся Сарасвати такой же полноводной, долину удалось бы спасти, но...

— Но река высыхает, — закончил за него Чудамани.

Охотник кивнул:

— Да.

— Кто повинен в случившемся?

Перед мысленным взором Шанкара предстал образ Нараяна, опустившегося пьяницы, сломленного под напором проблем, которые он сам и породил. Испытывал ли он к нему жалость? Однозначно нет. Заслуживал ли он шанс на искупление? Возможно.

Охотник выждал паузу, прежде, чем ответил:

— Все. Жители левобережья Сарасвати, которые гнались в сборе урожая за своим более успешным соседом. Староста деревни Нараян, что из-за своей недалекости наплевал

на состояние лугов для выгона скота, а также производил безответственную вырубку леса вблизи притоков реки для очистки местности под новые поля и селения. Каждый приложил к трагедии руку.

Шанкар ожидал, что жреца охватит приступ ярости и справедливого гнева, во время которого он прикажет казнить недалновидного старосту за то, что тот своими действиями поставил под угрозу жизни многих людей. Однако ничего подобного не произошло. К искреннему изумлению охотника, Чудамани сохранял абсолютное внешнее спокойствие. Только излишняя бледность выдавала его тревогу.

— Сколько, говорите, у нас времени до того, как Сарасвати перестанет давать урожай?

— Год или полтора, — повторил Шанкар, — если Нараян последует моему совету и выроет повсеместно колодцы, да воздвигнет защитные ограждения от навеваемого ветром песка.

В глазах Чудамани промелькнуло чувство уважения к охотнику, и последнему это немного польстило.

— Значит, за это время нам необходимо найти новую житницу для страны, — задумчиво произнес жрец, закусив нижнюю губу.

Охотник поерзал на стуле и, решившись, все-таки спросил:

— Простите, Ваша Светлость, если я затрону вопрос, который может меня не касаться...

Верховный жрец ободряюще улыбнулся:

— Спрашивай. Если это не какая-нибудь государственная тайна, я отвечу.

— На сколько лет хватит запасов в зернохранилище?

Чудамани кивнул:

— Верно. Я тоже подумал об этом. Если в зернохранилище перестанут поступать продукты, то их запасов нам хватит примерно на один год.

— Значит, — уточнил охотник, — в общей сложности, у нас в запасе максимум около трех лет прежде, чем мы съедим последнюю лепешку и начнем грызть кожу на сандалиях?

Жрец снова утвердительно кивнул:

— Да, похоже, так.

— И что думаете делать?

Чудамани закусил нижнюю губу:

— Не знаю. Если честно, пока не знаю.

На террасе повисла зловещая тишина, прерываемая лишь треском огня в треножниках.

Наконец, жрец спросил:

— А что если расчистить места под посевы в верховьях Синдху?

Шанкар вздрогнул:

— Нет. Ни в коем случае. Вы и так рискуете, вырубая лес для строительства квартала в Мохенджо-Даро.

— Синдху тоже может пересохнуть?

— Нет, сомневаюсь, но превратиться в малярийное болото — несомненно.

Чудамани задумчиво обхватил нижнюю часть лица ладонью и проговорил сквозь нее:

— Придется сильно поломать голову. Для нашего же блага.

Шанкару нечего было добавить, поэтому он закинул в рот очередной кусок баранины и запил его остатками вина из бронзового кубка.

Верховный жрец убрал руку от лица и обратился к охотнику:

— Как бы то ни было, я благодарен вам за труды. Обещанные 1600 мер серебра вы получите у моего казначея, — он махнул рукой в сторону выхода, — его можно найти возле школы у ворот Цитадели.

— Благодарю, господин Чудамани.

— Уже поздно, — улыбнулся жрец, — полагаю, стоит оставить дела до утра. К тому же, вы устали, вашему организму необходим отдых.

Охотник не мог с ним не согласиться. Ноги хоть и перестали ныть, но в остальном теле ощущалась какая-то вялость, а глаза после выпитого вина и съеденной баранины непроизвольно слипались.

Шанкар уже хотел было встать и поблагодарить Верховного жреца за радушный прием, как вдруг кое-что вспомнил:

— Возле Сарасвати завелся неизвестный и опасный зверь.

Глаза Чудамани широко раскрылись:

— Вот как? Есть догадки, о какой твари идет речь?

Шанкар горько усмехнулся:

— Если бы я знал. Сам не понимаю. Это таинственное существо убило зебу и нескольких сельчан. Подозреваю, что пропавшие лесорубы Нараяна также пали жертвой зверя.

При упоминании о пропавших лесорубах Чудамани напрягся:

— В верховьях Сарасвати пропали лесорубы?

— Да, — охотник кивнул, — я слышал, здесь случилось нечто похожее?

— Именно, — подтвердил помрачневший Чудамани, — скажу больше. Отправленный на поиски вооруженный отряд стражников не вернулся в назначенный час. Это меня сильно беспокоит. Не так, как дела в долине Сарасвати, но все же.

— Когда должны были вернуться воины?

Жрец взглянул охотнику прямо в глаза:

— Вчера вечером.

Шанкар ощутил предательский холодок в области шеи.

«Милостивая Богиня-мать! Неужели все-таки это он? Таинственный зверь из Сарасвати?».

Его размышления прервал Чудамани:

— И если в исчезновении лесорубов спокойно можно было заподозрить Анила, то куда делись вооруженные стражники я ума не приложу, — жрец отвернулся в сторону бассейна. В ровной водяной глади отражалось звездное небо. — Как будто нам не хватало проблем. Обветшалый квартал. Засуха. Убийства. Теперь это... Вы сказали, что не представляете, кто это мог быть?

— Нет, — покачал головой Шанкар, — сначала я подумал на бешеного носорога, но характер некоторых ран указывает на то, что животное обладает острыми зубами.

— Синха? — предположил жрец.

— У синха нет бивней, а тело зебу и одного из гонцов Нараяна оказалось вспорото, словно рогом.

— Поймайте его. Выследите и убейте. Я заплачу вдвое больше того, чем вы получите за разведку в долине Сарасвати.

Охотник не ожидал такого щедрого предложения. Ну, еще бы. Если он сумеет убить существо, то сможет спокойно выкупить Нилам из публичного дома, да еще в придачу куча

серебра останется.

Поэтому он, не колеблясь, ответил:

— Я согласен.

— Замечательно, — с энтузиазмом произнес Чудамани, — если вас не затруднит, завтра же отправляйтесь на просеку. Быть может, вам удастся разузнать, куда подевался отряд стражников и эти лесорубы, будь они неладны.

— Где конкретно находится просека?

— На север по главной дороге в Хараппу. Не пропустите. Лагерь лесорубов буквально в двух шагах от нее... Что с вами?

Шанкар не слышал последнего вопроса Верховного жреца. Вся кровь отхлынула от его лица, сделав похожим на сахар. Сон моментально выветрился из головы, а тело покрылось липким, неприятным потом.

«На север, по главной дороге в Хараппу».

«Она сказала, что сегодня утром вынуждена поехать в Хараппу. Там у одного из Верховных жрецов намечается какой-то пир. Понятия не имею, по какому случаю, но он приглашает гостей с обеих столиц. А чем больше гостей, тем больше нужно девиц. А твоя подружка состоит в одном из самых почетных публичных домов Мохенджо-Даро. Вот, она и поехала».

«На север по главной дороге в Хараппу. Не пропустите. Лагерь лесорубов буквально в двух шагах от нее».

— Шанкар, вы в порядке? — словно издалека услышал он встревоженный голос Чудамани.

— Нилам, — одними губами произнес Шанкар.

— Что вы сказали? Шанкар?

Но охотник уже не слушал. Трясущимися руками он водрузил лук со стрелами себе на спину, схватил с пола копье и, под возбужденные оклики Чудамани, ринулся к выходу.

Ветер свистел в его ушах, когда он бежал по улицам ночного Мохенджо-Даро с такой скоростью, на которую только был способен.

Зажженные факелы тускло освещали главную улицу. Сияние полной луны слегка развеивало мрак. Но заставляло тьму скапливаться в углах. Таиться, подобно голодному синха, который вышел на очередную охоту.

Пот градом струился по лицу Шанкара, несмотря на ночную прохладу. Сердце гулко стучало в груди в такт глухим отзвукам его ног, бегущих по известняковой мостовой. Безоблачное небо над городом осветилось мириадами звезд, возглавляемых серебряным диском. Но он не замечал ночных красот. Его даже не волновало то, что он намеревался делать. То, на что не пошел бы ни за что в жизни. Скакать посреди непроглядного мрака по дороге, ведущей сквозь джунгли, где опасность подстерегает на каждом шагу. Но охотник не думал об этом. Он молился Богини-матери. Молился о том, чтобы хозяин конюшен соизволил выдать ему лошадь в столь поздний час.

***

— Повезло же тебе, подруга.

Нилам услышала в голосе Чандры, полновазой девицы со слегка перекрашенными губами, нотки зависти.

Они лежали на небольших мягких коврах, постеленных в их палатке. Хозяин публичного дома решил обустроить лагерь на уютной круглой полянке недалеко от дороги, ведущей в сторону Хараппы. Буквально в нескольких шагах находился берег Синдху, и до готовящихся ко сну людей доносилось монотонное и убаюкивающее журчание воды. До северной столицы оставался еще день пути, поэтому было решено остановиться на ночь здесь, немного южнее лагеря лесорубов. Большинство уже разбрелось по своим палаткам и готовилось отойти ко сну, так что ничто не нарушало спокойствие и тишину ночных джунглей.

— Вот бы меня кто замуж позвал, да выкуп хозяину заплатил, — добавила Чандра, вздыхая.

Поглаживая длинную косу, Нилам посматривала на подругу широко открытыми синими глазами:

— Может, и возьмет кто.

— Пф, — фыркнула та, — только вот никто что-то не торопится. Он богат?

Нилам смущенно пожала плечами:

— Не знаю, но... — ее щеки зарделись, — он подарил мне сапфир.

Чандра аж привстала:

— Да ты шутишь?!

Нилам быстро замотала головой. Ее коса совершила в воздухе дугу.

— Нет! Клянусь Богиней-матерью, это правда!

— Значит, наверняка богат. Повезло же тебе, — вновь повторила Чандра, откидываясь на ковер.

— Спасибо, — скромно произнесла Нилам.

— Небось, уже не терпится вернуться домой из этой утомительной поездки?

Она, молча, кивнула, в свою очередь ложась на ковер, подложив руки под голову.

— Ну, ничего, — продолжала болтать Чандра, — зато потом станешь свободной.

— Да, — мечтательно прошептала Нилам, закрывая глаза.

— Везучая же ты, — продолжала завидовать подруга, — а мне вот одни грубияны, да дурни попадают.

— Да, — уже сонно повторила Нилам.

Увидев, что она вот-вот провалится в царство сновидений, Чандра решила прекратить разговор:

— Ну, добрых снов тогда. Я, наверное, тоже очень быстро усну. Тут так тихо. Даже птиц не слышно...

***

Полная луна на черном безоблачном небе освещала грунтовую дорогу, ведущую на Хараппу. Ее холодный серебряный лик, подобно круглому медальону, ярко блестел на фоне непроницаемого мрака небосвода. Густые джунгли, растущие справа от дороги и подступающие к ней вплотную, застыли в угрожающем безмолвии. Ни рыка синха. Ни пения ночных птиц. Ни уханья совы. Ни дуновения ветерка. Раскинувшиеся ветви салов напоминали огромные когтистые лапы неведомых птиц, зависших перед жертвой за мгновение до рокового броска. Лианы, подобно гигантским змеям, опутывали своими телами стволы многочисленных пальм.

Долина Синдху погрузилась в ночную тишину. Неестественную, жуткую тишину.

И только храп взмыленной лошади всадника, скачущего на северо-восток по грунтовой дороге, разрывал ее, словно гром среди ясного неба. Длинный медный кинжал, прикрепленный к кожаному поясу, дергался из стороны в сторону, словно исполняя дикий и необычный танец. Лук, перекинутый через плечо, сдавливал кожу. В глазах Шанкара плясали огоньки. Огоньки безумия, нетерпения и страха. Но страха не за самого себя, а за то, что может предстать перед глазами. Чем дальше он находился в пути, тем громче билось его сердце. Тем сильнее сжимал он копьё в правой руке, а левой подгонял, и без того находящуюся на пределе, белоснежную лошадь. Цокот копыт и храп кобылы смешался воедино. Пена стекала из пасти истощенного животного, но всадник продолжал беспощадно гнать ее вперед, позабыв о чувстве меры и времени. Лишь одна мысль занимала голову, полностью затмевая другие. Подобно плотной пелене облаков, заволакивающих небо в ненастную погоду.

«Только бы не опоздать. Только бы не опоздать. Только бы не опоздать!».

Словно мантра, повторялись эти слова в глубинах сознания Шанкара. Снова, и снова, и снова, и снова...

Дорога стремительно проносилась под копытами. Ветер хлестал по лицу. Звезды сверкали во тьме.

Пока лошадь не выдержала...

Резко взвившись на дыбы, она сбросила охотника со спины, и тот кубарем полетел на грунтовую дорогу, глотая пыль и обдирая кожу с локтей и колен. Белоснежная рубашка мгновенно покрылась пятнами грязи, а ткань порвалась в нескольких местах. Копьё, которое Шанкар выронил во время падения, отлетело в придорожный кустарник у опушки джунглей.

Перевернувшись на земле несколько раз, охотник застыл, упершись в грунт окровавленными локтями, не в силах до конца осознать, что сейчас произошло. И только спустя несколько минут, проведенных в полубредовом и ошеломленном состоянии, он начал приходить в себя. Подняв голову и оторвав взгляд от созерцания пыльной поверхности дороги, он посмотрел в сторону лошади, рухнувшей следом за ним. Кобыла тяжело дышала и не шевелилась. Шанкар не знал, выживет ли она после столь серьезных перегрузок, но одно понимал наверняка — дальше придется идти пешком.

Полностью осознав положение, в которое он сам себя загнал...

загнал как лошадь...

... охотник непроизвольно сжал кулаки и стиснул зубы.

— Богиня-мать, что же это? — процедил он, со стоном поднимаясь на ноги.

Ответом ему послужила гробовая тишина. Джунгли возле дороги, подобно невольным свидетелям, возвышались над ним в угрожающем безмолвии. Среди деревьев сгустилась непроглядная тьма.

Все тело ныло от ушибов. Кровь из разбитых коленей стекала по голениям, но он будто не замечал этого. Сердце отчаянно колотилось. Дыхание сделалось глубоким и учащенным. В глазах засверкала упрямая решимость.

Не обращая больше внимания на несчастную лошадь, Шанкар заковылял в сторону придорожного кустарника. С его губ тихо начали сыпаться всевозможные проклятия, когда он, на ощупь, в сумрачной полутьме и среди густых ветвей пытался отыскать потерянное при падении копьё. Колючие ветки обдирали кожу, оставляя саднящие царапины, но охотнику было плевать. Ему срочно необходимо найти это злосчастное копьё. Наконец, после ряда неудачных попыток, во время которых он походил на слепца, решившего поудить рыбу голыми руками, его ладонь, наконец, нащупала древко оружия и с силой рванула вверх, ломая ветки кустарника.

Вернувшись на дорогу и бросив последний мимолетный взгляд на неподвижную лошадь, Шанкар двинулся на север.

Охотник сразу перешел на бег, однако боль, резко вступившая в раненные колени и в ушибленные ребра, моментально заставила его перейти на быстрый шаг. От досады он застонал. Однако передвижение даже в таком ограниченном темпе вызывало у него приступы слабости и дискомфорта после падения. Несмотря на прохладный ночной воздух и свежесть из-за близости реки, на лбу охотника выступила испарина. Крепко сжав зубы, он упорно продолжал двигаться вперед, хоть и не с той скоростью, на которую рассчитывал. Вскоре он уже не слышал тяжелого и прерывистого дыхания лошади. В голове Шанкара пронеслась мимолетная мысль — это лошадь, все-таки, не выдержала неистовой скачки по ночной дороге или он уже успел отдалиться от места падения так далеко, что теперь не слышит звуков ее? Он вообще ничего не слышит, кроме шума собственного дыхания, бряцания кинжала на поясе, да шарканья ног по грунту. Обернувшись через плечо, Шанкар бросил взгляд назад. Силуэт кобылы виднелся позади, распростершись посреди дороги. Издалека и в ночном полумраке он напоминал маленький холмик. Однако различить, вздымается ли ее грудь, он не смог. К этому моменту его собственное дыхание стало свистящим и прерывистым. Боль в груди усилилась, а липкий холодный пот покрыл все лицо толстым слоем мерзкой слизи.

— Нельзя останавливаться, — просипел Шанкар, — нельзя останавливаться!

Однако организм сказал свое слово.

Когда перед глазами пошли желтые круги, охотник вынужден был прекратить движение. Встав посреди пустынной дороги, он опустил голову вниз, пытаясь отдышаться и выжидая, пока боль в груди не отступит. Опершись на копье, словно о посох, Шанкар закрыл глаза, прислушиваясь к биению своего сердца, заставляя последнее биться медленнее. Так он простоял в позе немое истукана около пары минут. Пары драгоценных минут. Но охотник понимал, что если не даст организму этот отдых, до места назначения может не дойти совсем. Как только сердцебиение перестало отдаваться в ушах кузничным молотом, он осторожно провел рукой по ребрам. Одно из них, справа, при прикосновении вызвало новый приступ ноющей боли. Но, судя по предварительному осмотру, Шанкар отделался лишь трещиной и сильным ушибом.

«Уже хорошо».

Он поднял голову и открыл глаза. Желтых кругов больше не было. Дыхание восстановилось, и охотник осторожно втянул прохладный ночной воздух в легкие. Затем глубже. Боль усилилась, но оставалась терпимой. Удовлетворенный сим фактом, Шанкар перевел взгляд на разбитые колени. Они продолжали саднить и кровоточить. Не задумываясь ни на секунду, он подошел к краю дороги и, сорвав парочку огромных листьев лопуха, крепко обмотал каждый вокруг коленных суставов, закрепив их узлами из стеблей растений.

«Не самая лучшая идея, но других вариантов пока нет».

Откинув волосы назад, и утерев пот с лица, он возобновил движение вперед. Сначала медленно, не решаясь сразу перейти на бег. Затем все быстрее и быстрее. Наконец, Шанкару удалось пойти быстрым шагом, однако любые попытки перейти данный порог скорости натывались на резко возрастающую боль в грудной клетке, поэтому ему приходилось вновь сбавлять темп и только скрежетать зубами от досады.

— Где же этот треклятый лагерь? — просипел он.

Словно отвечая на этот вопрос, впереди, шагах в трехстах, замаячили огоньки походных костров.

***

Когда Шанкар вступил на небольшую полянку, на которой расположился лагерь передвижной публичный дом, его ступни были испачканы кровью. Однако то была не только его кровь...

Боль снова подступила к грудной клетке из-за учатившегося дыхания. Однако последнее было вызвано не только ускоренным передвижением...

Сердце вновь истошно затрепыхалось, а лицо накрыла испарина. Копье задрожало в руке, подобно тонкому стволу дерева под напором ураганного ветра. Тело потрясла дрожь, как в сильной лихорадке. К горлу подступила тошнота, и только по известной лишь одной Богине-матери причине недавний ужин в виде баранины, которой его угостил Верховный жрец Чудамани, не исторгнулся из недр наружу.

Несколько серых полотен, некогда представлявших из себя походные палатки, в хаотичном беспорядке были разбросаны по всей территории поляны. Многие из них оказались разодраны в клочья, словно их длительное время топтал и рвал своими бивнями обезумевший слон. Зеленая трава, покрывавшая тонким слоем почву этого места, превратилась в сплошной багряно-коричневый ковер из грязи, крови, остатков ткани и... чего-то еще. Чего-то, что Шанкар не мог сразу определить. Не мог и не хотел... но

догадывался. И от этой догадки становилось еще дурнее, а внутри все сжималось и холодело. На долю секунды ему даже почудилось, что изо рта вырывается пар — настолько его разум оказался поражен представшей картиной ужаса и смерти. Пламя от пары походных костров слегка развеивали мрак. И от этого становилось только хуже.

Сделав один неуверенный шаг вперед, совершенно позабыв о собственной безопасности, охотник почувствовал, как его нога в кожаной сандали, насквозь пропитанной кровью, споткнулась обо что-то мягкое. Медленно опустив голову вниз, он сощурил глаза и разглядел предмет, на который наткнулся...

Он не хотел верить в то, что видит. Он отказывался воспринимать действительность, загоняя ее подальше в уголки сознания... в попытках спрятать ее там, словно ненужную вещь в темном погребе. Но она, подобно мерзкой вредной крысе, упорно лезла обратно и, как бы тому ни хотелось, но Шанкару пришлось принять ее.

Это была рука. Оторванная у локтя. Сквозь слой грязи и крови охотнику удалось разглядеть, что кожа у нее гладкая и нежная. Женская.

Не произнося ни слова, находясь в полуобморочном состоянии, словно вела, он медленно перешагнул через оторванную конечность. Организм не смог больше терпеть и, согнувшись в три погибели, Шанкар изрыгнул на землю недавний ужин. Кусочки непереваренной баранины смешались с кровью, ошметками тканей и человеческими останками, покрывавшими полянку багрово-коричневым ковром. Теперь он знал, **что** еще скрывает внутри себя это омерзительное покрывало ужаса и смерти. Шанкар отвернулся и прикрыл глаза, чувствуя, как снова начинает замерзать. Его тело покрылось гусиной кожей. Словно кто-то медленно замораживал его как снаружи, так и изнутри.

«Нужно двигаться... давай... знаю... не хочешь... но надо...».

С трудом заставив себя, Шанкар открыл глаза. Его взгляд упал на некий силуэт, почти скрытый под кровавыми и грязевыми разводами. Тело человека, лежащее на животе лицом вниз. Однако не само тело привлекло внимание охотника.

Коса... длинная по пояс. Из черных, подобно вороному крылу, волос.

Повинуясь некоему инстинкту, Шанкар приблизился к бездыханному телу на ватных непослушных ногах. Сердце замерло на секунду, когда он, после короткого промедления, решился-таки нагнуться и перевернуть тело спиной вниз. Лицо разглядеть охотник не смог — оно было чересчур изуродовано и покрыто кровью с примесью грязи, травы и земли.

Только глаза. Большие. Синие. Подобно сапфирам. Охотник узнал бы эти глаза из тысячи других. Отблески пламени играли в неподвижных зрачках, создавая иллюзию жизни. Но то была лишь иллюзия...

Нилам.

Он отпрянул от остывающего тела и, поскользнувшись на нетвердой почве, едва устоял на ногах, вцепившись в копые дрожащей рукой. В следующий миг Шанкару почудилось, что он сейчас потеряет сознание. И, о Великая Богиня-мать, он хотел этого. Желал так, как не желал ничего и никогда в своей жизни. Охотник мечтал закрыть глаза и провалиться в пустоту, дабы не видеть ее обезображенное бездыханное тело. Не чувствовать, как разрывается сердце на мелкие кусочки, словно его грудь насквозь проткнули острые клыки синха. Однако сознание не покидало его, продолжая заставлять испытывать муки, от которых можно было сойти с ума.

«Здесь больше нечего делать» — твердил ему остаток здравого разума.

«Я хочу остаться» — противилась вкрадчивым и сладким голосом помутненная часть

рассудка.

«Уходи!»

«Нет, останься! Что тебе еще нужно от жизни? Ты хотел быть с ней? Так оставайся. Тут так тихо... Больше не будет ни проблем, ни разочарований. Просто оставайся. Только ты и она...».

Дыхание стало быстрым и учащенным. Сердце забилося так, что было невозможно различать удары.

«Оставайся... только ты и она... оставайся».

Издав рык раненого зверя и, сглотнув подступивший к горлу комок, Шанкар резко отвернулся и побежал в сторону грунтовой дороги. Его сандалии шлепали по земле, намокшие от крови, а копьё, о которое он опирался, покрылось багровыми разводами. Выскочив на тракт, совсем не обращая внимания на острую боль в ребрах, охотник побежал назад, в сторону Мохенджо-Даро. Мысли спутались в клубок, который, казалось, распутать было не под силу никому. Голова разрывалась от них, грудь от боли, а сердце от чувств...

В конце концов, организм охотника не выдержал. Недалеко от того места, где осталась лежать лошадь, его ноги подкосились, и рухнул он сам. Копьё в очередной раз выпало из разжатых пальцев, а Шанкар, устремив невидящий взгляд в ночное небо, провалился в бездну, которую так возжелал еще несколько мгновений назад...

Луна продолжала освещать долину Синдху, пребывающую в странной и томительной тишине. Теперь ее не прерывал храп взмыленной лошади и цокот копыт. Лишь отблески ночного светила отражались на гладкой поверхности реки, да в горьких слезах Шанкара, чьи капли застыли на опущенных ресницах.

Он услышал треск. Приятный расслабляющий шум, при котором обычно маленькие язычки пламени медленно, но верно пожирают сухие ветви в походном костре. Охотник почувствовал тепло от огня на своих ногах и открыл глаза.

Небольшой костер горел в ночной тьме на фоне раскинувшей свои воды Синдху и производил успокаивающее действие. Человек в крепких кожаных походных сандалиях и сером плаще из овечьей шерсти ковырял тростинкой в огне, поправляя горящие ветви и поднимая в воздух снопы искр. Свет от пламени костра играл на его суровом и задумчивом лице. Волосы и бороду покрывала серебристая седина. Лоб был испещрен морщинами. Орлиный нос и глубоко посаженные глаза, в которых светилась мудрость вперемешку с отражением от пламени, хмуро смотрели на огонь. Под светлой рубахой угадывалось крепкое тело, несмотря на почтенный возраст этого человека. И, как скверно Шанкар ни ощущал себя, он невольно подметил, что тот похудел. Да, он сразу узнал ночного гостя.

Привстав на локте, охотник хрипло спросил:

— Как вы здесь оказались?

Девадат отвел взор от созерцания пламени костра и повернулся на голос Шанкара:

— О, ты пришел в себя? — тихо, но с облегчением ответил он вопросом на вопрос. — Повязка не трет?

Охотник опустил взгляд вниз и только сейчас обнаружил, что под его порванной рубахой угадывается плотно наложенная перевязь из широких пальмовых листьев, укрывающая ребра. Сквозь дыры на одежде он сумел разглядеть их ярко зеленый цвет — видимо, повязка еще очень свежая. Она приятно холодила кожу в месте ушиба и смягчала тупую ноющую боль.

— Нормально, — сухо ответил Шанкар, вновь опускаясь на землю и мрачно смотря на язычки пламени.

С каждой секундой пробуждения его настроение стремительно летело вниз, грозя увлечь охотника на самое дно пропасти. Ибо чем дольше он бодрствовал, тем больше вспоминал.

Словно не обращая внимания на его сухой тон, Девадат улыбнулся и в свою очередь взглянул на костер:

— Бесконечно можно смотреть на три вещи — как горит огонь, — тут он бросил косой взор на Синдху, — как течет вода и...

— И? — вяло отозвался Шанкар.

— А дальше каждый решает для себя сам, — задумчиво произнес Девадат, ковыряя тростинкой и поднимая в воздух очередной сноп искр.

— Решили?

Если бы Шанкар удосужился оторвать свой невидящий взор от походного костра и посмотрел в лицо бывшему Верховному жрецу, то, несомненно, подметил бы печаль, вспыхнувшую в его умных и глубоко посаженных глазах. И это точно не было отражением успокаивающего пламени. Но охотник слишком далеко улетел в пропасть своих мыслей, чтобы подмечать такие тонкие детали. Сейчас он был слишком далеко.

— Я хотел спросить то же самое, — тихо отозвался Девадат.

— Нет, — моментально ответил Шанкар, хотя прекрасно знал, что это ложь.

Та, на которую он готов был смотреть вечно, теперь покоится где-то в джунглях с изуродованным телом среди горы трупов, моря крови и разводов грязи. И только огромные сапфировые глаза немигающе смотрят в черное небо...

— Тяжко это, — одними губами произнес жрец.

— Что?

— Затрудняюсь сказать, — виновато улыбнулся тот, продолжая возить тростинкой.

— Вы так и не ответили на вопрос.

— Какой?

— Что вы здесь делаете?

Девадат горько ухмыльнулся:

— Я изгнанник, разве ты забыл?

— Не забыл.

— Тогда не пойму, чему ты удивляешься?

— Думал, что вы уже далеко, — голос охотника продолжал звучать глухо и безжизненно, подобно осенней траве на сухом ветру.

— Я возвращался из Хараппы, — начал пояснять бывший Верховный жрец, — решил посетить ее напоследок. Шел по дороге и увидел тебя, лежащего без сознания и весьма потрепанного. Оттащил на обочину и устроил этот маленький уютный привал.

Как бы глубоко ни был Шанкар погружен в себя, он невольно испытал неприятное ощущение. Словно жрец чего-то не договаривает.

— И это все?

Лицо Девадата посуровело:

— Разумеется, нет. Однако я не думаю, что сейчас подходящее время для дальнейшей беседы. Тебе необходимо отдохнуть и набраться сил.

— Мне не нужен отдых, — стараясь выдать желаемое за действительное, молвил охотник.

— Ошибаешься, — резко возразил жрец, — твоя лошадь исдохла, так что до Мохенджо-Даро придется идти пешком. А в твоем состоянии силы начнут исчезать быстрее. Советую поспать перед дорогой.

Шанкар не стал спорить. Не было ни сил, ни желания. Он, молча, уставился на язычки пламени костра, томно наблюдая за тем, как те медленно пожирают сухие веточки, пряча их в своей ненасытной утробе. Перед его мысленным взором вновь появилась Нилам. Только на этот раз не ее окровавленная фигура, скрытая под покровом багряно-коричневого покрывала, а живая и счастливая. Сияющая девушка, сидящая на ложе в его доме и с восхищением разглядывающая огромный сапфир...

Незаметно для себя охотник погрузился в глубокий сон. Убаюкивающий треск огня и сильная усталость сделали свое дело.

***

Девадат осторожно дотронулся до оголенного левого плеча охотника, и тот тут же открыл глаза.

— Пора, — бросил жрец, туша остатки тлеющих углей.

Поморщившись, Шанкар сел. Грязные сандалии слегка намokли от утренней росы. Колени, обмотанные листьями лопуха, неприятно саднили. В горле першило после сна, но

боль в ребрах уже не вызывала столько дискомфорта, как вчера вечером.

Быстро оглядевшись, охотник увидел, что еще даже не рассвело. Джунгли продолжали возвышаться грозным молчаливым силуэтом в ночном сумраке. Синдху несла свои воды на юг, которые казались такими темными и загадочными при отсутствии солнечного света.

— Рано, — сухо ответил Шанкар.

— В самый раз, — возразил жрец.

— Еще даже не рассвело.

— Восход скоро наступит. А в твоем состоянии я сомневаюсь, что ты сможешь идти на жаре долгое время. Сделаем привал днем, а вечером продолжим путь. Если ничего не произойдет, к исходу суток доберемся до Мохенджо-Даро.

Охотник не стал спорить. Тяжело поднявшись, он схватился за копье, которое намеревался использовать в качестве опоры.

— Готов? — поинтересовался жрец.

Шанкар угрюмо кивнул.

— Хорошо. Тогда в путь.

Девадат поправил шерстяной плащ, и они вышли на грунтовую дорогу. Небо на востоке подернулось едва заметной дымкой.

Идти оказалось легче, чем Шанкар предполагал. Хоть он и ощущал общую слабость и разбитость, его организм отдохнул достаточно, чтобы спокойно выдерживать скорость быстрого шага.

Скосив взгляд на Девадату, вышагивающего рядом по грунтовой дороге, охотник поинтересовался:

— Вы не взяли с собой посох?

Тот ответил после небольшой паузы, нахмутив брови:

— Он у меня был.

— Да? А где же он сейчас?

В тот момент охотника не слишком волновали подобные мелочи, но разговор помогал отвлечься от скверных мыслей и воспоминаний.

— Валяется в придорожных кустах где-то между Хараппой и лесопилкой.

— Выбросили? Почувствовали вторую молодость? — хмыкнул Шанкар.

— Пришел в негодность. На меня напал синха... или носорог... я не знаю точно.

Шанкар напрягся:

— Что произошло?

Какое-то время они шли молча. По лицу бывшего жреца было видно, что он отчаянно старается вспомнить подробности того, что с ним произошло.

Наконец, тяжело вздохнув, он ответил:

— Я не помню. На меня напали внезапно. Оно выскочило из джунглей прямо на дорогу. Я пытался отбиться. Именно тогда и потерял посох. А потом... а потом... боги, я не помню! — в голосе Девадаты прозвучали нотки отчаяния. — Наступила тьма и я очнулся, лежа в придорожных кустах. Пошел на юг и нашел тебя. Не знаю, почему оно меня не сожрало. Видимо, Богиня-мать все еще благоволит мне.

— Что удивительно, — буркнул охотник.

Девадат покосился на него:

— Все еще сердисься на меня?

— Сейчас это уже не имеет значения, — холодно отозвался Шанкар, вышагивая по

дороге. Копье, о которое он опирался, гулко ударялось черенком о грунт. — Есть проблемы поважнее, нежели выяснение отношений.

— Ты выполнил мое последнее наставление?

Охотник, молча, кивнул, глядя перед собой.

— Выяснил, что происходит в долине Сарасвати?

Снова молчаливый кивок.

Бывший Верховный жрец поинтересовался, с нотками раздражения в голосе:

— Не хочешь поделиться подробностями?

Продолжая смотреть перед собой, охотник грубо ответил:

— Полагаю, раз вы ушли в добровольное изгнание и свалили всю ответственность на своего преемника, подробности вас не интересуют.

— Мне не нравится твой тон, молодой человек, — повысил голос Девадат.

— Вы больше не Верховный жрец, чтобы я плясал перед вами на цыпочках.

— Я наложил тебе повязку и позаботился...

— Я не просил об этом!

— Да что с тобой не так?

Шанкар резко остановился и повернулся лицом к Девадату. Последний увидел настоящий океан чувств в его глазах. Океан, в котором возникали водовороты, готовые затянуть любого в свою пучину, кто рискнет заглянуть туда.

— Что не так? — прохрипел охотник, едва не срываясь на крик. — Дайте-ка подумать. Из-за недобросовестной вырубке леса Сарасвати мелеет с каждым днем, превращаясь в болото. Руслу притоков изменились, и теперь долина неумолимо превращается в пустыню, а новых житниц для страны не существует. Более того, вы отдали приказ о вырубке леса в верховьях Синдху, подставив под угрозу и без того плачевное состояние государства. Что еще? Ах, да! Своими действиями и поручениями вы спровоцировали появление чудовища. Зверя, происхождение которого я знать не знаю, но жаждущего крови тех, кто его потревожил и убивающего без разбора в своей страшной ярости. И мое охотничье чутье подсказывает — если бы не ваши выходки, зверь остался бы в месте своего обитания. Не погибли бы невинные люди. Над страной не повисла бы угроза голода и смерти! — Шанкар шумно вздохнул холодного предрассветного воздуха и на мгновение прикрыл глаза, а затем шепотом добавил. — Не погибла бы Нилам.

— Ты слишком суров ко мне... — начал было Девадат, но охотник перебил его.

— Хватит!

Шанкар развернулся и продолжил следование по дороге в сторону Мохенджо-Даро.

Первые лучи восходящего солнца окрасили небо на востоке.

Помедлив пару секунд и задумчиво пожевав нижнюю губу, бывший Верховный жрец двинулся следом.

— Я не снимаю с себя ответственности... — начал, было, он.

— Именно это вы и сделали, уйдя в изгнание, — перебил Шанкар.

— ... Но твои обвинения, во многом, беспочвенны, — тяжело выдохнул жрец.

— Вот как?!

— Тобою движут эмоции, а не разум, поэтому я не сержусь.

Охотник лишь досадно хмыкнул.

— И ты потерял любимого человека.

— Откуда вы знаете? — спросил Шанкар, подозрительно косясь на Девадату.

— Ты бормотал ее имя во сне.

— И вы тут же сделали такой вывод?

Словно не обращая внимания на вспыльчивость своего спутника, Девадат спокойно пояснил:

— Я наткнулся на полянку, где... где... в общем, ты сам прекрасно знаешь, что я там увидел. От нее вел след от кровавых сандалий по дороге на юг. В конце этого следа я и нашел тебя, лежащего без сознания рядом с собственной лошадыю. Сопоставив все, да прибавив сюда твои ночные кошмары и бред, нетрудно догадаться, что посреди той мясорубки ты нашел того, кто был тебе дорог.

Речь Девадата звучала настолько искренне и учтиво, что Шанкар ощутил, как его гнев поневоле начинает остывать, подобно горячему обеду на свежем воздухе. И хотя обида на бывшего Верховного жреца продолжала глотать его изнутри, охотник снизил тон разговора до более сдержанного.

— Приношу извинения, — выдавил он из себя, не глядя на Девадата.

— Тебе не за что извиняться, — ответил тот, — я все прекрасно понимаю. К тому же, части вины с себя не намерен снимать.

Шанкар, молча, кивнул.

Солнце уже взошло над горизонтом, удлинняя тени, отбрасываемые зеленым массивом джунглей. В прибрежных кустарниках завели свою песнь пурпурные нектарницы. Вдали послышался крик недовольной обезьяны.

— Значит, вы не разглядели, кто на вас напал? — спросил охотник.

— Нет, — повторил Девадат.

— Не думаю, что это был зверь. Иначе мы бы сейчас не разговаривали. Скорее всего, и вправду наткнулись на бродячего носорога.

Девадат нахмурился:

— Полагаю, будет лучше, если мы начнем с самого начала. Так мы избежим путаницы и недопонимания.

— Верно.

— Так, что ты узнал в долине Сарасвати?

Около минуты они шли молча. Девадат терпеливо ждал, давая Шанкару время собраться с мыслями.

Наконец, тот произнес:

— Река мелеет. Из-за вырубки леса русла сменили течения, превращая истоки в болото. Более того, в следствие неправильного использования почвы под регулярный выпас скота, а также сбор урожая на одном и том же месте многие годы ради рекордных показателей, привел к наступлению пустыни с востока. Вкупе с обмелением и исчезновением Сарасвати, скоро нам неоткуда будет пополнять зернохранилища в городах.

— Насколько скоро? — встревожено спросил Девадат.

— Долина перестанет приносить урожай через полтора года. Может, и раньше.

— Богиня-матерь, — прошептал жрец, — если мы срочно не найдем новое место для обустройства плодородных земель, то нас всех ждет голодная смерть!

— Если нас раньше не сожрет зверь, — буркнул Шанкар.

— Ты видел его?

Охотник сокрушенно покачал головой:

— Только плоды его зверств. Скажу сразу, это омерзительное зрелище. И убивает он

явно не ради пропитания. Он либо зол, либо это его натура — убивать ради убийства, — тут охотник посмотрел на жреца, — вы сказали, что шли из Хараппы, когда наткнулись на меня.

— Все верно, — подтвердил тот.

— Значит, должны были пройти мимо лагеря лесорубов и лесопилки.

— Да.

— Не видели там ничего подозрительного?

— А что именно?

— Верховный жрец Чудамани сообщил мне, что лесорубы, которых вы отправили рубить деревья, пропали.

— Пропали? — удивился Девадат.

— Да. В живых остался только один лесоруб, Анил. Его нашли недалеко от Мохенджо-Даро с окровавленным топором в руках и бормочущего всякие безумства. Словно он лишился рассудка.

— Богиня-мать, — вновь прошептал ошеломленный Девадат, — и что, он сознался в убийстве лесорубов? Это Анил?

Охотник покачал головой:

— Нет. От него ничего так и не добились. Верховный жрец повелел посадить его в темницу, а сам отправил на поиски людей отряд воинов. И он тоже исчез.

— Да что здесь происходит, боги милостивые?!

— Поэтому я и спросил, не видели ли чего? Быть может, следы пропавших лесорубов или городского отряда?

Девадат снова нахмурился. Морщины на его лбу стали еще глубже.

— Нет. Вроде бы ничего. К тому же, я шел по дороге и не сворачивал в лагерь, а лесопилка и вовсе находится в джунглях. Более того, уже наступила ночь, а я стал плохо видеть в темноте. Единственное, что могу сказать, так это то, что в той стороне было тихо.

— Ясно, — буркнул Шанкар, с трудом скрывая разочарование.

Солнце, к тому моменту уже полностью взошедшее на небосводе, начинало сильно припекать. Охотник почувствовал легкую слабость в ногах, однако решительно гнал от себя мысль о возможном привале.

Девадат тем временем предположил:

— Быть может, это синха-людоед?

— Нет.

— Тогда взбесившийся слон или носорог...

Шанкар устало произнес, не глядя на жреца:

— У жертв на телах имелись следы когтей, острых зубов и раны от рога. Слон и носорог не обладают мощными челюстями, способными оставить подобные следы, а синха не имеет рога или бивня. Существо, напавшее на людей — нечто, невиданное мной раньше. Невиданное никому из нас.

— Но откуда оно взялось? Ведь наши предки столько лет жили на этой земле и знать не знали о каких-либо чудовищах!

Пожевав несколько мгновений нижнюю губу, охотник ответил, вытирая небольшие капельки пота со лба:

— Очевидно, начав вырубку леса, мы вторглись на его территорию, нарушив покой зверя, — тут он глянул на встревоженное лицо Девадата, — вам бы понравилось, если в ваш дом ворвались с топором в руках и начали крушить мебель?

— Нет, — хмуро ответил тот.

Шанкар хмыкнул и отвернулся:

— Вот, видимо, и ему не понравилось.

— Но, ладно лесорубы... простых людей-то за что?

— Не думаю, что он различает, где лесоруб, где воин, а где... — тут он резко запнулся, вновь вспомнив о Нилам.

— А где, кто?

— Неважно, — отрезал охотник, четко давая понять, что разговор на эту тему окончен.

— И что будем делать?

— Что будете делать вы меня не волнует. Я же вернусь в город и доложу Верховному жрецу Чудамани о случившемся. Необходимо закрыть передвижение по дорогам и выследить зверя.

— Вы хотите убить его? — спросил Девадат.

— Нет, хочу сыграть с ним партию в аштападу[1].

— Я серьезно!

Шанкар остановился, вздохнул, а затем развернулся к жрецу. Лицо охотника лоснилось от пота. На порванной рубашке проступили пятна.

— Мне кажется, добровольное изгнание неким образом повлияло на ваши умственные способности.

— Не понял...

Шанкар усмехнулся:

— Видимо, и вправду повлияло. Сами как думаете? — тут его голос резко возвысился. — Естественно, я намереваюсь убить зверя! Это настолько очевидно, что я не понимаю, как до вас до сих пор не доходит!

Жрец, казалось, нисколько не обиделся на слова охотника:

— Полагаю, что поспешных решений здесь быть не должно.

— Тут вы правы, — кивнул Шанкар, возобновляя движение по дороге, — я все детально обдумую, и только потом нанесу решительный удар.

— Нет, я в том смысле, что, быть может, не стоит его трогать?

— Похоже, это вам необходим привал, а не мне. Солнце сильно напекло голову.

— Ты сам сказал, что зверь считает нас нарушителями собственной территории, — Девадат развел руками в стороны, — побесится и успокоится.

— Побесится? — поперхнулся Шанкар.

— Есть ведь проблемы понасущнее. Нехватка продовольствия, например, и наступление пустыни с востока.

Шанкар вновь остановился и повернулся к жрецу. Девадат невольно отпрянул — до такой степени перекопилось от злобы лицо охотника. Его глаза метали искры.

Сквозь плотно сжатые зубы, он проскрежетал:

— Если мы не уьем зверя, продовольствие уже не понадобится! А теперь хватит! Я уничтожу эту тварь, кем бы она ни была! И чего бы мне это ни стоило!

Несмотря на возрастающую слабость в ногах, охотник перехватил копьё посередине, больше не намереваясь опираться на него, словно о посох. Присутствие рядом Девадата вызывало все большее раздражение. Презрительно шмыгнув носом, Шанкар возобновил путь.

— Вам стоит сделать привал, — послышался неуверенный голос Девадата.

— Я сам решу, когда мне отдыхать! — огрызнулся охотник.

Ноющие колени подсказывали ему, что это придется сделать уже скоро.

[1] Аштапада — индийская настольная игра, которая предшествовала шахматам.

Ночь опустилась на Мохенджо-Даро, когда Шанкар в сопровождении бывшего Верховного жреца добрался-таки до Цитадели. Несмотря на все увещания последнего, охотник и слушать не хотел о том, чтобы отложить визит к Чудамани до утра и хорошенько отоспаться. Слишком серьезными казались вырисовывающиеся на горизонте проблемы. Неотвратимые проблемы, к которым не был готов народ долины Синдху, изнеженный веками спокойствия, рутины и благополучия. К тому же он навряд ли смог бы уснуть. Образ Нилам то и дело мелькал перед его раскрасневшимися глазами. Мелькал, вызывая смешанные чувства. Горечь. Гнев. Боль утраты... и злобу на того, кто был повинен в ней.

Улицы города оказались пустыми. Потрескивающие в темноте факелы освещали голую каменистую мостовую. В какой-то мере Шанкар был даже рад этому. Не придется встречаться лицом к лицу со многими знакомыми и отвечать на неудобные вопросы, которыми они обязательно осыпят его при первой же возможности. Уже хватило того, что конюх возле ворот начал расспрашивать о том, куда подевалась казенная кобыла. Пришлось врать о нападении синха. Распускать панику без ведома Чудамани Шанкар не хотел. А она непременно последует, если сейчас ненароком сболтнуть лишнего. Поэтому охотник не желал встречаться с кем-либо из знакомых. Особенно с Караном и Брасидом. Они обязательно начнут допытываться, что происходит. Первый из-за своего чрезмерного любопытства, второй же никак не может дождаться этих треклятых шкур диких зубров.

«И никогда уже не дождется» — пронеслось в голове у охотника, когда они в полном молчании проходили мимо закрытой кузницы, силуэт которой смутно виднелся в сгустившемся мраке.

«Такой же мрак сгущается и над нашими головами. Только большинство еще не замечает его. Но это лишь вопрос времени».

Девадат хранил практически полное безмолвие всю дорогу, если не считать периодических и осторожных осведомленностей касательно самочувствия охотника, на которые Шанкар неизменно отвечал холодным «В порядке», хотя состояние последнего было далеко от идеального. Организм отчаянно требовал отдыха. Не сна. А именно отдыха. Но его хозяин не мог позволить себе и минуты покоя, пока не обговорит все с действующим Верховным жрецом. И плевать, что последний, вероятно, видит уже девятый сон. Если понадобится, он самолично выдернет того из постели, ибо таковы сложившиеся обстоятельства.

Как показало будущее, применять столь крайние меры вовсе не потребовалось. Чудамани бодрствовал, несмотря на столь поздний час, напрягая свое серое вещество в попытках решить насущные проблемы государства.

При виде усталых и изможденных путников, Верховный жрец сразу сообразил, что дела плохи, поэтому не стал тратить время на лишние расспросы, несмотря на искреннее удивление от того, что охотник вернулся в Мохенджо-Даро в компании Девадата, который должен был уже давно покинуть долину Синдху.

Пройдя от резиденции жрецов, они расположились в банях у бассейна, в столь знакомом для них всех месте по предыдущим встречам. Яркий серебряный диск луны отражался от ровной голубой глади воды, а отсветы язычков пламени треножников играли на их лицах и каменных колоннах, подпирающих крышу. На небольшом круглом столике

перед ними стояли тарелки с пшеничными лепешками, сухими фруктами и кусочками жареной свинины. Над всей этой утварью возвышались парочка терракотовых кувшинов с вином. Чудамани был облачен в свою традиционную белоснежную рубаху с вырезом на правом плече и окаймленную золотистыми нитями. Как и в тот день, когда Шанкар впервые познакомился с новым Верховным жрецом. Только сейчас его лицо не украшала та доброжелательная и располагающая к себе улыбка, а черные густые брови над серыми глазами, в которых застыло выражение тяжких дум, сошлись на переносице. Лоб молодого жреца пробороздила глубокая морщина, состарив того сразу на несколько лет. Мысленно Шанкар посочувствовал Чудамани — не то время он выбрал для вступления в должность Верховного жреца.

«Но разве времена выбирают?».

— Рассказывай, — хрипло потребовал Чудамани у охотника, предварительно удостоверившись, что яства на столе не нуждаются в пополнении, и слуга-привратник может спокойно уединиться в своей темной каморке.

Ощувив внутри живота настоящие раскаты грома, словно перед сильной бурей, Шанкар не смог удержаться и, перед тем, как ответить, потянулся за большим куском жареной свинины.

Однако, когда охотник уже готов был поведать о случившемся, а также о причинах своего внезапного и поспешного ухода, в разговор встрял Девадат:

— Публичного дома Мохенджо-Даро больше нет.

Шанкар аж подавился мясом и зашелся кашлем — то, что бывший жрец начнет разговор именно с этой точки, для него оказалось неожиданностью. Весьма неприятной неожиданностью. Он почувствовал, как стремительно теряет аппетит.

— Поясни, — хмуро попросил Чудамани.

Поскольку охотник был занят тем, что пытался не дать пище попасть в дыхательные пути и оперативно наливал вино в бронзовый кубок, попутно борясь с приступом кашля, Девадат взял эту роль на себя.

— Его хозяин вместе с большинством своих девиц отправился в Хараппу на знатный прием. Возможно, вы о нем что-нибудь слышали.

Чудамани лишь, молча, кивнул.

— По пути в северную столицу на них напало нечто...

— Не нечто, — просипел Шанкар, наконец, справившись с непослушным куском свинины, с шумом отпивая из кубка, а затем грохая тем об стол, — это дело рук того же зверя, что убил поселенцев в долине Сарасвати и, вероятнее всего, причастен к исчезновению лесорубов и отряда воинов в верховьях Синдху!

Девадат развел руками:

— Но ведь мы даже толком не видели его! Откуда нам знать, что это дело рук таинственного зверя...

— О, Богиня-мать, хватит! — резко перебил его охотник, а затем уставился воспаленными глазами на Чудамани. — На дорогах сейчас опасно, — Шанкар на секунду закрыл веки, а затем откинулся на спинку тростникового стула и выдохнул, — вообще везде за пределами города опасно.

— Так было всегда, — вновь встрял в разговор Девадат с умным видом, — синха, носороги, взбесившиеся слоны, шакалы — постоянно норовили схватить и утащить в джунгли зазевавшегося путника.

— Наши с чем сравнить, — презрительно ухмыльнулся Шанкар, а затем дотронулся до ушибленных ребер и слегка поморщился. Они продолжали приносить дискомфорт, хоть и не такой сильный, как с утра. Повязка из пальмовых листьев, сооруженная бывшим Верховным жрецом, сделала свое дело.

«Полагаю, завтра ее можно будет снять».

— Чем тебе не угодило сравнение? — спросил Девадат.

— А разве не очевидно?

— Нет.

Охотник закатил глаза:

— Синха не нападает на группу людей. А риск натолкнуться на безумного слона или носорога на тракте минимален.

— Но риск все же есть.

Тут Шанкар взорвался:

— Когда в последний раз от ярости обычного животного погибало полсотни людей за такой короткий срок?! А ведь это еще только те жертвы, о которых мы знаем или догадываемся! Нам неизвестно, сколько жителей долины пропало на самом деле! Как вы этого понять не можете, шер вас подери?!

— Шер? — непонимающе уставился на охотника Девадат, будто не замечая его гневной речи.

— Неважно, — отмахнулся, как от назойливой мухи, Шанкар, выливая в себя еще половину кубка вина. В голове промелькнула идея напиться до потери сознания.

Все еще сохраняя спокойный и умный вид, Девадат обратился к Чудамани:

— Мне кажется, Шанкар преувеличивает проблему с этим зверем. Бешеный носорог видится мне не столь серьезной опасностью, в отличие от нависшей угрозой голода.

— Да ну?! — охотник грохнул кулаком по столу. — Просто вы не видели того, что видел я.

Девадат сочувственно посмотрел на Шанкара:

— Понимаю, ты потерял любимую женщину и...

— Ни слова о Нилам! — рывкнул тот. — Она здесь не при чем!

— Довольно! — прервал их пререкания Чудамани, все это время сохранявший молчание, и наблюдающий за перепалкой собеседников с мрачным видом.

Девадат покорно потупил взор и стал разглядывать свои потрескавшиеся ногти. Шанкар же набил рот пшеничной лепешкой и, отвернувшись, угрюмо уставился на воду в бассейне. Где-то вдалеке заухала сова.

Чудамани произнес, обращаясь ко всем. Его голос звучал четко и рассудительно.

— Сейчас не время для пререканий. Нашему народу угрожают опасности. Такие, каких мы не встречали еще никогда! И последнее, что мы должны сейчас делать, так это спорить и выяснять отношения между собой. Холодная голова — вот наше оружие и надежда на спасение. Так, что прекращайте этот бардак немедленно! — кивком головы он указал на разодранную рубаху охотника. — Это тот самый зверь постарался?

Не поворачивая головы, Шанкар сухо ответил:

— Если бы это был зверь, то я бы сейчас здесь с вами не сидел.

— Он упал с лошади, — встрял Девадат.

— Ты загнал казенную лошадь? — догадался Чудамани.

Все еще не оборачиваясь, охотник произнес:

— Приношу извинения. Я выплачу полную стоимость в казну...

Верховный жрец всплеснул руками:

— Богиня-мать, разве сейчас это имеет значение?! — его голос резко повысил тембр, однако в следующий же миг Чудамани сам одернул себя и шумно выдохнул. — Кажется, нам следует снизить напряжение, не находите?

Девадат согласно кивнул. Шанкар продолжал смотреть на бассейн, дожевывая пшеничную лепешку и скрестив руки на груди.

Чудамани добавил:

— Пожалуй, вина на сегодня достаточно. Со всех. Заменяем горячительные напитки чем-нибудь освежающим.

Шанкар невольно поморщился.

«Видимо, напиться сегодня не судьба».

Чудамани хлопнул в ладоши. Позади них раздалось неохотное поскрипывание двери комнаты слуги-привратника.

Вскоре из темноты раздался и такой же скрипучий голос:

— Слушаю, Ваша Светлость.

— Два кувшина с водой.

— Будет исполнено. Что-нибудь еще?

— Да. Заберешь вино на обратном пути.

— Хорошо. Верховному жрецу и его гостям будет угодно что-либо еще?

— Нет, этого достаточно.

Троица, собравшаяся за небольшим столом, на время прекратила разговор, молча, наблюдая за тем, как слуга-привратник выносит из своей каморки два глиняных кувшина, наполненных свежей холодной водой, а затем скрывается во мраке, забирая с собой початые сосуды с вином. Однако беседа возобновилась не сразу, как только за прислугой закрылась скрипучая дверь. Какое-то время Чудамани сидел, потирая рукой нахмуренный лоб. Шанкар продолжал угрюмо жевать пшеничные лепешки и разглядывать серебряный диск луны, отражающийся от водяной глади поверхности бассейна. Девадат погрузился в собственные мысли, ведомые только ему.

Наконец, Верховный жрец нарушил затянувшееся тягостное молчание.

Убрав руку от лица, он произнес:

— Шанкар прав.

Впервые за долгое время охотник оторвался от созерцания бассейна и взглянул в серые глаза Чудамани.

— Зверь — первостепенная проблема.

— Но почему? — непонимающе спросил Девадат.

Чудамани поднял руку, прося не перебивать его:

— Наши хранилища в Хараппе и Мохенджо-Даро ломаются от запасов зерна. Да, нам грозит голод в ближайшие годы, но у нас есть еще время для решения данной проблемы. Зверь же убивает здесь и сейчас. Поэтому избавиться от него необходимо в первую очередь.

— Но не стоит забывать и о другой проблеме, — не унимался Девадат, — ужасное состояние юго-восточного района города...

— Ситуация с районом терпит, — жестко перебил Чудамани, — не так, как с зерном, но терпит. К тому же, — тут Верховный жрец горько усмехнулся, — мы уже успели наломать немало дров... наломать дров... как иронично, не правда ли?

Никто не поддержал его эмоциональный порыв, так что Чудамани просто продолжил:

— Несколько партий древесины успели доставить с вырубки по Синдху. Начнем обжигать глину, — Верховный жрец развел руками, — насколько хватит.

Шанкар одобрительно кивнул. Девадат промолчал.

— Насчет зверя, — Чудамани пристально посмотрел на охотника, — что тебе необходимо для его уничтожения?

— Стоит ли нам его убивать? — начал Девадат. — Ведь это мы его пробудили...

— Мы его пробудили, мы его и усыпим, — отрезал Чудамани, не глядя на своего предшественника, — эта тема не обсуждается.

— Сотня воинов для прочесывания джунглей в местах, где видели зверя, — ответил Шанкар, в пытливых глазах которого засверкали огоньки уверенности и жажды охоты.

Но только ли охоты? Шанкар не хотел признаваться самому себе, но азарт от предвкушения облавы на опасного и загадочного существа была не единственной причиной резкого возбуждения. Образ Нилам не сходил с его мысленного взора. Не сходил с тех самых пор, как он нашел ее окровавленное тело на поляне. Нашел среди горы истерзанных тел. И только кровь чудовища, сотворившего с любимой эти зверства, могла потушить пылающий огонь в его сердце. Иначе ему грозило сгореть заживо изнутри. И никакое вино не зальет этот пожар. Даже если упиться вусмерть.

— Хорошо, — твердо произнес Чудамани. — Более того, пока ты не справишься с ним, я закрываю дороги для передвижений. Любых передвижений!

— Но это ударит по торговле! — возмутился Девадат. — И как мы объясним людям, что теперь они вынуждены сидеть за стенами города?

— Объяснения я беру на себя. А убытки от торговли сейчас должны волновать нас в последнюю очередь. От вас лишь требуется не распространяться о нашем разговоре. И уж тем более не болтать о том, что сейчас происходит в долине Сарасвати. Лишняя паника нам ни к чему. Всем все ясно?

Оба его собеседника утвердительно кивнули. Правда, Девадат продолжал плохо скрывать свое недовольство касательно решений своего преемника.

Чудамани добавил, обращаясь к Шанкару:

— Мне понадобится пара дней для организации отряда.

Охотник кивнул:

— Я тоже начну подготовку к охоте. Еще я бы хотел побеседовать с Анилом.

Чудамани вскинул брови:

— Обезумевшим лесорубом? Зачем?

— Вдруг он что-то знает?

Чудамани вяло махнул рукой:

— Даже если и знает, то сомневаюсь, что расскажет. Парень окончательно повредился рассудком.

— Я, все же, хочу попробовать.

— Хорошо, но только не сегодня. Нам всем не помешает выспаться. Особенно вам. Вы устали и возбуждены. В таком состоянии не стоит детально обдумывать планы.

Шанкар вынужден был согласиться.

— Да, Ваша Светлость.

Чудамани натянуто улыбнулся:

— Тогда на сегодня все.

***

Шанкар настолько устал с дороги и после перенесенных душевных потрясений, что отказался тащиться через весь город домой и заночевал прямо в банях, устроившись на соломенной циновке рядом с комнатой привратника. Верховный жрец предложил охотнику более уютные покои, но последний ничего не желал слышать об этом — его тело требовало отдыха, как можно скорее. К тому же, проведя ночь в Цитадели, он избавит себя от необходимости нарезать многочисленные шаги по Мохенджо-Даро туда и обратно, а также отсрочит неудобные вопросы, которыми Шанкара непременно начнут осыпать местные жители.

Сон пришел практически сразу, несмотря на то, что охотник боялся не сомкнуть глаз до самого рассвета. Слишком свежи были в памяти воспоминания той картины, кою ему пришлось лицезреть на небольшой опушке возле берега Синдху. Организм охотника настолько оказался вымотан последствиями долгих путешествий и сильных переживаний, что он проспал чуть ли не до обеда. Поэтому, когда Шанкар начал спускаться вниз по каменным ступенькам прохладной темницы, его голова раскалывалась, будто по ней ударили обухом топора, а все тело неприятно ломило. Особенно в месте ушибленных ребер. Однако теперь он уже мог более-менее нормально дышать, а повязку из пальмовых листьев, сделанную накануне Девадатом, выбросил в мусорное ведро.

На душе было не менее скверно. Словно кошки скребли когтями изнутри. К Шанкару медленно приходило осознание того, что в нем будто что-то надломилось. Как поврежденный стебель тростника, из которого медленно вытекает жизненный сок. Частичка его осталась там, на полянке возле Синдху. Рядом с Нилам. И так, как раньше уже не будет. Никогда.

Спустившись на один пролет по винтовой лестнице, охотник свернул в широкий коридор, тускло освещаемый настенными факелами, свет от которых мрачно отражался на металлических прутьях ряда камер. Казалось, темница полностью пустовала. Оно и неудивительно. Сажать-то было некого. Самым громким преступлением последних лет была кража лука с рынка.

«И все изменилось в одночасье».

Рядом с лестницей виднелся широкий деревянный стол, за которым на табурете отдыхал полный тюремщик с черными волосами и бородой. Из одежды он имел лишь плотную набедренную повязку. Тюремщик сидел, прислонившись спиной к прохладной стене темницы и прикрыв глаза, время от времени почесывал толстое волосатое пузо. Со стороны казалось, что он полностью удовлетворен своей работой и наслаждается тишиной.

Однако это было не так.

Заслышав шаги, тюремщик открыл глаза и вопросительно уставился на гостя:

— Приветствую вас. Хотите снять комнату? — он хмыкнул.

— А что, можно? — устало поинтересовался Шанкар, протирая заспанные глаза.

— А чего нет? — толстяк заулыбался. — Идите, убейте кого-нибудь, и я вас обеспечу казенной площадью и похлебкой, — тут он громко засмеялся.

В пустом коридоре темницы смех прозвучал, подобно раскату грома. Однако уже в следующую секунду со стороны камер послышался жалкий вой, похожий на скулеж дворовой собаки, которой случайно наступили на хвост.

Тюремщик закатил глаза и застонал. Его приподнятое настроение мигом улетучилось, словно роса под лучами жаркого солнца.

— О, боги, он опять начал, — толстяк провел руками по пухлым щекам.

— Анил? — поинтересовался Шанкар.

— Ну, да, — подтвердил тюремщик, — безумец-лесоруб, нашинковавший своих приятелей на просеке.

— Хм, — коротко произнес охотник.

«Очевидно, жители Мохенджо-Даро еще не догадываются о том, с чем им пришлось столкнуться на самом деле. И, полагаю, еще не время раскрывать тайну».

— Он меня с ума сводит своими воплями, — продолжал жаловаться тюремщик, — приходится заедать напряжение.

— Да, я заметил, — Шанкар многозначительно покосился на огромный живот собеседника.

Проследив за взглядом охотника, тот насупился:

— Вот видите, что со мной происходит? Еще несколько дней соседства с этим ублюдком, и меня можно смело вести на свиноферму Панишвара в качестве борова.

Тем временем Анил завыл еще громче. Даже Шанкару стало не по себе от этих безумных и лишенных всякого разума звуков.

Тюремщик грохнул кулаком по столу, а затем рывкнул в сторону одной из камер:

— Да заткнись ты, мать твою!

На удивление, оклик толстяка подействовал, и протяжные стоны прекратились.

— Не обольщайтесь, — тюремщик обернулся к охотнику, — это ненадолго.

— Разве суд над Анилом еще не состоялся? — поинтересовался Шанкар.

— Нет, — буркнул собеседник, — хотя должен был еще вчера.

— Отложили заседание?

— Угу. Верховный жрец приказал. Сказал, мол, необходимо дождаться возвращения поискового отряда, — толстяк тряхнул головой, — а, как по мне, тут и без них все ясно.

— Вот как?

— Именно. Голову ему отрубить и дело с концом.

— Понятно.

Шанкар не знал, чем ответить, дабы не вызвать лишних расспросов.

— Так, зачем пожаловали-то? — внезапно поинтересовался тюремщик.

— Мне надо с ним поговорить.

Лицо толстяка так сильно скривилось, словно его насильно заставили проглотить

целую гроздь гнилых бананов:

— Пожалуйста, не надо.

— Надо.

— Не стоит, — в глазах тюремщика читалась мольба.

— Стоит.

— Он все равно ничего не скажет.

— Я попробую.

— Вы не понимаете, — взвился толстяк, — вы с ним поболтаете, а мне потом целый день слушать его вопли!

Шанкар одобряюще похлопал того по плечу и улыбнулся:

— Ты сдюжишь. Я верю в тебя. Думай о том, как жена вечером накормит тебя вкусеньким ягненком.

— Я и так об этом думаю сутками! — толстяк вновь грохнул кулаком по столу. — Из-за этого у меня постоянное чувство голода.

Шанкар улыбнулся чуть шире:

— Пошли.

Видя непреклонность незваного гостя, тюремщик сильно застонал, но, тем не менее, кряхтя, поднялся:

— Ну, надо, значит, надо. Идемте.

Они пошли по сумрачному коридору вперед.

Анил располагался в пятой камере от входа. Лесоруб сидел в дальнем углу клетки в одной набедренной повязке. Поджав согнутые ноги в коленях к груди, он обхватил голову изодранными и оцарапанными руками.

— Вот он, — буркнул толстяк.

Шанкар внимательно оглядел своего старого друга, ощущая в области сердца предательскую иглу жалости.

«Богиня-мать, что же он сделал с тобой, Анил? За что нам все это?».

Поджав нижнюю губу, охотник несколько секунд продолжал смотреть на безмолвного лесоруба, а затем бросил, обращаясь к тюремщику:

— Неси ключи.

Тот выпучил глаза:

— Чего?

— Ключи неси.

Толстяк облизал губы розовым языком и прохрипел:

— Какие ключи?

Охотник покосился на него:

— Ну, наверное, от государственной казны с сундуками, полными серебра. Или у тебя другие ключи есть?

— А... я...

— Открывай уже.

— Зачем? — просипел толстяк.

Шанкар нетерпеливо напомнил:

— Я же сказал, что пришел с ним поговорить.

Кажется, тюремщик обрел, наконец, дар речи:

— Так говорите через решетку!

Охотник отрицательно покачал головой:

— Мне нужно быть рядом.

— Рядом? — тюремщик выглядел ошеломленным и растерянным.

— Именно, — кивнул охотник.

— Да вы и так рядом! — всплеснул руками толстяк.

Шанкар лишь молча покачал головой.

— Это... это... плохая идея.

Охотник хмыкнул:

— Она не обсуждается. Тащи сюда ключи.

Видя, что спорить бесполезно, тюремщик направился к столу, с трудом волоча ватные ноги. Связка ключей болталась на ржавом гвозде, неумело вбитом в стену возле входа.

Пока толстяк возился с ключами, забирая их потной дрожащей рукой, Шанкар тихо обратился к лесорубу:

— Здравствуй, Анил.

Тот не ответил. Если не считать тяжелого дыхания и поднимающихся и опускающихся похуевших плеч, бывший лесоруб не подавал никаких признаков жизни. Шанкар ощутил неприятный холодок на затылке. Он подозревал, что найдет друга в подобном состоянии, однако легче от этого не становилось.

Вернулся тюремщик.

Похоже, он смог частично взять себя в руки:

— А если сбежит? От помешанного можно ожидать, чего угодно...

— Не сбежит. Встанешь у входа.

— Ну, уж нет, — твердо возразил толстяк.

— Тогда закрой меня с ним.

Казалось, глаза толстяка вот-вот выскочат из орбит:

— Да вы спятили!

— Делай, что велено и без разговоров.

Бурча нечто нечленораздельное, толстяк забренчал связкой ключей и вставил один из них в замок дверной камеры. Послышался щелчок и та с противным скрежетом отворилась.

— Быстрее, — подгонял охотника толстяк.

Как только Шанкар юркнул внутрь, тюремщик тут же захлопнул клетку за его спиной и повернул ключ в замке. На этот раз куда более проворно, чем при отпирании двери. Анил все это время сидел в углу без движения и не отрывая рук от головы.

— Если что, я у себя, — прошептал тюремщик и двинулся в сторону табурета. Желание присесть стало для него самым навязчивым.

Не обращая на того внимания, Шанкар сделал несколько шагов по каменному полу, а затем опустился на корточки напротив лесоруба.

— Анил, — осторожно позвал он.

Ничего.

— Анил, ты меня слышишь?

Снова ничего.

Тихо вздохнув, Шанкар осторожно дотронулся до плеча лесоруба. Тот не подавал признаков жизни, кроме тяжелого дыхания, со свистом прорывающегося сквозь плотно прижатые к лицу ладони.

Прождав пару секунд, Шанкар, наконец, решился. Уверенными движениями, он отвел

руки Анила от лица. Те безжизненно повисли вдоль тела, ударившись кистями о холодный каменный пол. Охотник заметил, что кожа на лице лесоруба покрыта свежими шрамами, очевидно, полученными во время его слепого бега через джунгли. Глаза Анил держал закрытыми.

— Анил, мне нужно с тобой поговорить. Это я, Шанкар.

Никакой реакции. Только дыхание стало еще более учащенным.

— Анил, где лесорубы? Что с ними случилось?

Тот едва уловимо застонал.

— Это был зверь? Скажи мне, это был зверь? Как он выглядел?

Внезапно тело Анила пробрала сильная дрожь. Наконец, он открыл глаза. Шанкар почувствовал, как кровь начинает постепенно покидать лицо, предавая тому болезненно-бледный оттенок. Зрачки Анила закатились настолько, что видны были лишь одни белки. Рот лесоруба осклабился в страшной гримасе, обнажая белоснежные зубы. Он издал вой. настолько громкий и безумный, что Шанкар отпрянул к противоположной стене. На лбу охотника выступил липкий пот. Тем временем, лесоруб сжал ладони в кулаки. Его похуевшее лицо исказилось еще страшнее — лоб испещрили глубокие морщины, словно по нему прошли граблями. Нос сморщился, подобно сухофрукту. Охотнику даже почудилось, что уши старого друга несколько заострились, придавая тому и вовсе леденящий душу вид.

— Ударь! — заорал на всю тюрьму Анил, медленно поднимаясь на ноги.

— Анил, послушай, — попытался дозваться до него Шанкар, но его попытки потонули в воплях безумного лесоруба.

— Ударь! — выл он, выпрямляясь во весь рост.

— Анил...

— Еще один! Еще один!!! — взревел тот и ринулся на охотника, сцепляя свои тощие руки на горле Шанкара.

***

Брасид раздул кузничные меха. Его вспотевшую и вымазанную сажей кожу обдало жаром, однако матерый творец металлических изделий давно привык, что в мастерской стоит пекло похлеще знойного солнца пустыни. Взяв в могучую правую руку молот, а в левую заготовку медного меча, он поместил предмет на наковальню и начал наносить равномерные и выверенные удары. Звон металла о металл заполнил все пространство кузницы, смешавшись с гулом горячего воздуха из-под мехов. Лицо Брасида, всегда такое миролюбивое и дружелюбное, сегодня носило на себе печать озабоченности и тревоги. На днях ему пришлось вскрыть последний ящик из своих старых запасов шкур дикого зубра. Шанкар обещал ему продать новую партию, но до сих пор так и не добыл необходимый материал. Как только этот ящик опустеет, то кузница не сможет продолжить работу, и мастерская просто встанет. Воины лишатся оружия, а мирные жители — орудий труда. Если только он не переборет себя и не обратится за шкурами на свиноферму Панишвара. При мысли об алчном и хитром хозяине скотного двора, Брасид плюнул на наковальню и сильнее обычного ударил молотом по заготовке меча, постепенно принимающей должный облик.

«Если Шанкар не принесет мне шкуры диких зубров, то и вправду придется идти на поклон к Панишвару. Иначе я рискую остаться без денег и еды».

Продолжая орудовать кузничным молотом и погружаясь в пучину мрачных мыслей,

Брасид не сразу сообразил, что до его слуха сквозь грохот и шум мастерской доносится другой, непонятный звук. Остановившись на очередном замахе, он прислушался. Ему показалось, как позади раздалось шипение.

«Ш-ш-ш-ш-ш».

Будто кто-то погрузил раскаленную сталь в чан с холодной водой.

Брасид ругнулся. Видимо, подкова, которую он оставил на краю рядом с чаном, соскользнула-таки внутрь и теперь придется ее оттуда вылавливать, да исправлять возможные недочеты. Отложив молот в сторону, кузнец обернулся. Подкова лежала на том самом месте, где он ее и оставил, чем несказанно обрадовала кузнеца. Лицо здоровяка на мгновение прояснилось, а из могучих легких вырвался вздох облегчения.

«Показалось».

Утерев пот со лба тыльной стороной ладони, Брасид вернулся к молоту с наковальней и продолжил усердно работать. Меха кузницы набрасывали все новые и новые порции жара. Вновь воздух наполнился звуками звона металла о металл.

«Да, пожалуй, выбора нет. Придется идти на поклон к Панишвару. Будь оно все неладно. Что же это такое происходит? Шанкар меня никогда не подводил. Наверняка на то есть причины. Но какие?».

Он снова отставил молот в сторону и осмотрел меч.

«Еще немного. Подровнять здесь, остудить там и...».

Позади него опять раздалось шипение. На этот раз Брасид был точно уверен, что ему не послышалось. Отчетливый звук.

«Ш-ш-ш-ш-ш».

«Проклятая подкова все-таки соскочила!».

Брасид обернулся через плечо, однако та продолжала лежать на том же самом месте.

Нахмуренные брови кузнеца сдвинулись еще больше, сливаясь на переносице.

«Змея. В мою мастерскую заползла кобра! И почему я до сих пор мангуста не завел?!».

Крепко схватившись за молот, он развернулся, внимательно осматривая кузницу. Взгляд Брасида скользнул по столу напротив. По чану с холодной водой. Прошелся по формам для залива расплавленного металла. Пробежался по земляному полу от противоположной стены до самого выхода, через который в мастерскую пробивался солнечный свет. Никаких признаков кобры или какой-либо другой ползучей гадины.

Брасид почувствовал, как ему стало немного не по себе. Его правая рука инстинктивно крепче сжала огромный молот.

«Но ведь я точно слышал. Клянусь богами пустыни! Где же ты?».

Словно в ответ на его вопрос звук раздался вновь. Только на этот раз Брасиду показалось, что он раздается не из какого-то конкретного места. Нет. Шум шел словно отовсюду. Он был везде и одновременно нигде. Кузнец не смог бы объяснить этого, даже если бы захотел. И теперь звук содержал в себе не просто шипение, а слова. Слова, значения которых Брасид не знал. Но они заставляли бегать холодные мурашки по затылку, несмотря на сильный жар внутри кузницы.

«С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш».

— Кто здесь? — неуверенно прохрипел здоровяк, но его голос потонул в шуме работающей мастерской.

Внезапно он услышал смех. Тихий, злорадный, не предвещавший ничего хорошего. Словно голодный шакал, дорвавшийся наконец до огромного куска мертвечины. Смех, как и

звук, заполонил все окружающее его пространство. Впервые в жизни Брасид ощутил слабость в ногах и желание немедленно присесть.

«Богиня-мать, я схожу с ума!».

В этот момент злорадный смех прервался, сменившись на свистящий шепот. Будто человек, которому выбили половину зубов, шепелявил ему на ухо. Только голос внушал страх и озноб.

«Кр-е-е-е-е-нч-е-е-е-е».

— Что? — тихо спросил Брасид, не осознавая, как его ладонь сильнее сжимает черенок молота.

«Ид-и-и-и-и».

На негнущихся ногах, не понимая, что делает, но не в силах сопротивляться, Брасид вышел из мастерской на главную улицу города.

Солнце стояло в зените, опалая своими лучами Мохенджо-Даро, застроенный одинаковыми домами с одинаковыми улицами, по которым сновали беспечные люди в одинаковых одеждах, идущих по своим ежедневным одинаковым делам. Кто-то на своих двоих, кто-то пользуясь услугами погонщика зебу.

«Ид-и-и-и-и» — вновь зашелестел голос в голове кузнеца.

Брасид почувствовал, как его глаза увлажнились, помутнив взор. Ноги стали еще слабее, словно некто выкачивал из них всю жизненную силу и... передавал ее в руку, сжимавшую кузничный молот. Она будто налилась такой мощью, что способна была сокрушить Обитель снегов[1].

«Ид-и-и-и-и».

Медленно поднимая молот над головой, с затуманенным взглядом, Брасид начал движение в сторону центра улицы.

Окружающий мир перестал существовать.

Только он, его молот, да навязчивый шепот в голове, противиться которому не было сил.

***

Холодные пальцы Анила крепко вцепились в горло Шанкара. Охотник моментально почувствовал, как перекрывается доступ к кислороду. Он попытался разжать хватку лесоруба, но та оказалась непредсказуемо сильна. Шанкар и не подумал даже, что в руках Анила, прошедшего в темнице длительное время, найдется столько сил.

Пока охотник отчаянно боролся с лесорубом, пытаясь стряхнуть его ладони со своего горла, тот продолжал пялиться на Шанкара белками закатившихся глаз.

Рот обнажил в жуткой гримасе белые зубы, а с губ, подобно заклинанью, срывалось змеиное шипение:

— Ударь... ударь... ударь... ударь.

Ощувив, что ему начинает не хватать воздуха, Шанкар бросил бесплодные попытки разжать крепкие тиски рук на своей шее и просипел:

— Если ты настаиваешь...

Охотник с силой двинул ногой лесорубу в область паха. Тот согнулся, однако пальцев не разжал, увлекая охотника следом за собой на пол.

Быстро оправившись от удара, Анил подмял Шанкара под себя и с безумным воем

сцепил тиски холодных пальцев еще сильнее. Плотнo сжав губы, охотник ударил лесоруба в нос. Но и это не помогло. Несмотря на то, что из ноздрей потекла кровь, Анил будто не почувствовал удара, продолжая истошно вопить и душить бывшего друга.

Перед глазами Шанкара все начало плыть. Он понимал, что времени у него осталось немного. Решительным движением он выбросил руки вперед, дотянувшись до страшных глаз лесоруба и с силой надавил на них. Анил взревел, и охотнику показалось, что от этого ужасающего воя содрогнулись каменные стены темницы. Шанкар продолжал давить пальцами на глазницы лесоруба, но тот, несмотря на боль, и не думал ослаблять хватку на горле охотника. Он уже плохо различал Анила перед собой. К туману добавились желтые круги и вспышки. Легкие горели, словно их подожгли изнутри и готовы были взорваться в любой момент. Шанкар чувствовал, что слабеет с каждой секундой. Его руки уже не так сильно давили на глазницы противника, в отличие от Анила, хватка которого продолжала оставаться стальной.

В какой-то миг все окончательно померкло. Инстинктивно охотник широко раскрыл рот в попытках набрать спасительного воздуха. Беззвучно, подобно рыбе. Перед мысленным взором уже маячил смутный образ Богини-матери.

«Какая неожиданная встреча... какой бесславный конец...».

[1] Обитель снегов — Гималаи.

Внезапно хватка Анила ослабла. Его руки разжались.

Толстый тюремщик стоял над ними. На трясущихся ногах, со вспотевшим лицом, но довольной улыбкой на пухлых губах. В правой руке он держал деревянный табурет, который секундой ранее опустил на голову несчастного лесоруба.

Изо рта тюремщика вырвался вздох облегчения:

— Ну, ты доволен, мразь?! Я ударил, как и просил!

Шанкар сбросил с себя обмякшее тело Анила и судорожно втянул в легкие тяжелого воздуха темницы. Несмотря на его спертость и привкус сырости, он показался охотнику высшим примером свежести. Подобно морскому бризу, налетающему на берег с водных просторов в жаркий полдень.

— Вы как, в порядке? — поинтересовался толстяк, все еще держа табурет наготове.

— Да, — прохрипел Шанкар, с трудом поднимаясь.

Пелена перед глазами спала, однако желтые круги еще плавали в хаотичном порядке.

— Так и знал, что это плохая идея, — проворчал тюремщик, беря под локоть охотника и направляясь с ним к выходу.

— Надо проверить, как он... — попытался сквозь кашель возразить тот, но тюремщик и слушать не хотел.

— Еще чего! Вам мало было?!

— Но...

— Никаких «но»! — толстяк буквально выволок слабо протестующего охотника из камеры и, с лязгом, захлопнул решетку. — Подержите табурет... а еще лучше — сядьте. Вам сейчас это необходимо.

Шанкар не стал спорить. Он опустился на деревянное сиденье, продолжая прочищать горло и восстанавливать дыхание.

Тем временем тюремщик с завидной ловкостью повернул ключ в замке и, бросив мимолетный взгляд на обездвиженное тело лесоруба, повернулся к охотнику:

— Вам повезло, что я подоспел вовремя.

Тот кивнул:

— Да. Спасибо.

— Говорил же, что это плохая идея, — еще раз напомнил толстяк, утирая пот со лба.

— Он жив? — кивнул в сторону камеры Шанкар, ощупывая шею. На ней уже проступили синяки от удушья.

— Что с ним станет? — сплюнул тюремщик.

— Все же... надо проверить.

Толстяк скрестил руки на груди:

— Да я смотрю, вам нейдет.

Шанкар вяло улыбнулся:

— Должен признать, есть чуть-чуть.

Толстяк уже хотел возразить, но тут со стороны камеры раздался слабый стон.

Тюремщик хмыкнул:

— Вот и проверять не надо. Живой, гад.

— Ударь... — простонал Анил, все еще не поднимаясь с пола.

Толстяк закатил глаза:

— Надо было треснуть посильнее.

— Ударь... — тихо молвил лесоруб и снова затих.

— Скорее бы ему отсекли голову, — проворчал тюремщик.

Шанкар никак не стал комментировать последнюю фразу. Несмотря на то, что Анил еще пару минут назад пытался задушить его собственными руками, он не желал тому смерти. Долгие годы дружбы и чувства, что накопились за все это время, невозможно спустить в выгребную яму одним удушающим захватом.

Охотник поднялся, ощущая слабость в ногах.

«Ну, хотя бы желтые круги начали рассасываться».

— Моя аудиенция окончена, — пробормотал Шанкар, продолжая ощупывать шею.

— Наконец-то вы сказали что-то разумное, — радостно подметил тюремщик, — немного вы от него узнали.

— Верно.

— Сами дойдете?

Охотник поднял руку в успокаивающем жесте:

— Не беспокойтесь. Я уже в норме. Еще раз спасибо за помощь. В долгу не останусь.

— Пустяки, — бросил толстяк, хотя по лицу его было видно, что слова охотника польстили душу, — это ведь моя работа.

— Неважно, — охотник двинулся к выходу на ватных ногах, — я к вам еще зайду.

— Не стоит, — промямлил толстяк, мысленно предвкушая парочку мер серебра в качестве вознаграждения.

Шанкар не ответил. Он уже поднимался наверх по вьющейся каменной лестнице, намереваясь как можно скорее увидеть солнечный свет.

***

Аваниш закончил укладку свежего лука на прилавок и, окинув пристальным взглядом результат своего труда, одобрительно кивнул. Запасов зелени хватит еще на несколько дней интенсивной торговли.

«Надо бы еще пару ящичков доложить» — подумал он, почесывая плешивую голову, как вдруг заметил позади себя могучую тень.

Зеленщик даже не стал оборачиваться, ибо узнал бы эту широкую фигуру из любых других.

— А, доброго утра, Брасид, — поприветствовал он кузнеца, мастерская которого располагалась напротив, — решил перекусить?

Кузнец не ответил, продолжая молчаливо стоять за спиной.

— А я вот никак решить не могу, — Аваниш начал теребить свой тощий подбородок, — выложить еще один ящик лука или нет? Что скажешь, приятель? Если возьмешь у меня немного овощей, то сразу решишь эту дилемму.

Зеленщик не видел, как сильная жилистая рука Брасида подняла кузничный молот. Когда же огромный стальной инструмент дляковки металла опустился на блестящую залысину Аваниша, то было уже поздно...

***

Брасид одним точным ударом раскроил череп зеленщику. Множественные капли крови с ошметками серой мозговой жидкости забрызгали прилавок, оставляя свой жуткий след на свежем луке.

Шепот, раздававшийся отовсюду, перешел на зловещий смех. Однако он прервался также внезапно, как и возник, вновь сменившись на шепот.

«*Да-а-а-а!*».

Позади Брасида на всю улицу истошно закричала какая-то женщина.

«*Ид-и-и-и-и!*».

Развернувшись вокруг своей оси, кузнец начал движение в сторону женщины. Для Брасида по-прежнему ничего в этом мире не существовало... Ничего, кроме его молота, да голоса в голове.

***

Бакула спешила на рыночную площадь. Ее черные, слегка тронутые на висках сединой, волосы развевались на ветру. Маленькая грудь под белоснежным облегающим платьем вздымалась в такт учащенному дыханию. Под мышкой она крепко сжимала небольшую корзину, доверху набитую свежими бобами, которую ее муж Аваниш забыл сегодня взять в свою лавку.

«*Разиня, —* ворчала она, не сбавляя шага и приближаясь к рыночной площади, — *вечно приходится за ним ходить, словно за маленьким ребенком!*».

Бакула подняла свои карие глаза к небу. Впереди возвышалась Цитадель. Грозная с виду и бесполезная по сути. Так считала Бакула.

«*Зачем ее вообще построили? На нас никто и никогда не нападал.*».

Впереди показалась лавка мужа.

«*Наконец-то... как же жарко...*»

В этот момент она заметила кузнеца, подошедшего сзади к Аванишу.

«*О, а вот и покупатель...*».

В следующую секунду она выронила корзину. Бобы разлетелись по каменистой мостовой главной улицы Мохенджо-Даро. Многие из них тут же оказались раздавлены, попав под колеса снующих телег и сандалии прохожих. С тонких губ Бакулы сорвался истошный крик...

***

Под ногами Брасида хрустели бобы, рассыпанные женщиной по мостовой.

«*Уд-а-а-а-а-рь!*».

Кузнец продолжал приближаться к женщине, держа окровавленный молот наготове.

«*Уд-а-а-а-а-рь!*».

***

Бакула не сопротивлялась. Ее парализовал страх и ужас.

Никогда за свою, более чем сорокалетнюю, жизнь она не видела убийства

собственными глазами. Жестокого беспощадного преступления, совершенного среди бела дня на глазах у толпы. Да что там видела. Бакула ни разу не слышала о злодеяниях хуже, чем кража продуктов с рынка. А здесь кузнец, которого знала чуть ли не половина города, как добродушного и милого здоровяка, хладнокровно расправляется с ее мужем на глазах у всей улицы!

Поэтому она не сдвинулась с места. Лишь продолжала кричать, плотно прижимая руки к груди, согнутые в локтях.

***

Равномерным и выверенным многолетней практикой движением Брасид опустил окровавленный молот на голову несчастной Бакулы. Крик женщины резко оборвался, а ее вмиг обмякшее тело рухнуло на мостовую.

«Ха-а-а».

— Брасид! Ты что творишь?!

«Уд-а-а-а-а-рь!».

По-прежнему ничего не слыша, кроме зловещего голоса, Брасид повернулся в сторону того, кто его окликнул.

***

Нишант, невысокий, но крепкий стражник с бронзовым копьём, как обычно неспешно прогуливался по городу и от скуки считал, сколько комаров он убил, упрямо садящихся ему на шею. Надоедливые насекомые гибли пачками, но продолжали самоубийственные попытки напитаться человеческой крови. Когда счет поверженных паразитов дошел до третьего десятка, скуку Нишанта словно рукой сняло. Он услышал истошный крик. Стражник повернул голову в ту сторону и замер в оцепенении, чувствуя, как внутри разливается неприятный холодок, несмотря на жарящий с неба солнечный диск. Нишант увидел, как Брасид, местный кузнец с рыночной площади, опускает огромный молот на голову несчастной женщины, повергая ту на каменистую поверхность мостовой, усеянной раздавленными бобами.

Несмотря на парализовавший его ужас при виде столь страшной и непривычной картины, стражник нашел в себе силы крикнуть:

— Брасид! Ты что творишь?!

Он увидел, как кузнец медленно оборачивается в его сторону. Увидел закатившиеся глаза и сверкающие белки в глазницах. Брасид вновь приподнял окровавленный молот и двинулся в сторону стражника.

— Бросай молот!

Кузнец не послушал.

Люди ринулись от него в рассыпную. Пробегавший мимо преклонного возраста мужчина поскользнулся на рассыпанных бобах, поэтому не сумел увернуться от удара массивного инструмента в руке кузнеца. Молот прилетел бедному старику прямо в лицо, выбивая на дорогу те остатки зубов, что еще держались в его ослабленных деснах. Брасид даже не повернул головы в сторону упавшего со стоном мужчины, полностью сконцентрировавшись на стражнике.

Улицу заполонил дикий вой испуганных зебу. Не слушая криков погонщиков, они разворачивались, давя друг друга и калеча пробегающих мимо людей. Повозки неслись прочь от рыночной площади.

Кузнец почувствовал, как его губы раскрываются, а рот произносит слова:

— Ударь!

— Стой! — Нишант вскинул копье, выставив его стальным наконечником перед собой.

Он с трудом успел увернуться от пролетевшей мимо телеги.

— Ударь! — прорычал кузнец.

— Бросай молот!

— Ударь!

— Стой, кому говорю!

Нишант чувствовал, что сердце, резко ускорившее ритм, готово вот-вот разорваться от перенапряжения. По рукам, державшим копье, пробежали предательские мурашки. Он не узнавал Брасида. Это был не тот добродушный кузнец-здоровяк. Рот оскалился в голодной и хищной гримасе. Из недр доносился злобный рык безумного зверя, а глаза закатились настолько, что видны были только белки.

«В него демоны вселились, не иначе!».

Тем не менее, стражник не потерял самообладания. Не побежал и не выронил копье.

Когда Брасид подошел к нему на расстояние удара и занес молот над головой, Нишант совершил быстрый выпад и полоснул наконечником оружия по пальцам кузнеца, крепко сжимавшим молот. Брасид взревел. Молот выскользнул из его разжавшихся пальцев и с глухим стуком ударился о каменистую мостовую. Произнося нечленораздельные звуки, Брасид потянулся за инструментом дляковки металла. Не теряя ни секунды, стражник перехватил копье острием назад и с силой врезал тупым черенком кузнецу по животу. Тот отпрянул, судорожно глотая ртом воздух.

— Назад, Брасид! — приказал Нишант, чувствуя, как пот начинает заливать глаза.

В эту секунду на уже порядком опустевшую улицу из ближайшего переулочка выскочила пара стражников. Не теряя времени они ринулись на помощь товарищу, повиснув на плечах здорового кузнеца, пытаясь закрутить его могучие руки за спину. Словно взбесившийся слон, Брасид попытался стряхнуть их с себя. И это ему почти удалось. Стражникам пришлось побросать свои копья и ухватиться за кузнеца обеими руками. Только тогда они смогли обездвижить его, а затем повалить на живот, судорожно пытаясь связать безумца. Брасид продолжал реветь, словно потревоженный носорог в лесной чаще, и не оставлял попыток высвободиться и дотянуться до выроненного инструмента. Увидев его отчаянные попытки, Нишант тут же подбежал к молоту и взял его в правую руку. Тот был весь покрыт кровью и остатками серого вещества, на которые налипли человеческие волосы. От одного вида этой картины Нишанта настолько помутило, что его едва не вырвало прямо на мостовую.

Сдержав приступ тошноты и, тяжело дыша, он воззрился на барахтающихся людей сверху вниз:

— Да что с тобой такое, Брасид?!

В ответ ему донеслось лишь несвязное рычание.

Кузнец не оставлял попыток освободиться, несмотря на то, что двум стражникам удалось-таки связать ему руки за спиной.

— Он обезумел! — воскликнул один из прибежавших на помощь караульных.

— Видят боги, так оно и есть, — пробормотал Нишант.

Он снова покосился на окровавленное орудие убийства, которое сжимал в правой руке. Жидкость начинала медленно стекать по черенку. В этот момент он услышал голос. Шепот, доносившийся словно отовсюду.

«Уд-а-а-а-а-рь!».

Нишант не успел поразмыслить о том, как этот зловещий шепот оказался у него в голове. Уже в следующий миг он отбросил копьё в сторону и ухватился двумя руками за молот.

— Поможешь доставить его в темницу, Нишант? — спросил один из стражников, не поднимая головы. — Нам понадобится помощь с таким здоровяком.

Нишант, не произнося ни слова, вплотную подошел к расположившимся на мостовой людям и занес молот над головой.

***

Наконец, последняя ступенька была преодолена, и Шанкар вышел из темницы на свежий воздух, подставляя лицо жаркому солнечному свету. С нескрываемым удовольствием он вдохнул полной грудью, а затем в очередной раз ощупал шею пальцами. Настроение, готовое было пойти вверх после поглощения чистого воздуха, тут же опустилось обратно, когда его мысли вернулись к Анилу.

«Это уже не тот человек, которого я знал. Даже сомневаюсь, что его вообще теперь можно назвать человеком. Настолько Анил изменился. Обезумел. Но что послужило причиной его безумия? То, что он увидел на той проклятой вырубке? Или произошло нечто странное в лагере лесорубов в верховьях Синдху? Странное и страшное, повредившее разум Анила. Есть ли какая-то связь между ним и зверем?».

Шанкар потер рукой лоб, который пробороздила глубокая морщина.

«Жаль, что не получилось хоть что-нибудь разузнать. Но зато жив остался. Уже хорошо. Спасибо тюремщику. Надо будет отблагодарить его...».

В этот момент мимо него впопыхах пробежало несколько стражников. Светлые рубахи развевались на ветру. Воины держали наготове копьё.

Охотник удивленно посмотрел им вслед. Стражники спешно продвигались к воротам Цитадели.

«Куда они так спешат? А, ладно. Мне необходимо домой. Приготовиться к охоте... Ах ты ж, проклятье. Я обещал навестить жену и дочь Анила...».

Решив не откладывать визит, Шанкар вернулся в бани, забрал оттуда свои вещи и, перебросив лук через плечо, да прикрепив кинжал к поясу и поблагодарив привратника за предоставленную циновку для ночлега, он ухватил копьё правой рукой, а затем неспешно направился к воротам. Возле выхода из Цитадели переминался с ноги на ногу одинокий стражник, нервно теребя подол длинной рубахи. Охотнику показалось странным его поведение.

Учитывая недавно пробежавших мимо воинов, он решил поинтересоваться:

— В чем дело? Что происходит?

— Какое-то безумие на рыночной площади, — зататорил стражник.

— Безумие? — переспросил Шанкар, тут же невольно вспоминая закатившиеся глаза Анила и его железную хватку на своем горле.

— Да.

— Что за безумие?

— Говорят, местный кузнец сошел с ума и набросился на людей с молотом! Убил зеленщика и его жену, а затем напал на стражу!

Шанкар вытаращился на караульного:

— Брасид?

Стражник, молча, кивнул.

— Не может быть! Он ведь и мухи не обидит!

— Так мне сказали...

В этот момент со стороны рыночной площади донеслись яростные крики и звуки борьбы. Шанкар вздрогнул, а караульный побледнел.

— Богиня-мать, да что же там такое происходит? — взмолился стражник.

Охотник рванул вперед, совсем позабыв о желании навестить Мину и Нирупаму.

***

Огромный кузничный молот опустился на голову ничего не подозревающего стражника. Из глубин Нишанта вырвался безумный смех.

Второй стражник вздрогнул, когда его лицо забрызгала кровь и ошметки мозгов бывшего сотоварища. Он так и не успел понять, что происходит, когда увесистый молот опустился на его непокрытую черную шевелюру.

— Еще один! Еще один!!! — завопил Нишант, потрясая страшным орудием над головой, поверхность которого покрыло отвратительное месиво из крови и плоти.

«Ец-е-е-е од-и-и-и-и-н».

Зашипел у него в голове вкрадчивый голос, заставляя оборачиваться лицом в сторону Цитадели.

Оттуда на рыночную площадь уже вбегал небольшой отряд городских стражников, вооруженных длинными копьями с медными наконечниками. Несмотря на сильную бледность, покрывающую их лица из-за созерцания кровавой картины, они были настроены решительно.

«Уд-а-а-а-а-рь!».

Издав подобие воинственного клича, Нишант, потрясая молотом, ринулся навстречу воинам с безудержной прытью. В пару мгновений он преодолел рыночную площадь и попытался с ходу раскроить череп ближайшему стражнику. Его закатившиеся глаза и страшное оружие в руке вселяло настоящий ужас. Однако к чести воинов те не поддались этому липкому чувству. Он не заставил их дрогнуть и броситься наутек, побросав оружие. Стражник, которому предназначался удар молота, сумел с трудом увернуться от атаки. Инструмент дляковки металла рассек воздух буквально возле его уха. Нишант, державший молот обеими руками, во время замаха потерял равновесие. И этим воспользовался другой стражник. Не раздумывая, он нанес колющий выпад, целясь обезумевшему воину между лопаток. Стальной наконечник с силой вошел в плоть, разрывая ее своим острием, словно нож тушку соленой сельди.

«Сирру-ш-ш-ш-ш».

Шепот в голове Нишанта перешел на едва уловимый шелест. словно ветер играл опавшими листьями.

Огромный кузничный молот выпал из рук, с громким стуком ударившись о каменистую

поверхность главной улицы Мохенджо-Даро.

Туман перед глазами на секунду развеялся, и он удивленно произнес:

— Что? Что происходит?

В этот момент копьё резко выдернули из его спины. Острая боль между лопаток пронзила все тело. Нишант вскрикнул и пошатнулся. Туман вновь начал сгущаться перед глазами. В ногах появилась слабость, будто к ним прикрепили огромные гири для замера серебра. Сделав пару неуверенных шагов, Нишант взмахнул руками, словно пытаясь ухватиться за воздух, а затем рухнул ничком на дорогу. С его губ сорвался тяжкий стон, а туман перед глазами сменился тьмой. На этот раз уже навсегда.

Когда туман перед глазами внезапно рассеялся, то Брасид увидел, что сидит на мостовой. Весь перепачканный кровью, он изумленно рассматривал рыночную площадь, превратившуюся в место настоящей бойни. От представшей взору картины холодило внутри и сдавливало желудок. Главная улица города была усыпана ошметками мозгов и раздавленными бобами. Брасид почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он хотел, было, прикрыть рот ладонью, да не сумел. Только сейчас кузнец осознал, что его руки крепко связаны за спиной, а рядом стоят двое стражников с бледными лицами.

— Что... что здесь произошло? — выдавил из себя он.

— Это тебя надо спросить, Брасид, — обратился к нему один из воинов, с окровавленным копьем, — Нишант ведь уже ничего не расскажет.

— Меня? — опешил кузнец.

— Ну не меня же?! — воскликнул стражник, разводя руками в стороны. — За что, Брасид?!

— Я... я...

— За что ты так с нами?! Так ты решил отплатить нам за то, что мы приютили тебя?! Приняли, как своего! Дикарь! Пустынный дикарь! Еще и Нишанта вовлек в свое безумие!

— Я ничего не делал! — пробасил Брасид.

— Да? — стражник поднял молот с дороги и ткнул им в нос связанному кузнецу. — А это что?!

Брасид тупо уставился на свой инструмент дляковки металла, покрытый слоем омерзительной жижи из человеческих мозгов, крови и волос. Он не помнил. Он ничего не помнил с того самого момента, как ему почудилось, что в мастерскую заползла змея. Он развернулся, дабы осмотреть кузницу и... дальше ничего. Пустота. Потом он очнулся уже связанным, стоя на мостовой по колено в крови. Брасид отчаянно напрягал память, дабы вспомнить хоть что-нибудь, но безуспешно. Только морщины еще больше испещрили кожу на лбу.

«Богиня-мать, прародительница жизни, неужели это я?... Это... я? Нет... нет-нет-нет! Я не мог этого сделать! Это безумие... настоящее безумие!».

— Нечего ответить?! — зашипел ему в лицо воин.

Брасид был настолько поражен, что не мог выдавить из себя ни единого слова.

— Увести его!

Двое стражников подхватили кузнеца за руки и подняли с колен. Тот даже не пытался сопротивляться. Брасид был полностью обескуражен, ошеломлен и сбит с толку. Он не понимал, как все произошло. Почему это произошло. В голове роился целый ворох мыслей, словно потревоженный улей. Впервые в своей жизни он почувствовал общую слабость. И даже когда Шанкар окликнул его, Брасид не ответил. У него просто не осталось на это сил.

***

— Брасид!

Он не ответил.

Один из стражников, окруживших кольцом кузнеца, предостерегающе поднял руку:

— Не приближайтесь, господин. Это опасно.

— Опасно? — Шанкар непонимающе посмотрел в глаза стражнику. — Да он мухи не обидит!

— Неужели?

Воин отделился от общей группы, и его место тут же занял другой. Он подошел вплотную к охотнику и указал пальцем на рыночную площадь.

— Оглянитесь! Все это — рук Брасида!

Шанкар проследил взглядом за жестом стражника. Картина, представшая перед его глазами, способна была ужаснуть и бросить в дрожь. Вот только охотник видел слишком много крови за последнее время и начинал понемногу к ней привыкать. Как бы страшно это ни звучало. По крайней мере, мерзкого ощущения тошноты он уже не испытывал.

Стражник добавил:

— В тихом омуте...

Шанкар обернулся лицом к воину:

— Вы уверены, что это сделал Брасид?

— Да. Он и Нишант.

— Нишант?

— Один из наших, — пояснил стражник, закусив нижнюю губу.

— Не могу в это поверить, — охотник испытывал явное потрясение.

— Да, в это поверить трудно, — согласился воин, сдвинув брови, — но я всегда питал недоверие к иноземцам. Особенно к выходцам из пустыни. Видимо, не зря. У них слишком горячая кровь.

— Как это произошло?

Воин пожал плечами:

— Кузнец взбесился и схватился за молот. Первой жертвой выбрал зеленщика, — тут он кашлянул и прочистил горло, — очевидно, имел на того зуб в виде гнилых овощей.

— Брасид никогда не держал зла на Аваниша, — возразил Шанкар.

— Он сам вам об этом сказал? — хмыкнул стражник. — Уверен, собирайся вы кому-нибудь раскроить череп, то не стали бы оповещать всю округу.

— Кто еще? — спросил охотник, про себя подмечая разумность сказанных воином слов.

— Бакула, жена зеленщика. Она несла мужу бобы на рынок. Несколько случайных прохожих, попавших под горячую руку. Точнее... — стражник скривился, — под горячий молот. Двое бойцов, что прибежали скрутить безумца. Ну, и Нишант. Еще кто-то попал под телеги с перепуганными зебу.

— Нишант? — переспросил Шанкар, совсем позабыв это имя под напором событий.

— Стражник, что следил за порядком на рыночной площади, — воин пожал плечами, — видимо был в сговоре с кузнецом.

— В сговоре?

Шанкар чувствовал, что все больше начинает запутываться в этой истории.

— Выхватил молот из рук Брасида и продолжил его кровавое дело, когда того связали, — пояснил стражник, — хорошо, что наши ребята подросли вовремя и обезвредили Нишанта, — тут его лицо слегка омрачилось, — однако спасти двоих наших товарищей, увы, не смогли.

Шанкар не ответил. Он вновь осмотрел опустевшую рыночную площадь. Она выглядела так, словно на ней порезвился синха.

Словно издалека до охотника вновь донесся голос стражника:

— Если захотите, то сможете навестить его в темнице Цитадели.

— Темнице? — охотник снова обернулся к стражнику.

— Ну, да, — пожал плечами тот, — теперь в тюрьме одним безумцем станет больше.

Только вряд ли Брасид задержится там надолго.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, в отличие от Анила, вина кузнеца не требует доказательств. Свидетелями его жестоких преступлений стала целая улица. Суд состоится скоро и не займет много времени.

— Дивакар! — громко окликнул стражника один из его товарищей уже порядком удалившихся от рыночной площади.

— Простите, господин, — спохватился тот, — мне нужно идти.

— Да, конечно, — вяло ответил охотник.

— Если захотите узнать подробности, обратитесь к Верховному жрецу. Мы составим донесение.

Дивакар поспешил в сторону Цитадели, трусцой догоняя свой отряд. Шанкар, молча, смотрел ему вслед.

«Теперь одним безумцем в тюрьме станет больше».

Фраза, брошенная стражником, крепко засела в голову охотнику. Чутье подсказывало ему, что между безумством Анила и Брасида должна быть какая-то связь. Но какая? Оба потеряли рассудок при загадочных обстоятельствах. Но если случай с Анилом еще можно списать на возможные последствия встречи со зверем, то в чем причина помешательства Брасида?

От всех этих размышлений голова пошла кругом. Шанкар почувствовал, как на лоб изнутри начинает давить неприятная тяжесть.

Проведя ладонью по лицу, охотник еще раз оглядел рыночную площадь. Ее вид чем-то напомнил ему то, что он лицезрел недавно на опушке возле лесной чащи. Рядом с дорогой, ведущей в Хараппу. Там, где он нашел Нилам. Тяжкие мысли, омраченные воспоминаниями, заставили Шанкара полностью погрузиться в себя. Лишь спустя некоторое время он вспомнил, что хотел навестить семью Анила. Его жену и дочь.

Продолжая плавать в пучине собственных мыслей, охотник направился в сторону дома лесоруба, произвольно выбрав маршрут подальше от рыночной площади.

***

— Как ты? — спросил Шанкар, усаживаясь на табурет напротив.

— Нормально, — могильным тоном ответила Мина.

Женщина расположилась на двуспальной деревянной кровати, поджав под себя босые ноги. Ее затуманенный взор был направлен в пустоту. Про себя охотник подметил, что жена Анила сильно похудела. Белоснежная хлопковая ночная рубашка, некогда обтягивающая ее полное тело, теперь свободно болталась на животе. В прядях длинных черных волос появилась небольшая седина. Лицо покрывала сильная бледность, а под глазами виднелись черные круги.

— А Нирупама?

При упоминании охотником имени дочери, взгляд Мины немного прояснился.

— Спит. Она теперь часто спит...

— У вас... — начал, было, Шанкар, но она его перебила.

— Что с ним будет?

Охотник на секунду задумался, но затем честно ответил:

— Не знаю.

— Это вправду он убил тех лесорубов?

— Не знаю, — Шанкар тяжело вздохнул.

— Не верю, — сухо проговорила Мина, — он не способен на такое.

Шанкар непроизвольно провел рукой по своей шее. Память о том, как Анил вцепился в нее ледяной хваткой, была еще слишком свежа. Но он не собирался рассказывать бедной женщине о случае в тюрьме. Ей и без того сильно досталось. Однако сам охотник начинал сомневаться в неспособности Анила причинить вред другому человеку. Особенно, если припадок безумия случился с ним в самый неподходящий момент.

— Когда суд? — спросила Мина.

— Он отложен на неопределенный срок. К тому же... — Шанкар на мгновение замялся, — произошли кое-какие события.

— Какие? — голос Мины продолжал оставаться ледяным и бесчувственным. Казалось, в этой жизни ее все перестало интересовать. Она поддерживала разговор только из вежливости.

— Неважно, — Шанкар не горел особым желанием посвящать ее в ужасные события последних дней.

Мина равнодушно пожала плечами. Очевидно, ей было все равно.

— Его казнят?

— Скоро я собираюсь отправиться в лагерь лесорубов и все разузнать. От того, что мне удастся выяснить, будет многое зависеть.

Мина кивнула, а затем впервые за разговор подняла взгляд на охотника. В ее карих глазах стояли слезы.

— Как он там?

Перед мысленным взором охотника вновь предстал образ бывшего лесоруба. Бледное, перекошенное от ярости, лицо. Глубоко закатившиеся глаза. Безумное бессвязное бормотание. Шанкару пришлось приложить немало усилий, дабы ответить.

— Нормально, — выдавил из себя он.

— Можешь передать ему мою пшеничную выпечку?

«О, Мина, ему сейчас не до еды».

— Лучше оставь себе. Я собственно потому и пришел...

— Мне не надо, — резко перебила она, — я все равно в последнее время плохо ем.

— Ты должна есть.

— За меня не беспокойся. Со мной все в порядке.

— Я так не думаю, — возразил охотник, еще раз про себя отмечая, насколько похудела жена лесоруба.

— Говорю же, я в норме.

— Если сама не хочешь, то угости Нирупаму.

— Считаешь, что я не думаю о ней? — наконец-то в голосе Мины появились хоть какие-то нотки, отличные от могильного тона.

— Нет. Не считаю. Но сейчас твоя поддержка нужна ей куда больше, нежели Анилу.

Она не стала возражать. Лишь вновь опустила глаза в пол. Ее взор снова стал

постепенно затуманиваться.

— Скоро я отправляюсь на север. В сторону лагеря лесорубов и просеки. Перед отбытием я навещу вас еще раз. Принесу еды и дам серебра. У тебя ведь закончилось серебро?

— Давно, — мрачно ответила Мина, — я уже собиралась идти убирать улицы, ибо скоро будет не на что покупать еду...

— Не стоит, — Шанкар встал, — я скоро вернусь.

— Спасибо.

Охотник окинул Мину сочувственным взглядом и, ободряюще прикоснувшись к ее плечу, двинулся в сторону выхода.

Взявшись за ручку двери, Шанкар внезапно кое-что вспомнил и обернулся:

— Когда ты видела его в последний раз... Анил не вел себя странно?

— Нет, — Мина отрицательно мотнула головой, — просто он не хотел возвращаться туда. Не мог больше держать в руках топор. Но... — тут она запнулась и внезапно умолкла.

Какое-то время Шанкар терпеливо ждал, пока она вновь не заговорит. Откуда-то издали доносились лай собаки и крик петуха. В хижине же наступила гнетущая тишина. Настолько неприятная, что охотник, в конце концов, не выдержал.

— Но?

— Я заставила его, — тихо прошептала Мина, словно обращаясь к самой себе.

— Заставила?

— Сказала, что нам нужны деньги... что он должен пересилить себя... ради Нирупамы.

— О...

— Это я виновата, — Мина начала давиться слезами.

— Ты тут не причем, — возразил Шанкар, но она его не слышала.

— А теперь меня еще считают женой кровавого убийцы!

— Мина...

— Меня обходят, словно прокаженную!

Горячие слезы потоком хлынули из ее карих глаз, быстро увлажняя белоснежную рубашку. Под воздействием мимолетного порыва, Шанкар хотел было подойти и обнять несчастную женщину. Попытаться утешить ее. Однако потом осознал, что это ничего не даст. Лучшее, что он может сейчас сделать для нее — это дать побыть одной.

— Я скоро вернусь, — проговорил он, не до конца уверенный в том, что его услышали.

Потянув за ручку, охотник вышел на узкую улочку, аккуратно прикрыв за собой дверь.

***

— Думаете, он еще там?

Смутлолицый воин с курчавыми волосами и в светлой рубахе, опоясанный коричневым ремнем, настороженно взглянул на Шанкара.

— Я надеюсь на это, — ответил тот, забрасывая небольшое пламя походного костра землей.

Воин, которого звали Локеш, схватился за копье:

— А вот я не горю желанием встречаться с этой тварью лицом к лицу.

Шанкар вскинул на него свои пронизательные глаза:

— Чем скорее мы расправимся со зверем, тем лучше.

— Но ведь он в одиночку разметал целый вооруженный отряд! Да еще и во главе с Аджитом! А он был тем еще верзилой.

— Мы этого не знаем, — охотник поднялся, поправляя лук за спиной.

— Но ведь... — начал, было, Локеш, но не договорил, увидев на себе грозный взгляд охотника.

— Твои опасения понятны, Локеш, — холодно проговорил Шанкар, — но мы обязаны расправиться со зверем. Нравится тебе это или нет. Дороги не могут быть закрыты вечно.

— Да, я понимаю, — вздохнул воин, — ладно. Прикончим тварь и никаких проблем. Вернемся к прежней жизни.

«О, Локеш, — подумал охотник, — как жестоко ты ошибаешься. Наши проблемы только начинаются».

Верховный жрец Чудамани предоставил Шанкару для уничтожения зверя поистине огромные силы — сотню воинов. Ни один житель Хараппы или Мохенджо-Даро не помнил на своем веку подобного события, чтобы для достижения какой-либо цели выделялись настоль серьезные средства.

Когда рано утром крупный отряд воинов в светлых рубахах, вооруженных длинными копьями с бронзовыми наконечниками, покидал стены города через восточные ворота, их провожали несколько пар испуганных и обеспокоенных глаз. Люди в последнее время жили, как на иголках. Их беззаботная, лишенная всяких проблем, жизнь закончилась в одночасье. Сначала прекратились поставки древесины для обжига глины, с помощью которой бывший Верховный жрец Девадат намеревался заново отстроить юго-восточный район Мохенджо-Даро, пришедший в негодность. Затем бесследно исчезли и сами лесорубы, а следом за ними — небольшой отряд стражи, посланный на их поиски. И лишь Анил, обезумевший дровосек, содержался в темнице Цитадели, как доказательство того, что на просеке к северу от города произошло нечто ужасное.

Кстати о безумствах...

Весть о том, что милый и добродушный кузнец Брасид, на пару со стражником Нишантом, устроил кровавую бойню прямо посреди рыночной площади среди бела дня вмиг облетела весь Мохенджо-Даро. Об этом событии знал и поговаривал каждый. Люди, привыкшие к покою, гармонии и процветанию, теперь были напуганы и обескуражены. Они опасливо озирались по сторонам и подозрительно косились даже на тех, кого знали с младенческих лет.

Кто знает, быть может, мой близкий друг или родственник тоже выжил из ума? Быть может, за этой добросердечной улыбкой соседа скрывается кровавый безумец, многие годы вынашивающий ужасные планы по моей расправе? Ведь милый и простой Брасид тоже не вызывал ни у кого опасений! Он даже мухи не обидит — так о нем твердил чуть ли не весь город. И что теперь? Что теперь?

Зерна сомнений были посеяны среди населения Мохенджо-Даро. Посеяны в очень благодатную почву. Почву, состоящую из людей, изнеженных беспечной жизнью и не способных адекватно реагировать на изменившуюся обстановку. И эти сомнения не заставили себя долго ждать, прорастая подобно сорнякам на грядках.

Известие о закрытии дорог и запрет покидать город в связи с объявлением в округе бешеного носорога лишь подпитало внутренний страх горожан, доведя их тревогу до состояния, близкого к панике. Они продолжали выполнять свою ежедневную рутинную работу, делая вид, что ничего не происходит. Но то была лишь инерция. То, когда их

прежняя жизнь прекратится, был лишь вопросом времени.

Шанкар видел испуганные лица жителей Мохенджо-Даро, когда его отряд покидал город через восточные ворота. Охотник понимал, что разобраться со зверем необходимо как можно скорее. Паника среди населения не пойдет на пользу ровным счетом никому. А ведь люди еще даже не догадываются о той катастрофе, которая накрыла долину Сарасвати. Пустыня наступает с востока, проглатывая в своей ненасытной утробе плодородные земли. И решение этой проблемы нужно найти не менее быстро, чем расправиться с таинственным зверем. Верховный жрец Чудамани намерен был созвать тайный совет из самых доверенных лиц для поиска выхода из ситуации. Предавать лишней огласке предстоящие продовольственные проблемы никто не намеревался. Девадат же отправился вместе с Шанкаром на поиски существа. Ему не терпелось увидеть воочию зверя, что до сих пор скрывался в джунглях Синдху. Охотник на желание бывшего Верховного жреца присоединиться к походу никак не отреагировал. Только пожал плечами.

«Если хочет, то пусть идет. Лишь бы не пугался под ногами».

Шанкара несколько раздражало явное нежелание Девадата всерьез воспринимать ту опасность, которую таило в себе загадочное животное. Более того, по его словам, это именно люди виноваты в ярости зверя, которую вызвало вторжение первых на территорию существа. Быть может в глубине души охотник мог бы согласиться с бывшим Верховным жрецом, но сейчас все зашло слишком далеко. Настолько далеко, что либо зверь, либо жители долины Синдху. К тому же у охотника имелся личный мотив расквитаться с ним. Образ Нилам не выходил из его памяти. Каждый раз, когда ее прекрасный лик вставал перед глазами, губы Шанкара непроизвольно сжимались, а рука крепче обхватывала древко копья с бронзовым наконечником...

По приближению к месту вырубki лесов, Шанкар разделил силы на два отряда. Первый, во главе с ним самим, отправился непосредственно на просеку. Второй пошел в сторону лагеря лесорубов. Девадат присоединился к последним. К всеобщей тайной радости и облегчению охотника. Присутствие брзжающего старика, в которого превратился бывший Верховный жрец после изгнания, негативно действовало на Шанкара и только отвлекало от охоты.

Солнце достигло зенита и неплохо припекало, когда они добрались до того места, где лесорубы укладывали деревья на плоты для дальнейшей отправки вниз по реке. Синдху нес свои темные воды со спокойной размеренностью. В камышовых зарослях вдоль берега заливались пением пурпурные нектарницы, а кроны деревьев над головами людей стояли почти без движения. Слабый ветерок, едва уловимый на коже, заставлял вяло покачиваться зеленые листья.

Подойдя к ближайшему из плотов, Шанкар опустился на одно колено и внимательно осмотрел его. Стволы пальм, аккуратно уложенные поперек, уже достаточно отсырели. Видимо, они пролежали здесь довольно долго. Охотник прислушался, будто пытаясь различить среди естественных звуков диких джунглей нечто, что могло бы подсказать местоположение лесорубов. Однако ничего, кроме пения птиц, да тихого шепота воинов за спиной, услышать ему не удалось. Взгляд охотника метнулся по земле. Его пытливые глаза сразу заметили следы. Старые следы двух пар ног. Судя по размерам и глубине сохранившихся отпечатков, они принадлежали крупным мужчинам.

«Наверняка лесорубы».

Шанкар продолжил изучение земли рядом с берегом.

Тем временем Локеш, до этого равнодушно наблюдавший за действиями охотника, заразительно зевнул и, видимо от скуки, начал помахивать в воздухе копьем, словно игрушечной палкой. Во время очередного взмаха он не рассчитал расстояние и чуть было не выколол глаз рядом стоявшему полноватому воину с короткой черной бородой.

— Эй! — вскрикнул тот. — Осторожнее!

Локеш ухмыльнулся:

— Извини, Младший.

Юный воин, которого прозвали Младшим, недовольно надул пухлые губы. Сын владельца свинофермы Панишвара отличался весьма обидчивым нравом. Все его в отряде звали Младшим, дабы не путать с отцом. К тому же это прозвище звучало короче настоящего имени. Некоторые воины подшучивали над парнем. Дескать, он сам похож на молочного поросенка, коих разводит его папаша. Это обижало и злило Панишвара Младшего, вызывая красноватый румянец на его округлых щеках. А воины смеялись пуце прежнего. Ведь с румянцем тот еще больше походил на поросенка.

— Извини? А если бы ты мне глаз выбил?

— Но я же этого не сделал, — пожал плечами Локеш.

— Если бы сделал, то извиняться поздно было.

— О, брось, Младший, — отмахнулся Локеш, — не делай из мухи слона.

— Ты халатно относишься к своим обязанностям, — не унимался Панишвар.

На его щеках зарделся румянец.

Это подметил Локеш и усмехнулся:

— Да не злись, поросенок. А лучше отойди чуть подальше, а то еще превратишься в хрюшку на вертеле, — воин хохотнул.

— И отойду, — выплюнул в его сторону Младший, делая пару шагов назад, — а то ведь, кто знает, может ты такой же безумец, как и Брасид!

Улыбка слетела с лица Локеша.

Он недобро покосился на Младшего:

— Это я-то безумец? Следи за языком, Панишвар.

— А ты за ручонками своими шаловливыми, — парировал тот.

— Да как ты смеешь! — побледнел Локеш — Я, между прочим, твой непосредственный командир.

— Не сегодня, — хмыкнул Младший, — в данный момент мой непосредственный командир — он, — тут Панишвар кивнул в сторону Шанкара, продолжавшего изучать следы на земле.

— Ах, вот как! — лицо Локеша искривилось от злобы. — Ты теперь мне будешь перечить, поросенок?! Может и вправду глаз выбить, дабы образумился?

— А ты попробуй! — взвизгнул Младший, поднимая копье.

— Сам напросился!

Отряд воинов замер в ожидании того, чем разрешится спор между Панишваром и Локешом. Оба уже готовы были наброситься друг на друга, скрестив копья. Однако в последний момент их оборвал грубый голос охотника.

— Довольно!

Зачинщики стычки, намеревавшиеся пронзить друг друга не только яростными

взглядами, но и острой сталью, резко обернулись.

Шанкар хмуро осмотрел их с ног до головы:

— Да что с вами?!

Слова охотника подействовали, словно омовение ледяной водой, остужающее горячие головы.

Локеш тихо произнес:

— Простите, господин Шанкар. Погорячились. Непокойно нам, сами понимаете.

Панишвар Младший согласно кивнул и покраснел пуще прежнего.

Недовольный охотник поднялся и быстрым шагом направился в сторону джунглей. Среди деревьев вилась утоптанная тропинка. Следы лесорубов терялись именно там.

— Вы, оба, — бросил он через плечо, — идемте со мной. Остальным оставаться на месте.

— Почему? — удивился Локеш. — А если носорог там?

— Вы мне всей ватагой следы затопчете, — буркнул Шанкар, однако добавил, — будьте начеку.

Локеш хотел возразить, но, видя, как охотник скрывается в чаще, поспешил за ним. Панишвар Младший засеменял следом. Кажется, никто из них до конца еще не осознавал, с чем они могут столкнуться.

Войдя под кроны деревьев, Шанкар тут же ощутил резкий запах. Омерзительное зловоние, вызывающее дикое желание прикрыть ноздри рукой. Несколько сбавив шаг и держа копье наготове, охотник продолжил движение по тропинке. Временами он поглядывал на лианы и ветви деревьев, опасаясь змей, но их не было видно.

Вступивший следом в джунгли Локеш тут же воскликнул:

— О, боги. Здесь что, ратуфы[1] нагадили?

Замыкающий шествие Младший сильно побледнел. Его лицо утратило былой румянец, а к горлу подступила тошнота.

— Меня... меня сейчас вырвет, — пробормотал он, прикладывая пухлую руку ко рту.

— Только не на меня! — предупредил Локеш.

— Заткнитесь оба, — цыкнул Шанкар, не оборачиваясь, — вы мне мешаете.

— Зачем тогда взяли? — спросил Локеш, тем не менее, перейдя на шепот.

Охотник оставил его реплику без внимания, продолжая углубляться в джунгли по ветвистой тропинке. Деревья окружали их со всех сторон. Словно безмолвные стражи, они грозно нависали над незваными гостями, протягивая к ним свои скрюченные ветки. К омерзительному запаху добавилась сырость, стоявшая в воздухе. Становилось трудно дышать. Младший почувствовал, что ему становится неуютно с каждой секундой. Его воображение рисовало, как окружающие деревья внезапно набрасываются на него и увлакивают в густую чащу, дабы там придушить в своих крепких объятиях. От разыгравшихся мысленных картин, Панишвару стало еще хуже. Он с трудом сдерживал внутри себя утренний завтрак из бобовой каши.

Шанкар ступал медленно, то и дело посматривая под ноги. Но вовсе не потому, что опасался произвести лишний шум, случайно задев сухую ветку или корень. Идущие позади воины отнюдь не пытались скрыть своего присутствия. Шорох, создаваемый этими хлопцами, смог бы разбудить и глухого медведя. Нет. Охотник старался не сбиться со следа лесорубов. Наверяд ли те свернули в чащу с тропинки, но рисковать Шанкар не собирался. Все его чувства были максимально сосредоточены.

Пройдя вперед еще несколько шагов он, наконец, увидел просвет среди деревьев.

«Видимо, мы приближаемся к просеке».

Охотник бросил через плечо:

— Мы почти на месте. Будьте готовы.

— К чему? — спросил Локеш, перехватывая копьё поудобнее.

— К чему угодно.

— О, боги, — простонал Младший, отнимая руку от лица и тоже берясь за копьё обеими руками.

Зловонный запах тут же рванул ему в ноздри. Панишвар почувствовал, как силы сопротивляться больше не осталось. В следующую секунду бобовая каша была низвергнута на землю с неприятным булькающим звуком.

— Проклятье! — воскликнул Локеш. — Ты мне сандалии загадил!

— Я не нарочно, — промычал Младший, вытирая губы.

— Ну, еще бы. Свинья.

— Не смей так со мной...

— Заткнитесь! — зашипел Шанкар, словно потревоженная кобра. — Иначе я лично удавлю вас обоих!

Те покорно замолчали и двинулись следом за охотником, который уже достиг опушки и выходил на окраину просеки...

За последнее время Шанкар привык к крови и растерзанным телам. Выпотрошенные останки зебу во дворе дома поселенцев. Разорванные в клочья трупы гонцов Нараяна в долине Сарасвати. Изуродованные тела людей из публичного дома. Усеянная кровью и раздавленными бобами рыночная площадь Мохенджо-Даро. Нилам... Столько крови и тел, что можно повредиться рассудком. Однако представшая перед ним картина повергла в шок. Несмотря на то, что он подсознательно готовился к худшему.

Полянка была устлана телами лесорубов. На большинстве из них уже виднелись отчетливые следы разложения. Некоторыми успели полакомиться падальщики, растаскав по просеке останки мертвых людей. Повсюду валялись отрубленные конечности, покрытые бурыми пятнами запекшейся крови. Вообще вся просека напоминала монотонную бурую массу с пеньками-островками и плавающими убиенными лесорубами. Смрад и зловоние достигали здесь своего пика. Они способны были вывернуть внутренности наизнанку. Шанкар ощутил, как кровь отхлынула от его лица, приливая к затылку. Голова начала кружиться. Ему пришлось опустить копьё, дабы опереться на него. Охотник хотел набрать в легкие воздуха, но не мог этого сделать. Иначе он точно потеряет сознание от смрада. Дыша малыми порциями, он опустился на колени возле близлежащего трупа лесоруба и заставил себя его осмотреть. По обезображенному телу ползали маленькие черные мухи.

— Ну, нашли что-нибудь...? — спросил Локеш, однако вопрос застрял у него в горле, когда он вышел на просеку.

— Что там? — поинтересовался Младший, выглядывая из-за его плеча.

Представшая перед глазами картина подействовала мгновенно. Уже в следующую секунду Панишвар со стоном рухнул на землю, выронив копьё. Локеш даже не обратил на это внимания. С открытым ртом он продолжал смотреть на место кровавой бойни, не в силах произнести и слова. Ему чудилось, что все это нереально. Это просто видение, и он сошел с ума. Ведь такого не может быть. Просто не может быть!

И только голос охотника вывел Локеша из оцепенения:

— Приведи его в чувство.

— А? — Локеш тупо уставился на Шанкара.

— Приведи его в чувство, — медленно повторил охотник.

Только сейчас воин заметил, что сын владельца свинофермы валяется на земле без сознания.

— Д-да-да, — заикаясь проговорил Локеш.

Он опустился возле Младшего и стал звонко бить того по щекам. Тот слабо застонал, однако глаза не открыл.

— Не переусердствуй, — предупредил охотник, возвращаясь к осмотру трупа.

— Понял, — нервно буркнул тот и отвесил очередную пощечину, — очнись, Панишвар. Давай!

На лице Младшего появился румянец, однако отнюдь не здоровый, а как следствие регулярных ударов по нежной коже. Он вновь застонал.

Шанкар тем временем подметил, что тело лесоруба усеяно следами от ударов топором. Он нахмурился и перевел взгляд на другой труп, распростертый рядом. Руки отсутствовали. Лицо покрыто толстым слоем запекшейся крови. Судя по ранам, они тоже были нанесены ударами топора.

«Неужели Анил? Неужели он и вправду убил всех своих товарищей? Но как? Как ему удалось? Почему они позволили сделать с собой это?».

Однако многие вопросы отпали сами собой, когда охотник увидел какой-то блестящий предмет, лежащий неподалеку. Солнечные лучи отражались от его поверхности, заставляя сверкать, подобно драгоценной бусине. Присмотревшись повнимательнее, охотник сумел разглядеть, что это топор. Бронзовый топор лесоруба. Большую часть лезвия покрывала запекшаяся кровь. Бросив беглый взгляд по полянке, Шанкар увидел и другие лезвия. Такие же окровавленные и блестящие.

«Они сделали это друг с другом? О, Богиня-мать, но зачем? Что за безумие здесь произошло? Безумие... безумие. Такое же, что охватило Анилу, Брасида и Нишанта? Не причем тут зверь?».

Шанкар не сразу сообразил, что больше не слышит пения птиц.

Тем временем Панишвар Младший пришел в себя:

— О, боги всемогущие, — застонал он, — давайте уйдем отсюда!

Локеш быстро закивал головой:

— Впервые в жизни я с тобой согласен, приятель. Надо уходить.

Он помог тому подняться с земли.

— Уходим, — всхлипнул Панишвар.

— Господин Шанкар, — затараторил Локеш, — надо уходить.

— Подождите, — скинул руку охотник, внезапно насторожившись.

— Чего ждать-то?! — взвыл Младший.

— Нам тут делать нечего. Надо доложить в город, — вторил Локеш, — пусть этого ублюдка Анилу посадят на кол за то, что он сделал!

— Из-за вас я ничего не слышу! — зарычал Шанкар.

Оба воина тут же заткнулись. Все они стали вслушиваться в происходящее. Однако в округе стояла мертвая тишина. Такая же мертвая, как лесорубы на просеке. Мертвая и злобная.

Первым не выдержал Панишвар:

— Я ничего не слышу.

— Я тоже, — прошептал Локеш, опасливо озираясь по сторонам.

— В том и дело, — медленно поднимаясь, произнес Шанкар, окидывая джунгли пристальным взглядом.

— В чем?

Охотник развернулся к воинам. Те, покрытые мертвенной бледностью, взирали на него широко раскрытыми глазами и тяжело дышали.

— Разве в джунглях должно быть так тихо? — пояснил Шанкар. — Ни пения птиц, ни стрекотания насекомых. Ни криков обезьян. Вообще ничего.

До его спутников, наконец, дошло. Они еще раз вслушались в окружающую тишину и, к своему удивлению, не обнаружили никаких посторонних звуков. Кроме шума собственного тяжелого дыхания. Даже ветер не шумел в кронах деревьев. Джунгли стояли не шелохнувшись.

— Что это значит? — нервно сглотнул Панишвар.

— Это значит, — медленно произнес охотник, берясь обеими руками за копье, — что зверь где-то рядом.

— Что? — ахнул Локеш. — Но, почему... как...?

— Не время для расспросов, — оборвал его охотник, — возвращаемся к своим.

В этот момент со стороны Синдху раздались яростные вопли и крики. В них отчетливо звучали страх, изумление и гнев. Голоса десятков людей смешались в один ужасающий гул.

Все трое переглянулись. По лбу Локеша потекли струйки холодного пота. Панишвар, казалось, готов был снова упасть в обморок.

— Что это? — промычал сын владельца свинофермы.

— Это он, — бросил охотник, а затем бегом ринулся обратно к тропинке.

[1] Ратуфа — индийская гигантская белка.

Шанкар бежал по тропинке в лесу, на ходу перепрыгивая через кочки и корни деревьев. Воздух свистел в его ушах, донося со стороны реки отчаянные крики и звуки борьбы. В тот момент охотник не думал, как убить зверя. Все его сознание было занято лишь одним желанием — встретиться с ним лицом к лицу. Посмотреть существу прямо в глаза. Увидеть, кто стоит за жестокими убийствами. *Кто* убил Нилам! Частичкой разума Шанкар осознавал, что поступает сейчас опрометчиво. Жажда мести застилает ему глаза, не давая увидеть реальной картины. Но он не мог ей противиться. Не мог противиться этому острому, словно отточенный кинжал, чувству. Поэтому он несся вперед, а листья деревьев и стебли лиан хлестали ему по лицу.

Локеш едва поспевал за ним, постоянно спотыкаясь и сыпя проклятиями, на чем свет стоит. Однако поток бранных слов, изливающихся из его рта, был следствием отнюдь не отбитых о кочки и корни пальцев ног. Воин боялся. Боялся того, что он увидит, когда они вернутся на берег Синдху. Крики, которые доносились оттуда, были поистине ужасающи и леденили душу похлеще той картины, что им пришлось лицезреть на просеке. Сыпя проклятиями, Локеш пытался хоть немного успокоить самого себя. Но получалось из рук вон плохо.

Замыкал бег Панишвар Младший. Мертвенная бледность до сих пор не сошла с его лица. Более того, казалось, что он стал еще блее и готов вновь рухнуть в обморок. Бедолага явно был не приспособлен к таким нагрузкам. Его моральный дух оказался на грани слома. Он ощущал, что от перенапряжения сердце готово вот-вот лопнуть прямо в груди. Из легких вырывалось прерывистое дыхание. Лоб заливал липкий пот, а перед глазами возникла слабая пелена. Младший с трудом поспевал за Локешом.

Крики впереди внезапно стихли в тот самый момент, когда запыхавшийся охотник выбежал, наконец, из леса. Шанкар замер, как вкопанный. Бежавший позади него Локеш от неожиданности чуть не влетел в спину охотника, остановившись в самый последний момент. Младшему тормозить не пришлось — к тому моменту он безнадежно отстал и, с присвистом, ковылял в паре десятков локтей позади.

Охотник во все глаза смотрел на *него*. Груда разодранных и изувеченных тел со вспоротыми внутренностями Шанкара даже не заинтересовала. В конце концов, он слишком много видел окровавленных трупов за последнее время. Все его внимание было приковано к *нему*.

«Богиня-мать, что это? Что это такое?! Неужели это чудовище плод рук твоих?!»

В тот самый момент, когда охотник выбежал на опушку, зверь завершал кровавую бойню, нанося последний штрих в создание ужасающей картины. Подцепив длинным мощным хвостом последнего воина, существо подбросило несчастного в воздух, а затем, пока тот находился в полете, хлестнуло по нему кончиком хвоста, увенчанным неким подобием металлической гири с зелено-янтарным оттенком. От удара тело воина разорвало на мелкие кусочки. Фонтан крови брызнул в разные стороны, а внутренности бедолаги рухнули на землю бесформенной грудой. При этом существо оставалось абсолютно безмолвным. Никакого злобного рычания или рева, которых можно было ожидать. Только хладнокровная и беспощадная жестокость.

Испытывая легкую дрожь в руках, Шанкар выставил копье бронзовым наконечником

вперед и пригнулся. Сталь сверкнула в лучах полуденного солнца. Он не сводил глаз с этого чудовища. Чувства охотника мгновенно обострились. Весь окружающий мир прекратил для него существовать. Оставался лишь он, да та тварь впереди. Зверь, повинный в убийстве стольких людей. Чудовище, убившее Нилам... Наметанным взглядом охотник заметил, что тело зверя покрыто плотной чешуей, однако длинная шея вроде бы оставалась незащищенной.

«Туда-то я и нанесу роковой удар!».

Однако попасть в тонкую шею с того места, где стоял Шанкар, не представлялось возможным. Стрелять из лука он не решился, боясь промахнуться. Поэтому охотник начал медленно приближаться к существу, пока то упивалось собственной победой и не удосужилось повернуть голову. Жажда охоты и мести полностью охватили его разум. Шанкар настолько сконцентрировался на звере, что напрочь забыл о своих спутниках. Когда же те решили напомнить о себе, то было уже поздно.

Локеш, к тому моменту отдышавшийся, увидел-таки ужасающее существо, разорвавшее его отряд, словно псина тряпичную куклу. Глаза воина, в мгновение ока сделавшиеся квадратными, вылезли из орбит. Тело пробилась сильная дрожь, а кожа теперь напоминала ту, что бывает у общипанного гуся. Рот воина открылся... и спустя пару секунд из него вырвался вопль неопишемого ужаса.

Шанкар вздрогнул.

«Проклятие! Проклятие-проклятие-проклятие!».

В этот момент чудовище повернуло голову в его сторону.

Охотник увидел приплюснутую морду, на конце которой виднелся длинный острый рог. Подобно огромному копыту, оно готово было проткнуть и вспороть любого, кто встанет у твари на пути.

«Вот откуда те страшные раны на телах зебу и гонцов Нараяна».

Подумал охотник, а затем их глаза встретились. Пытливый взор Шанкара и немигающие красные глаза чудовища. В тот самый момент, когда это произошло, охотник внезапно осознал, что уже не слышит истошного вопля Локеша...

***

Панишвар остановился. Он согнулся в три погибели. В отчаянных попытках перевести дух, Младший хватал ртом воздух. Тот со свистом врывался в легкие. Сердце трепетало в груди, а уши закладывало от давления.

Впереди завопил Локеш, но Младший не успел среагировать на его крик.

Он почувствовал, как сердце внезапно успокоилось. словно и не было этой безумной скачки через джунгли. Не было просеки, усеянной окровавленными телами лесорубов. Вялость в руках и ногах ослабла, но при этом пропали все звуки вокруг. И только вкрадчивый голос, будто исходящий из глубин подсознания, вкрадчиво нашептывал ему на ухо.

«Насад-и-и-и-и порос-е-е-е-енка на в-е-е-ртел».

Туман перед глазами сгустился, однако позволял различать ближайшие предметы. Панишвар поднял голову. Казалось, джунгли, окружавшие его со всех сторон, подступили еще ближе. Они тянули к нему свои ветви, подобно когтистым лапам хищных птиц. Но Младший смотрел не на них. Его взор был устремлен перед собой. В паре локтей впереди маячила спина Локеша. Не совсем соображая, что делает, Панишвар вцепился в копыто

обеими руками. Костяшки пальцев, скрытые до этого под прослойкой жира, побелели и показались на поверхности кожи.

«Насад-и-и-и-и порос-е-е-е-е-нка на в-е-е-ртел».

Локеш продолжал стоять спиной к Младшему. Панишвар оторвал черенок копья от земли и перехватил его, выставив острием перед собой. А потом сделал шаг вперед. Затем еще один. Его глаза закатились. Только белки сверкали, словно вареные яйца. Толстые губы сына владельца свинофермы разошлись в зловещей ухмылке. Ему стало хорошо... так хорошо. Так уютно и спокойно. Забылись все страхи. Все те ужасные картины, что предстали перед его изнеженным взором несколькими минутами ранее. Был только он, его копьё, спина Локеша впереди... и навязчивый шепот в голове.

«Насад-и-и-и-и порос-е-е-е-е-нка на в-е-е-ртел».

— О, да, — прошептал Младший.

Он размахнулся, а затем ударил бронзовым наконечником копья Локешу между лопаток. Острая сталь пронзила кожу и прошла через тело, как нож сквозь масло. Крик Локеша мгновенно оборвался, сменившись прерывистым хрипом. Воин рухнул на колени, а затем медленно осел на землю, упав лицом в низкую зеленую траву. Его тело плавно сползло с древка копья, оставляя на нем кровавый след. А Панишвар продолжал улыбаться и ничего вокруг не замечать своими закатанными глазами. Ему по-прежнему было хорошо. Спокойно и уютно. И когда вкрадчивый голос вновь зазвучал у него в голове, Младший послушал его незамедлительно.

«Теперь с-а-а-а-а-м».

***

Шанкар не стал оборачиваться, дабы утомить Локеша. Все равно это было бессмысленной и пустой тратой времени. Однако его организм инстинктивно отреагировал на внезапный новый звук. Край левого глаза охотника непроизвольно дернулся в сторону, на мгновение теряя зверя из виду. То, что Шанкар заметил боковым зрением, повергло его в еще больший шок, нежели вид загадочного существа. Охотник оказался настолько поражен увиденным, что полностью переключил свое внимание со зверя на то, что виднелось в тени деревьев слева от него.

«Нет! Не может быть!».

Шанкар зажмурился, пытаясь отогнать наваждение. На секунду он полностью забыл о твари. О том, что она может воспользоваться его замешательством и наброситься, положив конец сей бесславной охоте. Но он не мог противиться чувствам. Вновь открыв глаза, Шанкар обнаружил, что наваждение не исчезло. Оно по-прежнему было там. В тени деревьев справа от кровожадного чудовища. **Она** была там...

Темные, как вороное крыло, волосы, заплетенные в косу. Большие глаза цвета сапфира. Прекрасные изгибы ее тела. Такие знакомые, и которые он помнил до сих пор. Помнил до сих пор, несмотря на то, что с момента их последней встречи, казалось, прошла целая вечность. С момента последней встречи, когда она еще была жива...

Она протянула руки в его сторону.

«Иди сюда».

Зашептал голос у него в голове. **Ее** голос.

Охотник сделал шаг навстречу. Сердце гулко забило в груди.

«Нет. Я видел тебя. Я видел тебя всю... всю в...».

«Со мной все хорошо. Я здесь».

Шанкар не мог больше противиться. В глубине души он и не хотел. Охотник сделал еще один шаг. Еще один шаг навстречу Нилам.

***

Шанкар медленно шел вперед навстречу Нилам. Его ноги, обутое в кожаные сандалии, не издавали ни звука. По крайней мере, охотник не слышал, как хрустят комочки земли у него под подошвами. Как пригибается трава под тяжестью его тела. Он вообще ничего не слышал. Ни пения птиц. Ни отчаянного вопля Локеша за спиной. словно он оглох по чьему-то мановению руки. И лишь ласковый голос Нилам продолжал нашептывать у него в голове.

«Со мной все хорошо. Иди ко мне».

И он шел. Преодолев более половины расстояния до того места, где ожидала его Нилам, протянув к нему руки, Шанкар забыл обо всем. словно не существовало ни зверя, ради которого охотник явился сюда. Ни наступающей пустыни в долине Сарасвати. Ни горы трупов неподалеку на просеке. Для Шанкара теперь существовали только он сам, и Нилам. Она прислонилась к крепкому стволу разветвленного сала и улыбалась ослепительной улыбкой. Охотник не мог поверить своему счастью. Ведь он считал, что потерял ее. Потерял навсегда.

Шанкар протянул руку и дотронулся до тонких и изящных пальчиков Нилам. Они оказались холодными, как лед.

— Ты жива! — прошептал он, чувствуя, как сердце заходится в грудной клетке, срываясь в неровный такт.

Нилам продолжала улыбаться:

— Со мной все хорошо, — повторила она.

Охотник выронил копье. Оружие беззвучно упало в зеленую траву. Он взял ладони любимой в свои и крепко сжал. Сильный холод обдал его кожу.

— Тебе холодно? — обеспокоенно поинтересовался Шанкар.

— Нет.

— Но у тебя кожа ледяная.

Он еще сильнее сжал ее ладони в своих, словно пытаясь согреть. Нилам продолжала ослепительно улыбаться.

Девушка повторила тем же неизменным ласковым тоном:

— Со мной все хорошо.

— Уверена?

Шанкар приблизился еще на шаг, готовый заключить ее в объятия.

— Да, — ответила Нилам, а затем из ее рта вырвалось едва уловимое шипение, — *с-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш*.

Охотник вздрогнул и остановился:

— Что ты сказала?

Нилам не ответила. Только продолжала улыбаться. Шанкар почувствовал, что его рука, сжимавшая ладонь девушки, касается чего-то влажного. Переведя взгляд, он увидел, что кисть Нилам полностью покрыта кровью.

— Со мной все хорошо, — донесся до него ее голос.

Шанкар вновь поднял взор на лицо Нилам и отшатнулся. Оно все оказалось в багровых разводах. Алая жидкость стекала по ее щекам к подбородку и далее ручейками спадала на грудь. Только большие глаза цвета сапфира позволяли узнать в ней ту самую Нилам. Девушка теперь выглядела в точности так же, как когда охотник обнаружил ее на стоянке публичного дома недалеко от дороги в Хараппу. Обнаружил ее изувеченное холодное тело.

— Со мной все хорошо, — прошептала она.

Кровяное покрывало пошло пузырьками возле ее губ. Шанкар ощутил, как сереет его лицо, а легким недостает воздуха. Его разум пребывал в полной растерянности. Впервые за всю свою жизнь охотник позволил бесконтрольному страху полностью овладеть собой. Его трясло, как пальмовый лист на свежем ветру. Ноги готовы были сорваться вперед. И он никак не мог заставить себя воспротивиться этому желанию.

Вновь раздался таинственный шепот. Однако он уже шел не из уст Нилам, продолжавшей смотреть на Шанкара сапфировыми глазами из-под кровавой маски на лице. Он доносился откуда-то сзади. И теперь в нем угадывалась нескрываемая явная угроза.

— *С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

Интуитивно охотник сжал правую руку в кулак, дабы не выронить копьё. К его искреннему удивлению и еще больше возросшему страху, оружия в руке не оказалось. Шанкар в панике начал вспоминать, когда мог его выронить или потерять. То, что копьё выскользнуло из его разжатых пальцев мгновениями раньше, он даже не вспомнил. Мозг был, словно в тумане.

«*Мое копьё... куда подевалось мое копьё?*».

В приступе животного страха охотник напрочь позабыл о луке, висевшем у него за спиной.

Тем временем шипение раздалось снова:

— *С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

Чье-то горячее дыхание обдало его затылок. Волосы на голове встали дыбом.

«*Он здесь... позади меня... позади меня... позади меня!*».

Охотник хотел рвануть вперед. Паника захлестнула его, словно огромной волной. Ноги напрялись, готовые непроизвольно ринутся наутек. Но он не смог и шагу вступить. Ступни словно вросли в рыхлую влажную почву. Не имеющая выхода паника заставляла сердце бешено трепетать. Охотник чувствовал, как оно заходится в истощном ритме, а в левой части груди растекается ноющая боль.

Шанкар нервно сглотнул и стал медленно оборачиваться. Будто кто-то силком заставлял его посмотреть назад. Лоб полностью покрылся испариной, когда он совершил разворот.

Зверь стоял прямо напротив него.

Острый конец длинного рога заканчивался буквально в локте от его головы. Красные немигающие глаза буравили охотника, подобно заточенному кинжалу.

«*Кинжал, — вспомнил вдруг Шанкар, — у меня на поясе есть кинжал!*».

Старясь не отводить взгляда от этих бездонных и всепоглощающих красных глаз, охотник потянулся к поясу. В тот миг, когда его рука нащупала рукоятку кинжала, существо раскрыло пасть. Она была усеяна рядами острых зубов, которым позавидовал бы сам синха. Охотник вновь почувствовал на себе дыхание зверя. Его ладонь, сжавшая рукоять кинжала, заходила ходуном. Из пасти чудовища показался длинный язык, раздвоенный на конце.

«*Богиня-матерь, да что же ты такое?!!!*».

Словно прочитав его мысли, чудовище издало шепот, напоминающий свист змеи.

— *С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

Наконец, Шанкару удалось извлечь кинжал из-за пояса. Сталь сверкнула на солнце. Однако он не видел этого. Его взор тонул в красных немигающих глазах зверя. Казалось, они медленно пожирают его. Поглощают целиком. В какой-то момент охотник осознал, что не может отвести взгляда от чудовища. Даже если захочет. Он попытался выставить руку с кинжалом перед собой, но не сумел. Словно невидимая сила мешала ему это сделать. Вместо этого Шанкар почувствовал, как ладонь, в которой он сжимает оружие, медленно, но неумолимо приближается к его собственному горлу.

«Что... нет!».

— *С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

Он пытался сопротивляться, но все оказалось бесполезно. Когда кончик кинжала коснулся кожи на горле, лик существа перед Шанкаром начал расплываться. На какое-то мгновение охотнику почудилось, что он видит напротив... самого себя! Склонившегося над телом какого-то животного. Шанкар не мог отчетливо разобрать. Слишком неясным оказался помутившийся взор.

Вновь раздалось шипение:

— *С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

Ладонь, сжимавшая рукоятку кинжала, перестала дрожать. В пальцах появилась сила. Шанкар понял, что сейчас холодное лезвие пронзит его горло. И сделает он это своими руками.

Шанкар готов был пронзить собственное горло своим же кинжалом. Видение самого себя исчезло. Он так и не смог до конца разглядеть, что это было. Перед глазами вновь предстал лик страшного зверя. И в тот момент, когда холодная сталь, направляемая рукой своего хозяина, уже готова была проткнуть кожу на горле, случилось *это*.

Сквозь небольшую пелену, продолжавшую затуманивать взор, Шанкар увидел, как длинную шею чудовища пронзило копьё. Оно вошло относительно глубоко, полностью скрыв бронзовый наконечник в туше зверя. Раздалось шипение. Оглушительное шипение, от которого охотник не устоял на ногах и повалился на колени, зажимая ладонями уши. Кинжал выскользнул из разжатых пальцев и, сверкнув, скрылся в невысокой траве. На мгновение Шанкар потерял тварь из виду, пытаясь оправиться от ужасного звука. В голове все свистело. Несколько секунд ему казалось, что он полностью потерял слух. Когда же охотник вновь поднял взгляд на зверя, тот уже исчез. И лишь откуда-то со стороны просеки раздавался грохот ломаемых деревьев. Будто сквозь джунгли продирался огромный носорог на бешеной скорости. Шанкар поднялся. Ноги сильно тряслись. Его слух постепенно восстанавливался, однако он все еще слышал в своей голове это жуткое шипение. Пелена перед глазами начинала спадать. Охотник резко обернулся. Но вовсе не для того, чтобы узнать, кто метнул копьё в чудовище и спас ему жизнь. Взор Шанкара был направлен исключительно на опушку леса, где в тени деревьев стояла она...

Сейчас там никого не было...

«Безумие... настоящее безумие...».

— Господин Шанкар, вы в порядке?! — донесся до него звонкий голос.

Охотник повернул голову в сторону того, кто его окликнул.

К нему приближался командир второй группы воинов, отправленных на разведку лагеря лесорубов. На загорелом лице застыло выражение озабоченности с примесью страха. Его отряд, плотно сомкнув ряды и выставив копьё, держался чуть поодаль.

Подбежав к охотнику, командир, запыхавшись, переспросил:

— Вы в порядке?

— Да, — тихо ответил Шанкар, бросая косой взгляд в сторону джунглей, где ранее стояла Нилам, — теперь, думаю, да.

— Богиня-мать, что это за тварь?!

— Не знаю, Балдев... не знаю...

Шанкар все еще пытался придти в себя от пережитого. Он ощущал предательскую слабость в ногах. Чувствуя сильную потребность присесть, охотник опустился на невысокую траву. На бледном лице застыло выражение шока. Его покрывала сильная бледность. Из груди вырывалось тяжелое и учащенное дыхание. Шанкар провел дрожащими руками по щекам.

— О, боги милостивые! — взвыл Балдев, оглядывая прибрежную территорию. — Он убил их! Убил их всех! Что же нам теперь делать?!

— Успокойтесь, — тихо произнес Шанкар, обращаясь скорее к самому себе, нежели к воину. Образ Нилам никак не хотел уходить из его головы.

Балдев не слышал, продолжая причитать:

— Эта тварь их на куски порвала! Локеш, Младший... Они мертвы! Все мертвы!

— Заткнись и присядь! — беззлобно, но на повышенных тонах сказал Шанкар.

Видимо голос охотника подействовал на командира второго отряда отрезвляюще, ибо тот перестал метаться по округе, схватившись руками за голову. Сделав глубокий вдох, Балдев опустил на траву рядом с Шанкаром.

— Вы что-нибудь нашли? — задал вопрос охотник только для того, чтобы отвлечься. Руки продолжали трястись, и он сжал ладони в кулаки, дабы унять предательскую дрожь.

Балдев выпучил глаза:

— Господин, неужели вас сейчас интересует именно это?! Да ведь мы...

— Начнем по порядку, — мягко, но решительно перебил его Шанкар и сделал глубокий вдох, — еще раз, вы что-нибудь нашли?

Секунду Балдев таращился на охотника, не в силах понять, как тот может думать в сей момент о чем-либо еще, кроме, как о происшествии на опушке возле просеки. Однако, заметив на себе выжидающий пытливый взгляд, вынужден был начать отвечать. Слова с уст Балдева срывались медленно и тяжело. Словно ему приходилось выдавливать их из себя.

— Да... Мы обнаружили лагерь лесорубов... чуть севернее.... Недалеко от дороги на Хараппу.

— Заметили нечто подозрительное?

— Д-да, — запнулся Балдев, — он был пуст. Лесорубы п-побросали... все свои вещи и... оставили стоянку. Даже палатки не убрали.

Шанкар кивнул. Оно и неудивительно. Разлагающиеся тела несчастных сейчас догнивают совсем рядом, за зеленой завесой джунглей.

— Еще что-нибудь?

Балдев нервно сглотнул:

— Есть еще кое-что.

— Говори.

— Тела... — выдохнул Балдев.

— Кого? Лесорубов?

Балдев отрицательно покачал головой, а затем выдавил:

— Воинов. Судя по всему, отряд Аджиты, посланный на поиски пропавших.

Шанкар утер ладонью лицо, с которого так и не сходила бледность:

— Это точно люди Аджиты?

— Н-не уверен, — вновь запнулся Балдев, — тела слишком... слишком... обезображены, — наконец проговорил он, шумно втягивая воздух через ноздри.

— Ясно.

Охотник скрестил ладони вместе. Они продолжали дрожать.

— Что будем делать дальше? — испуганно поинтересовался Балдев.

— Оно насылает морок, — прошептал охотник, обращаясь скорее к самому себе, нежели собеседнику.

— Что? — непонимающе переспросил Балдев.

— Видения, — повторил Шанкар, — зверь насылает видения.

— И что вы видели?

Перед внутренним взором охотника снова предстала Нилам, протягивающая к нему руки. А затем по ее лицу потекла кровь... Шанкара передернуло.

— Не хочу об этом говорить, — резко ответил он, — да и сейчас это не важно. Необходимо решить, как поступить дальше.

— Вы знаете? — с надеждой в голосе спросил Балдев.

Охотник ответил не сразу, погружившись в собственные размышления.

«Если зверь насылает видения, то... это он мог заставить лесорубов поубивать друг друга. А Анил просто не выдержал влияния чудовища и повредился рассудком. Но как же Брасид и тот стражник? Как его звали... ах, да, Нишант. Они не встречались со зверем. Откуда у них признаки безумия? Если только... если только...».

— О, Богиня-мать, — сорвалось с губ Шанкара.

— Что? Что?! — испуганно забормотал Балдев, но охотник поднял указательный палец вверх, требуя ему не мешать.

«Если только оно не способно навевать морок на расстоянии. Но почему тогда Брасид не сошел с ума, как Анил? Для этого нужно непосредственное присутствие зверя? Или его сила зависит от расстояния? И почему никто из отряда, перебитого возле берега, не смог хотя бы его ранить? Я прекрасно видел, как шею чудовища пронзило копьё...».

— Кто бросил копьё? — задал вопрос Шанкар.

— Какое копьё? — видимо, Балдев, под впечатлениями от увиденного, продолжал туго соображать.

— Копьё, — терпеливо повторил охотник, — оно пронзило шею зверя, и тот сбежал в джунгли.

— А, — вспомнил Балдев.

— Ну?

— Это я, — Балдев потупил взор.

— Выходит, ты спас мне жизнь. Спасибо, — искренне поблагодарил Шанкар, вспоминая разинутую пасть зверя прямо перед собой. От этой картины его вновь затрясло.

— О, право, не стоит, — Балдев зарделся румянцем.

— Но почему его не ранили воины Локеша? — задал вопрос в пустоту охотник.

— Может, не успели? — скромно предположил воин.

Шанкар горько усмехнулся:

— Сомневаюсь, что хоть один из пятидесяти человек, вооруженных копьями, не успел бы пустить оружие в ход.

— Тогда почему?

Охотник на несколько секунд задумался, а затем произнес:

— Видение пропало, как только копьё пронзило шею зверя. В то же время ни я, ни Локеш с Младшим, не страдали от безумств, пока зверь справлялся с воинами. Быть может... хм...

— Быть может... что?

— Он не в состоянии сражаться и зачаровывать одновременно? — Шанкар провел пятерней по волосам. — А когда накладывает морок, то становится уязвим? А во время боя чешуя твари непробиваемая? — охотник на мгновение прикрыл ладонями лицо. — Глупость какая-то.

— Что будем делать дальше? — спросил Балдев, а затем уточнил с надеждой в голосе. — Мы ведь не пойдём сейчас его искать?

— Нет, — ответил Шанкар к облегчению воина.

— Что же тогда?

— Вернемся в Мохенджо-Даро. Я доложу о случившемся Верховному жрецу Чудамани и то, что нам удалось разузнать. Быть может, придумаем какой-нибудь план. Обычная охота

здесь явно не поможет.

— Верно, — выдохнул Балдев.

— Похоже, скрывать присутствие в долине Синдху зверя больше не получится, — прошептал охотник, окидывая взглядом опушку. — И зверь ли это?... Демон...

Шанкар отвел взор от жутких последствий кровавой бойни и окинул отсутствующим взглядом тех, кто остался от группы. Внезапно на его лице появилось удивление.

— А где Девадат?

***

— Я не знаю, что это.

Шанкар провел ладонью по лицу. В его глазах сверкало чувство растерянности и неопределенности. Впервые в своей жизни он столкнулся с неизведанным. С тем, чего не мог до конца понять и представить... представить, что такое возможно.

Чудамани сидел напротив, в привычной для обоих обстановке, в банях у бассейна внутри Цитадели. И чем дольше Верховный жрец слушал рассказ охотника, тем бледнее становилось его моложавое лицо.

Сумерки сгустились над Мохенджо-Даро, когда их потрепанный и измотанный отряд вернулся за городские стены. От настороженных взглядов местных жителей не скрылось то, что вернулись далеко не все. И это посеяло панику в их сердца, и без того охваченных тревогой. Дольше скрывать наличие опасного зверя не представлялось возможным. Весть о том, что в округе завелось страшное чудовище, способное в мгновение ока искромсать десяток вооруженных людей, мигом разнеслась по всему городу. Поползли слухи, что это сама Богиня-мать ниспослала людям демона в наказание за то, что те покусились на ее девственные лесные владения. Посмели варварски истреблять деревья своими бронзовыми топорами. Ни Шанкар, ни Чудамани еще не догадывались, что семена хаоса, посеянные недавними событиями, уже дают свои всходы. И его черные когтистые лапы начинают проникать в каждый дом. В самые потаенные уголки людского сознания. Город сохранял лишь видимость порядка, продолжая жить, словно ничего не происходит. Но то было лишь мнимое благополучие.

— Я не знаю, — повторил Шанкар, растерянно глядя на огромный бассейн.

Чудамани положил руки на стол и сцепил ладони между собой. Они слегка дрожали.

— Но хоть что-то тебе удалось выяснить?

— Да. Зверь насыляет морок.

— Такой же, как у Анилы и Брасида? — предположил Верховный жрец.

— Скорее всего, — Шанкар закусил губу. Перед мысленным взором вновь всплыл образ Нилам, стоящей возле дерева с распростертыми руками.

— Но как?! — воскликнул Чудамани. — Он, что, бог?

Шанкар вздрогнул и обернулся, посмотрев на бледное лицо Верховного жреца:

— Бог?

На несколько мгновений вокруг них повисло напряженное молчание, прерываемое лишь треском поленьев в треножниках.

Наконец, охотник нарушил его, медленно качая головой:

— Н-е-е-е-т. Что же это за бог, который уничтожает своих подданных? Убивает без разбора любого, кто окажется у него на пути. Будь-то лесоруб, стражник, поселенец или

невинная женщина... — тут Шанкар вздрогнул и нервно сглотнул. — Это не бог. Это демон! Демон, которого не видел свет. Он не знает жалости. Сострадания или милосердия. Все, что его интересует — это кровь. Наша кровь и жизни, которые он забирает без сожаления.

— Тогда что нам делать?

Чудамани выглядел крайне встревоженным. Его искренне напугал рассказ охотника. Даже проблемы с зерном, грозившие перерасти в смертельную угрозу голода, отошли на второй план.

Шанкар горько усмехнулся:

— Если мы хотим выжить, то должны его уничтожить. Правда... — тут он потупил взор, — я не знаю, как?

— Выход есть всегда, — нравоучительно подметил жрец, хотя его голос звучал неубедительно, — ты сказал, что Балдев сумел ранить чудовище копьем.

— Верно, — кивнул Шанкар.

— Но почему оружие воинов твоего отряда не смогло этого сделать?!

Охотник нахмурил лоб и провел по нему ладонью. Он ощутил сильную слабость и желание поспать. Однако не мог себе этого позволить. Не сейчас.

— Когда происходила битва, демон еще не начал навевать на нас своих видений... может, в этом дело?

— К чему ты клонишь?

— Может, он уязвим только тогда, когда воздействует на наш разум? — охотник отнял руку от лица. — Не способен сражаться и одурманивать одновременно?

— Похоже на то, — задумчиво кивнул Чудамани.

— Но я не уверен. И почему я не сошел с ума, как Анил?

— Брасид тоже сохранил рассудок, — мрачно напомнил Верховный жрец.

— Верно, — произнес Шанкар. — Быть может, чем дольше тварь оказывает влияние на разум человека, тем больше тот разрушается? — охотник вздрогнул от этой догадки. — К тому же, Анил еще до встречи с чудовищем испытывал сильные душевные муки. Его разум уже был нездоров...

Мысль о том, что демон мог повредить разум самого охотника, пусть и незначительно, заставила предательские мурашки побежать по спине.

Шанкар постарался переключить свое внимание на другие вещи:

— Кстати, как там Брасид?

— В темнице. Однако настоятельно требует, чтобы его куда-нибудь перевели.

— В Цитадели лишь одна темница, — задумчиво сказал Шанкар.

— Именно! Но кузнец готов сидеть в цепях на дне выгребной ямы, лишь бы только не в камере.

Охотник не стал уточнять, в чем кроется такое желание Брасида. Ответ был очевиден. Никому не захочется сидеть рядом с безумным Анилом, наполняющим пространство тюрьмы своими отчаянными воплями. Особенно тому, кто сам пережил нечто подобное, но сохранил ясность рассудка.

— Нужно использовать это и уничтожить демона! — донесся до него призыв Чудамани.

— Что? — после всего пережитого охотнику было трудно сосредоточиться на разговоре.

— Застать его в момент морока и нанести удар!

— Как? — хмыкнул Шанкар.

— Продумать план. Заманить в ловушку... — Верховный жрец сдвинул брови. — Нужно

все обдумать... кстати, а где Девадат? Почему он не пришел вместе с тобой?

— Он исчез во время нападения.

— Исчез?

— Да, — охотник пожал плечами, — мы хватились его уже после того, как зверь скрылся в джунглях.

— Думаешь, он еще жив?

— Не знаю, — искренне ответил Шанкар, — не знаю... скорее всего, нет.

Верховный жрец громко выдохнул:

— Ладно. Позже о нем поговорим, — Чудамани откинулся на спинку тростникового стула, — а сейчас тебе надо отдохнуть. Завтра продумаем план, как нам избавиться от этого чудовища.

— Теперь подобраться к нему станет непросто, — молвил Шанкар, вставая.

— Почему?

— Мы узнали о его слабости. Дали отпор. Пусть и дорогой ценой. Демон будет настороже.

— У нас нет выбора, Шанкар, — мрачно бросил Верховный жрец, — либо он, либо мы.

— Знаю, — охотник заковылял в сторону каморки привратника, — но от этого не легче, правда?

Подойдя к двери, он уже хотел войти внутрь, но затем обернулся:

— Вам стоит рассказать жителям правду о твари. Боюсь, скрывать дальше уже не получится.

— Это может посеять панику.

— Она уже посеяна, — могильным тоном бросил Шанкар и скрылся во мраке каморки.

Чудамани какое-то время смотрел ему вслед. Сумерки и тишина сгущались над городом. И Верховный жрец ощущал, что они сгущаются над всеми ними.

Наконец, он произнес, обращаясь в пустоту:

— Ты прав, Шанкар. Паники уже не избежать. Семьи должны знать, что потеряли своих любимых...

***

Мина не могла уснуть. Очередную ночь ее мучила бессонница. Мысли о том, что будет дальше, не давали ей ни покоя, ни ответов. Под глазами появились круги, а в черных локонах добавилось седых волос.

Хижину окутывала тьма.

За стеной в соседней комнате спала ее дочь Нирупама. Мина ловила себя на мысли, что иногда прислушивается к шорохам, доносящимся оттуда. Однако девочка хоть и ворочалась в кровати, но сон ее оставался крепок.

Снаружи донесся тоскливый вой собаки. Он окатил округу своим печальным звуком, вызывая неприятные чувства. Заставляя плечи непроизвольно подергиваться.

«Я похожа на эту собаку. Такая же брошенная и покинутая...».

Мина провела пальцами по увлажнившимся глазам. Ее мысли вернулись к Анилу. Она представила, как он сидит сейчас на холодном полу камеры в Цитадели. Совсем один. И от этих мыслей ей стало еще хуже. Захотелось немедленно встать. Броситься туда. Увидеть любимого хотя бы на минуту. Обнять. Но она знала, что ничего не получится. Дело даже не в

том, что тюремщик ее не пропустит. Она даже за ворота Цитадели не войдет. Дело было в Нирупаме. Она не может оставить ее совсем одну. О том, чтобы взять дочку с собой и речи быть не могло. Тюрьма не место для таких маленьких девочек.

«Может, попросить Шанкара посидеть с ней? — внезапно пришла идея ей в голову. — Он не должен отказать».

Охотник обещал навестить их еще раз, когда разберется со своими делами.

«Тогда-то я его и попрошу. Уверена, Шанкар согласится».

Мина сама того не заметила, как эта мысль принесла некоторое облегчение в ее истерзанную душу. Веки сами собой начали слипаться. Скоро она погрузилась в тяжелый и глубокий сон. Впервые за долгое время.

Гириш и Гопал несли ночную стражу на главной улице Мохенджо-Даро. Как раз недалеко от того места, где начинался проулок, ведущий к дому Анила.

Широкая улица была пуста. Каменистую мостовую освещала луна, блестящий диск которой ярко выделялся на безоблачном небе. Город окутывала тишина, если не считать периодического протяжного воя собаки, да потрескивания факелов вдоль дороги. Мохенджо-Даро спал. Но в этом сне чувствовалась некая тревога. Страх. Словно город мучили кошмары. Эта тревожность передавалась и стражникам. Они днем-то испытывали чувство тревоги из-за слухов, разлетевшихся по городу. Дескать в округе свирепствует неведомая тварь, способная убить дюжину воинов одним ударом. А тут еще местные жители впадают в безумие и набрасываются на соседей, подобно демонам, жаждущим крови. Ночная тьма и пустынные улицы лишь усилили ощущение тревоги, которая и без того вот-вот готова была начать бить через край.

Гириш и Гопал давно дружили и служили вместе в городской страже. Они очень походили друг на друга внешне, и остальные называли их братьями. Темные длинные волосы до плеч. Круглые гладковыбритые лица с плоскими носами и близко посаженными серыми глазами. Традиционные белые рубахи с вырезом на левом плече и длинные копья с медными наконечниками. Единственное — Гириш был выше товарища на полголовы и косил левым глазом.

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал Гопал.

— А?

— Эта тишина с темнотой угнетают меня, — пояснил Гопал.

— Понимаю, — поддакнул Гириш.

Вдали вновь завывла собака.

— Еще эта псина действует на нервы! — Гопал смачно харкнул на мостовую.

— Ты только не нервничай, хорошо?

— Как тут не нервничать?! — взвился Гопал. — Сам же видишь, что вокруг происходит!

А что если эта тварь где-нибудь рядом?

— Не думаю, что она способна преодолеть городские стены, — неуверенно предположил Гириш.

— Пха! — усмехнулся Гопал. — А кто-нибудь знал, что она способна разорвать полсотни воинов, не получив и царапины?

Вновь завывла собака. Еще протяжнее и тоскливее, нежели раньше.

Гопал вздрогнул, а затем крепче сжал древко копья.

Его лицо исказила гримаса ярости:

— Прирезать что ли эту вшивую дрянь?!

— Чем тебе собака не угодила?

— Она действует на нервы! Неужели не видно?!

Гириш посмотрел на искаженное яростью лицо приятеля и сделал шаг в сторону, подозрительно глядя на него.

Гопал заметил реакцию друга и бросил:

— Ты чего?

— Наблюдаю, — осторожно ответил Гириш, чуть опуская наконечник копья. Тот

блеснул в свете луны, подобно далекой звезде.

— Наблюдаешь? За мной?!

— Ага.

— И с чего вдруг?! — все больше закипал Гопал. — На мне цветы растут?!

— Уж не обезумел ли ты, приятель? — копьё Гириша опустилось еще немного. Теперь его наконечник находился прямо на уровне глаз Гопала.

Гопал секунду тупо таращился на «косого», однако затем его переполнила ярость:

— Да как ты смеешь! Вот уж от кого не ожидал, так это от тебя! Мы столько лет знакомы, а ты...

— С Нишантом мы тоже были друзьями, — резко перебил Гириш, — а он раскроил черепа своим товарищам.

— Но я-то не безумец! — заорал Гопал, топая ногой по мостовой.

— Тише! — зашипел Гириш. — Люди спят.

Гопал раздраженно махнул рукой и отвернулся. Через несколько секунд он почувствовал, как гнев начинает отпускать его. Вдохнув полной грудью прохладного воздуха, он повернулся к «косому». Тот продолжал настороженно следить за ним, держа копьё наготове. Гопала обидела недоверчивость старого друга, однако он сам понимал, что лично дал для нее повод.

Тонкие губы стражника подернула вялая улыбка:

— Прости, приятель. Нервишки шалют.

— Точно? — Гириш все еще сомневался, однако копьё опустил.

— Да, косой ты чурбан, — беззлобно бросил Гопал и тихо засмеялся.

Гириш расслабился и улыбнулся в ответ. Вот теперь он узнал старого доброго приятеля.

Однако смех продолжался недолго. Очередной тоскливый вой не оставил и следа веселости на лицах стражников. Оба угрюмо переглянулись и продолжили вести наблюдение за улицей. Дорога по-прежнему оставалась пустой. Словно сговорившись, люди решили не покидать своих домов в эту ночь ни под каким предлогом. Ни подвыпивших прохожих, задержавшихся в тавернах. Ни посетителей публичного дома, припозднившихся после визита к милым девицам. Хотя после исчезновения одного из лучших публичных домов на дороге в Хараппу, число таких резко сократилось. Но сегодня не было вообще никого. Даже другие стражники несли службу на почтительном расстоянии. Гириш и Гопал ощущали себя одиноко и неуютно. А еще эта собака продолжала действовать на нервы.

— А вдруг она ведьма? — внезапно спросил Гопал.

— Кто, псина? — недоуменно ответил Гириш.

— Да, нет! Ты дурак, что ли?! — буркнул тот «косому».

— А о ком ты тогда?

— О жене лесоруба, — Гопал многозначительно кивнул в сторону темного проулка.

Оттуда несло сыростью и холодом.

— Ты про Мину? — удивился Гириш.

— Да.

— Нет. Не верю, — низким тоном молвил «косой», однако в глазах его появилась тень сомнения.

— Почему нет?! — с жаром спросил Гопал. — Околдовала бедного муженька. Вот он и перерубил всех товарищей топориком! А потом и умом помутился.

— А как же зверь? Скорее это он разорвал лесорубов, а Анил обезумел при встрече с

НИМ.

— Ты разве не слышал? На телах бедолаг нашли следы от топора.

— Кто тебе сказал?

Гопал пожал плечами:

— Слышал от одного воина из отряда Балдева. Они, как раз, сегодня вернулись из разведки.

— Богиня-мать... — прошептал Гириш, бледнея, — он еще что-нибудь сообщил?

— Не сообщил. А я и не спрашивал. На бедолаге лица не было. Видимо, так-о-о-о-го там посмотрелся. И не забывай — Брасид с Нишантом тоже обезумели, но с тварью не встречались. Уверен, — тут голос Гопала понизился до шепота, — эта ведьма их чем-то опоила!

— Но зачем ей это? — Гириш опасно покосился на проулок.

— Так пойдем узнаем!

— И бросим свой пост? Ну нет! — решительно покачал головой «косой».

— Да ты подумай! — в глазах Гопала засверкали огоньки. — Если мы выпытаем из нее признание, то нас же повысят по службе. Да озолотят еще!

Гопал подошел к одному из факелов и снял его со столба:

— Идем!

— А это тебе зачем? — ткнул пухлым пальцем Гириш, указывая на факел.

— В проулке темно, к тому же... — уста Гопала разошлись в нехорошей ухмылке, — огонь развяжет ведьме язык.

***

Шанкар настолько вымотался, что решил не возвращаться домой, а заночевать прямо в комнате привратника. Благо последний был не против такого соседства. Старый слуга уже начинал понемногу привыкать к охотнику. Как только голова Шанкара коснулась поверхности соломенной циновки, он тут же погрузился в сон. Он даже забыл снять лук с плеча, а копьё бросил рядом на каменный пол. Однако насладиться покоем в эту ночь ему было не суждено.

Шанкар так крепко спал, что не сразу сообразил, как привратник крепко сжимает его скрюченными пальцами за плечо и сильно трясет.

— Проснитесь, господин.

Охотник застонал, нехотя открывая глаза и не до конца соображая, где он, и что происходит. Спустя пару секунд до него, наконец, дошло, однако он не повернул головы.

— Оставь меня, старик, — буркнул он, вновь опуская веки.

— Это срочно, — мягко, но решительно возразил привратник.

— Оно не может подождать до завтра?

— Нет, господин Шанкар, не может.

Охотник тяжело выдохнул и сел на циновке, протирая глаза:

— Во имя Богини-матери, что опять? Демон напал на город?

Привратник отрицательно покачал головой:

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Бывший Верховный жрец Девадат нашелся.

Шанкар вздрогнул. Сонливость как рукой сняло.

— Неужели? Где? Когда?

— Только что. У восточных ворот Мохенджо-Даро.

Охотник не знал, как реагировать на эту новость. Он не питал особой любви к Девадату. Внезапное исчезновение бывшего Верховного жреца во время схватки со зверем не выглядело чем-то необычным. Скорее всего, бедняга попался на пути чудовища и нарвался на его смертоносные лапы. Но вот объявление Девадата живым, да еще и под стенами города...

— Он идет сюда? — только и выдавил из себя Шанкар.

— Да, — привратник на секунду замялся, — точнее, его несут.

— Что?

— Он сильно ранен и истощен, — пояснил старик.

«*Это все меняет*» — подумал охотник и слегка покраснел, постыдившись своих подозрений. Очевидно, бывший Верховный жрец и вправду попался на пути зверя, но тот был ранен копьем и, видимо, в порыве слепой ярости задел бедолагу.

— Он может говорить? — поинтересовался Шанкар, поднимаясь.

— Он очень слаб, но сам изъявил желание поговорить с вами и господином Чудамани.

— Правда?

Привратник кивнул:

— Гонец сообщил, что Девадат намерен рассказать важные сведения о существе и то, где оно скрывается.

Разум Шанкара полностью прояснился.

«*Интересно, откуда ему это известно?*».

Привратник добавил:

— Пройдите, пожалуйста, к воротам Цитадели. Хоть бывший Верховный жрец и намерен поговорить, беседа будет недолгой. Его необходимо доставить к лекарям.

— Да, конечно, — кивнул Шанкар и, подняв с пола копье, направился к выходу.

Он уже собирался выйти из коморки, как вдруг остановился в проходе, словно налетел на невидимую стену. Охотник почувствовал, что вся кровь отхлынула от лица.

Впереди него простирался широкий бассейн, окруженный террасой. Огонь треножников тускло играл на стенах и колоннах, а серебристый лунный свет отражался от поверхности воды. В бассейне стояла девушка. Длинная коса цвета воронова крыла касалась голубой кромки. Руки, казавшиеся неестественно бледными в лунном свете, вяло рассекали водную гладь. Сердце Шанкара пропустило удар. На мгновение оно остановилось, а затем с силой отдалось в ребрах. В этот момент девушка обернулась через плечо. Взгляд больших синих глаз пронзил его насквозь...

— Господин, — скрученная рука привратника легла ему на плечо.

Охотник вздрогнул и обернулся.

— Вы едва лук не уронили.

Инстинктивным движением Шанкар поправил оружие, а затем быстро развернулся вперед. В бассейне никого не было.

«*Богиня-мать, помоги мне... неужели я схожу с ума?*».

Его сердце трепетало в груди, когда он вышел из бань и на ватных ногах направился в сторону ворот Цитадели.

Он лежал на плетеных носилках и тяжело дышал. Свет от луны играл на лице Девадата, делая его похожим на мел. Рубаха, прикрытая на плечах шерстяной накидкой, была буквально усыпана мелкими пятнами крови. Левая рука, перебинтованная от предплечья до кисти, безвольно покоилась на животе. Бинты насквозь промокли и отливались бордовым цветом.

Чудамани уже был там.

— Его срочно нужно доставить к лекарю, — приказал Верховный жрец.

— Нет! — тихо, но решительно возразил Девадат. — Сперва я поговорю с вами и Шанкаром.

— Я здесь, — молвил охотник, подходя к носилкам.

Увидев, в каком состоянии находится бывший Верховный жрец, душа Шанкара сжалась от сострадания.

— Хорошо, — прошептал Девадат и облизал пересохшие губы.

— Дайте ему воды! — приказал Чудамани.

Один из стражников, сопровождавших носилки, отстегнул небольшую кожаную флягу от пояса и поднес ее к губам раненого.

Тот сделал несколько жадных глотков, а затем тихо поблагодарил:

— Спасибо.

— Что ты хотел поведать нам? — мягко поинтересовался Чудамани, встревожено наблюдая за тяжелым дыханием Девадата.

— Я знаю, где скрылся демон.

— Где?! — не сдержавшись, повысил голос Шанкар, за что тут же получил укоризненный взгляд от Верховного жреца.

— Прежде всего, скажи, что с тобой случилось? — спросил Чудамани. — Мои воины потеряли тебя сразу, после бегства зверя.

— Да, — прошептал Девадат, слегка прикрывая глаза и шумно сглатывая, — мне не повезло оказаться на пути раненого чудовища. Должен признать... Я струсил, когда началась схватка. Спрятался за деревьями... Балдев ранил демона броском своего копья, и тот полетел напролом. Прямо через то место, где укрывался я... Сбил с ног... Моя шерстяная накидка зацепилась за его хвост... он протащил меня по джунглям... кажется, тогда я сломал руку... кость торчала наружу... — бывший жрец закашлялся.

Воин снова поднес флягу к его губам. Девадат отпил еще немного и благодарно кивнул.

— Не помню, как добрался до города, — продолжил он, — все было, как в тумане. Помню только дикую боль, да то, что кое-как перевязал раненую руку. Потом уже очнулся на носилках...

— Ты поправишься, — подбодрил его Чудамани.

— Слушайте, — зашептал Девадат, — пока я пробирался домой, мне было видение.

Шанкар напрягся:

— Видение?

— Да.

— Расскажите, Девадат, — нервно заговорил охотник, — это может быть очень важно!

Бывший Верховный жрец сглотнул и продолжил. Его голос стал тише, поэтому Шанкару и Чудамани пришлось склониться над ним, дабы разобрать слова.

— Я словно бежал через джунгли. Обладая невероятной силой. Снося пальмы и могучие салы, словно тростинки. Шея болела. Из нее шла кровь.

Шанкар и Чудамани переглянулись.

— А потом я увидел просеку. Выжженную дотла. И болото. Чуть севернее ее.

— Долина Сарасвати, — прошептал охотник.

— Я опустил на землю рядом с болотом. Глаза закрылись и... и... я очнулся на носилках... — Девадат закашлялся и побелел.

— Достаточно! — резко прервал Верховный жрец. — Несите его к лекарю! Срочно!

Девадат перевел взгляд на Шанкара и едва слышно прошептал:

— Ты был прав. Прости меня. Этого демона надо уничтожить.

Воины подхватили носилки и спешно понесли бывшего Верховного жреца в сторону дома лекаря.

Как только стражники вместе с Девадатом скрылись за углом здания школы, охотник нарушил тишину.

— Я отправляюсь в долину Сарасвати, — решительно произнес Шанкар.

— Подожди, — вскинул руку Чудамани, — не стоит так быстро принимать решение. Может, слова Девадата — всего лишь последствие ранения и шока.

— Не думаю.

Верховный жрец вскинул брови:

— Почему?

— Девадат никогда не бывал в тех местах, которые описывал, — пояснил Шанкар, — выжженная просека и болота появились уже после того, как он ушел в добровольное изгнание.

— А ты видел?

— Да. К тому же, теперь мы знаем, что демон способен насылать морок.

— Но для чего зверь показал Девадату место, где спрятался?

На секунду охотник задумался, а затем ответил:

— Не думаю, что он сделал это намеренно. Судя по рассказу Девадата, зверь сильно ранен и плохо соображает, что делает. Несется напролом сквозь джунгли к своему логову. Собираетсялизывать раны. Девадат соприкоснулся с ним. И увидел часть неконтролируемых видений.

Несколько мгновений Чудамани обдумывал слова Шанкара, а затем взглянул ему прямо в глаза. Они пылали огнем и жадной действия.

— Что ты хочешь от меня?

— Дайте мне еще одну сотню воинов, и я принесу вам голову демона!

— Нет, — отрезал Верховный жрец.

Шанкар опешил:

— Что?

— Мы и так потеряли слишком много людей. Я не могу рисковать.

— Послушайте, — начал горячо возражать охотник, — это может быть наш единственный шанс...

— Понимаю, — перебил Чудамани, — однако столько людей дать не могу.

— Но почему?!

— Ты сам говорил. Грядет смута и паника. Мне нужны люди, чтобы контролировать порядок здесь.

— Если не уничтожить демона, то ни о каком порядке можно вообще не говорить! — вспыхнул Шанкар.

— Тихо! — повысил голос Чудамани, мгновенно пресекая вспышку гнева охотника. Тот немного остыл, однако взгляд продолжал метать искры.

Чудамани сказал, чуть более спокойно:

— Я дам пятьдесят воинов. Отряд Балдева отправится с тобой.

Шанкар не стал спорить.

Для него за счастье оказалось получить хотя бы такую помощь:

— Благодарю, Верховный жрец, — он отвесил поклон.

— Когда намерен выступить?

— Немедленно!

— Ты даже не выспался!

— В дороге посплю.

— Не позволяй жажде мести затуманить твой разум, Шанкар, — в качестве напутствия произнес Чудамани, — второго шанса у нас может и не быть.

Охотник вздрогнул, но ничего не ответил.

***

Мину разбудил решительный и громкий стук в дверь. Она вздрогнула и села на кровати. Прислушалась. В соседней комнате раздался приглушенный шорох. Судя по всему, Нирупама вновь ворочалась во сне, однако стук ее не разбудил.

«Интересно, кто это в столь поздний час?».

Она поднялась с кровати и осторожно прошла к двери, ступая босыми ногами по глиняному полу.

— Кто там? — шепотом спросила она, боясь разбудить дочь.

— Стража города. Откройте, — властно произнес мужской голос снаружи.

— Стража? — удивилась Мина.

— Да. Открывайте.

«Зачем они здесь? Да еще и в такое время... быть может, есть вести об Аниле? Его освободят? Или уже осудили? Они позволят встретиться с ним?».

Целый ворох догадок и вопросов, подобно потревоженному осиному улью, заполонил мысли Мины. Однако в ее истерзанной душе затлел огонек надежды.

— У вас вести от мужа? — поинтересовалась она.

— Верно, — подтвердил стражник с той стороны, — открывайте.

— Да-да, конечно! — поспешно ответила Мина и дрожащими руками потянула засов.

Глава 12

Когда Гопал в свете факела увидел бледное и изможденное лицо женщины, что-то перевернулось в его голове. Он отчетливо увидел синие круги. Красные заплаканные глаза, в которых светилась надежда. Темные волосы с налетом седины. Слишком много седины для женщины ее возраста.

— Скажите, что с ним? Он в порядке? — взмолилась она.

— А... — открыл, было, рот Гопал, но не смог ничего внятно произнести.

— Молю, не томите! — прошептала Мина.

— С вашим мужем все хорошо, — вставил Гириш и ободряюще улыбнулся.

— Правда? — она перевела взгляд на него.

— Конечно! — пылко произнес «косой». — Поэтому мы и пришли к вам, чтобы сообщить об этом. Так ведь, Гопал?

— А... да, верно, — пробормотал тот, чувствуя, как внутри стремительно растет отвращение к самому себе.

— Его отпустят? Я смогу его увидеть? — с надеждой в голосе спросила Мина.

— Насчет первого пока не знаю, — неуверенно проговорил Гириш, — а встречу устроить, думаю, можно.

Стражники увидели, как на глаза Мины навернулись слезы:

— Спасибо! Спасибо вам, что пришли!

— Ну, что вы, не стоит, — покраснел Гириш, — отдыхайте. И лучше не выходите на улицу. Сейчас в городе неспокойно.

— Да, конечно!

— Добрых снов вам и дочурке, — улыбнулся Гириш.

— Еще раз спасибо! Храни вас Богиня-мать, — обнадеженная Мина закрыла дверь.

Как только засов повернулся с той стороны, Гопал отшатнулся и обессилено облокотился о стену соседнего дома. Факел дрожал в его руке.

— И вот ее мы хотели сжечь? — прошептал Гириш.

— Не говори ни слова, — молвил в ответ Гопал, — я словно нагадил самому себе в душу.

Они простояли в полном молчании целую минуту, размышляя каждый о своем. Посреди тихого и сырого проулка. И только лишь потрескивание пламени нарушало тревожную тишину.

Наконец, Гопал шумно вдохнул сырого воздуха и обратил свой взор на друга. Глаза стражника были полны отчаяния.

— Что со мной, «косой»? Быть может, ты был прав? Я становлюсь безумцем?

— Брось, — он ободряюще похлопал приятеля по плечу, — главное, мы осознали ошибку.

— Думаешь? — в голосе Гопала сквозило сомнение.

— Ну, конечно! Мы просто все перенервничали! Главное, вовремя остановились.

— Верно, — он отошел от стены, неуверенно держась на ногах, — но все равно погано.

— Пойдем, вернемся на свой пост и поговорим о чем-нибудь другом, — Гириш обнял друга за плечи, — покостерим ту псину, что своими воплями действует на нервы.

— Пожалуй, — отрешенно бросил Гопал.

— Точно! Это все она, мерзавка, виновата.

Стражники стали пробираться по проулку в сторону главной улицы Мохенджо-Даро. Их сандалии шлепали по маленьким лужам.

***

Конный отряд воинов галопом продвигался по дороге, ведущей в долину Сарасвати. Морды лошадей были взмылены, а их копыта вздымали облако пыли. Лица всадников выражали тревогу с долей решимости. Решимости идти до конца, несмотря на опасность, которая их подстерегает впереди.

Луна ярко светила на безоблачном небосводе, заставляя мрачно блестеть наконечники копий. Джунгли, росшие по обе стороны от тракта, распустили свои ветви над дорогой. В ночном полумраке они казались стаей огромных шакалов, осмелевших до такой степени, что готовы наброситься на припозднившегося путника и вонзить в него свои когти.

Лицо Шанкара было суровым и сосредоточенным. Верный лук покоился у него на плече. В правой руке он сжимал черенок копья. Длинный кинжал покоился на поясе. Он сообщил Балдеву, чтобы тот приказал отряду двигаться, как можно быстрее. При этом не загоня лошадей. Если их ничто не задержит, то отряд должен будет вступить в долину через полтора суток.

***

Панишвар сидел на грубо сколоченном табурете и с потерянным взглядом смотрел в землю. Трава под его босыми ногами слегка колыхалась. Свежий утренний ветер трепал грязную серую рубаху, а лучи солнца отражались от проплешины на голове посреди коротких засаленных волос.

Рядом в загоне копошились его любимые свиньи. Довольно похрюкивая, они с радостным визгом плюхались в грязь, поднимая в воздух кусочки земли и коричневые капли. Панишвар любил своих свиней. Однако эта любовь была особенная. Когда он закалывал очередную зверушку по необходимости, то испытывал настоящую горечь и сожаление, однако понимал, что без этого ему не обойтись. Не выжить. Как и многим жителям Мохенджо-Даро. Людям нужны шкуры и мясо. И свиньи готовы обеспечить их и тем, и другим. А его, Панишвара, серебром. Однако в то прохладное утро хозяин свинофермы напрочь забыл о существовании своих розовых подопечных. Гонец из Цитадели принес ему горестную весть. Его сын, Панишвар Младший, погиб во время похода на север, организованного Верховным жрецом Чудамани.

— Примите мои соболезнования, — сочувственно сказал гонец, загорелый юноша с длинными темными волосами, собранными в пучок на затылке, — Богиня-мать позаботится о нем.

Он носил традиционную белую рубаху до колен и с вырезом на левом плече. На кожаном ремне у пояса виднелся короткий бронзовый нож.

— Как это произошло? — глухо спросил Панишвар.

Его взгляд стал стеклянным.

— Он погиб в схватке со зверем.

Хозяин свинофермы вздрогнул и поднял глаза на гонца. Под этим стеклянным взглядом

тот почувствовал себя неуютно.

— Со зверем?

— Да, — робко кивнул гонец.

— Хм, — невнятно хмыкнул Панишвар и отрешенно уставился в сторону.

Одна из свиней с веселым визгом вновь плюхнулась в грязь.

— Еще раз примите соболезнования, — промямлил гонец и развернулся, намереваясь уйти.

— Это все из-за нас, — прошептал Панишвар.

— Что, простите? — гонец обернулся.

Хозяин свинофермы вновь поднял на него свой остекленевший взор.

— Это все из-за нас, — повторил он.

— Не понимаю... — смущенно ответил гонец.

— Мы разгневали ее.

— Кого?

— Богиню-мать.

— У вас легкое помутнение разума, — сочувственно произнес гонец, — ничего удивительного, после такой горестной вести. Вам стоит прилечь и отдохнуть...

Панишвар встал, не обращая внимания на его слова:

— Это расплата. Расплата за наши грехи.

— Послушайте, — начал, было, возражать гонец, — этот зверь... — но хозяин свинофермы перебил его.

— Во имя богов! — воскликнул он и всплеснул руками. — Неужели ты ослеп или лишился слуха?

— О чем вы?

— Брасида поразило безумие!

Гонец в растерянности уставился на Панишвара:

— Брасид? Кузнец? А он-то тут причем?

— Неужели не ясно?! — в голосе хозяина свинофермы засквозило отчаяние. — Он отказывался покупать у меня свиные шкуры. Называл меня жадным сородичем моих любимых зверушек! Но не в этом дело. В конце концов, я зла на него не держу. Его проблемы. Но почему кузнеца поразило безумие? Он виноват! Он разгневал Богиню-мать! Вот почему!

— Как он ее разгневал? — удивленно спросил гонец.

Панишвар тяжело вздохнул и посмотрел на гонца, словно на тупицу. В остекленевших глазах загорелся нехороший огонек.

— Он покупал шкуры диких зубров у охотника. Вот как! Вместо шкур моих свиней! Он предпочел грабить природу, вместо того, чтобы брать шкуры у меня! И Богиня-мать наказала его безумством!

— Но... — попытался возразить гонец, однако Панишвара было уже не остановить.

Его бледные щеки зарделись гневным румянцем:

— В отличие от тебя, у меня есть уши, юный гонец! И я знаю, что зверь... или демон... появился сразу после того, как Верховный жрец Девадат приказал начать вырубку леса в верховьях Синдху.

— Девадат уже не Верховный жрец...

— Неважно! Это кара! Кара за наши грехи перед Богиней-матерью! — взревел

Панишвар. — Слишком много мы злоупотребили ее дарами! Слишком долго испытывали благосклонность и терпение! Настало время молить о прощении!

Хозяин свинофермы решительным шагом направился к выходу.

— Куда вы?! — воскликнул гонец.

Панишвар гневно бросил через плечо:

— Людям надо знать, за что на них обрушилось несчастье. Они должны молиться!

Молиться и каяться!

***

Трава стала еще более скудной, по сравнению с прошлым визитом в долину Сарасвати. С востока дул горячий воздух, стремительно иссушая местную почву. Она покрылась коркой, по которой шли трещины. Разумеется, воины из отряда не могли не заметить тревожных признаков. В глубине души охотник сознавал, что рано или поздно проблему с продовольствием скрывать уже не получится. Скорее рано, нежели поздно.

— Так и должно быть? — тих поинтересовался Балдев, указывая на болезненную ломкую траву.

— Нет, — коротко ответил Шанкар.

— Что же здесь происходит?

— Поговорим об этом позже. Когда разберемся с тварью. Но ничего хорошего.

Балдев не стал выпытывать у охотника суть проблемы. В конце концов, тот был прав. Они здесь в первую очередь ради уничтожения зверя. Другие дела могут и подождать.

Впереди показался знакомый сал, под тенью которого Шанкар отдыхал во время своего визита к старосте ближайшей деревни. Местный пастух еще тогда рассказал ему интересную историю о путешественнике с Запада и о том, как в тех краях называют синха.

«Шер».

На этот раз пастуха под деревом не оказалось. Отсутствовало и стадо овец. Листья сала пожелтели и обвисли, готовые вот-вот осыпаться вниз золотым листопадом.

— Не думал, что здесь так жарко, — мрачно подметил Балдев, утирая ладонью пот с лица, — это и есть наша житница?

— Она самая.

Их лошади перешли на рысь. Цокот копыт по грунтовой дороге гулко разносился по окрестности. Пейзаж на фоне стоявшего марева выглядел пустым и унылым.

— Не похоже, честно говоря, — угрюмо проворчал воин.

Шанкар вновь промолчал. Ему попросту нечего было ответить.

Когда впереди показалась окраина деревни, его охватили старые воспоминания. Казалось, он был здесь не так давно, но с тех пор произошло слишком много событий. Слишком многое приключилось за это время. И встреча с Нараяном и его дочерью успела слегка выветриться из памяти. Но когда он увидел знакомое селение, они вспыхнули свежими яркими красками. Перед мысленным взором встал образ Абхе. Ее причудливый и вздорный нрав...

Шанкар мотнул головой. Он здесь не за этим. И образ Нилам еще слишком свеж в его сердце...

Однако он не смог удержать нормальный его ритм, когда их отряд вошел в деревню с западной стороны.

Улочки селения были пусты. Большинство жителей находилось в поле, несмотря на полуденный зной. Охотник помнил, что наказал Нараяну проводить непрерывные работы на почве, дабы отсрочить наступление пустыни с востока. Не было видно ни детей, ни стариков. Очевидно, они прятались от палящих лучей солнца под крышами глиняных хижин.

— Мы остановимся здесь? — поинтересовался Балдев.

— Ненадолго, — коротко бросил Шанкар, — привал. Пополним запасы воды и провизии. А затем двинемся дальше.

— Куда?

— По дороге на восток до русла Сарасвати, а затем вдоль него на север.

— Вы уже знаете, как победить чудовище?

— Есть идея, — бросил охотник, спрыгивая на дорогу.

— Идея? — выпучил глаза Балдев. — Только идея?

— Ждите здесь, я переговорю со старостой, — проигнорировав восклицание воина, сказал Шанкар и двинулся ко входу в дом Нараяна.

— Идея, — буркнул Балдев себе под нос, — всего лишь идея.

Он подошел к массивной деревянной двери и невольно посмотрел наверх. Прямо над входом располагалось окно второго этажа. Комната для гостей. Шанкар вспомнил, как выпрыгнул через него в первый раз, спасаясь от чрезмерного внимания Абхе. Однако во второй раз затея провалилась — дочь старосты заколотила ставни. Створки окна так и остались закрытыми с тех пор. Охотник невольно улыбнулся. Однако встречаться лицом к лицу с ней он не хотел. Рана от утраты Нилам была слишком свежей и глубокой. И не было желания привязаться к кому-то другому. Еще одну горечь утраты он просто не вынесет. Демон где-то рядом.

Набрав в легкие воздуха и громко выдохнув, он постучал кулаком в дверь и отошел на шаг назад. Ветер продолжал дуть с востока, обжигая кожу горячим дыханием. Он был сильнее и жарче, нежели в прошлый раз. Со стороны Сарасвати уже не доносилось ни влаги, ни прохлады. Охотник боялся, что увидит на месте некогда могучей реки жалкие остатки в виде иссушенного ручейка.

В комнате привратника слышались шаги. Шанкар нацепил на уста вымученную улыбку, ожидая увидеть перед собой сторбленного слугу-старика.

«Сейчас он откроет дверь и скажет, как в прошлый раз. Поставьте свои „палки“ у стены. „Палки“ ... до сих пор смешно».

Лязгнул засов, и дверь дома старосты отворилась. Улыбка застыла на лице охотника, когда он увидел вместо седого морщинистого старца волнистые черные локоны и манящие пухлые губы.

— Ты?!

***

Гириш и Гопал возвращались с ночного бдения в сторону Цитадели, когда слышали громкие визгливые вопли, доносящиеся с рыночной площади.

— Мы сами виновны в том, что происходит! Мы брали слишком много, а взамен не давали ничего! Богиня-мать карает нас за алчность! И мы должны принять ее кару! Покаяться, молиться об искуплении...

Стражники переглянулись.

— Это еще что такое? — спросил Гириш.

— Понятия не имею, — пробормотал Гопал, — пошли посмотрим.

Они ускорили шаг. Впереди показалась рыночная площадь, на которой образовалась целая толпа. Люди преградили движение по главной улице, и перед ней сгрудились несколько повозок, запряженных зебу. Погонщики вслушивались в слова, произносимые неизвестным глашатаем. Животные недовольно переминались с ноги на ногу. Им явно не нравилась эта вынужденная задержка.

— Откажитесь от меди и серебра! Избавьтесь от предметов из дерева!...

— Что здесь происходит? — поинтересовался Гопал у одного из погонщиков.

— Свинопас дело говорит, — ответил, не оборачиваясь, тот.

— Свинопас? — вскинул брови Гириш. — Панишвар что ли?

— Угу, — кивнул погонщик.

— Это не его ли сын погиб пару дней назад? — уточнил у приятеля Гопал.

— Он самый, — пробормотал Гириш.

— Что он там вещает? Отказаться от меди, серебра и деревянных вещей? Молиться? С ума, что ли, с горя сошел?

— Пойдем-ка побеседуем с ним, — решительно молвил Гириш.

Стражники ворвались в толпу и стали активно работать локтями, приближаясь к центру рыночной площади. Именно оттуда доносился визгливый голос хозяина свинофермы.

— Кайтесь день и ночь! Приносите жертвы Богине-матери! Откажитесь от всего, что дала вам природа! Только тогда она смилостивится над нами и прогонит демона!

Орудя локтями и получая на свои головы недовольные оклики и проклятия, стражники переглянулись.

— Думаешь, он прав? — неуверенно поинтересовался Гириш.

— Вздор! — решительно опроверг Гопал.

— Но, ты же, сам еще ночью чуть не сжег неповинную женщину!

— Я осознал ошибку, ясно? И потом — то, что говорит Панишвар, полное безумие и угроза для всех нас!

— Какая угроза?

Гопал кивком головы указал на копьё, которое Гириш держал в руке:

— Откажись от деревянных вещей. И своими речами он сеет беспорядки. А сейчас это последнее, что нам нужно.

— Верно, — согласился Гириш.

Продравшись вперед сквозь толпу они, наконец, увидели Панишвара. Хозяин свинофермы возвышался на самодельном подиуме в виде пустых ящиков из-под овощей. Он активно жестикулировал и размахивал пухлыми руками. Солнце отражалось от его проплешины, создавая над головой подобие сакрального свечения. При выкриках изо рта брызгами разлеталась слюна. Одна из капель угодила прямо на губы Гопала.

— Проклятие! — ругнулся он, утирая лицо.

— Эй, Панишвар! — крикнул Гириш. — Заканчивай представление! Ты мешаешь людям проехать!

Тот перевел разгневанный взгляд на стражников:

— Вы тоже! Бросайте свои копья!

— Слезай по хорошему, свинопас, — угрожающе зарычал Гопал.

— Не усугубляй, — вторил Гириш, — ты делаешь лишь хуже.

— Это касается всех! — не унимался Панишвар и воздел руки к небу. — Мы все равны перед Богиней-матерью! Только она способна избавить нас от всех бед!

По толпе пронесся одобрительный гул. Напуганные жители Мохенджо-Даро видели в словах хозяина свинофермы истину. Шанс на спасение и искупление, которое дарует им возможность вернуться к прежней спокойной жизни. Стражники понимали, что если не заткнут новоявленного пророка, то им может не поздоровиться.

— Все, с меня хватит! — гаркнул Гопал.

Он подошел к ящикам и, схватив за шкуру Панишвара, стащил его с самодельного подиума. Толпа недовольно загудела.

— Этим вы ничего не добьетесь! — визжал свинопас. — Ибо я говорю истину!

— Заткнись! — рыкнул Гопал.

— Уходим, — прошептал подоспевший Гириш, наблюдая, как мрачнеют лица окружающих.

— Кайтесь! Молитесь! — не унимался Панишвар.

— Ты заткнешься, наконец?!

— Вам не сломить меня!

Гопал быстро оглядел близлежащую мостовую и заметил сухую пыльную луковицу. Передав на попечение Гиришу новоявленного пророка, он схватил головку, а затем с силой затолкал овощ в рот беснующемуся хозяину свинофермы.

— Ты что делаешь? — испуганно уставился Гириш.

— Он достал меня своей болтовней!

Панишвар позеленел. Свинопас попытался выплюнуть луковицу, но Гопал плотно зажал ему рот рукой.

— Ты снова впадаешь в безумие! — воскликнул Гириш.

— Уходим! — резко оборвал Гопал. — Расступитесь!

Однако толпа не отреагировала на его возглас. Более того, стражникам показалось, что она лишь теснее сомкнула ряды. В глазах людей читалась неприкрытая враждебность.

— Я сказал, расступитесь! — заорал Гопал. — Это приказ!

— Отпустите вестника Богини-матери! — раздался крик из толпы.

— Он задержан за нарушение порядка, — попытался успокоить людей Гириш, но безуспешно.

— Отпустите его!

Стражники заметили, что толпа сделала один шаг по направлению к ним, сужая кольцо.

Гириш побледнел и посмотрел на Гопала:

— Что будем делать?

— Ты?!

Улыбка съехала с лица, когда он увидел, что дверь ему открыла дочь старосты.

— А... а... а где привратник? — с трудом шевеля губами произнес Шанкар.

Абхе хмыкнула и вздернула тонкую бровь:

— Так ты, все же, по мальчикам? Да еще и старым?

Он покраснел:

— Что? Нет! Я же говорил... и просто...

— Да-да, — она закатила глаза и скрестила руки на обнаженной груди, — у тебя есть невеста.

— Была, — мрачно поправил Шанкар.

— О! Так вы поженились?! — воскликнула Абхе и саркастически добавила. — Поздравляю!

— Она умерла, — тихо сказал охотник, чувствуя, как бледнеет лицом.

Девушка опешила. Ее черные глаза широко раскрылись, а нижняя губа поползла вниз. Все озорство и надменность вмиг испарились, словно роса под лучами жаркого солнца.

— Мне нужно увидеть Нараяна, — добавил Шанкар, стараясь не смотреть ей в глаза, — срочно.

— Он внизу в гостиной, — ошеломленно пробормотала Абхе, отходя в сторону.

— Спасибо.

Шанкар вошел в дом и двинулся по сумрачному коридору, минуя комнату привратника и дверь в ванную комнату. Когда до гостиной оставались считанные шаги, охотник услышал позади ее взволнованный голос.

— Извини. Я не знала.

Он ответил, не оборачиваясь:

— Ничего.

— Зайдешь ко мне?

— Не знаю.

Пройдя в гостиную, Шанкар застал Нараяна, сидящим за круглым столом в тяжелых раздумьях. Его песочные волосы в беспорядке разлетелись на голове и напоминали разворошенный стог сена. Отсутствующим взглядом он смотрел на пустую столешницу. К своему удивлению, охотник не заметил рядом со старостой кувшина с вином. Да и сам Нараян оказался трезв. Видимо, с момента их последней встречи тот взялся за ум и бросил пить. Хотя орлиный нос продолжало украшать красное пятно от лопнувших сосудов.

Сквозь отверстие в потолке падал солнечный свет, представляя вниманию засохшие бурые пятна на сером ковре. Последствие падения кувшинов с вином.

Охотник медленно вошел в комнату, и Нараян поднял на него глаза. В них читалась усталость и полное отсутствие надежды.

— А-а-а, жреческий посланник, — обреченно протянул староста деревни, — вас прислали по мою душу?

— Нет, не по вашу, — ответил Шанкар, усаживаясь на плетеный стул напротив.

— Хм, — мрачно хмыкнул Нараян, — а я был бы не против такого исхода.

— Вот, как? Почему?

Староста шумно выдохнул и провел рукой по волосам, приводя их в еще больший беспорядок.

— С тех пор, как вы уехали, здесь стало невыносимо. Мы и без того с трудом справлялись с поддержанием порядка на полях. Но теперь с каждым днем становится все хуже, — он утер загорелой ладонью лицо, — мы уже чувствуем в воздухе песок. Жар в некоторые дни становится невыносимым

Шанкар вздрогнул:

— Что с Сарасвати?

Нараян мрачно воззрился на охотника, а затем обреченно произнес:

— Все очень плохо.

Охотник ощутил, как холодок пробежал по спине:

— Она не могла высохнуть так быстро.

— Она и не пересохла, — покачал головой Нараян, — точнее, не совсем. Превратилась в вонючее и вяло текущее болото. Но это ненадолго. Вода испаряется, — он вновь провел рукой по волосам, — у нас нет сил, Шанкар. Больше нет.

— Вы должны держаться столько, сколько сможете, — сказал охотник, хоть слова дались ему нелегко.

— Поэтому вы здесь? — угрюмо спросил Нараян.

— Нет. Я приехал, чтобы убить зверя.

Какое-то время староста тупо смотрел на собеседника, однако затем в его усталых глазах промелькнула догадка.

— А, безумный носорог... помню-помню.

— Вы его не видели?

— Нет.

— Никто из сельчан не пропадал?

— Нет, — обреченно повторил Нараян, откидываясь на спинку стула, — у нас и без носорога хватает жертв.

— Жертв?! — Шанкар почувствовал себя неудобно. Он вспомнил, что нигде не видел привратника.

— Многие не выдерживают нагрузок в поле, — вяло взмахнул рукой Нараян. — Здесь становится слишком жарко.

Охотник поджал губы.

Староста же добавил:

— Нам нет смысла здесь оставаться. Нужно уходить. Все равно конец будет один. А так мы хотя бы сэкономим тех, кто еще жив.

— А что на восточном берегу? Вам это известно.

— Да. Люди уже ушли оттуда. Там ничего нет, кроме заброшенных хижин и высушенной земли с легким налетом песка.

Шанкар похолодел:

— Куда они ушли?

Нараян махнул рукой на юг:

— В Лотхал. Но дела там обстоят не особо лучше.

— Что?!

Староста угрюмо покосился на охотника:

— А вы не слышали? Там уже давно с неба не падало и капли.

Шанкара пробила дрожь.

«Все хуже и хуже. Засуха. Недостаток продовольствия. О, боги, за что нам все это...?! Ладно. Сначала демон. Потом все остальное».

— Нам нужно уходить отсюда, — услышал он голос Нараяна.

— Не сейчас, — покачал головой охотник.

— А когда? — всплеснул руками староста. — Смысл хвататься за этот полумертвый кусок земли? Мы все равно здесь умрем! От голода или истощения!

— Где ваш привратник? — спросил Шанкар, словно игнорируя гневную тираду Нараяна.

— Он оказался одним из первых, — вновь обреченно махнул рукой староста, — сердце не выдержало.

— Вы что, отправили его на поля? — удивился охотник.

Староста насупился:

— Я, может, и пил беспробудно, но остатки разума сохранил. Разумеется, нет! Просто одна из ночей оказалась особенно душной... так, что вам нужно?

— Запасов воды и провизии на пару дней для пятидесяти человек.

Нараян выпучил глаза:

— Да вы с ума сошли!

— Вы же делаете запасы для отправки их в Мохенджо-Даро, — сказал Шанкар, — возьмите оттуда.

— При чем тут еда?! — взвился Нараян. — У нас с водой проблемы! А вы хотите, чтобы я напоил целый отряд?!

— Насколько большие проблемы?

— Колодцы мелеют. Мы слишком много тратим на полив. Иначе земля быстро иссохнет.

— Не может быть, — не поверил охотник, — не так быстро.

Нараян устало отвернулся:

— Хотите верьте, хотите нет. Можете сами все осмотреть. Но пустыня наступает слишком быстро.

— Вы установили ограждения от песка?

— Да, но они бесполезны против обжигающих лучей солнца.

«Не может быть. Не должно быть! Не так быстро! У нас в запасе должен был быть год! Год, а не месяц! Богиня-мать, что происходит?!».

Шанкар шумно втянул воздух через ноздри, а затем выдохнул.

— Хорошо. Обеспечьте нас всем необходимым. Я убью зверя и вернусь через несколько дней. Потом мы все отправимся в Мохенджо-Даро.

Услышав слова охотника, Нараян просветлел. Внешне староста даже помолодел на несколько лет — морщины возле рта и носа разгладились.

— Для нас найдется место в городе?

— Верховный жрец что-нибудь придумает, — кивнул Шанкар.

«Лучше бы он заодно придумал, что нам делать с едой? Зернохранилищ надолго не хватит. Необходимо искать новую житницу. Вот только где?».

— Пусть Абхе проследит, чтобы вам дали все необходимое, — молвил Нараян, уставившись в потолок. На его лице заиграла облегченная улыбка.

— Рано радуетесь, — сказал охотник, — вы не представляете, что может ждать нас

впереди.

— Плевать, — отмахнулся тот, — я получу несколько дней душевного покоя. Это главное.

Шанкар хмыкнул, но спорить не стал. Поднявшись со стула, он прошел через гостиную и вышел в сумрак коридора. Абхе там не было.

— Где ваша дочь? — поинтересовался он у старосты.

— Насколько я ее знаю, она сейчас наверху, в комнате для гостей.

— Понятно.

Шанкар развернулся и направился в сторону лестницы на второй этаж.

Он не видел, как потрескавшиеся губы Нараяна разошлись в блаженной улыбке и с них сорвался радостный шепот:

— Приеду в Мохенджо-Даро и напьюсь, как свинья.

***

Толпа медленно сжимала кольцо. Их мрачные и злобные лица были устремлены в сторону стражников, словно потревоженный осиный рой. Воины чувствовали враждебный настрой людей. Ощущали их пронзающие взгляды на собственных спинах.

Гириш с тревогой покосился на приятеля, продолжавшего сжимать рот Панишвара. Пыльная луковица во рту хозяина свинофермы заставляла последнего мычать, подобно одинокому зебу.

— Надо отпускать его, — прошептал Гириш.

— Еще чего! — гневно бросил Гопал, только плотнее сцепляя пальцы на губах Панишвара. — Назад!

— Ты что, не видишь? Они же нас разорвут!

— Не посмеют!

— О, боги, — простонал Гириш, закатывая глаза.

— Отпустите его! — вновь раздались крики из толпы.

Гопал почувствовал, как сердце зашло в ускоренном ритме. Он не собирался идти на уступки людям. Однако в глубине души понимал, что им придется отпустить Панишвара, если они хотят выбраться с рыночной площади. Живыми. Губы стражника перекосила гримаса ярости.

— Что ж, — прошипел он, — подавитесь! Раз он вам так нужен!

Он уже, было, хотел толкнуть хозяина свинофермы в руки новоявленных обожателей, как вдруг позади толпы со стороны Цитадели раздался властный голос.

— Расступитесь! Что здесь происходит?!

Люди перед глазами стражников вздрогнули и начали оборачиваться. Послышалось движение толпы. Оно распространялось по ней, подобно кругам на воде. А затем она расступилась, образуя узкий коридор. Гириш и Гопал увидели, что к ним направляется сам Верховный жрец Чудамани. А позади него виднелась городская стража Мохенджо-Даро. Похоже, на рыночной площади собрались все воины, что еще оставались за стенами города.

***

Он нашел ее на втором этаже в комнате для гостей. Абхе сидела на кровати, окутанная

сумраком. Свет почти не проникал через заколоченные ставни. Скрестив ноги и положив изящные руки на облегающую пурпурную юбку, дочь старосты хмуро разглядывала противоположную стену, покрытую тонкими трещинами.

Завидев Шанкара, она тихо произнесла:

— Прости.

— Все нормально, — повторил он.

— Как это произошло?

— Не хочу говорить.

— Понимаю.

— Лучше расскажи, как обстоят дела здесь?

Она сморщила нос:

— Плохо. Разве отец тебе не говорил?

— Говорил. Но я хотел услышать это от тебя.

— Ничего нового я не скажу, — вздохнула она. — Зачем ты снова приехал в долину Сарасвати? Вряд ли, чтобы повидать меня, верно?

Охотник ощутил колкость, предназначавшуюся именно ему. Однако она была с налетом какой-то необъяснимой печали. Шанкар сам не понимал, почему ему дается разговор с дочерью старосты такими усилиями. Словно он пытается ворочать булыжники языком.

— Ты не покидала деревню? — спросил охотник.

Абхе хмыкнула:

— Я помню твое странное напутствие в тот день.

— Хорошо. Продолжай ему следовать. Пока.

— Так зачем приехал? — разговор становился все более натянутым.

— Убить зверя.

— А, — равнодушно бросила Абхе, — бешеного носорога.

— Это не носорог, — покачал головой охотник.

— Да? — все тот же равнодушный тон. — А кто же?

— Тебе лучше не знать.

— Как хочешь, — она пожала плечами и отвернулась.

— Мне нужны вода и припасы для пятидесяти человек на несколько дней, — проговорил охотник, — Нараян сказал, что ты проследишь.

— Ага, — не оборачиваясь, бросила она.

Шанкар смотрел на нее. На прекрасные волнистые локоны, спадающие на плечи, подобно черному водопаду. На изгибы шеи и загорелую кожу. В нем росло непонятное чувство. Чувство, которое разрывало его изнутри. Он не мог забыть Нилам. Не хотел забывать. Но, глядя на дочь старосты, ощущал, что это может произойти. Против его воли. Абхе оставалась единственной девушкой в этом мире, к которой он испытывал некую привязанность. В мире, который стремительно расходился по швам.

С губ внезапно сорвались слова. Сорвались помимо его воли.

— Это он убил ее.

— Что? — резко обернулась Абхе.

— Зверь. Он убил Нилам.

Глаза девушки блеснули в сумраке комнаты:

— О, так ты мстить приехал?

Шанкар замялся, но потом ответил:

— И да, и нет.

— То есть?

— Этот демон опасен. Опасен для всех нас.

— Так демон или зверь?

— Скорее первое.

— Я не понимаю, — искренне изумилась Абхе.

— Лучше не знать, — Шанкар вошел в комнату и сидел рядом. Он ощущал себя крайне напряженным. — Если не убить его, то нам долго не прожить.

— Нам и так здесь долго не прожить, — молвила она.

— Скоро вы отправитесь в Мохенджо-Даро, — сказал Шанкар.

— Что? — ее глаза вспыхнули.

Охотник кивнул:

— Оставаться здесь не имеет смысла. Заберете запасы зерна и в путь, как только будет покончено со зверем.

— Я поеду в Мохенджо-Даро? — прошептала Абхе.

Шанкар, молча, кивнул. Спустя секунду охотник ощутил ее нежную ладонь на своем бедре. От этого прикосновения его словно пронзило молнией.

Он тихо произнес:

— Не надо.

— Почему?

Охотник посмотрел ей прямо в глаза:

— Я не уверен, что вернусь.

— Не уверен, что вернешься сюда? — непонимающе уточнила Абхе.

Шанкар едва заметно покачал головой:

— Вообще.

***

Девадат открыл глаза.

Над ним распростерся потолок из обожженного кирпича. Местами он пошел трещинами, но они были не слишком заметны. Через окно рядом с кроватью в комнату проникал солнечный свет. Где-то неподалеку раздавалось пение козодоя.

Бывший верховный жрец привстал на локте и осмотрелся.

Комната была пуста. У противоположной стены стояли еще две кровати. Судя по всему, он находился в помещении для больных. Лекарь отсутствовал. Скосив взгляд вниз, он осмотрел левую руку. Она была плотно перебинтована. Сквозь ткань проступили бурые пятна крови. Девадат поморщился. От демона ему сильно досталось.

Свесив ноги с кровати, он сел. Голова слегка закружилась. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Вроде немного полегчало, однако покоя не давала сильная слабость. Тем не менее, опираясь об изголовье, Девадат поднялся. Очередной приступ головокружения заставил соседние кровати двоиться в глазах. Бывший верховный жрец почувствовал легкую дрожь во всем теле.

— Мне надо идти, — тихо прошептал он, отпуская изголовье.

С минуту он просто ждал, пока приступ пройдет, а зрение восстановится. А затем на ватных ногах медленно направился в сторону выхода.

***

— Верховный жрец Чудамани? — изумился Гириш.

По толпе пронесся шепот.

— Что здесь происходит? — нахмутив темные брови, спросил тот. — Кто этот человек и за что его задерживают?

— Панишвар это, Ваша Светлость, — проговорил Гопал.

— Хозяин свинофермы? — уточнил Чудамани.

— Верно.

— За что задержан?

— За нарушение общественного порядка, — произнес Гириш.

— И за распространение ереси! — добавил Гопал.

— Вот как? — хмыкнул Чудамани.

— Не правда! — кто-то выкрикнул из толпы. — Панишвар дело говорит.

Чудамани поднял вверх руку, требуя жителей успокоиться. На удивление толпа его послушалась, хотя напряжение буквально летало в воздухе над рыночной площадью.

— Послушаем, что скажет сам Панишвар.

Гопал выпучил глаза:

— Но, Ваша Светлость, это же...

— Откройте ему рот! — резко перебил Чудамани.

Обреченно выдохнув, Гопал разжал пальцы, и Панишвар с силой выплюнул луковицу на мостовую:

— Покайтесь, грешники! Ибо демон пришел за вами! Покайтесь! Откажитесь от всего!

***

Преодолев узкий коридор и свернув налево, Девадат вышел на улицу. Сощутив глаза от яркого света, он огляделся. В сотне локтей от него расположилась высокая стена Цитадели. Ворота по-прежнему охраняли двое стражников. Однако вокруг было непривычно тихо. Только вдалеке продолжал заливаться своим пением козодой. Девадат слегка удивился.

«Где все? А, ладно, неважно».

Продолжая испытывать слабость, он осторожно двинулся вперед, а затем свернул налево, обходя дом лекаря и здание школы. Завернув за угол, Девадат немного отдышался и, вытерев испарину со лба, посмотрел вперед. Перед ним, локтях в пятидесяти, возвышалось огромное здание зернохранилища. Не решаясь отойти от стены здания школы, Девадат осторожно направился в сторону места хранения зерна. Приближаясь к зернохранилищу, бывший Верховный жрец немного пожалел, что демон порвал ему левую руку, а не правую. Иначе он смог бы держаться за стенку. Кожаные сандалии шаркали по земле. Слабость не позволяла ему высоко поднимать ноги.

У входа в зернохранилище дежурили двое стражников. В одинаковых белых рубахах с вырезом на левом плече и одинаковыми копьями с бронзовыми наконечниками.

«Одинаковые... они все одинаковые. Аж в глазах рябит».

Оба воина с нескрываемым любопытством наблюдали, как к ним приближается раненый пожилой человек.

— Мы можем вам чем-то помочь? — поинтересовался один из них.

Девадат остановился, снова вытирая испарину.

— Да, добрые люди. Очень нужно. Я не могу найти лекаря.

— Он должен быть в своем доме, — участливо ответил стражник.

— Я... я не нашел... — Девадат покачнулся и оперся о стену. Он почувствовал очередной приступ головокружения.

Стражник поспешно подошел к нему, а затем бросил товарищу через плечо:

— Он бредит. Я провожу его до лекаря.

— Конечно, — согласно кивнул тот.

— Идемте.

Придерживая того за поясницу, стражник повел Девадату обратно. Теперь бывший Верховный жрец мог опираться за стену правой рукой, следуя в обратном направлении.

Второй стражник с понимающим взглядом следил за тем, как его товарищ аккуратно уводит раненого беднягу. Спустя минуту осторожного движения, они скрылись за углом школы.

Он вздохнул. Сегодня здесь было непривычно тихо. Многие стражники отправились на рыночную площадь. Говорят, там что-то происходит.

«Слишком часто в последнее время там что-то происходит».

Он зевнул. Становилось ужасно скучно. Пение козодоя вдали лишь только усиливало желание отбросить копье, прислониться к стене зернохранилища и хорошенько вздремнуть.

«Пойду, проверю, что ли, как там зерно».

Мотнув головой, прогоняя сонливость, он взялся за медную ручку двери и потянул на себя. Та со скрипом, словно нехотя, отворилась. Стражник переступил порог. Внутри было прохладнее, чем на улице, но ужасно сухо. Помещение утопало в сумраке

«Здесь нужно быть осторожнее с огнем».

Он обошел первую тростниковую перегородку. Зерно лежало на месте аккуратными горками. Удовлетворительно кивнув, стражник уже хотел пройти за следующую перегородку, как вдруг услышал шорох. Он застыл и прислушался. Тихий, едва уловимый, звук повторился. Он обернулся в сторону горок зерна.

«Это еще что такое? Зерно осыпается? Или, быть может, крыса забралась? Только не крыса! Говорил же, что нам нужен еще один кот!».

Он до звона в ушах вслушался в происходящее в зернохранилище. Словно подтверждая его догадку, из-под одной из горок послышался приглушенный писк.

Стражник тихо ругнулся.

«Проклятие! Так и знал! Так и знал! Да еще и в мою смену! О, боги, и как мне искать ее в таком сумраке? Не видно ж ничего! Эх, придется зажечь факел... но здесь так сухо... это опасно! А если крыса заразная? Чумная?! Нет! Я должен ее найти. Зажгу огонь. Аккуратно Ничего не будет. Аккуратно».

Он поспешно вышел наружу, снял просмоленный факел со стены и вооружился парочкой кремниевых камней.

«Я осторожно. Найду, раздавлю — и все будет хорошо. Вдруг она чумная?».

Шанкар старался не смотреть в сторону того, что осталось от некогда могучей реки Сарасвати. Грязное болото с едва заметным течением, в которое превратилась река, источало зловоние и стремительно высыхало под палящими лучами солнца. С восточного берега налетал сильный горячий ветер. Он обжигал кожу и неприятно влиял на самочувствие.

«Так быстро... она не могла пересохнуть так быстро! Это просто невозможно! Сарасвати имела еще достаточно воды. Если только... если только что-то полностью не перекрыло притоки в верховьях, окончательно сменив их направление. О, Богиня-мать, почему? Почему я не проверил это в прошлый раз?!»

Однако в глубине души Шанкар понимал, что не смог бы этого сделать в любом случае. Пробраться через джунгли, превратившиеся в топкое болото без риска остаться там навсегда не представлялось возможным. Он не смог бы дойти до притоков, даже если сильно захотел.

Воины из отряда хранили гробовое молчание. На их лицах читалась тревога и замешательство. Они начинали понимать, что долина умирает. И спасти ее уже не удастся.

— Что же с нами будет? — спросил вслух Балдев.

Он ехал впереди вместе с Шанкаром.

Охотник честно ответил:

— Если не найдем новую житницу, то голодная смерть. Зернохранилищ хватит от силы на год.

Балдев выдохнул:

— Час от часу не легче.

— Да, — Шанкар кивнул, — но сейчас прошу сосредоточиться на демоне.

— Конечно, — согласился Балдев, однако окружающий пейзаж действовал на него удручающе. — Вы говорили про какую-то идею.

— Верно.

— Поделитесь?

Несколько секунд Шанкар хранил молчание, размышляя о своем.

Затем произнес:

— Тварь нельзя поразить копьем или стрелой, пока она готова к бою. Однако, когда она насылает морок, то становится уязвимой. Мы используем это.

— Каким образом?

— Кто-то пойдет прямо к нему, чтобы спровоцировать. Пока демон насылает видения на одного, остальные подкрадутся со стороны и превратят его в подобие дикобраза.

Балдев побледнел:

— А, что если он не станет насылать видения, а просто разорвет бедолагу на части?

— Есть другие идеи? — охотник взглянул на воина.

— Нет, — угрюмо ответил тот.

— Именно, — Шанкар вновь перевел взгляд на дорогу. Цокот копыт громко отдавался в знойной тишине. — Придется рискнуть. К тому же, не думаю, что он станет атаковать одинокого странника.

— И кто будет приманкой? — кажется, Балдева сейчас интересовал исключительно этот вопрос.

Охотник улыбнулся:

— Хочешь стать добровольцем?

— Нет! — резко ответил тот.

— Ха! — хмыкнул Шанкар. — Другого ответа я и не ждал.

— А кто тогда? — воин нервно заерзал в седле. — Будем тянуть соломинки?

— Успокойся. Я уже выбрал добровольца.

Балдев выпучил глаза:

— Кого?

— Ты сейчас смотришь прямо на него.

— Вы?

Охотник кивнул.

У Балдева отлегло от сердца. Из легких вырвался стон облегчения, который он не сумел скрыть.

Спохватившись, воин все-таки добавил:

— Уверены? Быть может, не стоит так рисковать? Возьмите кого-нибудь из отряда.

— Расслабься, Балдев, — оборвал его смущенный бубнеж охотник, — я уже все решил.

Наслаждайтесь моментом затишья. Ведь уже скоро мы будем на месте.

Впереди показались джунгли, где поселенцы Нараяна обустроили перевалочный пункт. Именно там Шанкар впервые натолкнулся на следы загадочного существа. Изуродованное и выпотрошенное тело зебу.

«Там все началось, там все и закончится».

***

Осторожно держа факел перед собой, стражник вошел в зернохранилище. Язычки пламени осветили тростниковую перегородку. Скользнули по прочным глиняным стенам. Треск пламени громко звучал в тишине. Неестественно громко. Держа источник огня подальше от сухого дерева, стражник заглянул за ограждение и вновь осмотрел горки с зерном.

Крыса была там.

Огромная, размером с небольшую кошку, она развалилась прямо на одной из горок, словно на пуховой перине. Глазки, подобно бусинкам, сверкали в полутьме. Казалось, сам свет факела отражается в них.

Стражника передернуло от отвращения.

«Вот тварь. Еще и смелая какая! Ничего, сейчас я тебя достану!».

Внезапно ему показалось, что крыса улыбнулась. Он моргнул, пытаясь отогнать наваждение. Но оно не исчезло. Крыса действительно улыбалась. Улыбка была манящая, завлекающая. Она будто бы зазывала стражника к себе. Теперь в ее глазках точно отражался огонь факела. Сначала небольшой, но с каждой секундой все разраставшийся. И вот там уже бушует настоящее пламя. Неконтролируемый пожар. И чем дольше стражник смотрел в крысиные глаза, тем больше осознавал, что ему следует сделать. В какой-то момент, он даже услышал, как тварь обратилась к нему. Тихим и писклявым голосом, с примесью змеиного шипения.

— *Сожги-и-и-и.*

Стражник медленно начал отводить руку с факелом назад, намереваясь осуществить

замах. И чем дальше он ее отводил, тем шире становилась улыбка на крысиной морде...

***

— Вы тоже, Ваша Светлость, — кивком Панишвар указал на Чудамани, — вы тоже должны отказаться от всего в пользу Богини-матери.

Возбужденная толпа поддержала слова хозяина свинофермы одобрительным гулом.

— Мы теряем наших любимых! — послышался крик отчаяния какой-то женщины.

— Нужно умиловать Богиню-мать, и тогда все станет, как прежде! — заворил ей некий мужчина.

— Если для мира нужны жертвы, то надо принести их!

Закусив нижнюю губу, Верховный жрец пристально наблюдал за Панишваром и настроением толпы. Его острый и проницательный ум подсказывал, что свинопас несет в себе угрозу. И не только ему лично, но и всему Мохенджо-Даро. Его речи, вызванные помутнением рассудка от потери сына, способны подтолкнуть неподготовленных и изнеженных людей к самым непредсказуемым деяниям. В городе начнется паника и неразбериха. А ведь они еще даже не знают, с какими проблемами помимо зверя столкнулась их цивилизация! Семена хаоса, о которых они говорили с Шанкараром, проросли слишком быстро. И один из самых опасных его сорняков сейчас стоял прямо перед ним, опутывая своими вредительскими корнями умы людей.

— Панишвар, — мягко произнес Чудамани, — рыночная площадь не самое подходящее место, чтобы обсуждать такие вопросы. Давай пройдем в Цитадель и...

— Нет! — быстро выкрикнул хозяин свинофермы, — я никуда отсюда не уйду! Мне нужно, чтобы меня слышали. Слышали все!

Вновь рокот одобрения пронесся по толпе. Стражники ближе подошли к Верховному жрецу, стараясь огородить его от возможного нападения.

Чудамани терпеливо продолжил:

— Но отсюда тебя не слышно из Цитадели. Позволь и жрецам услышать то, что ты говоришь.

— Вы им все передадите! — продолжал надирать глотку хозяин свинофермы. — Мне идти туда без надобности! Покайтесь, слышите?! Покайтесь!

Чудамани осознал, что любые попытки увести Панишвара с площади добровольно окажутся бесполезными.

— Слушайте все! — твердо и громко крикнул он, стараясь, чтобы звук его голоса заглушил беснования свинопаса. — Вы мешаете движению по главной улице! Погонщики не могут доставлять припасы в другие части города! Наладить снабжение — в ваших же интересах! Так, что расходитесь по своим делам и не нарушайте общественный порядок!

Некоторые жители Мохенджо-Даро начали колебаться. Уверенная речь Верховного жреца заставила их сомневаться, и это настроение начало понемногу передаваться и остальным. Однако Панишвар готов был испортить эту победу в любой момент.

— Бросайте ваши копья! — выл он. — Немедленно!

— Увести его! — скомандовал Чудамани.

Гириш и Гопал начали продвигаться в сторону Цитадели. В проход среди толпы тут же ринулись стражники, огораживая своими телами от людей Верховного жреца и хозяина свинофермы, продолжавшего сыпать угрозами и призывами к покаянию. Жители вновь

стали подпадать под влияние проповедей хозяина свинофермы. Чудамани чувствовал это. Видел по изменившимся лицам людей. Они были напуганы. Попали в непривычные условия. И это заставляло верить их во что угодно, лишь бы оно вернуло им надежду на светлое будущее.

— Нужно спешить, — прошептал он на ухо своему телохранителю.

— Вижу, Ваша Светлость, — кивнул тот.

Чудамани сделал шаг назад, продолжая держать большую часть толпы перед лицом. Он не хотел поворачиваться к ней спиной.

— Приказываю усилить патрули, — добавил он.

— Будет сделано.

В тот момент, когда они уже хотели возобновить движение и покинуть рыночную площадь, из толпы внезапно раздался испуганный крик:

— Что это?!

Люди начали озираться. Их взволнованные и озабоченные лица поворачивались куда-то за спину Чудамани. Не понимая, что происходит, Верховный жрец рискнул обернуться-таки в сторону Цитадели. То, что предстало его взору заставило его испытать такое чувство холода, словно он решил заночевать высоко в горах без одежды.

Над Цитаделью вились черные клубы дыма. Они окутывали стены крепости, подобно огромным грозовым тучам, решившим упасть на землю. Сквозь темную завесу прорывались желтые языки пламени.

Чудамани нервно сглотнул.

«Надеюсь, горит не то, что я думаю».

Внезапно на рыночной площади воцарилась мертвая тишина. Даже Панишвар прекратил свои призывы и проповеди. Все заковано в сморщившиеся лица, как клубы черного дыма медленно обволакивают стены Цитадели. Они поглощали их с такой же жадностью, как это делает голодный синха, пряча жертву в своей ненасытной утробе. И в этой гробовой тишине был отчетливо слышен отдаленный треск. Треск от горящего дерева и чего-то еще. Все были настолько ошеломлены представшей картиной, что никто не заметил, как из ворот крепости стремительно вылетел еще один стражник. Спотыкаясь на каждой кочке и несколько раз падая, обдирая кожу на локтях, он продолжал вставать и бежать в сторону рыночной площади. Его глаза вылезли из орбит, на лбу выступила испарина. И только тогда, когда стражник достиг, наконец, скопления людей, некоторые заметили его присутствие. Слова бегущего повергли всех в настоящий шок.

Не успев толком отдышаться, стражник выпалил визгливым и паническим голосом:

— Зернохранилище! Зернохранилище горит!

Чудамани побелел, словно сахар:

— Ты уверен?

Стражник быстро закивал. Из его рта с присвистом вырывалось тяжелое дыхание. Он никак не мог отдышаться.

— Да... Ваша Светлость... оно горит!

— Вы видите?! — завопил Панишвар, вырываясь из рук ошеломленных стражников. — Богиня-мать продолжает карать нас! Я прав! А они, — он ткнул толстым пальцем в Чудамани и его охрану, — приспешники демона!

Толпа вздрогнула.

Как ни был ошарашен Чудамани, он понял, что сейчас ему грозит смертельная

опасность. Это поняла и его охрана, еще плотнее обступив Верховного жреца. На Панишвара они теперь даже не смотрели. Хозяин свинофермы воспользовался моментом и скрылся за спинами людей, расталкивая локтями местных жителей, собравшихся на рыночной площади. При этом хозяин свинофермы продолжал сыпать угрозами с безопасного расстояния.

— Они не защищают нас! Они служат демону! Мы должны избавиться от них и покаяться!

И тут обезумевшая от страха и горя толпа накинулась на стражу. Воины вскинули копья, чтобы защитить себя и Верховного жреца от слепой ярости горожан. Бронзовые наконечники копий разили незащищенные тела...

***

Отряд Шанкара приближался к выжженной просеке. Листья пальм и салов, из которых состояли местные джунгли, сильно пожелтели и приобрели болезненный вид. Под воздействием порывов восточного ветра многие из них осыпались на землю золотым дождем. Все это производило удручающее впечатление на охотника и его людей. Однако сейчас они старались не думать об этом. Не думать, что долина Сарасвати доживает свои последние дни и стремительно угасает. Не думать об угрозе голодной смерти, приобретающей явственный лик. Сейчас все их мысли, все их помыслы сосредоточились на звере. Демоне, которого необходимо уничтожить.

Когда впереди показалась просека, зияющая черной землей, плотно укрытая пеплом и золой, Шанкар велел отряду остановиться.

— Что дальше? — взволнованно прошептал Балдев.

— Он где-то там, — тихо произнес охотник.

Воин проследил за его взглядом. Впереди виднелась широкая просека, а за ней — пожухшие джунгли, на опушке которых находились заросли дикого сахарного тростника. Его стебли полностью высохли и теперь походили на палки, воткнутые в землю в хаотичном беспорядке.

Именно там Шанкар наткнулся на истерзанные тела гонцов Нараяна. Охотник отчетливо помнил человеческие внутренности, разбросанные по кустарнику. И хотя жизнь в последнее время подкидывала ему картины и пострашнее, эта оставалась яркой и свежей в его памяти. Возможно потому, что она была одной из первых. Если не считать изувеченных останков зебу.

— Он там? — переспросил Балдев, нервно сжимая поводья коня.

— Да, — прошептал охотник, — за теми зарослями тростника.

— Откуда вы знаете?

Шанкар промолчал. Только плотнее сжал губы. Видение Девадата заканчивалось здесь. Все начиналось здесь. Он там. Он должен быть там. Охотник чувствовал это своим сердцем. Сердцем, на котором остался неизгладимый шрам.

Он обратил внимание на то, что не слышит пения птиц...

— Что дальше? — с тревогой спросил Балдев.

— Я пойду к нему, — медленно проговорил Шанкар, не сводя глаз с опушки леса, — вы же спешивайтесь и огибайте просеку слева через джунгли. Спрячьтесь там. Как только увидите его, бросайте копья. На меня внимания не обращайтесь.

— То есть не обращать? — непонимающе переспросил Балдев.

— Он будет насыпать видения. Под их воздействием я могу творить все, что угодно. За меня не переживайте. Ваша главная задача — поразить демона копьями. Цельтесь ему в шею. Там чешуя не настолько плотная и оружие может пройти насквозь. Все ясно?

— Да, — пропыхтел Балдев, чувствуя возрастающую нервозность.

— Тогда за дело, — Шанкар спешился и поправил лук на плече, — не станем терять время.

Балдев жестом приказал отряду спешиться, и те мгновенно послушались. Вооруженные копьями воины стали бесшумно передвигаться в сторону джунглей. На их лицах застыло выражение страха. Но они прекрасно понимали, что нужно идти до конца. Балдев замыкал шествие. Охотник же, с мрачным и серьезным лицом, направился напрямик к зарослям дикого тростника. Когда Балдев достиг опушки леса и обернулся, чтобы взглянуть на Шанкара, тот уже достиг середины выжженной просеки.

***

Труха и пепел хрустели под сандалиями. Сильный восточный ветер заставлял колыхаться ветви деревьев, с которых осыпались желтые листья. Его горячее дыхание обжигало кожу. Однако Шанкар ничего не замечал. Взор охотника был прикован к зарослям дикого тростника, в которых скрывался зверь. Он не держал наготове свое копьё. Бронзовый наконечник был устремлен в синее небо, на котором светило яркое солнце. Охотник прекрасно понимал, что оно ему не понадобится. Он просто не успеет им воспользоваться. Демон навевает на него свой морок.

Шанкар приближался к зарослям дикого тростника. Его воображение уже рисовало человеческие внутренности, развешенные на сухих стеблях. Он скосил взгляд на могучий сал, росший возле опушки. Полуобглоданный труп одного из гонцов Нараяна был все еще там. Пронзенный насквозь острой веткой. Его походный плащ хлопал на сильном ветру, подобно рвущемуся парусу.

Шанкар был готов. Готов снова встретиться с тварью лицом к лицу. Огонь с новой силой вспыхнул в его сердце, когда перед мысленным взором встал образ Нилам, сжимающей в миниатюрных ладонях огромный сапфир...

В тростниковых зарослях раздался хруст. Охотник мгновенно перевел все свое внимание на него. Стебли зашевелились, выдавая чье-то присутствие. Шанкар приготовился. Приготовился к худшему.

«Что я увижу на этот раз? Какие видения демон приготовил для меня? Быть может, я уже их вижу...?»

Охотник не успел додумать до конца. Зверь вырвался из зарослей сухого тростника и с яростью накинулся на него.

Свет стоит до тьмы, а тьма до свету.

Пословица.

Шанкар выронил копьё, когда он повалил его на землю. Острые, словно кинжалы, клыки клацали буквально возле носа. Охотника обдало теплым дыханием зверя, в котором ощущался запах плоти. Раздался яростный рык, от которого заложило уши. Когти чудовища полоснули Шанкара по правой руке. На коже тут же проступила кровь, хлынувшая из глубоких царапин.

«Это видение? Или происходит на самом деле?».

Очередной удар когтистой лапы, пришедший на грудь, вспорол рубаху и кожу под ней. Сильное жжение разлилось ниже шеи. Одежду смочила горячая кровь. И охотник понял — никакое это не видение. Все происходит наяву. Он чувствовал, как слабеет. Кровь заливала ему грудь. Стекала из ран на правой руке. Охотник не мог определить, насколько серьезными оказались увечья. Все его внимание было сосредоточено на звере. Который внезапно отступил. Полосатый хвост рассекал воздух. Пасть открылась в угрожающем оскале, представляя острые клыки. Желтые немигающие глаза смотрели прямо на него. Из недр зверя вновь вырвался угрожающий рык.

Шанкар не отводил взгляда. Несмотря на слабость и сильное биение сердца в раненой груди. Он поднял перед собой здоровую руку. Пальцы дрожали, как пальмовый лист.

— Тише, — мягко произнес он, — тише.

Зверь вновь угрожающе зарычал.

«Надеюсь, Балдев не ослушается приказа. Иначе мне точно конец».

И снова угрожающий рык.

«Она защищает... или защищает?».

Позади синха послышался слабый хруст сухого тростника. Оттуда, из зарослей, раздался приглушенный звук, похожий на мяуканье охрипшей кошки. Полосатый зверь вновь зарычал, обнажая клыки.

«Там детеныши... я их потревожил».

— Я ухожу, — прошептал Шанкар, медленно отползая назад. Боль и жжение разливались в ранах.

Синха прижала уши и махнула лапой перед собой. Острые, словно кинжалы, когти рассекли воздух.

Охотник отполз еще на локоть назад, продолжая держать руку перед собой, подобно щиту.

— Я ухожу, — повторил он.

Она продолжала следить за ним своими желтыми немигающими глазами. Однако угрозы в них становилось меньше с каждым локтем, что начинал отделять ее от охотника. Когда же Шанкар отполз от синха на расстояние десяти локтей, та развернулась и, рыкнув напоследок, скрылась в зарослях дикого тростника. Где-то там, между ними и опушкой, послышалось мяуканье детенышей синха.

Около минуты Шанкар сидел без движения, продолжая держать руку перед собой. Синха больше не появлялась. Только тогда он, наконец, обратил внимание на кровь,

вытекающую из глубоких ран на правой руке, а также на сильное жжение в груди. Охотник скосил взгляд вниз. Рубаха ниже шеи оказалась порванной в нескольких местах и пропиталась кровью. Шанкар осторожно сел. Боль в груди усилилась, но оставалась терпимой. Это немного успокоило.

«Видимо, просто задела кожу и мышцы. Хотела бы убить — разодрала в клочья».

Его взгляд упал на копьё, которое он выронил во время нападения. Бронзовый наконечник блестел в лучах полуденного солнца. Совсем рядом возле сухих зарослей дикого тростника. Охотник не решался подойти и забрать его.

«Не хочу тревожить синха. В конце концов, это всего лишь копьё. Куплю новое».

Придя к такому решению, Шанкар начал подниматься. Жжение в груди стало сильнее, однако по-прежнему оставалось терпимым. Издав слабый стон, охотник захромал в ту сторону, где в джунглях спрятался отряд воинов Балдева. Тот уже выскочил на просеку и, с встревоженным выражением на лице, бежал Шанкару на встречу.

— Вы в порядке? — крикнул он, поравнявшись с ним. — Боги, да вы весь в крови!

— Раны не глубокие, — успокоил охотник. Говорить оказалось тяжело. В движение приходили мышцы груди.

— Убьем эту полосатую тварь, — проворчал воин и двинулся к зарослям тростника, однако Шанкар перехватил его здоровой рукой.

— Оставь ее.

Балдев удивленно воззрился на охотника:

— Но она чуть не убила вас!

— Она защищает потомство, — Шанкар поморщился от боли, — если уйдем, то не тронет. Мы итак взяли у Богини-матери больше, чем положено.

— А демон? — Балдев посмотрел охотнику в глаза. — Он здесь?

Шанкар прислушался. Увидев реакцию охотника, воин последовал его примеру. До них долетали звуки ветра, шелестевшего в кронах деревьев. Шум опадающих листьев. Далекий свист пурпурной нектарницы, и ворчание детеньшей синха в зарослях тростника.

Наконец, Шанкар покачал головой:

— Его нет здесь.

— Уверены?

— Птицы не поют при его приближении, — вспомнил охотник свои прошлые наблюдения.

— Тогда где же он? У Девадата было ложное видение?

При упоминании имени бывшего Верховного жреца, Шанкар вздрогнул. Подозрения, притупленные видом раненого Девадата, вспыхнули с новой силой. Он не заметил, как ладони непроизвольно сжались в кулаки.

— Вот у него и спросим, — процедил охотник сквозь сжатые зубы.

— Возвращаемся в деревню? — поинтересовался Балдев.

— Да.

У воина вырвался вздох облегчения:

— Только раны ваши перевяжем. И... это... пока вы там отбивались от дикой кошки... мы кое-что нашли.

Шанкар непонимающе воззрился на него:

— Что?

Воин покачал головой:

— Лучше сами взгляните.

Охотник поморщился и нехотя последовал за Балдевом. Жжение в ранах усилилось. Пройдя немного вверх по выжженной просеке, они остановились. Воин указал пальцем на что-то, видневшееся у опушки джунглей. Шанкар сощурил глаза. Как бы плохо ему ни было в тот момент, он не смог скрыть своего изумления.

— Как думаете, что это? — поинтересовался Балдев.

Охотник не ответил. Лишь поджал губы. На память пришли слова Девадата и Чудамани. О донесениях с севера, касаясь таинственной повозки, движущейся со скоростью галопа...

Под сенью деревьев лежала разбитая... телега? Но только то была не обычная телега. Слишком узкая и с высоким передним бортом, обитым медью. Рядом с повозкой виднелись тела двух бездыханных лошадей. Судя по отметинам на шее и животе, ими уже успел полакомиться синха.

— Похоже на какую-то странную телегу, — неуверенно предположил Балдев.

— Да, — наконец, произнес Шанкар, — пожалуй, стоит доложить об этом Верховному жрецу, — а затем шепотом добавил, — от границы тут далеко...

— Что?

— Ничего. Возвращаемся.

***

Чудамани ожидал нападения. Однако оно все равно произвело на него удручающее впечатление. Он не хотел отдавать приказ сдерживать обезумевших людей любыми средствами. Но выбора не оставалось. Несколько разъяренных жителей, бросившихся на стражников в первых рядах, мгновенно нашли свою смерть на копьях последних. Однако толпу это не остановило. Наоборот. Вид крови, такой непривычный для большинства из них, лишь завел и подстегнул к действию. Словно звук рассекаемого воздух хлыста над ухом злого быка. Верховный жрец едва успел отступить прежде, чем живой коридор сомкнулся, поглощая внутри себя защищающихся стражников. Среди них оказались и Гириш с Гопалом. На них набросились с особым остервенением. Несчастные попытались оказать сопротивление, но орудовать копьями в тесноте и давке было невозможно. Спустя несколько мгновений их тела скрылись в толпе, превратившейся в неконтролируемую страшную волну, готовую снести любого, кто встанет у нее на пути. Крупный отряд копьеносцев сомкнул ряды, выстроившись в плотную линию на границе рыночной площади. Верховный жрец все еще надеялся на то, что, быть может, ситуацию удастся разрешить малой кровью. Остановить отчаявшихся людей. Но тут в воздухе вновь прозвучал хлыст, адресованный толпе.

С центра рынка раздался визгливый голос Панишвара:

— Они — приспешники демона! Они — угроза для нас!

— Отходим в Цитадель! — скомандовал Чудамани своим воинам.

Стражники стали организованно отступать. Однако жители города, в каком-то иступленном отчаянии и слепой ярости, продолжали преследовать их. Словно почувствовали слабость отступающих. Что они могут дрогнуть. Люди падали, пронзенные копьями воинов, но на их место тут же вставали другие. Кровавые реки потекли по улицам Мохенджо-Даро. А небесный свод над головами заволакивал черный дым от горевшего зернохранилища.

***

Раны оказались куда проблемнее, нежели предполагал охотник. Не серьезнее, а именно проблемнее. Особенно те, что оставила самка синха на груди своими острыми когтями. Каждый раз, как только лошадь под ним спотыкалась или сбивалась с шагу, они вскрывались и начинали кровоточить вновь. Повязка не помогала.

Балдев с опаской посматривал на охотника, но тот, вроде, уверенно держался в седле. Во всяком случае, пока.

— Нам придется задержаться, пока раны не затянутся, — сказал он, обращаясь к Шанкару.

Тот молча кивнул. Охотник и сам это прекрасно осознавал глядя, как набухают от крови бинты на груди. При виде багровеющей повязки, он досадливо сжал губы. Провал охоты на зверя не добавлял ему настроения.

«Его нет здесь. Где же он тогда? Девадат меня обманул? Или демон и вправду наслал на него ложное видение? Но зачем? И что это за загадочная телега валяется там на просеке? А, ладно. Это последнее, что нас должно сейчас волновать».

Вопросы, словно потревоженный осиный рой, вились у него в голове. Он хотел получить на них ответы, как можно скорее. Но для этого необходимо вернуться в Мохенджо-Даро, а с его ранами такое путешествие сейчас невозможно. Придется ждать, пока они затянутся... Ждать... Он не мог ждать! Не хотел ждать! Но был вынужден. И от осознания того становилось еще хуже. Подозрения, которые охотник питал в отношении бывшего Верховного жреца, вспыхнули с новой силой. Ему не нравился Девадат. Не нравился с того самого момента, как тот затеял вырубку джунглей в верховьях реки Синдху. С тех самых пор эта неприязнь только росла, подпитываемая странным поведением Девадата. То он старается отговорить Шанкара от охоты на зверя. То внезапно появляется и исчезает. Теперь это видение, посланное ему демоном. Видение, которое оказалось ложным. А было ли оно вообще? Быть может, Девадат все выдумал, чтобы заманить охотника сюда? Но зачем? С какой целью? И что это за проклятая повозка на выжженной просеке?

Шанкар застонал. Его голова раскалывалась от потока вопросов и загадок.

— Вы в порядке? — озабоченно поинтересовался Балдев.

— Да, — процедил охотник сквозь зубы, — чем быстрее мы доберемся до деревни, тем скорее я оправлюсь от ран. А вы, — тут он повернулся лицом к воину, — пошлете гонца в Мохенджо-Даро. Пусть Верховный жрец Чудамани допросит Девадата. Заодно сообщите в город, что мы не нашли зверя, зато обнаружили ту подозрительную повозку, которую видели наши дозорные севернее Хараппы.

— Та самая повозка? — переспросил Балдев.

— Да.

— Думаете, она может что-то значить?

— Понятия не имею, — честно выдавил из себя охотник, — просто сообщите об этом.

— Хорошо. Я пошлю Амрита. Он способный и смысленный малый.

— Славно, — Шанкар задумался на мгновение, а потом, поморщившись от боли, добавил, — и пусть сообщит, что долины Сарасвати больше нет.

Балдев кивнул и нервно сглотнул.

Охотник вновь устался на дорогу. Его лицо покрыла бледность.

***

Брасид сидел на холодном полу камеры тюрьмы и угрюмо таращился на кирпичную стену. Сегодняшний день был лучше предыдущего. Анил не сотрясал воздух своими дикими воплями и завываниями. А это уже можно было посчитать за праздник.

Кузнец тяжело вздохнул. Он до сих пор не мог понять, что произошло тогда на рыночной площади. Как так получилось, что кровь оказалась на его руках? Кровь ни в чем не повинных людей?! Раз за разом Брасид возвращался в памяти к тому дню. Каждый раз кузнец прокручивал в голове одно и то же. Вот он хватается за огромный молот, думая, что в мастерскую заползла кобра. Еще досадливо ругает себя за то, что не догадался завести мангуста. Затем оборачивается, окидывая пристальным взглядом помещение кузницы. Видит подкову, лежащую рядом с чаном воды. А затем... а затем...

Брасид досадливо ударился затылком о кирпичную кладку.

«Проклятие! Не могу! Не могу вспомнить. Словно потом я уснул, а проснулся уже на дороге. Связанный и не понимающий, что происходит? О, Богиня-мать, я до сих пор не понимаю, что происходит?!».

Послышались тяжелые шаги.

Кузнец перевел угрюмый взгляд в сторону коридора. Возле двери стоял толстый тюремщик и внимательно его рассматривал. Брасид увидел во взгляде стража темницы легкое сочувствие.

— Как ты сегодня, Брасид?

— Нормально, — сухо ответил кузнец.

— Уже не хочешь переселиться в выгребную яму?

Брасид криво ухмыльнулся:

— Пока этот придурок за стенкой молчит, то все терпимо.

Тюремщик согласно кивнул:

— В этом я с тобой полностью согласен, — связка ключей звякнула на поясе, — пойду, схожу за обедом. Скоро вернусь.

— Давай, — угрюмо произнес кузнец и вновь уставился в стенку.

— Так и не вспомнил ничего?

— Нет.

— Лучше бы вспомнить...

— Знаю, — не оборачиваясь молвил кузнец, — в любом случае, я готов понести наказание, которое заслуживаю.

Тюремщик еще немного посмотрел на Брасида, потом тяжело вздохнул и направился в сторону лестницы.

Кузнец же снова вернулся к бесплодным попыткам восстановить в своей голове события того злосчастного дня.

В тот момент, когда он в очередной раз начал прокручивать в голове, как разворачивается с молотом в руке, из-за стены донесся стон.

Брасид вздрогнул и закатил глаза.

«О, нет, только не это!».

Похоже, безумный лесоруб в соседней камере готовится устроить очередное «представление» на всю темницу. Его истошные крики и вопли сводили Брасида с ума.

Каждый раз, когда Анил начинал заходиться в приступе безумия, кузнец желал лишь одного — оказаться, как можно, дальше от источника этих леденящих душу звуков.

Вот и сейчас он обреченно ждал, когда лесоруб начнет выворачивать разум своими криками.

Анил вновь застонал. Тихо и протяжно. Брасид закрыл глаза.

«Сейчас. Сейчас начнется».

Однако вместо истошного вопля по ту сторону стены раздался приглушенный голос Анилы.

— Он здесь.

Брасид открыл глаза.

— Он здесь. Он здесь.

«О чем это он?».

Кузнец встал и прислушался. Анил же продолжал монотонно выговаривать.

— Он здесь. Он здесь. Он здесь.

— Кто здесь? — громко поинтересовался Брасид.

И в этот момент лесоруб сорвался на визг. Его истошный вопль, казалось, содрогнул стены темницы Цитадели.

— Он здесь! Он здесь!! Он здесь!!!

Кузнец закрыл уши своими мощными ладонями. Его лицо перекосила гримаса отвращения.

«О, Богиня-мать, дай мне сил!».

Брасид начинал чувствовать, что потихоньку сходит с ума. Его взгляд то и дело возвращался к кирпичной кладке стены, за которой скрывался безумный Анил. Но не потому, что лесоруб словно заполнил все окружающее пространство. Кузнец хотел прекратить свои мучения. Чтобы не слышать этих истошных криков, леденящих душу. Не пытаться вспомнить, как он превратился в хладнокровного убийцу. Чтобы лица Аваниша и Бакулы перестали являться ему по ночам. Сбросить с себя, наконец, это бремя. И стена, выложенная обожженным кирпичом, виделась, как спасительный выход.

«Я заслужил смерть за то, что сделал. И меня не оправдывают безумия или провалы в памяти. Я устал от всего этого... Всего лишь нужно хорошенько приложиться... и все. Все снова станет хорошо».

— Он здесь! Он здесь!! Он здесь!!!

Голос Анилы доходил до ушей даже сквозь могучие ладони кузнеца. В глазах Брасида загорелась решимость. Повернувшись в сторону стены, он отошел назад, чтобы взять разбег.

— Великая Богиня-мать, да что у вас тут происходит?! — взревел тюремщик, возвращаясь с тарелкой пшеничных лепешек.

Однако его голос потонул в воплях безумного лесоруба. А Брасид уже ничего не слышал. Разбежавшись, он с силой ударился головой о кирпичную кладку.

— Боги милостивые, что там происходит?

Камал, красный, словно рыбная икра, испуганно смотрел в сторону Цитадели, откуда к небу поднимались черные клубы дыма. В этот момент он, как никогда, соответствовал своему имени[1]. Непроизвольным движением стражник дотронулся до своих темных волос, космами спадающих на плечи.

— Не знаю, дружище, — прошептал его товарищ Чигаль, вместе с которым они несли службу по охране восточных ворот Мохенджо-Даро.

Помимо жуткой картины горящей Цитадели, представшей перед глазами, до их слуха долетал слабый отдаленный гул. И в этом гуле можно было разобрать крики и вопли.

— Не знаю, — шепотом повторил Чигаль, облизав пересохшие губы.

— Нужно проверить, — неуверенно произнес Камал.

Чигаль отрицательно мотнул головой:

— Нам запрещено покидать пост.

— Но вдруг там нуждаются в нашей помощи?! — воскликнул Камал.

— Мы не единственные стражники на весь город. Для этого есть уличные патрули.

— Ты и вправду думаешь, что это похоже на рядовой случай для местного патруля?!

Чигаль так не думал. Он все прекрасно понимал — там, в центре города, происходит нечто. Нечто ужасное. Но стражник не решался покинуть пост. После запрета на передвижение по дорогам, наложенное Верховным жрецом Чудамани, за охраной городских ворот стали следить более тщательно. Никого не выпускать. Если они покинут свой пост, то им не сдобровать.

— Мы не можем уйти, сам знаешь, — произнес Чигаль.

— Тогда отпусти меня, — вызвался Камал, — я быстро сбегаю и разузнаю, что, да как?

Тот все еще находился в сомнениях.

Видя нерешительность сослуживца, Камал добавил:

— Ну, чего ты боишься? Думаешь, в одиночку не сдержишь особо ретивого нарушителя жреческого приказа, которому вдруг приспичило выйти за стены? — он развел руками в стороны. — Оглянись! Рядом вообще никого нет!

Камал оказался прав. Небольшая площадь около восточных ворот пустовала. Ставни соседских домов были плотно закрыты. Оттуда не доносилось ни звука. Словно все жители города сейчас находились там, где-то в центре Мохенджо-Даро.

— Ладно, — быстро бросил Чигаль, переминаясь с ноги на ногу. Все это ему очень не нравилось. — Только быстро!

— Туда и обратно! — заверил Камал и, перехватив поудобнее копье, побежал в сторону рыночной площади. Его кожаные сандалии взбивали пыль мостовой с шаркающим звуком.

Вскоре Чигаль остался один.

Как только товарищ скрылся вдаль, он сразу почувствовал себя неуютно. Окутавшая, словно плотным одеялом, тишина была какой-то тяжелой. Давящей. Чигаль не мог объяснить. Его ноги будто налились свинцом. Захотелось отложить копье и примоститься возле каменной стены, но он продолжал нести службу возле восточных ворот. При этом тишина вовсе не была мертвой. Откуда-то с юга до него доносились обрывки криков и воплей, а над Цитаделью клубился черный дым. И эти звуки жутко контрастировали с

тишиной, воцарившейся возле ворот. Чигаль начинал жалеть, что отпустил Камала. Сердцебиение участилось. В окружающем безмолвии он отчетливо слышал, как оно гулко отдается в груди. Стражник сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, но это не помогло.

— Давай быстрее, — пробурчал он себе под нос, мысленно обращаясь к Камалу.

Чигаль бросил взгляд на улицу, на которой скрылся его товарищ. Она была пуста. Никто не двигался по ней, словно город вымер в одночасье. Но он прекрасно понимал, что это не так. Крики и стоны, продолжавшие регулярно долетать до ушей, убеждали в обратном.

Переминаясь с ноги на ногу, он вытер тыльной стороной ладони испарину, выступившую на лбу. Затем достал с пояса небольшую флягу с водой и смочил ею вконец пересохшие губы.

В этот момент с внешней стороны ворот раздался громкий стук. Чигаль от неожиданности выронил флягу. Та с глухим звуком ударилась о землю, разбрызгивая воду. Схватив черенок копья обеими руками, Чигаль повернулся к крепким деревянным воротам. Через секунду громкий стук раздался вновь. Стражник нервно вздрогнул, однако затем приказал себе успокоиться.

«Возьми себя в руки, в конце-то концов!».

Набрав в легкие побольше воздуха, он крикнул, стараясь, чтобы голос прозвучал убедительно:

— Кто идет?

По ту сторону ворот раздался стон. Тяжкий стон, жутко прозвучавший в окружающей тишине. Чигаль ясно ощутил, как на затылке зашевелились волосы.

— Кто идет? — повторил он, подметив про себя, что на этот раз голос предательски дрогнул.

— Шанкар, — донесся до него шепот.

«Шанкар? Тот самый?».

— Охотник на службе Верховного жреца? — уточнил стражник.

— Да, — шепот стал тише, и Чигалю пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его.

Он уже хотел потянуться к рычагу, дабы открыть ворота, однако на полпути остановился.

«Почему у него такой странный голос? Он ранен? И где его отряд? Я точно помню, что с ним в путь отправилось не меньше полусотни воинов. Почему я не слышу их?».

— Вы ранены? — спросил Чигаль.

— Да, — невнятный шепот.

— А где же ваш отряд? Вы одни?

— Мертвы, — едва уловимо прошептал Шанкар. Словно слабый ветер колышет листья пальм.

Чигаль похолодел:

— Мертвы?

— Да.

— Кто же их убил?

— Зверь, — зашептал охотник, — демон.

Стражник ощутил сильную дрожь во всем теле. Руки, сжимавшие копье, сильно вспотели.

«О, Богиня-мать, за что нам все это?!».

— Открывай, — голос Шанкара практически стих.

«Боги, что же это я?! Он там умирает, а я время на расспросы трачу!».

Не колеблясь более ни секунды, Чигаль подбежал к механизму открытия ворот, отложил копье и ухватился за рычаг. Вены на его руках вздулись от напряжения.

«Да, Камал бы мне сейчас пригодился».

Пыхтя, как выучный мул, он надавил на рычаг. Ворота с громким гулом начали открываться. Нехотя, подобно медведю, потревоженному во время спячки. Через минуту упорных усилий, обе створки оказались распахнуты. Отойдя от механизма и вновь вытерев пот со лба, Чигаль побежал навстречу раненому охотнику.

— Хорошо, что вы здесь! Не представляете даже, какие дела тут творятся... — стражник осекся.

***

Когда Шанкар вместе с отрядом воинов добрался до деревни Нараяна, его рубаха полностью пропиталась кровью, прилипнув к груди. Лицо охотника покрывала бледность. Он ощущал предательскую слабость и лишь усилием воли заставлял себя держаться в седле.

Двое из людей Балдева помогли ему спуститься. При этом Шанкар досадливо поморщился.

— Все из-за какого-то синха, — пробурчал он, а затем бросил через плечо, — отправьте гонца в Мохенджо-Даро.

— Будет исполнено, — кивнул Балдев и начал отдавать распоряжение.

Придерживая охотника подмышки, воины повели его к дому старосты. Каждый шаг отдавался жжением в грудной клетке. Не изнуряющим, но досадливым и раздражающим. На пороге двухэтажного здания он увидел Абхе. Та, бледная и с тревогой во взгляде черных очей, наблюдала за тем, как воины ведут раненого охотника.

— Все нормально, — тихо успокоил тот, когда они поравнялись, — просто глубокие царапины.

— Куда нам его отвести? — спросил один из воинов.

Абхе тут же ответила:

— Первая дверь по коридору направо.

Помещение оказалось очень маленькой и тесной комнаткой, выходившей одним единственным окном в сад. Отсюда открывался приятный вид на небольшой пруд с цветами лотоса. Видимо, Нараян не жалел воды для поддержания жизни в собственном доме. В комнате стояла всего лишь одна кровать, на которую воины и уложили раненого охотника. Как только Шанкар соприкоснулся с пуховой подушкой, то сразу почувствовал, как погружается в сон. Раны на груди, которые он прекратил терзать постоянным движением, стали меньше досаждают. Жжение утихло, боль сменилась на тупую и ноющую.

«Мне сейчас это необходимо. Никогда еще не испытывал подобную слабость».

Однако поспать ему не удалось. В комнату вошла Абхе, держа в руках небольшую деревянную кадку, полную холодной воды. Через правое предплечье было перекинута несколько кусков кристально чистой ткани. Ее белоснежная поверхность ярко контрастировала с загорелой кожей дочери старосты. По всем этим принадлежностям и решительному лицу девушки, Шанкар понял, что его ждет процедура перевязки. Неприятная и нудная, как боль в груди, но необходимая.

Он поморщился:

— Куда меня отнесли?

— Бывшая комната привратника, — она поставила кадку на пол.

При виде воды, охотник почувствовал, как его начинает мучить жажда. Он облизал пересохшие губы.

Заметив его жест, Абхе бросила:

— Принесу, как только перевяжу.

— Спасибо, — благодарно кивнул он.

«Понимает с полуслова... и не растерялась при виде крови...».

— Тебе придется приподняться, чтобы я сняла рубаху и те жалкие тряпки, что воины называют бинтами, — решительно произнесла она.

Шанкар застонал, но повинился. Он прекрасно понимал, что все это необходимо.

— Кстати, — сказал он, пока Абхе помогала ему снять окровавленную одежду, — моих людей нужно разместить в деревне...

— Сначала я закончу с тобой, — резко перебила она.

— Но... — начал, было, возражать Шанкар.

— Никаких «но», — твердо парировала Абхе, — подождут. Ничего страшного с ними не случится.

Охотник хмыкнул, но спорить не стал. Спустя несколько неприятных минут, пока Абхе стягивала с него рубаху и разматывала окровавленные бинты, он сумел наконец-таки опуститься на кровать. С его уст сорвался вздох облегчения.

Девушка осмотрела глубокие раны:

— Это твой зверь тебя так разукрасил?

— Нет, — буркнул он.

— Кто же тогда? — она взяла один из чистых кусков ткани, принесенных с собой, и смочила в холодной воде.

— Синха.

— Так и думала, — отжав ткань, она начала осторожно протирать раны и кожу вокруг них.

Охотник поморщился.

— Ты убил его? — поинтересовалась Абхе, не поднимая взора.

— Ее, — поправил Шанкар.

— Ее?

— Да. То была самка. Она защищала своих детенышей.

— Хм.

— Нет, я не стал.

— Правда? — в голосе дочери старосты прорезался интерес. — Почему?

— Зачем? — ответил охотник вопросом на вопрос.

Абхе на мгновение перестала обрабатывать раны и подняла свой взор на Шанкара. В ее черных глазах он заметил вспыхнувший огонек, причина которого оставалась тайной.

— Она же хотела убить тебя.

Он вяло улыбнулся:

— Если бы хотела, то сделала это. Я сам виноват. Подошел слишком близко.

Она ничего не ответила, вернувшись к промыванию ран. Однако по выражению ее лица охотник заметил, что Абхе одобряет его поступок. Шанкар сам не мог понять почему, но это его приободрило.

Холодная вода принесла облегчение, притупив чувство жжения в груди. Кожа, освобожденная от налипшей крови, вновь задышала.

— Раны быстро затянутся, если их не тревожить, — сказала Абхе, отбрасывая ткань и беря чистый кусок вместо него.

— Долго?

— Несколько дней, — она покосилась на него, — сейчас снова придется приподняться.

Он застонал, но повиновался. Абхе начала быстро обматывать его грудь чистой тканью. Скоро процесс перевязки закончится и он, наконец, сможет отдохнуть.

— Откуда он взялся? — спросила Абхе.

— Что? — не совсем сообразил охотник.

— Зверь, — пояснила она.

— Не знаю. Возможно, мы сами потревожили его, начав вырубать джунгли.

Абхе, наконец, завершила перевязку, и охотник с наслаждением откинулся на подушку.

— Я принесу воды, — молвила дочь старосты, направляясь к выходу.

— И устрой воинов, — добавил Шанкар, чувствуя, как начинает засыпать.

— Да-да, — Абхе закатила глаза, — и это тоже.

Она вышла, прикрыв за собой тонкую тростниковую дверь.

Шанкар уставился в потолок. Очень быстро глаза начали слипаться. Уставший организм погрузился в глубокий сон. Шанкар даже не слышал, как вернулась Абхе и тихо поставила кувшин воды рядом с кроватью.

***

Проснулся он уже ночью. Серебряный диск луны заливал округу блеклым светом. Он проникал сквозь окно комнаты, немного развеивая стоящий мрак. Скосив взгляд вправо, охотник заметил, что рядом с кроватью стоит полный кувшин воды. Жажда разыгралась с новой силой. Не медля ни секунды, он протянул руку и ухватился за долгожданный сосуд. Стараясь не напрягать мышцы груди, сделал несколько больших глотков и сразу почувствовал облегчение. Издав блаженный вздох, охотник поставил кувшин обратно.

— Полегчало? — услышал он знакомый голос.

Шанкар вздрогнул и посмотрел в дальний угол комнаты. На мгновение ему почудилось, что он видит лицо Нилам. Мертвенно-бледное, оно зловеще сияло в лунном свете. А большие синие глаза готовы были поглотить в себе, подобно глубокой бездне. Охотник ощутил холодок на затылке. Он моргнул, сильно зажмурившись. Видение исчезло.

На полу сидела Абхе и внимательно следила за ним.

«Я схожу с ума».

— Давно ты здесь? — прошептал он.

— С того момента, как ты уснул.

Шанкар вскинул брови:

— И что же ты делаешь?

В сумраке комнаты он не мог разглядеть ее лица, однако по тону голоса понял, что Абхе ухмыляется.

— Можешь не переживать. С тобой я не спала.

Охотник ощутил, как заливается краской:

— Я и не думал...

— Я тоже, — ее голос внезапно стал серьезным.

Шанкар удивился резкой перемене в Абхе. Он запомнил ее совсем не такой. Дочь старосты словно утратила частичку своего озорного запала. Частичку вызывающей сущности.

Он не удержался и спросил:

— Что с тобой?

— Со мной? — удивилась она.

— Ты изменилась с нашей последней встречи.

— А, — протянула девушка, — с последней встречи многое, что изменилось, разве не так? И ты не взял меня с собой.

— Я же говорил... — начал, было, он.

— Да, говорил, — перебила Абхе, учтиво не затрагивая тему Нилам, — но от этого как-то не легче, знаешь ли.

Шанкар вздохнул и промолчал. Ответить ему было нечем.

— У нас начались проблемы с водой и продовольствием, — меж тем продолжала она, — пустыня наступает нам на пятки. Долина Сарасвати умирает... А потом вновь появляешься ты. Говоришь о каком-то демоне-звере и... и... — она замолчала.

— И... что?

— Ничего, — отрезала дочь старосты.

Он чувствовал в ее голосе растерянность. Растерянность и смятение. Всепоглощающий огонь, пылавший в ее черных глазах тогда, когда он спрыгивал со второго этажа, хоть и не потух до конца, но стал менее ярким. Словно недавние события оставили неизгладимый отпечаток на душе Абхе. Но было здесь кое-что еще. Шанкар ощущал это, но не хотел касаться. Ибо сам до конца не знал ответа. Однако дочь старосты не дала ему возможности уйти от неприятной темы.

— Ты ведь ее еще любишь, да?

Охотник вздрогнул, но снова промолчал. Казалось, смятение чувств начинает заражать и его. Медленно, подобно надвигающейся буре из-за горизонта. И эта буря не сулит ничего хорошего.

Абхе хмыкнула:

— То-то и оно.

— Послушай...

— Как повязка? — внезапно спросила она.

— Не жмет, — удивленно ответил охотник.

— Пф, — фыркнула девушка, — ее же я накладывала! Но я о другом — она не намокла?

Шанкар скосил взгляд на грудь, обмотанную перевязью.

— Немного.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнула она, — значит, раны начинают затягиваться.

Утром сменим.

— Спасибо, — поблагодарил охотник.

— Так, откуда взялся этот зверь? — вновь поинтересовалась Абхе.

— Не знаю, — опять ответил Шанкар, — на него наткнулись лесорубы, когда начали вырубку лесов под новые посевы и для обеспечения печей свежей древесиной.

— Печей?

— Верховный жрец Девадат... — охотник запнулся, — бывший Верховный жрец

Девадат намеревался перестроить юго-восточный район Мохенджо-Даро. Дома там пришли в ужасное состояние. Для отстройки обычный кирпич-сырец не годился. Девадат хотел укрепить его посредством обжига, а для этого нужны печи.

— Ясно, — Абхе на короткое время задумалась, а затем добавила, — быть может, мы просто вторглись на его территорию?

— Может быть, — Шанкар откинулся на подушку, — но почему тогда он продолжает убивать? И это не простой зверь.

— Не простой?

— Он насылает видения, — при воспоминании о них он вздрогнул. По телу пробежала дрожь. — Видения, которые играют на твоих самых потаенных страхах. Он словно видит тебя изнутри.

— Но это же невозможно! — воскликнула Абхе.

— Для зверя — да. Для демона — нет, — мрачно произнес охотник, уставившись в потолок.

— И что теперь делать?

— Мне нужно вернуться в Мохенджо-Даро. Продумать, где искать демона, пока он не уничтожил нас.

— Мы и так можем умереть от голода, — хмыкнула Абхе.

Шанкар вновь посмотрел в ее сторону:

— Зернохранилища в городе хватит на год. Уверен, за этот срок мы сможем придумать, как решить проблему с продовольствием. Демон же угрожает нам прямо сейчас.

Подумав над его словами, девушка кивнула:

— Верно.

— И вы все едете со мной.

— Спасибо.

Благодарность дочери старосты прозвучала сухо. Слишком сухо. И Шанкар не мог этого не заметить.

— Ты разве не рада? — удивился он.

— Рада, — все тот же сухой ответ.

— По твоему тону не скажешь.

— Извини, у меня нет настроения пускаться в пляс.

— Ты хотела покинуть это место... переехать в Мохенджо-Даро... а теперь так реагируешь? — охотник был явно озадачен.

Абхе резко ответила. Ее тон прозвучал мрачно, идеально сочетаясь с сумраком ночи.

— Я хотела уехать отсюда в качестве твоей жены. А не в виде беженки, спасающейся от голода и без надежды на светлое будущее.

Ее слова были для охотника, как ножом по сердцу.

— Абхе, послушай...

— Пора спать, — она быстро встала, — тебе нужен отдых, если хочешь, чтобы раны затянулись быстрее.

— Но...

— Спокойной ночи.

Она вышла, закрыв за собой тростниковую дверь. Шанкар остался в полном одиночестве и темноте, терзаемый душевными муками и мыслями. Мыслями о том, что делать теперь... и что ждет впереди. Его... Их... Всех.

[1] Камал — красный.

Камал трусцой передвигался по главной улице города. Он спешил разобраться с происходящим, как можно быстрее, и не оставлять Чигаля одного перед восточными воротами. По обе стороны дороги стояли одинаковые дома из обожженного кирпича. Окна большинства из них были закрыты деревянными ставнями. Стражник чувствовал давящую на него тревогу. Она усиливалась по мере того, как громче становились крики, звучащие в отдалении. Крики, так жутко контрастирующие с пустотой и тишиной в этой части Мохенджо-Даро. Клубящийся дым из Цитадели только способствовал нарастающему напряжению. Подобно огромному бульжнику, свалившемуся на плечи. Дыхание Камала участилось. Кровь в жилах текла быстрее и быстрее по мере того, как он все ближе продвигался к рыночной площади. Оттуда уже доносился чей-то пронзительный визг. Камал не мог разобрать слов, однако голос казался знакомым.

«Панишвар? Хозяин свинофермы? Что же там происходит?!».

Он не успел как следует поразмыслить над ответами. В следующую секунду стражник почувствовал острую боль в пояснице, а затем неведомая сила швырнула его в сторону. Воин пролетел через всю улицу и ударился о деревянные ставни одного из домов. Падая на мостовую, стремительно тускнеющее сознание Камала подметило, что его оторванные ноги валяются посреди дороги.

***

— Молитесь! Молитесь о прощении! И заставьте покаяться их!

Панишвар продолжал неистовствовать, стоя позади толпы на безопасном расстоянии. Его пронзительные крики, подобно хлысту погонщика зебу, подгоняли людей вперед, заставляя кидаться на стражников. Люди, охваченные страхом и слепой яростью, атаковали воинов голыми руками, совершенно не обращая внимания на бронзовые наконечники копий, разившие их одного за другим. По улицам Мохенджо-Даро текли реки крови. Трупы заполнили рыночную площадь и дорогу, ведущую к воротам Цитадели.

Отряд Чудамани, с бледными, но решительными лицами, продолжал организованно отступать, прикрывая Верховного жреца от натиска разъяренной толпы. За их спинами в небо поднимался густой черный дым. Запах гари уже доносился до них. Воздух становился тяжелым. Некоторые из воинов с трудом сохраняли самообладание. Ведь они впервые столкнулись с подобными тяготами. Впервые они подняли оружие на своих земляков. Они вообще впервые подняли на кого-то оружие. И среди толпы могли находиться их родные и близкие. Каждый раз, когда копьё делало свой смертельный выпад, его хозяин невольно всматривался в перекошенное гневом лицо атакующего. Боясь узнать в нем родные черты.

Словно ощущая их настроение, Верховный жрец воскликнул:

— Держать строй! Вы — brave воины Мохенджо-Даро! Вместе мы справимся с этим!

Натиск толпы не ослабевал. Копья стражников работали без устали, но потери несли и они. Нет-нет, да кто-то из жителей изловчится, да вытащит зазевавшегося воина из сомкнутого строя, ухватившись за черенок копья. Однако ряды стражников не рассыпались. Бронзовые наконечники продолжали собирать свою кровавую жатву.

Когда до ворот Цитадели оставалось всего несколько локтей, Чудамани обернулся и

крикнул караульным:

— Приготовьтесь закрывать ворота!

Те, с испуганными и бледными лицами, молча, кивнули. Мощные створки деревянных ворот загудели, когда Чудамани с охраной еще только зашел под их арочный свод. Через несколько секунд массивные двери захлопнулись перед лицом беснующейся толпы. Быстро лязгнул засов. Грохот десятков кулаков обрушился на ворота с той стороны, но запершиеся в Цитадели смогли перевести дух. Нападающим не проломить столь крепкое препятствие.

За стенами центра города стоял смог. Дыхание сдавливал едкий запах гари и дыма.

Чуть отдышавшись, Чудамани обратился к одному из караульных:

— Зернохранилище? Уверены?

— Да, Ваша Светлость, — тут же получил он ответ.

Верховный жрец побледнел и на секунду закрыл глаза:

— Как это случилось?

— Один из стражников заметил крысу и... — воин замялся, — в общем, он схватил факел и...

Чудамани выпучил глаза, а затем сорвался:

— Во имя всех духов джунглей, ты соображаешь, что говоришь?!

От гневного возгласа Верховного жреца стражник задрожал и посерел, как камень. Чудамани же не стал тратить время на расспросы.

— Надеюсь, вы уже тушите пожар?

— М-мы н-не знаем, где взять воды, — заикаясь начал, было, оправдываться стражник, но осекся.

Всегда спокойное лицо Верховного жреца перекосила гримаса ярости. Щеки налились румянцем. Глаза метали молнии.

— У вас бани под боком! Бани и целый бассейн с водой! Олухи! Ведра в руки и вперед! — взревел он.

Воина как ветром сдуло. Он даже бросил на землю свое копьё.

— Охранять ворота! — рявкнул Чудамани, отдавая приказ и направляясь в сторону зернохранилища.

Несколько стражников отправились следом за ним. Остальные выстроились напротив ворот. Хотя вероятность того, что разгневанной толпе удастся проникнуть внутрь была ничтожно мала, рисковать никто не собирался.

***

Мина проснулась от криков. Сев на кровати, она пригладила растрепанные волосы и прислушалась. Приглушенные вопли доносились откуда-то со стороны рыночной площади. Мина нахмурилась.

«Что там происходит? Продавец зелени что-то не поделил с корзинщиком? Или что? Слишком громко. Как бы не разбудили Нирупаму...».

Она встала. Мятая ночная рубашка свободно болталась на ней, словно парус в безветренную погоду. Она сильно похудела за последние дни. Переживания по поводу Анилы не давали покоя. Хоть те добрые воины и заверили ее в возможности встречи, они не сказали, когда стоит ее ожидать.

Прошлепав босыми ногами по глиняному полу, она вошла в соседнюю комнату, где

стояла кровать дочери. Стараясь не шуметь, Мина подошла к ложу и наклонилась, дабы проверить сон Нирупамы. Кровать была пуста.

***

Нирупама стояла возле проулка, ведущего к их дому, и смотрела в сторону рыночной площади, откуда доносились яростные крики и вопли.

Она услышала их еще лежа на своей кровати. Любопытство просто распирало ее изнутри. Так ей хотелось узнать, что же там происходит? Она долго ворочалась в постели, пока, наконец, не решила сходить и проверить. Увидев, что мама крепко спит, девочка осторожно взялась за засов маленькими ладошками и аккуратно отодвинула его. Тот слегка скрипнул, и Нирупама бросила опасливый взгляд на маму. Но та продолжала спать. Тогда она тихонько приоткрыла входную дверь и прошмыгнула на улицу. Будить Мину не стала. Мама бы не одобрила подобный поступок. Да и пусть поспит. От Нирупамы не скрылось, что та плохо спала в последнее время. Так, что незачем будить ее сейчас.

Она быстро добежала до выхода на главную улицу Мохенджо-Даро. Ее маленькие босые ножки шлепали по влажному проулку. Когда же она достигла его конца и посмотрела в сторону рыночной площади, то, к своему искреннему разочарованию, не смогла ничего толком рассмотреть. Слишком велико оказалось расстояние.

«Ох, ну почему мне всегда так не везет!».

Да, там толпились какие-то люди. Чей-то незнакомый визгливый голос взывал к непонятным вещам, но Нирупама не могла разобрать слов. Ее гладкий загорелый лобик прорезала морщина. Она с досады топнула ножкой. Ну, вот. Прodelать такой путь и все зазря. Подойти поближе к рыночной площади Нирупама не решалась. Ее мама могла проснуться в любой момент и заметить отсутствие дочери. И вот тогда она ей *«устроит»*. А Нирупаме совсем не хотелось, чтобы ей *«устроили»*. Девочка прекрасно помнила, что обычно следует за таким обещанием. Однажды, когда она случайно разбила большой горшок с гороховой кашей, мама заставила ее стоять в углу целый час. А это невыносимо... и скучно. Невыносимо скучно. Нет, она вовсе не желает, чтобы ей снова *«устроили»*. Поэтому, печально вздохнув, она бросила еще один разочарованный взгляд в сторону рыночной площади, а затем развернулась, дабы уйти...

Девочка застыла на месте, как вкопанная. Ее большие глаза стали еще шире. Нижняя челюсть поползла вниз. Она почувствовала легкую дрожь. словно решила пробежаться босиком под холодным зимним дождем.

Прямо перед ней на дороге стоял... стоял... она не могла понять, кто это.

«Коричневый носорог?».

Оно обладало мощным мускулистым телом. Длинную шею венчала плоская вытянутая морда. Огромный острый рог украшал голову существа. Позади в воздухе мелькал хвост. Он рассекал воздух, подобно хлысту. Хвост украшал круглый нарост, наподобие металлической гири, переливающийся янтарно-зеленым цветом.

Нирупама смотрела на существо, не в силах выдать и звука. А оно смотрело на нее своими немигающими красными глазами. И в этих глазах маленькая девочка видела угрозу. Неприкрытую явную угрозу. Однако что-то мешало ей ринуться наутек сию же секунду. Хотя она чувствовала, что может это сделать. Страх не сковал ее члены. Но некая необъяснимая сила заставляла ее оставаться на месте и смотреть в эти красные, всепоглощающие глаза.

Даже, когда существо раскрыло свою пасть, обнажая ряды мелких острых зубов, Нирупама не побежала. Из рта существа показался длинный раздвоенный язык...

«Как у кобры».

...и до ее слуха долетел тихий шепот, похожий на шелест опавших листьев.

— *С-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш.*

***

Придерживая руку у рта, Чудамани завернул за угол школы. Все пространство перед зданием зернохранилища окутывал непроглядный черный дым. Сквозь его завесу просачивались желтые всполохи пламени. Подобно языкам кобр, они извивались и поглощали все на своем пути, до чего могли дотянуться. Верховный жрец понял — спасти зерно слишком поздно. Нужно потушить пожар только для того, чтобы он не перекинулся на соседние здания. Иначе они рискуют сгореть заживо, запертые в Цитадели. Стражники уже спешили сюда, вооружившись ведрами с водой.

— Час от часу не легче, — прошептал один из телохранителей.

— Истину глаголешь, — проворчал Чудамани. В горле сильно першило от дыма.

— С другой стороны, — решил подбодрить Верховного жреца воин, — запасы легко можно пополнить. Долина Сарасвати дает в год не один урожай, верно?

— Верно, — прошептал Чудамани.

Раскрывать истинное положение дел в государстве сейчас было не время. Совсем не время.

— Тушите здание, — приказал Верховный жрец, — точнее то, что от него осталось. Иначе мы задохнемся в этой гари, — затем он обернулся к одному из стражников. — Скажи жрецам и остальным, пусть собираются у восточных ворот Цитадели. Они дальше всего находятся от пожара и дыма.

— Да, господин, — отчеканил стражник, бросаясь выполнять поручение.

— Ваша Светлость!

Чудамани обернулся. К нему на всех порах бежал один из воинов, охранявших ворота Цитадели. На бледном лице застыло выражение тревоги. У Верховного жреца екнуло сердце.

«Богиня-мать, неужели? Неужели прорвались?!».

— В чем дело? — он постарался, чтобы его голос не дрогнул.

— За воротами... — попытался ответить стражник, однако зашелся кашлем.

Чудамани терпеливо ждал, пока воин сумеет совладать со своим дыханием. Наконец, спустя минуту тот продолжил. Эта минута показалась Верховному жрецу одной из самых долгих в его жизни.

— За воротами происходит нечто странное.

— Странное? — брови Чудамани поползли вверх.

— Оттуда доносятся крики...

— Ничего странного, — резко отмахнулся Верховный жрец. На его красивой тунике начинали проступать пятна от сажи. — Толпа беснуется. А Панишвар, этот свинопас, и вовсе...

— Ваша Светлость, — перебил стражник, — это не те крики.

От тона прибежавшего воина Чудамани стало не по себе. Он даже на секунду забыл о пожаре, свирепствующем в каких-то десяти локтях от него.

— Не те? — переспросил он. — Что значит, не те?

Стражник нервно сглотнул:

— Они отчаянные. Испуганные. Я... я не знаю... как еще пояснить... они леденят душу.

Ваша Светлость! — воин снова закашлялся, его тело свело судорогой.

Чудамани почувствовал, как засосало под ложечкой.

— Руководи тушением пожара, — бросил он одному телохранителю и, в сопровождении второго, двинулся обратно к воротам.

— Что там происходит? — с тревогой спросил страж.

— Понятие не имею, — Чудамани ощущал, как нервозность его телохранителя начинает распространяться и на него самого.

— Быть может, Панишвар прав? Богиня-мать карает нас за грехи?

Верховный жрец не ответил. С мрачным и встревоженным лицом, на котором проступали следы копоты, он продвигался в сторону западных ворот Цитадели.

***

— Ну? И где ваши крики? — произнес Чудамани, подходя к столпившимся у ворот воинам.

Все, как один, посмотрели на Верховного жреца, и тот уловил в их глазах страх.

Чудамани поежился и прислушался. Однако ничего, кроме треска горевшего здания зернохранилища, не услышал.

— Так, зачем меня звали?! Где крики-то?!

Один из караульных, с дергающимся глазом, выдавил:

— Они только что стихли, Ваша Светлость.

— Стихли?

— Внезапно стихли.

Чудамани недоуменно окинул взглядом отряд воинов. Большинство из них быстро закивали, подтверждая слова стражника.

— Вы надо мной подшутить решили? — Верховный жрец почувствовал, как начинает злиться. Он всегда отличался терпеливой натурой, однако сегодняшний день преподнес ему слишком много сюрпризов. И они были вовсе не из тех, что ждешь получить в подарок от близкого родственника. Такие сюрпризы хочется закопать в лесу и больше о них не вспоминать. Никогда. — Так, вы выбрали не то время для шуток! Соскучились по ударам плетью?!

— Ваша Лучезарность! — затараторил караульный с дергающимся глазом. — Клянусь Богиней-матерью, мы говорим правду!

По рядам воинов прошел одобрительный гул.

Тяжело выдохнув, Чудамани решительным шагом подошел к массивным воротам Цитадели, приложил ухо к деревянной поверхности и прислушался.

— Мы их точно слышали! — продолжал караульный. — Жуткие крики...

Чудамани вскинул правую руку, призывая того замолчать.

— Если ты прекратишь болтать, то мне будет проще разобраться в этом дерьме, — раздраженно бросил он.

Караульный внял требованию Верховного жреца. Все находились в весьма плачевном состоянии духа. Многие были на грани нервного срыва. То, что произошло сегодня,

выходило за рамки мироздания. Полыхающий пожар за их спинами не добавлял оптимизма. Поэтому никто не обратил внимания на грязное словечко, слетевшее с уст Чудамани. Верховный жрец также находился на пределе своих сил, хоть и тщательно скрывал это от подчиненных. Негоже показывать перед ними свою слабость.

Чудамани напряг слух и вслушался в то, что происходило по ту сторону ворот.

Стражники затаили дыхание и тоже наострили уши. В наступившей тишине было отчетливо слышно их прерывистое дыхание. Где-то позади раздавались приглушенные голоса людей, занятых тушением того, что осталось от зернохранилища.

Снаружи не доносилось и звука. Чудамани еще крепче прижался ухом к воротам. Ничего. Совсем ничего. Верховный жрец почувствовал, как мурашки побежали по его спине.

«Они разошлись по домам? Или затаились? Но стражники говорят, что... это уловка?»

Он вновь напряг слух, однако, как ни старался, не смог уловить даже подобие звука или шороха. До него долетал лишь шум прерывистого дыхания взволнованных стражников, да отдаленные голоса людей, тушивших пожар.

— Что же происходит? — пробормотал Чудамани.

В его голове боролись две мысли.

«Открыть ворота? Но... что если это ловушка? Западня? С другой стороны... мы не сможем сидеть здесь вечно. Зернохранилище сгорело. Нам нужна еда...»

Верховный жрец обернулся к воинам.

— Становитесь в строй, — тихо приказал он, — осторожно откроем ворота и взглянем, что там.

Стражники начали спешно выполнять приказ. В их действиях отчетливо угадывалась тревога, граничащая с паникой. Чудамани боялся, что последняя может разразиться в любой момент. Он сам ощущал ее предательскую хватку на сердце. Однако разумом Верховный жрец понимал — если поддаться ей, то все будет кончено.

Воины выстроились в плотную линию, оцетинившись копьями, подобно дикобразу. Чудамани занял место позади них.

— Открывай, — шепотом приказал он.

Двое караульных бросились к рычагу. Спустя мгновение массивные ворота со скрипом начали отворяться. Стражники безмолвно наблюдали за тем, как могучие створки медленно открываются. Никто не решался произнести и звука. Все затаили дыхание. Через томительную минуту ожидания вход в Цитадель был полностью открыт.

Чудамани не мог различить что-либо за спинами своих воинов.

— Видите что-нибудь? — спросил он.

Реакция стражников была красноречивее всяких слов. Чудамани услышал, как нескольких из них скрутили рвотные спазмы. Двое выронили копья и схватились за лица, прикрывая рты ладонями.

— Спаси нас, Богиня-мать! — взвыл один из них.

От его вопля у Верховного жреца волосы на голове встали дыбом. Не вполне отдавая отчет своим действиям, он растолкал линию воинов и вышел вперед. Те даже не сопротивлялись, внезапно превратившись в подобие истуканов на глиняных ногах. То, что предстало взору Чудамани, заставило его похолодеть. Настолько, словно он очутился высоко в горах безо всякой одежды, а внутрь ему засунули целую лопату снега. Пот прошиб все тело. Сердце подскочило прямо к гортани, будто норовило выпрыгнуть изо рта. Его затрясло. Да

так сильно, что туника пошла рябью, как вода под действием ветра.

Они были здесь. Те, кто преследовал их до ворот Цитадели. Они были здесь. Под стенами крепости. Но Чудамани не мог смотреть на них слишком долго. Он боялся. Боялся, что если задержит взгляд еще хотя бы на секунду, то повредится рассудком. Его взор сместился чуть в сторону и упал на створки ворот. С внешней стороны они были красными. Красными от крови.

Мина выскочила за дверь, как опшаренная. Ее широко раскрытые глаза испуганно озирались по сторонам. Справа темный и влажный проулок уходил на восток, теряясь посреди густой одинаковой бедняцкой застройки. Слева в отдалении виднелся солнечный свет — там, где подворотня заканчивалась выходом на главную улицу Мохенджо-Даро. Мина пристально всмотрелась в ту сторону. Ее взгляд заметил одинокую фигурку в белоснежной юбке, стоящую в конце проулка.

Не медля ни секунды, Мина побежала к дочери. Брызги из-под ее босых ног разлетались в разные стороны, попадая на светлую ночную рубаху. На подоле одежды оставались грязные пятна, но женщина не замечала их. Все ее внимание было приковано к Нирупаме. Дочь стояла в пол-оборота к ней, глядя в сторону рыночной площади. Оттуда до ушей Мины продолжали долетать странные крики и звуки. Однако в настоящий момент она не придавала им значения.

— Нирупама!

Та не откликнулась на ее голос. Слово и не слышала вовсе. Девочка продолжала заморожено смотреть в сторону рыночной площади. Стиснув зубы, Мина продолжила бег по сырому проулку. В ногах появилась слабость.

Когда их стало разделять всего с десяток локтей, она позвала вновь:

— Нирупама!

Дочь вздрогнула, будто от прерванного сна, и обернулась.

— Мама? — ее глаза были широко раскрыты.

Мина выбежала из проулка и заключила девочку в объятия.

— Почему ты ушла?!

— Мне стало интересно, что это за шум? — виновато пролепетала та. — А ты так крепко спала... я не стала тебя будить.

Мина слегка отстранилась и посмотрела дочери в глаза, продолжая держать руки на хрупких плечиках Нирупамы.

— Больше не уходи без спроса из дому, хорошо? Помнишь, что сказал тот дядя стражник? На улицах сейчас неспокойно.

Та быстро закивала. Девочка очень надеялась, что ей за это ничего не «устроят».

Мина поднялась на ноги:

— Идем.

— Ты спугнула носорога! — внезапно воскликнула Нирупама, хлопая огромными ресницами.

— Какого носорога? — непонимающе переспросила та.

— Большого, коричневого, — живо пояснила дочь, — он мне папу показал.

Мина вздрогнула:

— Что?!

— Да! — с жаром воскликнула она. — Он деревья рубил и на плоты складывал. А от него бежали звери и улетали птицы... — тут девочка запнулась, — им страшно было.

— Хватит придумывать, — отмахнулась Мина, начиная испытывать легкое раздражение. — Знаю, ты скучаешь по отцу. Я тоже. Но это не повод для...

— Я не придумываю! — надула губки Нирупама. — носорог сказал...

— Что тебе нельзя выходить на улицу без разрешения, — резко перебила ее Мина и, ухватив дочь за руку, потащила в проулок.

— У него еще глаза красным светились! — не унималась Нирупама.

— И как же твой носорог проник в город? — хмыкнула Мина, продолжая движение по проулку.

— Не знаю, но он...

— Хватит, — устало оборвала она, — не забудь вымыть ноги, когда вернемся домой. И ни слова о говорящих носорогах!

***

Девадат сидел на кровати в комнате лекаря и смотрел в окно. Отсюда открывался хороший вид на зернохранилище. Точнее то, что от него осталось. Серые глаза бывшего Верховного жреца равнодушно следили за тем, как стражники пытались потушить беснующееся пламя. Получалось у них это с большим трудом. Наверняка, где-то среди них трудится водоносом и тот учтивый воин, что соизволил проводить раненого старца до здания врачевателя. Стражник покинул Девадату, едва заметил вспыхнувшие языки пламени и кричащего товарища, которого оставил на страже зернохранилища. Тот выбежал из здания, неистово размахивая руками и с ожогами по всему телу...

Наблюдая за отчаянными попытками людей справиться с огнем, Девадат тихо прошептал:

— Какой смысл?

«Мы похожи на муравейник, в который наступила нога случайного путника. Но муравьи сами виноваты в том, что попали под человеческую сандалию. Ведь их муравейник стал слишком большим. А муравьи — слишком беспечными, чтобы заметить угрозу».

Взволнованный голос, искаженный хрипотой, прервал его размышления.

— Оно было ложным.

Девадат вздрогнул и обернулся на звук. В проходе стоял Чудамани и смотрел на бывшего Верховного жреца. Его кожа была покрыта сажей, однако она не могла скрыть мертвенной бледности лица. Чудамани ухватился правой рукой о косяк. Его слегка шатало.

— Что? — переспросил Девадат.

— Видение было ложным, — прохрипел Чудамани, — он здесь... Демон здесь.

Девадат смерил Верховного жреца спокойным взглядом, а затем сказал то, от чего тот едва не упал на пол.

— Да, я знаю.

Чудамани пошатнулся. Костяшки на руке, которой он держался за косяк, побелели пуще соли.

— Ты... ты... ты знаешь?! Ты... знаешь?

— Да, знаю, — спокойно повторил Девадат и демонстративно отвернулся к окну.

У Верховного жреца перехватило дыхание. Он смотрел на Девадату выпученными глазами. Спутанная борода и грязная туника придавали ему вид нищенствующего странника. Спокойствие и равнодушие своего предшественника поражали Чудамани.

— Зачем? — только и смог выдавить из себя он.

Девадат хмыкнул. Его губы подернула вялая усмешка.

— Он делает то, что должен.

— Ты о демоне?! — выдохнул Чудамани.

— Он не демон, — тихо возразил Девадат, — хотя для нас может и казаться таковым, — наступила небольшая пауза, после которой тот продолжил, — он зовет себя Сирруш.

— Кто?

— Великолепный змей, — холодно произнес Девадат.

— Откуда ты знаешь?

Чудамани облокотился спиной о дверной проем. Ноги стали, как ватные. Душевные силы быстро покидали его.

Девадат вновь обернулся к Верховному жрецу. В его глазах застыло ледяное и пугающее спокойствие. Оно жутко контрастировало с тем ужасом и суматохой, что царили вокруг.

— Он сам мне об этом поведал.

— Ты бредишь, — неуверенно произнес Чудамани.

Девадат улыбнулся чуть шире:

— О, нет, старый друг. Мой разум ясен, подобно солнцу. С тех самых пор, как я повстречал его к северу от Мохенджо-Даро.

Чудамани, молча, ждал продолжения рассказа бывшего Верховного жреца. Он знал, что Девадат продолжит. И тот не заставил себя долго ждать.

— Он раскрыл мне глаза. Показал истину. При первой нашей встрече я думал, что меня ждет заслуженный конец. Ведь это я приказал начать вырубку леса в верховьях Синдху. Нам нужна была древесина для обжига.

Он прервался и посмотрел в окно. Чудамани терпеливо ждал, чувствуя, как силы окончательно покидают его.

— Но Сирруш пощадил меня тогда, — глядя в окно, продолжил Девадат, — ибо мне была уготована роль. Роль искупления.

— Искупления? — просипел Чудамани.

— Да, — он обернулся, — искупления своих поступков. Это я отправил Шанкара по ложному следу. Это я ослабил стражу возле зернохранилища.

— Но твоя рука?!

— А, это, — Девадат перевел взгляд на окровавленную повязку, — мелочи. Нужно было выглядеть убедительно в ваших глазах.

— Зачем?

— Я уже говорил, — пожал плечами бывший Верховный жрец, — искупление.

— Вырубка несчастного леса стоит страданий целого народа?! — несмотря на слабость, возмутился Чудамани.

— Дело не только в джунглях, — покачал головой Девадат, — мы использовали дары Богини-матери слишком долго. Слишком беспечно. Давно ли ты видел диких зубров?

Чудамани промолчал. Последнее, что его сейчас заботило, так это дикие зубры.

— Вот именно, — ответил на его молчание Девадат, — их больше нет. Мы слишком долго испытывали терпение богов, злоупотребляя их дарами. Вырубка леса стала последней каплей.

— Быть может, и засуха в Сарасвати их кара? — язвительно подметил Чудамани.

— Нет. То лишь последствия человеческой глупости.

— Это демон тебе сказал?

— Сирруш? — улыбнулся Девадат. — Он не умеет говорить. Нет, великолепный змей показал мне. Все. Указал на ошибки и то, что нужно сделать, дабы их исправить.

— Уничтожить цивилизацию?! — ноги Чудамани подкосились, однако он сумел с трудом устоять.

— Такова наша кара, — губы Девадата продолжали расходиться в спокойной улыбке, от которой кровь стыла в жилах. — Нужно вернуть равновесие в мир. Равновесие, которое мы нарушили своими поступками.

— А ты уверен в этом? — внезапно задал вопрос Чудамани, несколько сбивая того с толку.

— Уверен? В чем?

— В том, что это не очередные видения, посланные демоном? Что он не одурманил твой разум, выдав то, что ты хотел бы увидеть сам?

— Нет, — резко отвернулся Девадат, — Сирруш не стал бы так поступать со мной. Он — великолепный змей! Он — посланник Богини-матери!

В этот момент силы окончательно покинули Чудамани. Медленно, сползая по косяку, он осел на пол. Верховный жрец издал смешок, в котором смешалось отчаяние и нотки истерики.

— Ты безумен, Девадат. Как Анил. Как Брасид. Этот демон затуманил тебе мозги.

— Можешь думать, что хочешь, — тихо отрезал тот, — я знаю истину.

— Ты такой же, как Панишвар, — устало выдохнул Чудамани.

— Когда он придет за тобой, то поймешь, что я прав, — не обращая внимания на слова Верховного жреца, молвил Девадат. Он продолжал смотреть в окно.

Пожар начинал постепенно затухать, однако клубы черного дыма все еще поднимались в небо от зернохранилища.

Верховный жрец пробежал отсутствующим взглядом по комнате. События этого дня сильно подкосили его. Все развивалось так стремительно и внезапно, что полностью выбило из колеи. Он не знал, как поступить дальше. Что делать? Зернохранилище уничтожено. Долина Сарасвати больше не приносит плодов. А по округе рыскает кровожадный демон, потревоженный от своей спячки. Нет, Чудамани не верил в слова Девадата о карающем перстне. Речи бывшего Верховного жреца больше походили на безумие. Чтобы Богиня-мать наслала на своих детей верную гибель в виде зверя? Да она спокойно могла обойтись голодом и засухой в долине Сарасвати! Чудамани скорее был склонен поверить в то, что лесорубы ненароком потревожили невиданное чудовище, вступив на его территорию, когда начали махать своими топорами налево и направо.

«Я все еще Верховный жрец Мохенджо-Даро, — пронеслось у него в голове, — мои люди устали и напуганы. Я нужен им. Не время раскисать. Стоит подумать о припасах, защите от демона и о том, что делать дальше».

Эти мысли придали Чудамани сил. Опершись о косяк, он встал на ноги. Голова кружилась. Тело охватывала предательская слабость. Но он мог держаться более-менее уверенно.

Бросив презрительный взгляд на Девадата, продолжавшего смотреть в окно, Верховный жрец вышел из комнаты.

***

Сидя на белоснежном коне, Шанкар угрюмо наблюдал за тем, как два крепких крестьянина в серых рубахах взваливают очередной мешок с зерном на внушительных

размеров телегу. Ветер трепал их одежду, словно парус рыбацкой лодки. Жар, доносящийся с востока, обжигал кожу. Солнечные лучи заставляли щурить глаза.

Абхе была рядом. Вороная кобыла под ней нетерпеливо пофыркивала в ожидании долгого пути. Лицо девушки накрыло выражение грусти и тоски.

— Что с тобой? — поинтересовался Шанкар, хотя сам не находил повода для веселья.

Раны на правой руке и груди зажили за неделю и больше не кровоточили при неосторожных движениях. Однако шрамы, оставленные острыми когтями синха, все еще скрывались под плотными повязками.

— Ничего, — тихо ответила она, — просто не хочу покидать это место. Все-таки деревня — мой дом.

Охотник слегка приподнял бровь:

— Помню, ты желала уехать отсюда, во что бы то ни стало.

Она обернулась:

— Тогда я была уверена, что смогу возвращаться сюда, когда захочу. А теперь... — ее голос слегка дрогнул, — а теперь я знаю, что покидаю Сарасвати навсегда. Скоро здесь будет лишь зной и песок.

Шанкар не ответил. Ибо не мог подобрать подходящих слов. Все было ясно и без них.

— Осторожно! — крикнул один из крестьян. — На эту телегу все! Иначе рассыпешь все зерно по дороге. Давай грузить другую.

Абхе и Шанкар окинули взглядом деревню.

Переход в Мохенджо-Даро будет долгим и тяжелым. Их будут замедлять телеги с зерном. Воины отдадут скакунов женщинам с детьми, но для них это будет нелегким испытанием все равно. Однако выбора нет. Остаться в долине Сарасвати нельзя.

К ним подъехал Балдев:

— Скоро отправляемся.

Шанкар, молча, кивнул.

Воин посмотрел на восток. Туда, где виднелись заграждения от навеваемого ветром песка, и удрученно прошептал:

— И что же теперь?

— Доберемся до города, обустроим людей и перенесем запасы в хранилище, — ответил охотник.

Балдев сокрушенно покачал головой:

— Я не о том.

— А о чем же?

Воин посмотрел охотнику прямо в глаза, и тот увидел полное смятение и растерянность во взгляде Балдева.

— Как нам жить дальше? Житницы больше нет. Запасов надолго не хватит. А рядом бродит демон, готовый разорвать тебя на куски. Я не знаю, о чем думать?! — он вновь обреченно покачал головой.

Шанкар прекрасно понимал его, ибо сам терзался такими же вопросами. Ему с трудом удавалось держать собственный разум под контролем, не поддаваясь отчаянию и панике. Разум, на который демон наложил-таки свой отпечаток. Теперь он был уверен в этом наверняка. Пугающие видения Нилам в бассейне и здесь, в комнате привратника, были яркими тому доказательствами.

«Неужели это со мной до конца? До конца моих дней?».

Шанкар постарался отвлечься от дурных мыслей.

— Давайте сначала вернемся в Мохенджо-Даро, — мягко сказал он, — сейчас это самое важное. А затем подумаем об остальном.

— Да о чем тут думать?! — воскликнул Балдев, но, увидев хмурое и серьезное лицо Шанкара, немного остыл.

— Соберись, воин, — чуть строже молвил охотник, — и выстройтесь вокруг обоза живым кольцом. На всякий случай.

— Если демон нападет, это никого не спасет, — обреченно произнес Балдев, отворачиваясь, чтобы отдать распоряжение.

— Не спасет, — кивнул Шанкар, — но людям знать сие ни к чему. Нельзя сеять панику. Но они должны чувствовать нашу защиту. Что мы не бросим их.

Не оборачиваясь, Балдев кивнул, а затем направился к своим воинам. Шанкар задумчиво смотрел ему в след.

— Наша жизнь не будет прежней, так ведь? — глухо спросила Абхе.

Шанкар обернулся к дочери старосты. Порывы жаркого ветра трепали ее пышные волнистые волосы. Орлиный нос с вызовом смотрел прямо на него. В черных глазах пылало желание узнать честный ответ.

Охотник помедлил прежде, чем произнес:

— Нет. Не будет.

Абхе кивнула. Ее лицо стало еще мрачнее. Однако, вместе с тем, к ней будто бы пришло осознание того, что происходит вокруг них. А следом за ним явилось и смирение.

— Значит, пора двигаться дальше, — изрекла она, окидывая взглядом пустеющую деревню, по улицам которой начинал гулять ветер с примесью песка.

Шанкар с интересом взглянул на девушку.

— Говоришь, как мудрец.

— Сама удивляюсь, — горько хмыкнула Абхе.

— Но ты права, — Шанкар слегка дернул поводья, — пора двигаться дальше, — он посмотрел, как двое крестьян уложили последний мешок с зерном на очередную телегу, — и начнем прямо сейчас.

— Верно, — Абхе тряхнула головой, сбрасывая оцепенение.

— Твой отец готов?

— Я всегда готов, — послышалось позади хриплое и недовольное ворчание.

Они обернулись.

Нараян стоял в дверях собственного дома. Его плечи и спину покрывал походный плащ. Однако он не походил на обычные походные плащи. Пурпурного цвета, со вкраплением фиолетовых ниток, он скорее напоминал одеяние жреца. Его украшал рисунок цапли. На поясе красовался короткий кинжал с позолоченной рукояткой.

— Я всегда готов, — повторил староста, — только дайте мне пару минут.

Шанкар понимающе кивнул.

Нараян же развернулся лицом к своему жилищу и, молча, окинул дом пристальным взглядом. Со стороны казалось, что он ищет изъяны и трещины в кладке обожженного кирпича, чтобы потом как следует отчитать нерадивого строителя. Однако охотник прекрасно понимал, что староста просто хочет сохранить в памяти дом, в котором прожил большую часть жизни. Ведь он покидает его. Покидает навсегда. Простояв в полном безмолвии около минуты, Нараян аккуратно прикрыл входную дверь, несколько лишних

мгновений подержав ладонь на ручке. Сильный порыв ветра всколыхнул его соломенные волосы. Морщинистое лицо под влиянием чувств стало походить на сушеный изюм. Тяжко выдохнув, староста развернулся и направился к конюшне.

— У вас есть знакомые в Мохенджо-Даро? — спросил Шанкар.

— Откуда? — бросила Абхе.

— Значит, вы не знаете, где остановитесь.

— Присмотрим что-нибудь, — она пожала плечами.

— У меня есть свободная комната, — сорвалось у него с языка.

— А, так ты приглашаешь? — Абхе вскинула брови и с вызовом посмотрела на охотника.

— Ну...

— Будем рады, — она улыбнулась.

Шанкара изумила ее реакция:

— Разве ты на меня не сердишься?

Абхе вздернула свой орлиный нос:

— Ну, должна же я получить что-то от тебя. Тем более, после того, как ты изрядно потрепал мне нервы.

У охотника отвисла челюсть. Он уже собирался возмутиться. Сказать, что никаких нервов ей не трепал, однако в их беседу вновь вклинился Нараян. Староста приблизился, восседая на гнедой кобыле.

— Я с тобой ночевать не собираюсь. А сниму комнату в борделе и напьюсь, как свинья, — староста выждал паузу, а затем добавил, — с горя можно. К тому же, на мне больше не лежит груз ответственности за сбор и хранение урожая.

— Опять ты... — начала, было, Абхе, но Нараян отмахнулся.

— А-а-а, ты можешь ночевать, где хочешь.

— Приятно слышать о твоей заботе, папочка, — съязвила она, скривившись.

— Ладно, оставим это на потом, — прервал их Шанкар, — пора в путь.

Более дюжины телег, груженных зерном, в которые были запряжены зебу, выстроились небольшим караваном у дороги, ведущей в сторону Мохенджо-Даро. Впереди и позади них постепенно выстраивались и жители деревни. С мрачными и угрюмыми лицами, они походили на узников темницы, приговоренных к многолетнему заключению. В их глазах мелькала неопределенность. Неопределенность и страх перед будущим. Спешившиеся воины взяли обоз в живое кольцо. Лошадей передали женщинам и маленьким детям. Пусть скорость передвижения и будет низкой, но длительный переход они точно не выдержат на своих двоих. Да и в седле им будет нелегко, так что придется делать привалы. До столицы они доберутся нескоро.

На дальнем восточном конце деревни послышался грохот. Обернувшись, Шанкар увидел, как под порывами ветра рухнул частокол и несколько заграждений от наносимого песка. Сердце сжалось от осознания того, что этот, некогда цветущий и плодородный край, умирает у него на глазах.

«И в этом виноваты мы сами. Некого винить, кроме себя».

— Все готово, — сообщил подошедший Балдев.

— Тогда выступаем, — кивнул Шанкар.

Вереница двинулась вперед по дороге, уходившей на запад. Тракт шел через поля, покрытые сухой желтой травой и терялся на горизонте, где начиналась полоса джунглей.

Вновь охотник покидал долину Сарасвати. Только на этот раз — уже навсегда.

Амрит гнал вороную лошадь вперед. Длинные черные волосы развевались на ветру. Правая рука крепко держала древко копья. Воин старался преодолеть расстояние от долины Сарасвати до стен Мохенджо-Даро в максимально короткий срок, при этом не загнав кобылу вусмерть. Участь топтать пешком оставшуюся часть пути отнюдь не привлекала его. Особенно учитывая то, что последний отрезок дороги проходил через густые джунгли, в которых мог скрываться *он*. Демон, не знающий жалости и сострадания. Демон, которому нужна кровь. Их кровь.

Отряд во главе с охотником не нашел чудовище в долине реки Сарасвати. Вместо него они наткнулись на странную повозку, запряженную двумя жеребцами. Но Амрита сейчас эта находка волновала в последнюю очередь. Очевидно, видение бывшего Верховного жреца Девадата оказалось ложным. Но Амрит прекрасно помнил лицо Шанкара, когда тот, израненный острыми когтями синха и весь в крови, вернулся к отряду. Охотник сомневался в том, что видение вообще имело место быть.

«Неужели Девадат соврал? Но для чего?».

Амрит не знал ответов на эти вопросы, и они лишь подгоняли воина вперед — скорее вернуться в Мохенджо-Даро и поведать о случившемся Верховному жрецу Чудамани. Уж он-то поймет и решит, как поступить дальше.

Когда вороная лошадь вступила на ту часть дороги, что проходит через джунгли, Амрит почувствовал, как его сердце непроизвольно ускорило ритм. Если демона нет в долине Сарасвати, значит, он может скрываться где угодно. И эта плотная зеленая завеса из лиан и пальм по обе стороны тракта — идеальное место для засады. Воображение воина то и дело рисовало перед взором жуткое рогатое создание, прячущееся за очередным толстым стволом сала. Иногда ему даже чудилось, что он видит чьи-то глаза. Яркие красные глаза, сверкающие во тьме чащи, подобно далекому пламени. Амрит желал проскочить этот участок дороги, как можно скорее. Никаких иллюзий, касаемо своего имени, он не питал[1].

Ночь сгустилась над долиной Синдху, когда Амрит, к своему несказанному облегчению, выехал из полосы джунглей и увидел впереди высокие стены из обожженного кирпича.

— Хвала Богине-матери, — вырвался у него вздох облечения. — Я добрался. Я здесь. Я — жив!

Он подстегнул кобылу. Все равно скоро та сможет отдохнуть в казенной конюшне, вдоволь наевшись сена и испив прохладной воды.

Небо заволокло плотной пеленой облаков, сквозь которую не пробивался лунный свет. В окружающем мраке воин ощущал себя неудобно. Он то и дело озирался по сторонам, опасаясь увидеть зверя, притаившегося во тьме. Ветра не было, поэтому деревья стояли в полном безмолвии. Амриту хотелось поскорее оказаться по ту сторону городских стен. Там он сможет почувствовать облегчение.

Однако, стоило Амриту приблизиться к восточным воротам, тревога внутри него не только не утихла, она разрослась еще больше. Словно паутина, плетенная пауком, она медленно окутывала каждую клеточку сознания, вызывая нехорошее предчувствие. А сам он ощутил себя мухой, неосторожно попавшей в коварные сети. Воин постарался сдержать подступившую дурноту, когда тот увидел, что массивные створки ворот Мохенджо-Даро распахнуты настежь. Насколько он помнил, стражники всегда закрывали их на ночь. И уж

тем более после того, как Верховный жрец своим указом запретил передвижение по дорогам.

На полном скаку проехав через арку, Амрит резко затормозил. Лошадь недовольно фыркнула. Ее ржание эхом разнеслось по ночному городу.

— Конюх, принимай! — крикнул Амрит, спрыгивая на землю.

Ответом ему была тишина.

Он развернулся в сторону стойла. Там никого не было. Возле коморки конюха не горели факелы. Стража у ворот тоже отсутствовала.

Амрит нахмурился:

— Да где всех носит, синха вас подери... — он осекся.

Его взгляд скользнул по земле возле ворот. Воин увидел большую запекшуюся лужу крови. От нее шел небольшой след в виде капель. Словно тот, кому принадлежала кровь, пытался отойти от ворот в сторону каморки конюха. Затаив дыхание, Амрит проследил за тем, куда ведет след. Тот обрывался, не доходя до здания пары локтей. Словно человек испарился в воздухе. Нервно сглотнув, воин непроизвольно поднял глаза вверх, к крыше коморки. Его сердце заколотилось, как после пробежки, когда он увидел свисающие вниз чьи-то ноги...

Тяжело и глубоко дыша, Амрит вскинул копьё и напрягся. Внутри зрело желание немедленно броситься наутек, в сторону Цитадели. Ее силуэт мрачно виднелся во тьме ночи. Однако ему удалось совладать с приступом паники. На мгновение, прикрыв веки, воин заставил себя успокоиться. Частично ему это удалось. По крайней мере, паника уступила... ее место заняла сильная тревога.

«Он здесь? Демон здесь? В городе? О, боги, нам ведь тогда конец! Так, спокойно. Я ведь не знаю точно. Быть может, это просто голодный синха прорвался сквозь ворота. Да, стражники забыли закрыть створки, вот он и...».

Амрит издал нервный смешок. Он сам прекрасно понимал, насколько глупым и бессмысленным звучит сие предположение.

— Доберусь до Цитадели, — вслух прошептал он, — а там видно будет.

Звук собственного голоса благодатно подействовал на воина. Он сумел окончательно взять себя в руки. Амрит медленно начал продвигаться в сторону главной улицы. Город был окружен в полную тишину, что заставляло держаться настороже и вслушиваться в каждый возможный шорох. Амрит оказался так погружен в собственные мысли, что напрочь забыл о вороной кобыле, которую он оставил возле восточных ворот. Однако лошадь оказалась сообразительной и не растерялась. Когда воин вступил на основную улицу, та уже вовсю уплетала казенное сено из кормушки, довольно помахивая хвостом.

Амрит опасливо озирался по сторонам. Одинаковые дома, стоящие по обе стороны дороги, безмолвно тарацились на него своими окнами из-под полуприкрытых ставней. Воин чувствовал себя неуютно. Факелы не горели. Людей и стражников не было видно. С округи не доносилось ни звука. Только хруст известняка под подошвами его сандалий нарушал стоявшую тишину. И в этом полном безмолвии он звучал подобно отдаленному раскату грома. Амрит вновь, чуть было, не сорвался на бег. Ему очень хотелось поскорее пересечь город и оказаться за стенами Цитадели. Узнать, что произошло и поделиться новостями из долины Сарасвати. Но чем глубже он уходил в Мохенджо-Даро, тем сильнее крепло внутри него чувство, что здесь произошло нечто страшное.

Он уже прошел вперед достаточно далеко, когда до его ушей донесся едва уловимый

шорох. Амрит резко остановился и задержал дыхание. Воин напряг слух.

«Это вправду был шорох, или просто камешки хрустят у меня под ногами?».

Ответ на этот вопрос пришел довольно быстро. Спустя пару секунд шорох раздался снова. Он доносился откуда-то слева. Амрит медленно повернул голову на подозрительный звук. С той стороны улицы во мраке виднелся силуэт дома. В отличие от большинства других, он стоял не прямо у дороги, а немного в глубине. Впереди перед окнами раскинулся небольшой палисадник, в котором рос белый жасмин. Шорох раздавался именно оттуда. Воин отчетливо увидел, как ветки кустарника покачнулись. Руки воина инстинктивно вцепились в копьё.

«Идти дальше... или проверить?».

Амрит застыл в нерешительности. Несколько секунд он обдумывал, как поступить и, в конце концов, решил не отвлекаться на посторонние звуки. Цитадель — вот его цель.

Он уже хотел двинуться дальше, как вдруг услышал тихий шепот. Кто-то звал его.

— Пс, эй. Иди сюда.

Амрит вздрогнул и обернулся. Голос доносился из палисадника. Воин нахмурился и направил бронзовый наконечник копья в ту сторону.

Цветки жасмина вновь дрогнули, и из-под них раздался испуганный шепот:

— Эй, ты чего, сдурел что-ли?! Опустит палку!

— Кто ты? — хрипло спросил Амрит.

— Каран я.

— Каран?

Кажется, воин знал это имя. Смуглый мальчишка. Раб госпожи Пратибхы, что живет недалеко от восточных ворот.

— Ну, да, — буркнул голос.

— Покажись, — шепнул воин, немного расслабляясь, но копьё все-таки не опустил.

Послышался вздох и недовольное ворчание. Белые цветы расступились, и из-под них показалась курчавая голова мальчугана. Загорелый паренек встал во весь свой рост и облокотился острыми локтями о деревянный заборчик палисадника. Его глаза сверкнули в темноте.

Амрит облегченно вздохнул и опустил копьё.

Каран же быстро махнул рукой и зашептал:

— Да не стой ты там столбом. Иди сюда! А то еще демон увидит!

Воин вздрогнул.

«Демон? Значит, он здесь? Богиня-мать...».

Амрит не стал заставлять упрашивать себя дважды. В мгновение ока он пересек улицу и остановился возле палисадника. Каран выглядел испуганным и растерянным, но на удивление держался молодцом.

— Ты видел демона?

Паренек закивал.

— Он в городе?

Каран снова закивал:

— Да, только давай в доме поговорим. Здесь много чего случилось.

— Много чего? — переспросил Амрит.

— Да-да, — нетерпеливо бросил Каран, оглядываясь, — давай, не медли, проходи в дом. Воин перемахнул через заборчик и приземлился в палисаднике. Несколько стебельков

жасмина сломались под его весом.

— Извини, — бросил он Карану.

— Да пёс с ними, — буркнул тот, быстро подбегая к входной двери.

Амрит поспешил следом. Мальчишка толкнул деревянную дверь, и воин прошмыгнул в темное помещение. Как только он зашел внутрь, Каран, стараясь не шуметь, осторожно прикрыл вход и ловко задвинул засов. Тот встал в пазы с глухим стуком.

— Проходи на кухню, — кивнул мальчуган, — госпожа, наконец, уснула. Не будем ей мешать.

Амрит согласился. Он помнил, что Пратибха женщина уже немолодая. Не стоит тревожить ее лишней раз. Миновав на цыпочках комнату хозяйки дома, воин прошел на кухню и облегченно рухнул на табурет за столом. Каран прошмыгнул следом и зажег терракотовую остроносую лампу. Оконные ставни оставались закрытыми. Когда мальчуган сел напротив него, Амрит заметил, как напряжено его лицо.

— Рассказывай, давай, — зашептал воин.

— Дела плохи, — также шепотом ответил Каран.

— Это я и сам догадался.

— Демон прорвался в город.

— Как?

— Не знаю, — сокрушенно покачал головой мальчик, — я видел, как он пронесся по дороге в сторону рыночной площади. Здоровая туша.

Амрит похолодел:

— Он пробежал в сторону Цитадели?

Каран закивал.

— И больше ты его не видел?

— Нет.

— Давно это было?

— Вечером.

— Значит, он может быть в городе, — пробормотал Амрит.

— Поэтому я из дома носа и не высовываю, — хмыкнул Каран.

— Что-нибудь еще?

— Да. В Цитадели что-то сгорело.

— Сгорело? — непонимающе переспросил воин.

— Ага. Дымило знатно.

— А что горело, точно не можешь сказать?

Каран нахмурился:

— Слышал, что люди говорили о зернохранилище, но точно сказать не могу.

Даже в смутном свете терракотовой лампы, мальчик заметил, как посерело лицо Амрита.

— Что с тобой? — с тревогой поинтересовался он.

— Н-ничего, — запинаясь, ответил тот.

— Меня не проведешь, — цокнул языком Каран, — я крайне наблюдательный.

Амрит кисло улыбнулся:

— Правда?

— Ага, — кивнул тот, — сам Шанкар подмечал.

— Ты знаешь Шанкара? — удивился воин.

— Пф, — фыркнул Каран, — он мой сосед вообще-то.

— Твой сосед? — тихо присвистнул Амрит. — Да, город тесен.

— Так чего ты побелел, словно ужаленный?

— Неважно, — взял себя в руки воин.

— Брось. Я уже не маленький. Рассказывай, давай.

Амрит задумался.

«Рассказать или нет? Парень-то смысленый... нет! Разболтает еще, что долины Сарасвати больше не существует. Паника лишняя ни к чему».

— Не могу, — выдавил он.

— Но почему? — возмутился Каран.

— Шанкар так велел, — соврал Амрит.

Мальчик обиженно надул губы:

— Вот так всегда.

— Лучше расскажи, где все? Почему так тихо?

Каран помрачнел:

— Кто-то затихарился в собственном доме, как мы. Кого-то порвал демон... — мальчик запнулся, — я слышал жуткие крики со стороны рыночной площади. Но потом они стихли. С тех пор вокруг тишина.

Амрит почувствовал, что внутри у него все похолодело, а по спине бегают мурашки. Сидя на кухне посреди полного мрака, где лишь одна терракотовая лампа разгоняла тьму, подобно далекой звезде, он по-настоящему испытал весь тот ужас, что свалился на их народ. А где-то там, снаружи, рыскал демон, голодный до крови...

Воин непроизвольным движением вытер лицо дрожащей ладонью. Оно продолжало сохранять мертвенно-бледный оттенок. Тусклое пламя от лампы добавляло какой-то болезненной желтизны.

Каран посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки, а затем поднял на Амрита сосредоточенный взгляд:

— Но это еще не все.

— Не все? — сипло переспросил воин. — Что же еще может быть?!

— Иногда по улице проходят люди...

— Люди?

Каран утвердительно кивнул.

— Так надо поговорить с ними! — не сдержавшись, воскликнул Амрит и тут же нарвался на шипение мальчугана.

— Тише! Хочешь, чтобы нас весь город услышал?! И не буди госпожу Пратибху! Она плохо себя чувствует в последние дни.

— Прости, — опомнился воин и виновато взглянул на него, — так, что там с людьми? Я считаю, с ними надо поговорить. Это же очевидно.

Каран сокрушенно покачал головой и буквально впился взглядом в Амрита. Каким-то подсознательным чувством, тот ощутил, что мальчик сейчас скажет нечто жуткое.

— Не стоит с ними связываться. Они словно безумцы. Их возглавляет Панишвар.

— Панишвар? — недоуменно переспросил воин. — Хозяин свинофермы?

— Да, — кивнул Каран, — он и его последователи призывают отказаться от всех благ нашей цивилизации. Покаяться перед Богиней-матерью. И тогда нам даруется спасение.

— Отказаться от благ? — непонимающе уточнил Амрит.

— Вещей, одежды, оружия, — пояснил Каран, — несогласных приносят в жертву Богине.

— Что?!

— Просто убивают на месте, — ответил Каран. Его голос начал подрагивать.

Амрит испытывал полное смятение. Его разум отказывался воспринимать то, что поведал ему Каран.

Выдохнув, он спросил:

— Вас не тронули?

Каран покачал головой:

— Мы не выходим из дома. Держим дверь на засове. Я к тебе-то выбежал только потому, что увидел сквозь ставни, как ты крадешься по улице.

— Мне нужно в Цитадель, — проведя ладонью по лицу, произнес Амрит. Каждая новая весть, услышанная из уст мальчишки, повергала его во все больший шок. Ему пришлось приложить немало усилий, дабы сохранить самообладание.

— Уверен?

— Да.

— Тогда мой тебе совет, — Каран подался вперед, — не иди по главной дороге. Иначе легко можешь нарваться на этих безумцев.

— А как тогда?

— Выходишь из дома, проходишь немного дальше, а затем свернешь в первый же проулок. Он ведет на восток. В нем еще живет семья Анилы. Может, знаешь?

— Да, знаю, — кивнул Амрит, внимательно слушая.

— Ну, вот, — продолжил Каран, — свернешь туда и пройдешь на восток до самого конца. Выйдешь к восточной стене и пойдешь по ней на юг, пока не окажешься возле восточных ворот Цитадели. Запомнил?

— Да, — сказал воин, нехотя поднимаясь.

Желания идти на встречу с Верховным жрецом резко поубавилось. Тем более, когда снаружи царит темная ночь и разгуливают безумцы Панишвара. Предательская слабость появилась в ногах. Однако ждать он не мог. Да и тьма поможет ему скрыться от недобрых глаз.

«Если только это не будут глаза демона».

Нервно сглотнув, Амрит натянуто улыбнулся и похлопал Карана по тощему плечу.

— Спасибо.

Тот вяло ухмыльнулся:

— Удачи, воин. Она тебе пригодится. И передай жрецу, пусть решает эти проблемы поскорее. Не вечно же нам тут торчать? Еда скоро закончится.

«Еда скоро закончится у всех».

Подумал Амрит, но вслух ничего не сказал. Кивнув мальчику на прощание, он вышел из дома.

Когда за ним затворился засов, воин ощутил себя бабочкой посреди муравейника. Некогда родной город, нависал над ним во мраке ночи, словно свинцовые тучи страшной бури. Каждый его шаг мог окончиться смертью...

[1] Амрит — с древнеинд. — бессмертный.

Амрит осторожно ступал по обочине дороги, стараясь не издавать лишнего шума. Улица тонула в ночном мраке. Факелы не освещали мостовую. Небо заволакивали облака, через которые не пробивался лунный свет. Воин мог более-менее различать предметы вблизи себя только потому, что глаза уже начинали привыкать к тьме.

Рассказ Карана не внушал уверенности в том, что он доберется до Цитадели в целостности и сохранности. О сгоревшем зернохранилище Амрит в эти минуты даже не думал. Проблем хватало и без того. Сейчас самое главное — встретиться с Верховным жрецом. А уж он-то точно придумает, как выбраться из этой незавидной ситуации.

Амрит уже почти достиг заветного проулка, когда впереди показался свет от огней. Воин замер, крепко сжав древко копья. Он так сильно вжался в стену дома, будто пытался срастись с ней. Сердце стало гулко отбивать ускоренный ритм. На дороге показались люди. Двое. Полностью обнаженные, с горящими факелами в руках. Пламя освещало их суровые лица и плясало в глазах, предавая безумный вид. Амрит похолодел.

«Это они. Странники Панишвара».

Их разделяло около пятидесяти локтей. До проулка же оставалось пройти еще пару домов. Люди, меж тем, медленно приближались к тому месту, где затаился Амрит. Воин размышлял лишь долю секунды. Он решил рискнуть. Не отходя от стены, стал осторожно продвигаться вперед, не сводя взгляда с последователей свинопаса. В том, что эти, безумного вида, ночные гости являются людьми Панишвара, он не сомневался ни на миг. До ушей воина уже начали долетать слова их разговора.

— Почему мы не врываемся в дома? — спросил один.

— А зачем? — поинтересовался в ответ второй.

— Там наверняка прячутся грешники. Стоит принудить их к покаянию.

— Незачем силы и время тратить, — отрезал его спутник, — когда у них закончится пища, они сами выползут к нам. К тому же силенки нам еще понадобятся.

— Это куда?

— А ты не знаешь? Шанкара ведь нет в городе. Панишвар велел приготовить ему достойный прием.

— Ты про того охотника?

— Да. Он заслужил кару больше остальных.

Амрит приблизился на опасное расстояние, когда, наконец, его нога шагнула во мрак сырого проулка. Подобно набедокурившей кошке, воин юркнул в спасительную тень.

— Эй, что это там? — услышал он возглас позади себя.

Амрит едва не сорвался на бег, чудом заставив себя осторожно ступать по влажной земле. Он видел, как к проулку приближается тусклый свет от факела, вырывая из темноты кусочек за кусочком.

— В чем дело?

— Я кого-то видел.

— Да? Наверное, просто кошка.

— Может быть. Но надо проверить.

Амрит замер. Он осознал, что не успеет без лишнего шума скрыться во мраке. Инстинктивно он поднял копье и застыл в ожидании. Ожидании неизбежного. Когда в пяти

локтях от него появилось подозрительное бородатое лицо, освещенное факелом, воин размахнулся и метнул копьё. На физиономии безумца промелькнуло изумление, когда бронзовый наконечник вспорол ему кожу на груди и застрял между ребер. С уст человека сорвался сдавленный хрип. Факел выскользнул из разжатых пальцев и упал на мостовую. Пламя соприкоснулось с маленькой лужей, издавая змеиное шипение. Дрожащими руками безумец потянулся к древку, пытаясь выдернуть копьё, но, видимо, силы стремительно покидали его. Он так и не смог осуществить задуманное. Уже через секунду человек рухнул на колени и стал заваливаться на бок.

Гробовую тишину разорвал истошный вопль:

— А-А-А-А! Грешник здесь! Хватайте его! Хватайте и принудите к покаянию!

От этого оглушительного визга у Амрита душа ушла в пятки. Он хотел, было, вернуться за копьём, но тут увидел, что к проулку приближается второй безумец. Тот яростно размахивал факелом перед собой, словно пытался начертить в воздухе непонятные символы оберега. Подобно хлысту, он со свистом рассекал пространство впереди себя. Глаза вылезли из орбит. Рот оскалился, обнажая белые зубы, а волосы на бороде встали дыбом.

— Убейте его! — вопил безумец. — Убейте его!

Амрит не выдержал. Развернувшись к нему спиной, воин ринулся по проулку, что есть силы. Он слышал позади себя душераздирающие крики. Они будто бы подстегивали Амрита, заставляя бежать еще быстрее. Кожаные сандалии с чавкающим звуком перепрыгивали через лужи. Из рта воина вырывалось громкое дыхание. По краям мельтешили окна и двери тесной застройки. Он то и дело натывался плечами об углы зданий, оставляя на коже саднящие ушибы. Позади же продолжал завывать безумец, рассекая факелом воздух перед собой.

— Покарай его, демон! Убей его!

«Надеюсь, его не услышат. Надеюсь, не услышат!».

Дыхание Амрита участилось, но он не сбавлял хода. Вопли за его спиной стали чуть менее громкими. Не останавливаясь, воин бросил косой взгляд через плечо. Безумец начинал отставать и выдыхаться. Он уже не так быстро перебирал ногами. Из горла вырывался кашель. Однако воин не останавливался, а продолжал бежать по проулку, до тех пор, пока безумец не остался далеко позади. При этом он продолжал орать Амриту вслед, несмотря на прерывающий голос кашель. Впереди показался силуэт восточной стены. Следом Амрит увидел и окончание проулка. Не сбавляя хода, он завернул за угол и только тогда позволил себе остановиться и перевести дух. Слегка наклонившись, воин оперся руками о колени. Пот градом стекал со лба. В висках стучали молотки. Из легких вырывалось тяжелое дыхание. Никогда еще в своей жизни он так быстро не бегал. Амрит даже горько усмехнулся.

«Во, дела... я еще и копьё потерял».

Он глянул перед собой. Впереди виднелась узкая дорога, окутанная ночным мраком. Она шла вдоль стены и выходила к восточным воротам Цитадели. По правую сторону стояли дома местных жителей. Их стенки плотно прилегали друг к другу. Отдышавшись, Амрит прислушался. Где-то вдалеке продолжал завывать безумец, но, похоже, он прекратил преследование. Впереди же путь никто не преграждал. Во всяком случае, пока.

«Не буду ждать, пока заявится еще кто-нибудь. Копья-то уже нет».

Выдохнув, Амрит выпрямился и, на слегка дрожащих ногах, продолжил путь по ночному городу, внимательно вслушиваясь в окружающие звуки. Он старался преодолеть

остаток пути, как можно скорее. Ведь на узкой восточной улочке негде было спрятаться. Слева стена. Справа хижины. И что-то подсказывало ему — все двери плотно закрыты на засов. И ему не откроют, даже если хорошенько постучаться. Стараясь ступать осторожно, дабы не шуметь, он продолжал движение, пристально вглядываясь перед собой. И лишь одна мысль немного успокаивала его в этот момент — огромный демон на эту улочку просто не поместится. Так, что худшее, что может его ожидать — встреча с очередным безумным последователем Панишвара.

«Этот странный хозяин свинофермы мне никогда не нравился».

Послышался плач младенца, доносящийся из-за стен одного из домов. Его жалобный крик резанул Амриту по ушам. Плач был приглушен, ибо проходил сквозь плотно закрытые деревянные ставни. Но его громкости хватало, чтобы на душе воина начали скрести кошки. Воин хотел остановиться и утешить ребенка, но не мог этого сделать. Физически не мог. Поэтому постарался спешно преодолеть этот участок пути, мысленно пообещав себе вернуться. Хоть в глубине души и понимал, что неизвестно, сможет ли он выполнить это обещание.

Когда плач младенца затих позади, впереди показался просвет. Улочка выходила на открытое пространство. Восточная стена продолжала простираться вперед и вдалеке плавно переходила в южную. По правую руку на холме возвышалась Цитадель. Что-то в ее облике не понравилось Амриту. Возле ворот не горели факелы. Крепость стояла в полной темноте. Силуэт укреплений мрачно и уныло выделялся на фоне ночного неба, окутанного плотной пеленой облаков. Воину показалось, что стены Цитадели покрывает осязаемый мрак. Словно на кирпичную кладку пролили целое море черного дегтя. Амрит моргнул, стараясь прогнать наваждение, но оно не исчезло. Внезапно воину расхотелось идти туда. Возникло дикое желание бросить все, развернуться и покинуть Мохенджо-Даро. Этот город изменился. Стал чужим. Он таил в себе угрозу. Страх и смерть. Амрит чувствовал это. Чувствовал каждой клеточкой своего тела.

«Мне нужно встретиться с Верховным жрецом, — мысленно проговорил Амрит, решительно поборов искушение развернуться, — иначе ради чего я проделал весь этот путь?».

Взяв себя в руки, воин вышел на открытое пространство перед Цитаделью и оглянулся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он побежал, стараясь быстрее пересечь местность и взобраться на возвышенность. На лбу вновь выступила испарина. Сердцебиение участилось. Стены приближались невероятно медленно, хотя ему казалось, что он бежит на максимально возможной скорости. Однако Амриту удалось без происшествий добраться до восточных ворот крепости. Ни безумцы Панишвара, ни демон его, вроде, не заметили. Запыхавшись от подъема на холм, Амрит подбежал к деревянным створкам. Те оказались закрытыми. Воина это не особо удивило, учитывая то, что по городу рыскают последователи помутившегося рассудком свинопаса, да бродит страшный зверь. Сжав ладонь в кулак, он осторожно постучал, стараясь сильно не шуметь. По ту сторону раздался тихий шорох.

Спустя несколько томительных мгновений, Амрит услышал осторожный голос.

— Кто там?

— Гонец от Шанкара, — протараторил воин, озираясь. Чем дальше он стоял на открытом пространстве, тем больше нервничал. Словно его, полностью обнаженного, выставили на всеобщее обозрение.

— От охотника из Сарасвати? — уточнил голос.

— Да, — нетерпеливо буркнул Амрит.

— Сейчас открою! Верховный жрец Чудамани с нетерпением ждет известий.

— Неужели? — проворчал Амрит, но звук его голоса потонул в скрипе открываемой створки ворот.

Они разошлись не полностью, образуя лишь маленькую щель, в которую бочком мог протиснуться один человек. В ней показалось бледное лицо местного стражника.

— Заходи быстрее, — испуганно прошептал он.

Амрит не стал себя упрашивать и юркнул под защиту стен Цитадели. Ворота с гулом захлопнулись, оставляя по ту сторону мрачный и враждебный мир.

***

— Он в здании школы, — пробормотал стражник, — проводить?

— Не надо, — тихо ответил Амрит, во все глаза рассматривая то, что осталось от здания зернохранилища, — я сам найду дорогу.

***

Чудамани сидел в зале для занятий школы жрецов. Возле него на столе догорала терракотовая лампа, освещая тусклым светом его бледное и осунувшееся лицо. Невидящий взор Верховного жреца был устремлен во мрак помещения. Там, где виднелись силуэты пустых столов, за которыми в обычное время занимались ученики. Он не заметил, как в проеме появилась чья-то тень. И только когда Амрит вежливо кашлянул в кулак, Чудамани медленно перевел отсутствующий взгляд на воина.

— Ваша Светлость, — тот почтительно поклонился.

— Кто ты? — вяло поинтересовался Верховный жрец.

— Амрит, Ваша Светлость.

— Амрит?

Воина начинал беспокоить безжизненный тон Верховного жреца.

— Да, Ваша Светлость. Я из отряда командира Балдева.

Чудамани нахмурил лоб, пытаясь вспомнить это имя.

— Хмм.

Амрит решил подсказать:

— Мы отправились в долину Сарасвати больше недели назад вместе с охотником Шанкаром, дабы выследить зверя.

Глаза Верховного жреца немного прояснились. Лоб разгладился от морщин. Однако голос оставался сухим и безжизненным.

— А-а-а, вспомнил. Точно, — он махнул указательным пальцем. — Дайте угадаю. Демона вы не нашли.

Амрит промолчал.

Тонкие губы Верховного жреца подернула горькая усмешка:

— Ну, конечно. Не нашли.

— Видение господина Девадата оказалось ложным?

— Не было никакого видения, — отмахнулся Верховный жрец.

Амрит вздрогнул.

«Выходит, мои подозрения оказались верными».

— Что же произошло? — с тревогой в голосе, поинтересовался он.

Чудамани ответил не сразу. Какое-то время он наблюдал, как догорает пламя в терракотовой лампе. Наконец, он заговорил. Его тон продолжал оставаться сухим и безжизненным.

— Не было никакого видения, — повторил Верховный жрец, — демон просто использовал Девадату, чтобы выманить вас из города.

— Но зачем? — изумился Амрит.

Чудамани пожал плечами:

— Видимо, чтобы проще было расправиться с зернохранилищем, обрекая нас на голодную смерть.

— По улицам ходят безумцы Панишвара...

— Да, я знаю.

— Они говорят о грехах и покаянии...

— Девадат рассказал и об этом, — прервал его Чудамани и посмотрел воину в глаза, — он говорит, что демон пришел, дабы восстановить равновесие, которое мы нарушили.

— Равновесие? — непонимающе переспросил Амрит. — И как мы его нарушили?

Вновь вялая улыбка подернула губы Верховного жреца:

— Слишком злоупотребили, принимая дары от Богини-матери. Вырубка леса. Охота...

Шанкар не говорил тебе об исчезновении диких зубров?

Амрит ошарашено покачал головой.

Чудамани хмыкнул и отвернулся:

— Девадат считает, что демон — это посланник богов, который должен принести равновесие.

— Это он вам все рассказал?

— Да. В тот же день, когда сгорело зернохранилище. Мы с ним побеседовали по душам. Еще разок. Теперь в храмовой темнице уже трое заключенных. Растет население, — тут Чудамани осекся, — точнее, двое. Брасида больше нет.

Амрит опешил:

— Кузнеца? Что с ним стало?

— Наложил на себя руки, — выдохнул Верховный жрец.

— О, Богиня-мать, спаси нас... — прошептал Амрит.

— Не думаю, что она захочет это делать, — угрюмо подметил Чудамани.

— Но откуда бывший жрец все это знает?

— Демон говорит его устами.

— И вы верите в это?! — выпучив глаза, воскликнул Амрит.

— Сейчас это неважно, — глухо ответил Чудамани, — важно то, что нам всем грозит смерть. От голода или когтей чудовища. Нам не выбраться отсюда без посторонней помощи.

Внезапно Верховный жрец вздрогнул и обернулся к воину:

— Как ты пробрался через город?

— Каран подсказал.

— Каран?

— Мальчик. Он живет по соседству с домом охотника, — пояснил Амрит, — посоветовал мне двигаться проулками и избегать открытых мест.

— Мудро. Не встретил демона?

Воин покачал головой:

— Нет. Только парочку безумцев Панишвара.

— Они заполонили Мохенджо-Даро, как крысы амбар. Мы пытались делать вылазки за едой, но никто не возвращался. — проронил Чудамани.

Амрит чувствовал, как его кожа холодеет с каждым новым словом, сорвавшимся с уст Верховного жреца.

Внезапно Чудамани слегка оживился:

— Значит, отряд Шанкара скоро будет здесь?

— Не уверен, — огорчил его Амрит.

— Почему?

— Охотник ранен. Ему придется подождать, пока он сможет двинуться в обратный путь.

— Ранен? Как?

— Во время охоты на демона он наткнулся на синха, — пояснил Амрит.

— И когда ждать его возвращения?

— Думаю, через неделю.

— Но почему так долго?! — повысил голос Чудамани, с досадой ударив кулаком по столу. Терракотовая лампа подпрыгнула и зазвенела. — Неужели его раны настолько серьезные?

— Дело не только в ранах господина Шанкара.

— А в чем еще?

— Люди покидают долину Сарасвати. Нашим воинам придется их сопровождать...

— Постой-постой, — перебил Чудамани, — покидают?

— Да.

— Но почему?! Неужели... — страшная догадка промелькнула в голове у Верховного жреца.

По тому, как потупил взор Амрит, Чудамани понял, что она верна.

Верховный жрец рассмеялся. И этот смех походил на тихий истерический хохот.

— Поверить не могу. Просто поверить не могу.

Амрит молчал, ибо не знал, что ответить. Огонь в терракотовой лампе догорел окончательно, погружая зал для учебы в кромешный мрак. Чудамани прекратил смеяться и отрешенно уставился в окно. Там, чужь поодаль, виднелось здание бань. Бассейн с чистой водой сильно обмелел — слишком много пришлось вылить в попытках потушить пожар в зернохранилище.

— Устраивайся поудобнее, воин, — произнес Верховный жрец голосом, от которого у Амрита мурашки пошли по спине, — нам предстоит долгая и страшная неделя. Кто знает, быть может, демон смилостивится и прервет наши мучения.

Переход из долины Сарасвати в Мохенджо-Даро занял неделю. И он был отягощен не только трудностями пути. Каждый день Шанкар, движущийся впереди колонны вместе с Балдевом, ловил себя на мысли, что они так и не встретили гонца, посланного в город. А ведь по всем расчетам они уже должны были повстречаться. Охотник ясно наказал, что Амрит обязан вернуться с донесением об успешном выполнении задания. Но сутки сменялись на другие, а воин так и не появлялся. Шанкар ощущал жжение в груди. И он никак не мог определить от чего. От ран, продолжавших приносить неудобства, или от чувства тревоги.

«С ним что-то случилось. Я уверен в этом. С ним что-то случилось. Быть может, он и вовсе не добрался до Мохенджо-Даро?»

Их процессия уже вступила в полосу джунглей, а Амрит так и не объявился.

Ход сильно замедляли телеги, до отказа набитые мешками с зерном. Со стороны эти запасы казались внушительными, но охотник понимал, что сие впечатление обманчиво. Для того, чтобы прокормить огромный город надолго их не хватит. Шанкар нервно покусывал нижнюю губу. Какой бы ни была опасность, исходившая от злобного демона, страх перед голодной смертью не отпускал до конца. Тревога усилилась, когда долина Сарасвати полностью исчезла из виду, и теперь к ним со всех сторон подступала зеленая стена джунглей. Воины, окружившие людей и обоз живым кольцом, ощущали тревогу. Она передавалась от одного к другому, подобно заразной хвори. Все опасливо озирались по сторонам, поглядывая на джунгли. Хуже всего становилось ночью. Когда каждая лиана принималась за ядовитых змей, готовых совершить смертельный бросок. А искривленные ветви салов — за когти чудовища, нависшего над головами, способного проглотить тебя в один миг. Костров на привалах не разжигали. Это был приказ Шанкара. Охотник сознавал, что идет на риск. Огонь отпугивал ночных хищников. Однако он боялся, что пламя привлечет внимание кое-кого пострашнее, чем голодный синха. Несколько раз часовые докладывали, как видели в ночи странные огоньки, блуждающие между стволов в отдалении. Воины понимали, что это, скорее всего, стая шакалов. Выслеживают слабых жертв. Но постоянное чувство опасности, отсутствие света и усталость заставляли их видеть то, чего они боялись узреть больше всего. И мелькающие огоньки в джунглях воспринимались за красные глаза безжалостного чудовища. Пусть это и противоречило здравому смыслу. В какой-то момент часовые, едва не поддавшись внезапному приступу паники, чуть было не бросились наутек. Но раздавшийся из леса протяжный вой и тьяканье мгновенно отрезвило головы.

— Держите себя в руках, — твердо потребовал Шанкар, хотя сам с трудом сохранял видимое спокойствие.

Люди начинали сильно уставать. Особенно женщины и дети, несмотря на то, что им отдали всех лошадей. Вода подходила к концу. Ее впритык хватит до конца пути. И то только в том случае, если не задерживаться.

Глядя на изможденные тяжелым переходом лица людей, охотник надеялся, что у них хватит сил дойти до Мохенджо-Даро, никого не потеряв по пути.

Его взор сместился в сторону джунглей. Маленькие блестящие огоньки в эту ночь придвинулись чуть ближе. Шанкар хмыкнул. Они знали, что силы многих на исходе. Стоит

кому-то отделиться от группы, и тогда они всей стаей набросятся на несчастного, погружая свои острые зубы в мягкую плоть. А со стаей голодных шакалов, вкусивших крови, справиться не так просто, как кажется.

— Далеко еще? — услышал он знакомый хрипловатый голос позади себя.

Охотник обернулся.

Абхе стояла рядом и внимательно смотрела на него своими прекрасными черными глазами.

— Около двух дней, — ответил Шанкар.

— Они ведь не отстанут, да? — кивком указала она в сторону джунглей.

Словно в ответ на ее вопрос, из леса донеслось приглушенное тьяканье.

— Шакалы не опасны, пока мы держимся вместе.

Абхе скрестила руки на груди и слегка поежилась. Ночь выдалась прохладной. На безоблачном небе сиял серебряный лик луны.

— Тогда что тебя тревожит?

Он бросил косой взгляд в сторону джунглей, где продолжали рыскать голодные шакалы, а затем коротко ответил:

— Много чего.

— Это ведь из-за гонца, да? Думаешь, что с ним что-то случилось?

Шанкар вздохнул:

— Возможно. Иначе мы бы давно его встретили.

Абхе не стала продолжать расспросы. Было очевидно, о чем думает охотник — гонца схватил демон. А если это так, то чудовище может находиться поблизости. И им всем грозит опасность, по сравнению с которой стая голодных шакалов всего лишь свора непослушных щенят.

— Поспи, — бросил Шанкар, — скоро двинемся в путь.

— Что ему нужно от нас?

— Не знаю, — он сокрушенно покачал головой.

Вдали вновь взвыли шакалы.

Охотник обернулся к Абхе. Ту пробивала легкая дрожь.

— Почему ты не спишь?

Она нервно пожала плечами:

— Не хочу.

Он подошел к ней и обнял. Абхе прильнула к его груди, чувствуя, как начинает согреваться от тепла его тела. Они больше не разговаривали в ту ночь. Только вслушивались в звуки дикой природы, которыми были заполнены ночные джунгли. Голоса стаи шакалов действовали удручающе. Однако они уже смирились. Смирились с тем, что старая жизнь ушла... Ушла навсегда. Но страх перед будущим... перед неизвестностью, затаившейся впереди, заставлял их сердца биться быстрее.

***

Когда на рассвете следующего дня джунгли по обе стороны дороги начали редеть, а впереди на горизонте показались знакомые стены, все выдохнули с облегчением. Путь от долины Сарасвати до Мохенджо-Даро оказался чрезвычайно трудным и изнуряющим. И не только из-за длительности перехода, да жаркого дневного солнца. Люди испытывали

постоянное напряжение и чувство тревоги. Поэтому вид показавшихся вдаль укреплений внушали успокоение и надежду на скорый отдых.

Шанкар разделял общее воодушевление, которое, казалось, придало людям дополнительных сил на последнем отрезке пути. Однако мысли о пропавшем гонце омрачали его. Пока процессия двигалась через джунгли, охотник то и дело осматривал обочины дороги, пытаясь найти следы Амрита. Он логично предположил, что если того убил демон или утащил в лес какой-нибудь зверь, то на грунте обязаны были остаться следы. Его или лошади. Следы борьбы или крови. Шанкар специально шел впереди, дабы вовремя успеть заметить их, пока идущие следом жители долины не затоптали все своими ногами, да колесами телег. Однако ничего похожего на следы присутствия Амрита охотнику обнаружить не удалось.

«Значит ли это, что гонец сумел-таки добраться до города? И если так, то почему не вернулся обратно? Его задержали?».

Шанкар пытался заставить себя прекратить гадать. Все равно скоро они окажутся в Мохенджо-Даро, и все вопросы разрешатся сами собой. Но тревожные мысли продолжали витать в голове, подобно осинному гнезду, в которое засунули палку. И жалили они не менее остро, чем обитатели того самого гнезда. Чем ближе становились стены города, тем больше крепло плохое предчувствие. Когда же его пытливый взор заметил едва уловимые клубки светлого дыма, поднимающиеся к безоблачному небу, напряжение стало лишь сильнее.

— Наконец-то мы сможем немного отдохнуть, — с облегчением сказал Балдев. Его лоб блестел от пота.

— Угум, — натянуто буркнул охотник, пристально смотря в сторону Мохенджо-Даро.

— Это он, да? — с нескрываемым любопытством поинтересовалась Абхе.

Она поравнялась с ними и теперь шла по правую руку от Шанкара.

— Да, это он, — улыбнувшись, подтвердил Балдев, — скоро я наемся до отвала и растянусь на соломенной циновке. А большего мне и не надо.

Абхе хмыкнула. Она тоже была не прочь вздремнуть. Сон под открытым небом оказался для нее проблемой. Постоянно прерывался, а порой и не шел совсем. Под глазами девушки появились небольшие круги. Шанкар подметил про себя, что они не так уж сильно и портят ее.

«Ей просто нужно поспать».

Когда от восточных ворот их стали разделять пара десятков локтей, охотник велел процессии остановиться.

Люди встали, с сомнением и легком замешательством посматривая на Шанкара.

— Почему мы остановились? — недовольно буркнул Балдев. — Я отдохнуть хочу.

— Тихо, — прошептал охотник, пристально вслушиваясь и осматривая городские стены.

Балдев, наблюдая за реакцией Шанкара, также напряг слух. Однако ничего различить не сумел.

— Ничего не слышу, — недоуменно произнес он.

— Вот именно, — кивнул охотник, — и я ничего не слышу.

— Ну и что? — все еще непонимающе спросил Балдев.

— А то, — Шанкар обернулся к нему, — что огромный город стоит в тишине, словно мертвый.

До воина, наконец, дошел смысл слов охотника. Теперь и он осознал, что безмолвие, покрывшее Мохенджо-Даро, выглядит подозрительно. Ведь это так не свойственно городу с

большим населением.

— К тому же, — добавил охотник, — я видел странный дым на подходе. Что-то не так.

— Как поступим?

— Собирай людей, — молвил Шанкар, продолжая пристально смотреть на ворота, распахнутые настежь, — пойдем на разведку. Жители пусть остаются на месте.

— Понял, — сказал Балдев. Сонливость и усталость как рукой сняло. На лице воина застыло выражение крайней озабоченности.

— Я пойду с вами, — произнесла Абхе.

— Нет! — резко бросил Шанкар.

— Но...

— Никаких «но»! — охотник развернулся и схватил ее за запястье. Слишком сильно. Абхе зашипела. — Ты остаешься с обозом, и это не обсуждается!

— Шанкар, больно!

Он вздрогнул и ослабил хватку, однако руки не отпустил. Охотник заглянул девушке прямо в глаза.

— Прости. Но пока мы не разведем, что, да как, заходить в город опасно.

Она пристально посмотрела на него, а затем, хмыкнув, спросила:

— Волнуешься за меня?

Несмотря на тревогу, бьющую через край, Шанкар почувствовал, что краснеет.

— Да, — выдавил он.

— Ладно, — ее губы разошлись в довольной ухмылке. В ней сквозила легкая насмешка. — Уговорил.

Он кивнул, сделав вид, что не заметил:

— Хорошо.

— Шанкар?

— Да?

— Руку отпустишь?

Охотник недоуменно посмотрел вниз. Только сейчас он увидел, что до сих пор сжимает в своей ладони запястье Абхе.

— Да, конечно, — спохватился он, разжимая пальцы.

Дочь старосты интенсивными движениями начала растирать руку чуть выше кисти. При этом продолжая ухмыляться.

— А ты приклеился ко мне, как комар к смоле.

Шанкар уже хотел ответить на очередную колкость, но не успел.

Прямо из городских ворот на него выбежал обнаженный человек, размахивающий в воздухе чем-то наподобие дубинки. Охотник не сумел рассмотреть, что именно это было. Он едва успел уклониться, когда предмет со свистом рассек воздух в том месте, где мгновением ранее находилась его голова.

— Грешники! — донесся до его слуха пронзительный крик.

Шанкар отпрянул и поднял взор. Краем глаза он заметил, как Абхе резко отпрыгнула в сторону. В ее черных глазах читалось удивление и легкий испуг. Только после этого он сумел отчетливо разглядеть нападавшего. Загорелый и бородатый, с проплешиной на голове. Солнечные лучи отражались от его лысины, словно от серебра. Серые, налитые кровью, глаза метали молнии и горели безумным огнем. Рот, обрамленный тонкими губами, растянулся в зверином оскале, обнажая белые зубы.

— Грешники! — вновь завопил безумец, опять замахаясь подобием дубинки.

Теперь охотник смог рассмотреть, чем вооружен его враг. Факел. Обычный потухший факел. Но безумец так неистово размахивал им перед собой, что тот легко мог сыграть подобие увесистой дубинки.

— Эй, что у вас там происходит? — послышался встревоженный голос Балдева.

— Назад! — крикнул Шанкар, обращаясь к Абхе, игнорируя возглас воина.

Он не видел, выполнила ли девушка его приказ, ибо безумец не оставил ему времени, яростно набросившись с факелом в руках. Охотник вскинул копьё перед собой, принимая удар на черенок. Тот оказался такой силы, что оружие задрожало. На какое-то мгновение Шанкар даже испугался, что копьё просто сломается. Не давая ему времени опомниться, безумец ударил еще раз. И еще. Он не останавливался. Не давал охотнику возможности направить острие копья в свою сторону. Шанкар чувствовал, что черенок вот-вот пойдет трещинами. Безумец, словно понимая это, продолжал без усталости наносить град яростных ударов. Из его глаз летели искры. Он рычал, словно потревоженный медведь. Из рта текла слюна. Шанкар начал медленно отходить, продолжая заслоняться копьём. Видя, что охотник отступает, безумец усилил натиск. Рука, размахивающая факелом, будто не знала усталости. Шанкар впервые видел такую слепую яростную напористость. Позади раздались спешные шаги. На помощь ему бежали воины Балдева, оправившиеся от внезапного нападения. Однако оружие сломалось раньше, чем те успели к месту схватки. Черенок треснул, и в руках Шанкара осталось по две половины копья. Бронзовый наконечник в левой, и бесполезная деревяшка — в правой. Увидев плоды своих атак, безумец торжествующе взревел и занес руку для нового, рокового, удара, целясь охотнику в голову. Шанкар медлить не стал. Когда потухший факел начал стремительно опускаться ему навстречу, он выбросил бесполезный черенок и перехватил руку противника в районе запястья. Не давая тому времени опомниться, охотник вонзил бронзовый наконечник безумцу под ребра. Тот взвыл и дернулся, пытаясь отскочить, но Шанкар держал его крепко. Резко выдернув сталь из плоти врага, он нанес новый удар. На этот раз в шею. Вой безумца быстро оборвался, переходя в несвязное бульканье. Факел выпал из разжавшихся пальцев и упал на грунтовую дорогу. Следом лицом вниз рухнул и его хозяин, обагрывая землю своей кровью.

Тяжело дыша, Шанкар сделал шаг назад. Он продолжал изумленно таращиться на тело поверженного врага. Из-под него уже показалась красноватая лужица.

— Проклятие, что это такое?! — воскликнул Балдев, подбегая к месту боя в сопровождении двух воинов.

— Я не знаю, — отдышавшись, произнес Шанкар, — безумие какое-то.

Он поискал глазами Абхе. Та стояла в пяти локтях от него и во все глаза смотрела на неподвижное тело. Она была взволнована, но первоначальный испуг исчез, сменившись на любопытство. Охотник восхитился ее выдержке.

— Кто это? — продолжал задавать вопросы Балдев, изумленно рассматривая безумца. — Почему он без одежды? Зачем напал на нас?

— Балдев, — раздраженно позвал Шанкар.

— Да? — тот поднял на охотника взор.

— Мне-то откуда знать?!

Тот виновато пожал плечами:

— Да я просто так... мысли вслух.

Шанкар поморщился и на секунду воздел лицо к небу:

— О, Богиня-мать, да что же происходит на этой земле?!

В этот момент со стороны ворот послышался гул. Гул множества голосов, к которому прибавился топот огромного числа ног. Крики, так похожие на вопли поверженного безумца, разорвали гнетущую тишину.

Балдев испуганно покосился в сторону въезда в город:

— Это еще что?!

— В кольцо! — быстро скомандовал Шанкар.

Воин, спохватившись, отдал приказ.

— Мне нужно копьё, — процедил охотник.

Балдев виновато взглянул на него:

— Простите, но лишнего нет.

Шанкар издал злобный рык и ругнулся, снимая лук с плеча.

Крики и топот усилились. Они стремительно приближались. Еще немного, и толпа беснующихся людей покажется в проеме городских ворот.

Охотник вновь взглянул на Абхе. Та продолжала стоять в пяти локтях от него, растерянно глядя в сторону Мохенджо-Даро.

— Эй! — крикнул Шанкар. — Ты, что, с ума сошла?! Немедленно за кольцо!

Звук его голоса привел ее в чувство. Сорвавшись с места, она побежала к обозу за спины воинов. Шанкар тут же последовал за ней. Без копья в первых рядах делать нечего.

— Плотнее! — бросил он Балдеву.

Тот, молча, кивнул.

— Слезайте с лошадей! — крикнул охотник, обращаясь к женщинам и детям. — Все за кольцо!

— А что делать с лошадьми? — бросил через плечо Балдев.

— Ничего.

— Но их могут убить!

— Могут. Но мы уже в конце пути. Сейчас они без надобности.

Дети плакали. Матери пытались утешить их, прижимая к груди и защищая от угрозы своими телами. Зебу, запряженные в телеги с зерном, тревожно мычали и били копытами по земле.

Шанкар залез на одну из передних телег. Отсюда ему была хорошо видна дорога, ведущая к восточным воротам. Судя по крикам и грохоту, толпа должна появиться через несколько мгновений. Рука инстинктивно прикоснулась к поясу, где висел длинный медный кинжал. Однако пальцы Шанкара не нащупали его. Охотник быстро метнул взор вниз — тот и вправду отсутствовал. Пытливые глаза заметались по округе в поисках оружия.

«Я что, его обронил?! Где?».

Пропажа, однако, нашлась почти сразу. Шанкар увидел, как сталь угрожающе переливается в руке Абхе.

— Ты что удумала?

— Предлагаешь мне защищаться голыми руками?! — возмутилась она, стрельнув глазами.

— Защиту предоставь нам.

— Я неплохо умею владеть кинжалом, — парировала она.

— Откуда?

— Отец научил, пока не спился.

— Лучше иди к Нараяну и...

Он не успел договорить. Целая толпа обнаженных людей, вооруженная подобием деревянных дубинок, показалась в проеме городских ворот.

— Проклятие! — ругнулся Шанкар, доставая стрелу из колчана и примеряя ее к тетиве.

Глава 8

— Они бегут на восток! — воскликнул Амрит, возникая в дверном проеме здания школы.

Чудамани поднялся из-за стола. Его ноги слегка дрожали. Лицо осунулось. Под глазами виднелись круги, а живот сводило от голода.

Они ничего не ели более трех дней. У всех поголовно возникла слабость и сонливость. Воины неоднократно делали вылазки в город с целью найти пропитание. Свиноферма Панишвара, находившаяся к северо-западу от Цитадели, казалась лакомым кусочком. Многие, забываясь беспокойной дремой, видели перед глазами жареную свинину на вертеле. Как жир плавно стекает по розовой тушке. Как сало на шейке покрывается хрустящей корочкой. И тем горче было их разочарование, когда они пробуждались ото сна и обнаруживали, что по-прежнему заперты в Цитадели. А единственной оставшейся едой являются подошвы собственных сандалий. Но никто из тех, кто выходил за стены в город, не возвращался обратно. Последователей Панишвара было слишком много. Жестокая и беспощадная расправа демона, учиненная им перед воротами Цитадели, только придала уверенности сомневающимся в словах хозяина свинофермы. Словно доказательство того, что чудовище ниспослано Богиней-матерью за грехи, которые нуждаются в искуплении.

Они внимательно следили за передвижением воинов. Безумцы не стояли вплотную к Цитадели, карауля ворота. Нет. Они выжидали на почтительном расстоянии, дабы не спугнуть страдающих от голода людей. И тем, кто выходил наружу в поисках пропитания, всегда оставляли выбор — отречься от благ земных или быть растерзанными. И далеко не все сопротивлялись до последнего. Ведь покаявшемуся грешнику в обмен на оружие и одежду полагалась миска горохового супа и пшеничная лепешка. Мало, кто сможет устоять перед таким предложением, когда твой живот сводит от боли.

И вот сейчас Амрит сообщает, что настоящая толпа этих безумцев движется по городу на восток.

— На восток? — хрипло переспросил он.

Воин быстро кивнул.

Мгновенная догадка пронеслась в голове Верховного жреца, озаря разум, подобно молнии в ночи.

— Шанкар, — прошептал он потрескавшимися губами.

Амрит снова кивнул:

— Я тоже так думаю. Надеюсь, он увидел сигнальный костер.

Чудамани сделал несколько решительных шагов вперед. В ногах разливалась слабость, но он старался не обращать на нее внимание.

— Это наш шанс! Нужно выступить. Немедленно. Зайдем им в тыл, пока они пытаются расправиться с отрядом Шанкара.

— Не думаю, что они полностью ушли от Цитадели, — неуверенно возразил Амрит.

— И ты предлагаешь просто сидеть и ждать?! — рявкнул Верховный жрец.

Воин вздрогнул и посмотрел Чудамани прямо в глаза. Они покраснели от недосыпа.

Верховный жрец облизал пересохшие губы языком, покрытым белым налетом. В последнее время Чудамани стал чересчур раздражительным и злым. Это было совсем непохоже на тихого и рассудительного человека, коим он был до того дня, как Панишвар

решил примерить на себя роль посланника Богини-матери. Верховный жрец сам прекрасно осознавал, что изменился. Корил себя за несдержанность, но ничего не мог поделать. Чувство голода притупляло разум. А вид гибнущего города и всего того, что было ему дорого, приводило в ужас и отчаяние.

— Мы выходим! — твердо сказал Верховный жрец. — Лучше умереть здесь и сейчас, чем продлевать бессмысленные мучения. А за безумцем Панишваром я идти не собираюсь!

Сердце Амрита застучало с удвоенной силой. Он понимал, что Чудамани прав. Они должны воспользоваться шансом. Нельзя сидеть тут вечно. И тем не менее, осознание того, что в их жизни настал решающий момент, заставляло потеть ладони, а тело пробивать на дрожь.

— Собраться у западных ворот Цитадели! Построиться в боевой порядок! — отчеканил Чудамани.

— Да, Ваша Светлость! — Амрит выбежал наружу, дабы передать приказ Верховного жреца воинам.

Поджав губы и игнорируя слабость, Чудамани вышел на улицу, подставляя осунувшееся лицо лучам утреннего солнца.

— Воины готовы, Ваша Светлость, — доложил Амрит.

Верховный жрец перевел взор на стражников. Те выстроились перед воротами Цитадели в четыре одинаковые линии. Бронзовые наконечники копий угрожающе сверкали в свете дня. Бледные и изможденные лица были полны решимости. Решимости покончить с собственными лишениями. Каким бы ни было способом. С каким бы ни было результатом.

— Жрецы, лекарь, тюремщик и трое заключенных остаются здесь, — произнес Чудамани, — если нас ждет успех, то мы вернемся за ними. Если же нет, — тут он тяжело вздохнул, — то для них уже ничто не будет иметь значения.

Легкая тень пробежала по лицу Верховного жреца. Говоря о людях, он вспомнил своего верного старого привратника. Несчастный не выдержал всех этих испытаний и отошел к богам прошлой ночью. Чудамани постарался отогнать от себя печальные мысли.

«Сейчас не время оплакивать мертвых. Нужно подумать о живых».

— Трое заключенных? — переспросил Амрит.

— Да.

— Разве вы забыли?

— Забыл, что?

— Случай с Брасидом.

— Хмм.

— Он разбил себе голову о стену еще в тот день, когда Панишвар затеял это безумие.

Чудамани на секунду прикрыл глаза.

«Нужно собраться... но это так тяжело, когда тебя крутит от голода».

— Начинаем, — наконец, произнес он, поднимая веки. — Нужно спешить.

***

Сегодня Анил вел себя тихо. Девадата это даже удивляло. Обычно бывший лесоруб истошно вопил, заполняя темницу своими безумными криками. Но в этот день в тюрьме стояла тишина, прерываемая лишь вялым потрескиванием пламени факелов.

«Хм. Любопытное изменение».

В обычное время его мало заботили стены Анила. Он считал, что тот получил по заслугам за то, как варварски относился к дарам богов. Просто внезапная тишина казалась непривычной.

Если бы Девадат мог видеть сквозь стены, то обнаружил бы, что Анил забился в дальний угол камеры. Обхватив голову руками, он тихо дышал сквозь ладони, прижатые к лицу. Лесоруб затих. Словно в ожидании неизбежного. Чего-то, что произойдет уже совсем скоро.

Камера Девадата располагалась прямо напротив стола тюремщика. Тот сидел на своем неизменном табурете, уткнувшись лицом в столешницу, и тяжело дышал. Бывший Верховный жрец подметил, что толстяк сбавил в весе. Оно и неудивительно. В последние дни ни у кого из них во рту не было и сухой крошки. К тому же чутье подсказывало Девадату — тюремщик боится. Боится не только за себя. Ведь его жена осталась в городе. Совсем одна. Пока он вынужден скрываться здесь, в темнице за стенами Цитадели.

«Скрываться от Великолепного змея. Демона, коим они его считают. Несчастные глупцы. Они не понимают, что Богиня-мать дает им шанс на искупление. Протягивает им руку милости. Но они упрямо отвергают ее, бессмысленно цепляясь за остатки прежней жизни. Жизни, которая уходит в небытие».

Внезапно Девадат заметил, как тюремщик вздрогнул. Слегка осунувшееся лицо поднялось над столом и обернулось в сторону узника. Бывший жрец увидел, как пухлая ладонь тянется к связке с ключами, а глаза толстяка закатываются, оставляя видимыми только белки.

Лицо Девадата расплылось в торжествующей ухмылке...

***

— Приготовьтесь, — повелел Чудамани, когда рядом с ним встали его телохранители.

Двое стражников подошли к створкам и начали отпирать ворота. Лязгнул огромный засов, выходя из пазов.

Чудамани заметил, как сильно напряглись лица людей, когда проход перед ними начал медленно открываться. Раздался скрип. Негромкий, но в окружающей Цитадель тишине он прозвучал подобно раскату грома. Верховный жрец, не отрываясь, смотрел на образующийся проход. Его дыхание участилось, а ладони непроизвольно сжимались в кулаки. Наконец, спустя около минуты, ворота были открыты. На внешней стороне створок виднелась засохшая кровь. Верховный жрец почувствовал легкое головокружение. Перед глазами все начало двоиться. Крепко зажмурившись, он вдохнул свежего утреннего воздуха и поднял веки. Зрение пришло в норму.

«Надо поторопиться. Со временем слабость лишь усилится».

— Выходим, — приказал он, — осторожно, не торопясь и сохраняя строй.

Отряд начал движение. Ряды стражников прошли через ворота. За ними двигался Верховный жрец с телохранителями. Воины Мохенджо-Даро покинули Цитадель меньше, чем за минуту и выстроились возле входа.

Перед ними расстился обзор на город. В лучах восходящего солнца он казался непривычно пустым и заброшенным. Далеко с востока доносились приглушенные крики. В остальном — Мохенджо-Даро утопал в тишине и безмолвии. Таких непривычных для самого себя. Никто не обменивался дружелюбными приветствиями. Рыночную площадь у подножия

холма не заполняли возгласы зазывающих торговцев. Не было слышно ни звона молота кузнеца, ни стука колес по мостовой, ни криков погонщика зебу. Только ветер шумел над головами, да в проулках между домов. Водная гладь канала под мостом переливалась в лучах восходящего солнца, но сегодня эти «зайчики» не вносили умиротворения в души людей.

— Богиня-мать, — прошептал кто-то из воинов, находившихся впереди. У него начались рвотные позывы, однако они так ничем и не закончились. Бедняга не ел уже больше трех дней.

— Что там? — поинтересовался Чудамани.

— Тела, — донесся до него глухой звук голоса Амрита, — их так никто и не убрал.

— Их много? — голос Верховного жреца дрогнул.

— Да, Ваша Светлость. Ими усыпана дорога до самого моста и дальше... на рыночной площади... — Амрит умолк, не в силах продолжать. Он был потрясен представшей картиной.

— Идемте, — взволнованно проговорил Чудамани, — нужно помочь Шанкару. С остальным после разберемся.

Отряд возобновил движение, спешно спускаясь с холма в сторону моста. Стражникам то и дело приходилось перешагивать через обезображенные и истерзанные тела, лежащие прямо на дороге. С каждым проделанным шагом, лица воинов становились все бледнее. Кто-то периодически невольно вскрикивал, с трудом узнав в погибшем близкого друга или знакомого... или того хуже. Однако останавливаться было нельзя. Нужно достичь восточных ворот города, как можно скорее. Помочь Шанкару и его отряду. Иначе оплакивать убитых будет уже некому.

Они спустились с холма и вступили на каменный мост, перекинутый через небольшой канал.

Один из телохранителей тихо застонал.

Чудамани покосился на него:

— Ты в порядке?

— Да, Ваша Светлость, — угрюмо ответил тот.

Верховный жрец одобряюще улыбнулся:

— Скоро все закончится.

— Да, — иронично хмыкнул телохранитель в ответ, — так или иначе.

Чудамани промолчал. Улыбка медленно сползла с его потрескавшихся губ.

«Он прав. Так или иначе».

Они вступили на рыночную площадь. Вид пустующей мастерской, из трубы которой сегодня не валил дым, вновь натолкнул Верховного жреца на мысли о кузнеце.

— Напомни, как это случилось? — попросил он.

— Я не знаю, — уныло ответил телохранитель. По лицу было видно, что ему неприятно возвращаться в прошлое. — Тюремщик говорит, что когда вернулся, то Брасид был уже мертв.

— Он отлучался? — спросил Чудамани только для того, чтобы заполнить окружающую тишину.

— Да. За пшеничными лепешками... — воин сглотнул, — сказал, если бы знал, то приберег их на потом.

Верховный жрец кисло улыбнулся:

— Богатство — как тень облака[1].

— Ха, — невесело поддакнул телохранитель, — верно, Ваша Светлость. Красиво говорите, даже в такой страшный момент.

— Я же Верховный жрец, как никак, — попытался отшутиться Чудамани, но получилось плохо.

Крики впереди стали отчетливее. Они постепенно нарастали в сплошной гул, состоящий из яростных воплей.

— У вас есть силы? — спросил Чудамани. — Требую честного ответа.

— Не уверен, — произнес после короткой паузы Амрит.

— Не знаю, — сказал один из стражников.

— Есть! — выкрикнул второй, но голос его прозвучал совсем не бодро. Скорее вымученно.

— Тогда продолжаем движение в том же темпе, — решил Верховный жрец, — если сорвемся на бег, то в схватке от нас не будет никакой пользы. Растеряем все силы по дороге.

— Но тогда мы можем не успеть! — воскликнул Амрит. — Выдержит ли Шанкар?

— Будем молить богов, чтобы выдержал, — прошептал Чудамани.

Они миновали рыночную площадь. По обе стороны от главной улицы выстроились ровные ряды хижин. Окна были закрыты ставнями. Оттуда не доносилось ни звука.

«Либо жители покинули свои жилища, либо просто затаились. Где-то здесь живет семья лесоруба. Мина и Нирупама. Что с ними стало? Живы ли они?»

Чудамани хотел узнать ответы на эти вопросы, но не мог позволить себе начать искать прямо сейчас. Восточные ворота Мохенджо-Даро — вот их главная цель.

Верховный жрец ощущал гнетущее чувство обреченности, что источали от себя эти хижины. Словно они хотели раздавить его своим весом, медленно нависая над ним с обеих сторон. Вновь появилась слабость и легкое головокружение.

«Не сейчас. Не сейчас!»

Они отошли от рыночной площади более, чем на сотню локтей. Крики с востока уже отчетливо свидетельствовали о проходящей в той стороне ожесточенной схватке. Это подстегивало воинов, заставляя едва ли не срываться на бег. Но Верховный жрец постоянно одергивал их, напоминая о необходимости беречь силы. Он и сам с трудом не поддавался порыву, но понимал — если они совершат бросок, то просто упадут замертво. Поэтому старался не вслушиваться в звуки боя, а сосредоточиться на чем-то другом.

«Например, на хрусте известняка под ногами? Да, почему бы и нет?»

Он начал прислушиваться к этому приятному звуку. Будто собака неторопливо смакует куриную кость, аппетитно обгладывая хрящики. На удивление это даже помогло слегка успокоиться. Сердце стало биться чуть тише, дыхание сделалось ровнее. А жажда ринуться вперед на помощь Шанкару притупилась. Чудамани прикрыл веки и сосредоточился на шуме известняка.

Хрум-хрум-хрум.

Он не заметил, как их отряд преодолел еще сотню локтей, пройдя примерно половину главной улицы города. Впереди чуть справа показался знакомый проулок. Именно в нем находилась хижина Анилы и его семьи.

«Заглянуть? Нет, не сейчас!»

Возле проулка распростерлось безжизненное обнаженное тело. Из груди трупа торчало копьё. На лице мертвеца застыла гримаса удивления и ярости.

«Один из безумцев Панишвара. Наверняка, это тот самый, что гнался за Амритом в

ту ночь. Они даже не удосуживаются хоронить своих мертвых. Чего уж говорить о других».

Он вновь сосредоточился на хрусте известняка.

«Уже скоро, Шанкар. Уже скоро».

Крики и звуки битвы продолжались. Это пугало и обнадеживало одновременно. Все знали, с кем им придется столкнуться, и это вызывало дрожь. Но раз битва еще идет, значит, отряд охотника пока держится.

«Уже скоро. Уже скоро».

Чудамани продолжал слушать, как хрустит известняк под ногами. И Верховному жрецу показалось, что звук немного изменился. словно ноги стражников, взбивающих дорожную пыль, стали тяжелее.

Хррум-хррум-хррум.

Верховный жрец нахмурился. Он стал внимательнее вслушиваться в хруст.

Хррум-хррум-хррум.

Он стал другим. Явно изменился.

«Что-то не так».

Чудамани настолько проникся этим звуком, что невольно вскрикнул:

— Стой!

Хруст резко прекратился.

— Ваша Светлость? — раздался недоуменный голос Амрита. — Почему мы остановились?

— Хруст изменился, — проговорил Чудамани.

— Хруст? — судя по тону Амрита, тот решил, что Верховный жрец сошел с ума.

— Да, — подтвердил Чудамани, продолжая вслушиваться.

— Ваша Светлость, — начал оборачиваться Амрит, — мы должны поспешить, если хотим... — он оборвал себя на полуслове.

Верховный жрец увидел, как сильно побелело его лицо. Глаза вылезли из орбит. Их взгляд устремился куда-то за спину Чудамани.

Даже не оборачиваясь, Верховный жрец все понял. Перед ним на мостовой возникла огромная тень. Голова на длинной шее. С острым рогом на конце. Раздался громкий свист, словно над ухом воздух рассекли плетью. Позади с одного из домов посыпалась штукатурка.

Чудамани горько усмехнулся.

«Видимо, сейчас все и закончится».

[1] Древняя индийская пословица.

Испуганные вскрики женщин и плач детей потонули в монотонном яростном гуле, в который смешались дикие вопли наступающей волны врагов. Обнаженные, с бешено вращающимися глазами, они неслись вперед, подобно приливу. Тупые предметы, похожие на потухшие факелы, сжимаемые ими в руках, угрожающе рассекали воздух.

Никто не услышал свист спущенной тетивы. Никто не увидел, как двое из атакующих замертво рухнули на землю, пронзенные стрелами. Шанкар успел сделать еще два выстрела прежде, чем передние ряды безумной орды врезались в узкую живую цепь, подобно высокой мощной волне. Воины оцетинились копьями, и беззащитные обнаженные тела насаживались на бронзовые наконечники легче, чем мясо свинины на вертел. Но это нисколько не ослабило натиск нападавших. Скорее наоборот — вид крови своих сторонников только распалил их ярость и гнев. Воины не успели вытащить копья из тел пронзенных врагов, когда на них уже посыпался град ударов тупыми предметами. Нападающие наносили их с невиданным остервенением. Под напором атакующих кольцо стало прогибаться. Шанкар продолжал стрелять, выпуская из лука одну стрелу за другой. Каждая, направленная наметанным глазом, мгновенно разила врага. Но охотник понимал — стрел на всех не хватит, а воины Балдева долго не продержатся под яростным натиском безумцев. Последние уже начали охватывать живую цепь с севера и юга, плавно беря обоз в кольцо. В этот момент они походили на безудержную снежную лавину, готовую похоронить под собой неосторожных путников.

Шанкар не думал в тот момент, откуда взялась эта армия обнаженных людей. Где-то в глубинах сознания разум подсказывал ему, что это жители Мохенджо-Даро. Иначе и быть не могло. Это означало, что за время его отсутствия в городе что-то произошло. Нечто страшное и необъяснимое. И демон явно приложил к этому свои кровавые лапы.

Однако сейчас это не имело значения. Все, что имело значение — так это сдержать натиск обнаженных безумцев. И в данный момент Шанкар не представлял себе, как это сделать. Волна нападающих теснила кольцо воинов с запада, несмотря на существенные потери. Охотник потянулся к колчану и нащупал очередную стрелу... Она оказалась последней. Краем глаза он посмотрел на Абхе. Дочь старосты умело орудовала медным кинжалом, помогая сдерживать атакующих с северной стороны. Она не стояла бок о бок с воинами. Находясь на шаг позади них, Абхе наносила точные колющие выпады из-за их спин.

Выпустив последнюю стрелу, которая отправила к Богине-матери очередного ее последователя, Шанкар взглянул через плечо. У него защемило сердце. Окружение их отряда было завершено. Воины из живой цепи уже вплотную прижались к обозам. Зебу тревожно мычали. Только груженные зерном телеги не позволяли животным броситься наутек. Женщины прикрыли детей собственными телами, прижимая их лица к груди. Стараясь оградить своих чад от того, что происходит вокруг.

«Неужели все?».

Шанкар не хотел думать о том, что их жизни оборвутся сейчас, но все к этому шло. Еще немного, и живая цепь воинов оборвется, пропуская внутрь целые толпы обнаженных безумцев.

Охотник огляделся. На западе — высокие стены Мохенджо-Даро. Створки деревянных

ворот распахнуты настежь. На мгновение Шанкару почудилось, что по ту сторону арки мелькнула чья-то тень. Массивная, с вытянутой шеей и длинным рогом на голове. Однако видение было мимолетным. Так, что охотник принял тень за игру воображения. На севере виднелась грунтовая дорога, идущая вдоль верховий Синдху в сторону Хараппы. Северо-восточнее, примерно в сотне локтей от места битвы, возвышались зеленые джунгли. Они тянулись на восток вдоль тракта в долину Сарасвати. Шанкар словно пытался разглядеть что-то, что помогло бы им переломить ход сражения. Но ничего подобного увидеть не удалось.

Охотник спрыгнул с телеги и положил руку на плечо Абхе. Та вздрогнула и повернулась к нему. Ее черные глаза были широко раскрыты. Грудь вздымалась от тяжелого дыхания. На лезвии кинжала виднелась кровь.

— Отдай кинжал, и спрячься за мной! — прокричал Шанкар.

Абхе отрицательно покачала головой.

Охотник сильнее сжал ее плечо:

— Быстро!

— Нет! — яростно выпалила она.

Шанкар наклонился к ее уху, намереваясь высказать все, что он думает о ее упрямстве. Что она выбрала неподходящее время для споров и пререканий. Но не успел. Он уже разомкнул губы, с которых готова была сорваться гневная тирада, как вдруг его взор привлекло какое-то движение. На северо-востоке. Там, где виднелись густые джунгли. Крепкие стволы пальм буквально ходили ходуном. Словно что-то продиралось сквозь лес. Нечто огромное. Продиралось с большой скоростью. Охотник похолодел. Он уже догадывался, кто это мог быть.

«Демон».

Деревья стали валиться на землю, однако треск от их падения полностью заглушался воем безумцев и шумом схватки. Шанкар будто бы позабыл о том, что живая цепь вот-вот прорвется. Забыл о том, что по-прежнему крепко сжимает плечо Абхе. Все его внимание оказалось сосредоточенно на том, кто вот-вот должен появиться из глухих зеленых зарослей. И он не заставил себя долго ждать.

Свалив еще несколько крепких стволов, на опушке джунглей показался *он*.

Огромная коричневая туша. Прочная кожа, под которой угадывались сильные мускулы. Красные глаза, наполненные слепой яростью. Яростью, которая требовала немедленного выплеска. Из пасти торчали огромные белоснежные клыки, а между ними виднелся длинный и толстый змеиный язык...

Шанкар моргнул... Затем еще раз... И еще... не веря своим глазам!

«*Боги, да что это со мной?!*».

Абхе, видимо, почувствовав его замешательство, медленно обернулась и проследила за взглядом охотника.

Клыки на поверку оказались бивнями. Змеиный язык — хоботом. Мысли Шанкара становились настолько одержимы демоном, что тот виделся ему буквально везде. Коричневая кожа, массивная туша и горящие слепой яростью красные глаза ввели его в заблуждение. Сыграли с воображением коварную злую шутку. Это оказался всего лишь слон... Всего лишь слон с крайне агрессивным настроением. И эта огромная туша, увенчанная спереди блестящими бивнями, сейчас неслась... Неслась прямо на них!

Охотник медлить не стал. В мгновение ока он рванул Абхе за собой, увлекая влево. С

оглушительным ревом слон врезался в спины безумцев, готовых прорвать живую цепь воинов. Задние ряды оказались смяты и втоптаны в дорожную пыль массивными ногами животного. Передние — отправились в свободный полет. Неустанно размахивая головой, разъяренный слон подбрасывал в воздух и насаживал на бивни все новых и новых врагов. Он не щадил никого. Не разбирал, кто здесь безумец, кто воин, а кто женщина или ребенок... Зебу, запряженные в телеги с зерном, отчаянно метались из стороны в сторону, пытаясь уйти от слепых в своей ярости атак бешеного зверя, вводя еще больше сумятицы в происходящее. Калеча и давя людей. Появление слона вызвало сильное замешательство у атакующих.

Шанкар не сумел устоять на ногах, уворачиваясь от летящего на него тела безумца, и упал на землю. При этом увлекая за собой Абхе. Девушка рухнула прямо на него. Над их головами раздался очередной дикий рев слона, полностью перекрывший шум битвы. И охотнику показалось, что он слышит еще одного.

«Два слона?! Два слона?!».

В этот момент одна из телег, стоявших позади них, взлетела в воздух. Мешки рвались прямо в полете. Сквозь дыры в ткани сыпалось зерно. Оно падало, подобно мелкому граду, больно ударяя по коже. Телега приземлилась буквально в локте от Шанкара и Абхе. Она с грохотом рухнула на землю, поднимая клубы пыли. Дочь старосты вздрогнула и зашлась кашлем.

Охотник увидел, как с востока приближается еще один зверь. С такими же красными глазами, горящими слепой яростью. Еще один слон. И он двигался прямо на них.

— Что?... — хотела, было, произнести Абхе, но не успела.

Охотник грубо спихнул ее с себя, а затем затолкал под перевернутую повозку. Он едва успел залезть следом, когда бешеный слон пронесся по тому самому месту, где секундой ранее находились они.

Снаружи творилась настоящая вакханалия. Рев слонов, крики убитых и раненых смешались в леденящий душу гул. Кровь текла ручьями по земле, которую усыпали раздавленные и изувеченные тела.

Шанкар отвернулся и прокричал:

— Кинжал у тебя?!

— Уронила!

— Проклятие!

Он вновь выглянул из-под телеги в поисках оружия, но ничего не нашел. Очевидно, кинжал уже похоронен под многочисленными трупами и вдавлен в землю массивными ногами слонов.

В этот момент что-то тяжелое упало на перевернутую телегу. Борт последней сильно ударил Шанкара по затылку. Боль оглушительным взрывом пронзила голову охотника. В ней застучали кузничные молотки, а в ушах раздался шум прибоя. Перед глазами все поплыло и начало двоиться. Он попытался сосредоточиться, но новый приступ боли мгновенно погрузил его во тьму.

***

Сознание возвращалось постепенно. Сначала он услышал шум, напоминающий отдаленный рокот прибоя. Гул был прямо у него в голове, которая буквально раскалывалась в районе затылка. Как будто обухом топора ударили. Впрочем, это было недалеко от истины.

Со стоном, Шанкар открыл глаза. Перед взором все двоилось, однако спустя несколько мгновений он начал приходить в норму. Охотник обнаружил, что продолжает лежать под перевернутой телегой лицом вниз. Он медленно поднял правую руку и осторожно дотронулся до затылка. Кончики пальцев нащупали полузасохшую корку. Местами еще сочилась кровь. Шанкар поморщился и обернулся. Абхе под телегой не было. Позабыв на мгновение, что накрыт повозкой, он захотел вскочить, едва вновь не ударившись о борт. Однако в самый последний момент осознал глупость своего поступка и стал медленно выползать на солнечный свет.

Выбравшись из-под телеги, охотник шумно втянул воздух через ноздри и, опершись о повозку, начал медленно подниматься. Боль в затылке усилилась, заставляя его скривиться. Повязка на груди немного намокла. Видимо, раны от когтей синха снова стали сочиться. Однако ему удалось устоять на ногах, несмотря на легкое головокружение.

Округа была усеяна раздавленными и обезображенными трупами. Леденящие душу стоны раненых заставляли тело покрываться гусиной кожей. Кровь толстым слоем легла на землю. Грунтовая дорога, ведущая к стенам Мохенджо-Даро, буквально утопала в ней. И хотя Шанкар уже привык к рекам крови, он все же почувствовал приступ дурноты. К горлу подступил комок. Он окинул взглядом местность, и от этого легче не стало. Слоны ушли, оставляя за собой след из крови и разрушений. Телеги, сломанные и лежащие вверх дном, оказались разбросаны по всей дороге. Повсюду валялись порванные мешки с зерном. Среди тел было немало и трупов лошадей и зебу, не успевших сбежать от смертоносных бивней разъяренных животных. Шанкар опустил взгляд вниз. Под обломками телег он увидел неподвижные тела. Женские тела. По-прежнему укрывающие от опасности своих детей. Таких же неподвижных, как и они сами...

Охотник отвернулся, чувствуя, как все нутро сжимается в комок. Дыхание перехватило. Прикрыв глаза, он ухватился за борт телеги трясущимися руками. Стоны раненых и умирающих людей продолжали доноситься до его ушей, но он не хотел их слышать. Он вообще больше ничего не хотел. Лучше бы он вместе с остальными попал под сокрушительный удар слоновьих ног. Или оказался вспоротым костяными бивнями. Лишь бы не видеть и не слышать всего этого. Не зная, что делать дальше...

Однако ему пришлось. Пришлось открыть глаза. Ибо он услышал, как кто-то произносит его имя.

— Шанкар, — раздался хриплый и сдавленный голос.

Несмотря, с мертвенно бледным лицом, охотник поднял веки и обернулся на зов. У соседней перевернутой телеги на земле лежал Балдев. Прислонившись к борту, он тяжело дышал. Лицо покрывал слой пота и бледности. Вся туника ниже груди пропиталась кровью. Воин прижимал правую руку к животу.

На негнущихся ногах охотник сделал пару шагов навстречу.

— Что... — просипел Балдев, — что... что это было?

— Слоны, — выдохнул Шанкар.

— Но... — воин закашлялся, — они же... вроде как... мирные...

Охотник вспомнил красные глаза несущегося на всех порах животного, в которых горела слепая жажда разрушения.

— Их привлек шум, — проговорил он, — должно быть, сейчас брачный период и....

Шанкар сделал еще один шаг, и в этот момент Балдев истошно завопил. Охотник вздрогнул, непроизвольно скосив взгляд вниз. Только сейчас он заметил, что из живота

война вывалились внутренности. И охотник наступил сандалией на кишки. Шанкар отпрянул назад, наткнувшись спиной о борт перевернутой телеги. Открыв рот и выпучив глаза, он наблюдал, как тело Балдева забилося в конвульсиях. Агония продолжалась несколько секунд. Когда же все было кончено, и голова война безжизненно упала на грудь, Шанкар понял — только чудо не даст ему сейчас рухнуть в месиво из крови и тел. Он ощущал, как жизненные силы стремительно покидают его ноги. Непроизвольно ухватившись дрожащими руками о борт повозки, охотник готов был выпустить деревянную поверхность из пальцев. Упасть и забыться. Чтобы не видеть больше ничего. *Вообще ничего*. Он так устал от крови и смертей. Они давили на него, словно сотня лет давит на плечи дряхлого старика, мечтающего о встрече с богами. И в тот момент, когда руки уже готовы были опуститься, он увидел ее.

Абхе шла по обочине дороги, устремив невидящий взор перед собой. Ее сильно шатало. Грудь покрывал слой крови.

Словно позабыв о слабости, охотник кинулся к ней, спотыкаясь о бездыханные тела. Он дважды падал, измазывая руки в крови и встречаясь взглядом с остекленевшими глазами трупов, на лицах которых застыли гримасы ужаса и боли. И дважды поднимался. Наконец, Шанкар добрался-таки до девушки и ухватил ее за плечи. Пелена в глазах дочери старосты немного рассеялась.

— Ты... — прохрипел он, а затем начал осторожно ощупывать ее грудь, залитую кровью, — где?!

— Не моя, — коротко произнесла она, — я цела... вроде.

Не совсем отдавая себе отчет в том, что делает, Шанкар обнял Абхе, крепко прижав к собственной груди. Она ответила на его объятия, положив руки на плечи. Он ощущал, как ее трясет. Так сильно, что дрожь передалась ему.

— Его больше нет, — глухо прошептала Абхе.

— Кого? — спросил он, закрывая глаза, чувствуя, что они начинают увлажняться.

— Отца, — она шмыгнула носом.

Шанкар не стал ничего говорить. Слова были бессмысленны.

Они стояли так около минуты. Словно два изваяния, причудливо сплетенное друг с другом, на фоне жестокой и леденящей душу картины. Спустя какое-то время до охотника дошло, что он не слышит больше стонов умирающих. Округа погрузилась в тишину. Настоящее безмолвие, посреди которого в живых остались лишь они. Только слабое дуновение ветра над головами заставляло шелестеть пальмовые листья. Легкие порывы воздуха играли их волосами и обдували кожу. А тихий шелест деревьев привносил чувство покоя. Такое неестественное и жуткое посреди хаоса и смерти.

Шанкар не хотел открывать глаза... Она не хотела открывать глаза... Ведь опущенные веки позволяли насладиться тьмой. Тьмой, которая не пропустит в их мир эти ужасные образы. Ведь она оберегает их от реального мира. Оберегает подобно крепко закрытым воротам... Но нависшая над ними тишина словно подсказывала своим беззвучным шепотом — нужно идти. Идти дальше.

— Нам пора, — с трудом пробормотал Шанкар.

— Куда? — прошептала она в ответ.

Охотник подумал несколько секунд, а затем молвил:

— На север. В Хараппу.

— В Хараппу? Но почему именно туда? Может, в Лотхал?

— Нет. Туда тоже идет пустыня.

— Откуда ты знаешь?

— Твой отец говорил.

Она вздрогнула, но быстро ответила:

— Тогда в Хараппу.

— Хорошо, только...

— Только, что?

Шанкар нехотя открыл глаза:

— Я должен узнать, что стало с Миной и Нирупамой.

— Кто это? — Абхе немного отстранилась. Ее глаза покраснели, но пелена с них полностью спала.

— Семья моего старого друга.

— Думаешь, они еще живы?

— Вот я и хочу узнать. Я не могу уйти, не убедившись.

Она кивнула:

— Тогда идем.

Шанкар разомкнул объятия. Окинув взглядом землю, он поднял два окровавленных копья. Одно протянул девушке.

— Умеешь с ним обращаться?

Она горько хмыкнула:

— А есть выбор?

Охотник хмуро кивнул:

— Верно.

Старясь не смотреть под ноги, они двинулись в сторону восточных ворот Мохенджо-Даро. Их сердца громко бились в груди, а изо рта вырывалось тяжелое дыхание. Распахнутые настежь деревянные створки напоминали зев голодного чудища, чью жажду крови не утолить никогда.

Солнце, достигшее зенита, согревало своим теплом. Воздух раскалялся все больше, норовя перерасти в настоящий зной.

Но они не чувствовали его. Не ощущали жара небесного светила. Их пробивала дрожь, словно они очутились высоко в горах без теплой одежды. Только пар не шел изо рта. Пройдя через городские ворота, они будто бы оказались в ином мире. Мире, напоминающем загробный. Мохенджо-Даро встречал их тишиной.

— Что здесь произошло? — тихо прошептала Абхе, оглядываясь по сторонам. Ее глаза были широко раскрыты.

— Не знаю, — коротко ответил Шанкар.

Он догадывался, что за безумством местных жителей стоит демон. Но разве мог он поработить умы сразу всего города? И у горожан, напавших на его отряд, не были закатаны глаза, как у Анила.

«Почему?».

Охотник не знал ответа. И щемящее чувство в груди подсказывало ему — искать было уже поздно...

Он скосил взгляд влево, где располагалась городская конюшня при восточных воротах. Несколько белоснежных кобыл находились в стойлах и с тревогой смотрели на людей.

«Будет на ком уехать, уже хорошо».

— Идти далеко? — спросила Абхе.

Шанкар указал пальцем на юг. Туда, куда уходила широкая главная улица. Пустая. Лучи полуденного солнца отражались от ее поверхности, вызывая неприятное чувство тоски и одиночества. Огромный город не должен выглядеть таким тихим. Таким безмолвным. Девушка поежилась.

— Вперед по дороге, а затем в проулок и налево, — ответил охотник.

— Хорошо. Только давай не задерживаться.

— Постараясь.

Абхе опасно озиралась по сторонам. Одинаковые хижины, выстроенные вдоль дороги, действовали удручающе. Девушку продолжал бить легкий озноб.

— Тихо слишком, — прошептала она.

— Да, — Шанкар тоже ощущал эту гнетущую тишину, словно тяжкий груз на своих плечах.

— Как думаешь, здесь кто-нибудь еще есть?

— Не знаю, — сокрушенно покачал он головой, — не знаю.

Оба в этот момент подумали об одном и том же. Что стоило бы поискать выживших. Но при этом они осознавали, что поиски могут занять слишком много времени. И неизвестно, на кого они наткнутся в итоге. На мирного жителя, очередного безумца... или демона. А ведь он рядом.

«Сначала Мина и Нирупама, — решил про себя Шанкар, — а там видно будет».

Они двинулись вперед по главной дороге. Далеко впереди возвышалась Цитадель — мрачная и жуткая в своем безмолвии. Известняк приятно хрустел у них под ногами, и в окружающей тишине он звучал громче кузничного молота. Безоблачное небо, подобно синему куполу, распростерлось над их головами. Ветер окончательно стих, полностью

погружая город в мертвую тишину. И только солнце неустанно палило своими лучами. Несмотря на это Абхе и Шанкар продолжали ощущать на себе легкую дрожь. Охотнику казалось, будто он очутился ночью в пустыне. Только вместо песка и каменной почвы — хижины с закрытыми ставнями. Теперь они виделись чужими. Взирали на него своими окнами-глазницами в угрожающем безмолвии.

Впереди показался знакомый дом. Его дом.

— Вон моя хижина, — сказал охотник, только чтобы заполнить окружающую тишину.

— Я думала, ты живешь богаче, — критически констатировала Абхе.

Он хмыкнул:

— Я бы мог, но не люблю, когда много народа.

— О, значит, Мохенджо-Даро сейчас идеально подходит для тебя, — кисло бросила она и, заметив его укоризненный взгляд, быстро добавила, — прости. Прости, пожалуйста! Мне... мне просто нехорошо.

— Ничего, — натянуто улыбнулся тот, — я понимаю.

Он сам чувствовал себя, словно не в своей тарелке. Жгучее желание покинуть Мохенджо-Даро, как можно скорее, росло с каждой минутой. Будто город никогда не был ему родным, а на этой улице он не провел всю свою сознательную жизнь. В одночасье все стало чужим. Враждебным. Страшным. Шанкару приходилось прилагать усилия, дабы заставить ноги двигаться вперед. Лишь мысли о Мине и Нирупаме сдерживали его от немедленного бегства.

Они почти миновали дом охотника, когда из палисадника соседней хижины послышался шум. Шанкар тут же обратил на него внимание и напрягся. Кустарник белого жасмина перед домом зашевелился, и среди веток показалась знакомая курчавая голова.

Охотник тут же расслабился и с облегчением выдохнул:

— Каран.

— Шанкар, — мальчуган поднялся во весь рост и поманил рукой охотника.

Они двинулись к палисаднику.

— Рад, что ты цел, — искренне заулыбался Шанкар, подходя вплотную.

— А уж я то как рад, что встретил тебя! — воскликнул в ответ паренек, а затем с интересом начал разглядывать Абхе. Причем, не стесняясь. — А это кто?

— Друг, — быстро ответил охотник, слегка краснея.

— Ага, как же, — хмыкнул Каран.

— Смышленный малый, — бросила Абхе, улыбнувшись уголком рта.

— Да, я наблюдательный, — вздернул нос тот.

— Раз такой наблюдательный, — прервал их Шанкар, — объясни, что тут произошло?

Улыбка съехала с темного лица мальчугана. Он посерьезнел. В глазах появился испуг.

— Тут чудище по улицам ходит.

Шанкар побледнел:

— Оно рядом?

Каран поджал губы:

— Судя по воплям и крикам, доносившимся недавно со стороны рыночной площади — да, — его плечи непроизвольно дернулись.

— А безумцы...

— Последователи Панишвара.

— Что?

— Они решили, что демон — посланник Богини-матери, карающий нас за грехи, — пояснил Каран, — мол, мы должны отказаться от всего и покаяться.

«Так, вот оно что...».

— И вот еще, — мрачным тоном добавил паренек, — зернохранилище сгорело.

Шанкар вздрогнул и переглянулся с Абхе.

— В городе еще кто-нибудь остался? — спросил охотник.

— Не знаю, — сокрушенно покачал головой Каран, — я из дома стараюсь не высовываться. Все наши соседи примкнули к Панишвару еще несколько дней назад... У нас еда заканчивается. Госпожа Пратибха очень слаба...

— Ясно, — бросил Шанкар, а затем сказал, обращаясь к Абхе, — останешься с ним. Дальше я иду один.

— Ну, уж нет! — решительно заявила она.

— Ты слышала, что он сказал? Демон рядом. Лучше присмотри за Караном.

— И ты собираешься идти туда один?! — Абхе не намеревалась отступить.

— Мы все равно с ним не справимся в открытом бою. Так, по крайней мере, ты останешься цела.

— Но...

— Я все сказал, — отрезал Шанкар, быстрым шагом направляясь дальше по улице, — присмотри за Караном. Если не вернусь к тому моменту, когда солнце пройдет над Цитаделью, берите лошадей и скачите в Хараппу.

— Я не уеду без тебя!

— Уедете! — не оборачиваясь, и не сбавляя шага, бросил Шанкар.

Абхе уже хотела идти следом за ним, но мальчуган ее остановил.

— Слышала, что он сказал? Обо мне надо позаботиться.

Девушка закатила глаза, издала тихий стон и обернулась к пареньку. Тот продолжал разглядывать ее широко раскрытыми глазами, в которых застыла смесь испуга и любопытства.

Бросив мимолетный взгляд в спину удалявшемуся охотнику, Абхе угрюмо произнесла:

— Ну, веди.

— Сюда, — тот поманил ее к входной двери.

***

Шанкар прошел вперед всего несколько десятков шагов, когда почувствовал, как его ноги начинают непроизвольно замедлять ход. Впереди показался знакомый проулок, уходящий на восток. Именно в нем располагался дом семьи Анилы. Но взгляд охотника оказался прикован совсем не к нему. Вся дорога в этом месте была усеяна трупами и залита кровью. Разорванные и изувеченные тела. Судя по сломанным копьям, это были стражники Мохенджо-Даро. Шанкар привык к виду крови и истерзанных тел. Привык к тому, что смерть давно неуклонно следует за ним по пятам. Однако его дыхание все равно участилось в такт подскочившему сердцебиению.

Он продолжил медленное движение вперед, опершись левой рукой о стены хижин возле дороги. Пальцы скользили по шершавой поверхности глиняного кирпича, оставляя на мягких подушечках мелкие царапины. Но он не замечал их. Взглядом широко раскрытых глаз Шанкар рассматривал обезображенные тела. Среди них он узнал Верховного жреца. На устах

Чудамани играла ироничная усмешка, оставшаяся даже после смерти. Охотник не мог не заметить осунувшегося и исхудавшего лица. Совсем рядом распростерлось тело воина. На лице застыла гримаса ужаса и отчаяния.

«Амрит... боги, они мертвы... все... неужели все? Неужели я опоздал?».

Он так засмотрелся на жуткую картину, что, продолжая движение, не заметил, как достиг проулка. Рука,двигающаяся по стене,хватила пустоту, и Шанкар едва не упал, чудом сохранив равновесие.

Он свернул в проулок, не оглядываясь назад. Сердце щемило и ходило ходуном. Тяжелое дыхание, вырывавшееся из груди, громко отдавалось в узком пространстве. Сандалии шлепали по лужам. Правая рука крепко сжимала древко копья. На лбу выступила испарина. Все, чего он хотел в данный момент, так это уйти. Выбраться поскорее из этого города, ставшего пристанищем смерти. Но только после того, как заберет отсюда Мину и Нирупаму... Если еще не слишком поздно. Он отсчитал три дома по правую руку и остановился напротив четвертого.

Несколько секунд охотник просто смотрел на знакомую деревянную дверь. Стоял, не решаясь постучать.

«Что, если мне не откроют? Что, если их давно уже нет в живых? Умерли от голода, рук безумцев или когтистых лап демона?».

Возбужденное воображение тут же нарисовало ужасную картину. Как окровавленное и истощенное тело Мины лежит сейчас по ту сторону массивной двери. Лежит, прижимая к груди безжизненную дочку Нирупаму...

Чувствуя очередной приступ дурноты, Шанкар шумно вдохнул влажный воздух, а затем решительно постучал. Звук от соприкосновения его кулака с дверью разнесся по безмолвному проулку, подобно грому среди ясного неба. Охотник сам испугался этого звука и быстро огляделся по сторонам. Справа виднелся выход на главную улицу. Истерзанные тела бросались в глаза даже с того места, где он стоял. Нервно сглотнув, охотник бросил взгляд влево. Проулок уходил далеко на восток в сторону городской стены. Он был пуст.

«Он не пролезет сюда... демон не пролезет сюда... слишком узко... слишком узко...».

Шанкар громко выдохнул и посмотрел на дверь. Только сейчас до него дошло, что ему так никто и не открыл. Внутри хижины сохранялась полная тишина. Охотник почувствовал, как капля пота стекает по переносице. Поджав губы, он решил постучать еще раз. И снова тишина. Теряя терпение, он ухватился за ржавую медную ручку и потянул. Безрезультатно. Шанкар приложил усилия и резко рванул дверь на себя. С тем же успехом. Очевидно, она была заперта.

— Мина! Нирупама! — громко прошептал он. — Это я, Шанкар.

Охотник прислушался. Ответа не последовало.

— Мина, открой! Молю тебя, слышишь?!

И вновь его возглас утонул в жутком безмолвии, непроницаемым одеялом окутавшим город. Шанкар с минуту прислушивался, не раздастся ли с той стороны какой-либо звук? Хоть малейший шорох.

Ничего.

Не вполне соображая, что делает, Шанкар подбежал к соседней хижине и рванул дверь на себя. Заперто. Следующая. Заперто. На стук никто не отвечает. Хижина напротив — открылась! Охотник влетел внутрь, не обращая внимания на внутреннее убранство. Все равно у всех все одинаково. Его глаза спешно оббегали пустую хибару в поисках чего-то, чем

можно выломать дверь. Ничего. Только прихват для печи, да тупой кухонный нож. В полном отчаянии он вышел наружу и снова дернул ручку двери хижины Анила.

— Мина! — крикнул он, уже не боясь быть услышанным.

И снова ответом была тишина.

Обреченно Шанкар отшатнулся назад, упершись спиной о стену хибары напротив. В бессилии он воздел лицо к небу. Оно продолжало оставаться безоблачным. Солнце, находившееся в зените, покрывало его рядом с собой подобием белесой пелены. И тишина. Мертвая гнетущая тишина. Только глубокое дыхание охотника нарушала ее в этот момент. Шанкар провел ладонью по лицу. Оно оказалось влажным от пота.

— Неужели? — сокрушенно прошептал он. — Неужели мы и вправду заслуживаем *такого*?! Ответь мне, Богиня-мать!

Округа продолжала хранить полное безмолвие, в немом укорке нависая над ним. Солнце слепило с вершины небосвода, молчаливо наблюдая за мольбами охотника. Осознав, что его зов останется без ответа, Шанкар на секунду зажмурил глаза и громко выдохнул. Затем, медленно, словно во сне, он отошел от стены и вновь посмотрел на деревянную дверь.

«Поздно...».

— *Шанка-а-а-а-р.*

Этот шепот разнесся по проулку, словно ветер играет опавшими листьями.

Охотник вздрогнул. Сердце забилося с удвоенной силой. Оно так громко стучало в груди, что Шанкар боялся, как бы его не разорвало на части. Он узнал голос. Узнал бы из тысячи других. Звук исходил откуда-то слева. Охотник ощутил, что его тело пробивает мелкая дрожь. Тем не менее он решил обернуться. В паре десятков локтей, посреди узкого и сырого проулка, стояла *она*. Длинная черная коса, перекинутая через плечо, прикрывала правый сосок. Взгляд огромных синих глаз пронзал его насквозь. На столь знакомых губах играла улыбка. Нежная и, в то же время, печальная. Ее лицо было чистым. Без каких-либо намеков на те ужасные разводы из грязи и крови. Но от этого становилось еще невыносимее. Ее лицо было чистым... Как в тот день, когда он подарил ей драгоценный сапфир...

Нилам протянула к нему руки:

— *Пойдешь?*

Он шумно вдохнул. Сердце сжалось от невыносимой боли, словно его положили под пресс, и пропустило удар. Затем гулко забилося вновь. Губы вмиг пересохли. Охотник уже хотел сделать шаг навстречу, но в последний момент остановился. Что-то внутри заставило его это сделать. Он не может уйти. Хочет, но не может... Ведь там, рядом с домом, его ждут Абхе и Каран... Ему так хочется вновь ощутить на себе руки Нилам, почувствовать ее объятия. Но он не может этого сделать... *Не должен этого делать*. Шанкар чувствовал, что сердце может не выдержать. С уст сорвался беззвучный шепот. Охотник ощущал, как неимоверно тяжело даются ему эти слова.

— Я не могу... Прости.

Шанкару почудилось, что улыбка на лице Нилам стала еще печальнее. Она слегка потупила взор. Ее руки опустились и повисли вдоль тела.

— *Прощай, любимый. Помни, я согласна...*

Девушка сделала пару шагов назад. Глаза охотника увлажнились, а к горлу подступил огромный комок. Слезы ручьями потекли по щекам. Когда же он протер очи ладонью, то проулок был уже пуст. Нилам исчезла.

Дольше находиться здесь было выше его сил. Шанкар понял, что если задержится тут

еще хоть на мгновение, то окончательно лишится рассудка.

«Это больше не мой дом. Это не мой дом».

Громко выдохнув, и ощущая боль в груди, охотник на негнущихся ногах отправился в обратный путь.

***

Мина слышала, как кто-то пытается войти в дом. Упорно и настойчиво. Но деревянный засов выдержал. Затем она услышала голос. Он звал их по имени.

«Шанкар? Это Шанкар?».

Она уже хотела подняться и открыть дверь, но в последний момент одернула себя.

«Нет! Он тоже безумец. Все в этом городе безумцы! Все! Я не открою. Не отдам и свою дочь!».

В ее взгляде пылала решимость. Слепая непоколебимая решимость.

Спустя некоторое время она услышала удаляющиеся шаги. Кто бы это ни был, он уходил. Женщина облегченно вздохнула и погладила Нирупаму по голове. Девочка лежала у нее на коленях, забывшись беспокойным сном. Ее лицо немного осунулось. Они не ели уже несколько дней. Отрешенным взглядом Мина рассматривала окружающую обстановку. Стены родного дома казались ей крепостью, по внешнюю сторону которых таится смертельная опасность. Но в то же время она ощущала, как они начинают медленно поглощать ее. Будто женщина срасталась с ними в одно целое. Где-то в глубинах сознания Мины еще теплился огонек разума. Огонек, подталкивающий к действию. Но он был уже слишком мал и ничтожен. С тех пор, как она лишилась мужа, ее рассудок дал трещину, и этот огонек готов был потухнуть в любой момент...

Как только шаги скрылись вдаль, она прошептала:

— Все хорошо, милая. Этот безумец ушел. Все хорошо.

***

Девадат стоял возле западных ворот Цитадели, подставляя бледное лицо под лучи полуденного солнца. Он испытывал сильную слабость. Бывший Верховный жрец ничего не ел последние несколько дней. Раненая рука лишь добавляла страданий. Однако он был полон решимости. Решимости в том, что пора двинуться в путь. Ведь сегодня ему было видение. Снова от *него*. Посланника воли Богини-матери. Девадат исполнил свое предназначение в долине Синдху. Но не искупил свой грех. Поэтому он должен вернуться к тому, что начал во время их первой встречи. К изгнанию. И должен пойти туда, где небесное светило завершает свой путь на исходе дня. Там, где находит свой конец день, найдет свой конец и он. Девадат безропотно принял свою судьбу. Ведь так ему повелел *он*. Посланник воли Богини-матери.

Шумно вдохнув полной грудью, бывший Верховный жрец начал медленно, но уверенно спускаться с холма, на котором стояла Цитадель. Остывшие и разлагающиеся тела источали смрад, но он не замечал его. Девадат даже под ноги не смотрел. Все его внимание было устремлено на запад. Туда, где заканчивает свой путь небесное светило. Туда, где закончит свой путь и он.

Когда тюремщик покидал темницу, то обронил связку ключей возле его камеры... и

тогда он услышал голос. *Его* голос.

Крепость Мохенджо-Даро безмолвно возвышалась прямо за ним. Ее стены, покрытые копотью от недавнего пожара, провожали Девадата в последний путь.

***

— Ты не нашел их? — спросила Абхе, хотя прекрасно понимала, что ответ очевиден.

Шанкар вернулся один. С мрачным и обреченным выражением на лице.

— Нет, — покачал головой он. — Дверь заперта. Никто не откликнулся.

Каран понурил голову:

— Значит, скорее всего они... Богиня-мать, что же тогда делать?

— Пратибха может идти?

Мальчуган покачал курчавой головой:

— Она уже...

Охотник поджал губы:

— Ясно. Тогда уходим.

— Что дальше? — спросила Абхе.

— Возьмем воды и лошадей из конюшен. Потом нам придется ненадолго вернуться на поле боя, — тут он обернулся к Карану, — ты пока подождешь возле ворот. Не для твоих глаз.

Каран спорить не стал. Понутив голову, он молча уставился в пол.

— Зачем нам возвращаться к месту битвы? — поинтересовалась Абхе.

Она не хотела вновь смотреть на изувеченное тело отца.

— У нас нет еды, — начал пояснять охотник, — нужно освежевать пару зебу. Каран, ты готов?

— Да, — вздохнул он, — только сандалии надену...

— А до Хараппы далеко? — поинтересовался Каран.

— Около трех дней пути, — ответил Шанкар, — если поторопимся.

Они покинули Мохенджо-Даро на трех белоснежных лошадях, предварительно набрав воды и заготовив мяса зебу на несколько дней. Возвращаться к месту битвы было неприятно, но выбора не оставалось. Пока Абхе и Шанкар свеживали туши, они несколько раз замечали в окрестных джунглях какое-то движение. Девушка боялась увидеть очередного бешеного слона. Дикий рев и острые бивни животного были слишком свежи в ее памяти. Шанкар же опасался появления демона. То, что он находится где-то неподалеку, охотник не сомневался ни на секунду. Поэтому торопился покинуть мертвый город, как можно скорее. Однако их опасения оказались напрасными. Кто бы ни мелькал между стволами деревьев, на опушке он так и не показался. Вскоре они закончили все приготовления и двинулись на север по дороге вдоль реки Синдху. Прежде, чем Мохенджо-Даро окончательно скрылся за поворотом, Шанкар обернулся. С того места, где он остановился, город казался точно таким же, как раньше. словно и не было ничего. Не было обезображенных тел на улицах. Не было сгоревшего зернохранилища... Стены все также возвышались над небольшой равниной, а створки восточных ворот гостеприимно раскрыты перед путниками. Но охотник знал, что это не так. В груди защемило. Он покидал Мохенджо-Даро. Покидал свой дом. Навсегда... А впереди ждала лишь неизвестность...

Цокот копыт гулко отдавался в тишине. Слева от дороги несла свои воды Синдху. Ее журчание и пение нектарниц в цветках лотоса навевали покой. Из джунглей, подступающих справа к обочине, доносились отдаленные крики обезьян. Но путники не придавали значения звукам природы. Слишком глубоко они погрузились в себя.

Двигались не слишком быстро. Незачем попусту загонять лошадей. К тому же Каран хоть и неплохо держался в седле, рисковать им Шанкар не хотел.

Солнце стремительно приближалось к закату, когда они заметили небольшую поляну по правую сторону от дороги.

— Может, устроим привал здесь? — предложила Абхе.

Шанкар уже готов был дать согласие, однако в следующий миг его взор заметил нечто такое, от чего ему стало нехорошо. Остатки походных палаток. Порванные в клочья. Он узнал их. И от этого сделалось дурно.

— Нет, не здесь, — быстро ответил он, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

Абхе недоуменно воззрилась на него:

— Но... почему?

— Здесь опасно.

Она еще раз окинула взором поляну и теперь тоже заметила остатки палаток:

— Что тут произошло?

Шанкар поджал губы. Он не хотел говорить.

Однако видя, что Абхе не сводит с него пристального взгляда, выдавил:

— Здесь погибла Нилам.

Девушка не ответила. Она разумно решила, что сейчас ни к чему дополнительные расспросы. Тем более охотник выглядел так, словно из него комары всю кровь высосали. Каран, следовавший за ними, с интересом рассматривал поляну, пытаясь разглядеть на ней

что-нибудь помимо палаток. Но густая трава тщательно скрывала то, что могло бросаться в глаза.

Он старался не смотреть. Не смотреть в ту сторону. Ибо боялся вновь увидеть ее. Не растерзанный труп... а живое видение. Как она снова протягивает к нему свои руки... зовет...

Только когда поляна осталась позади, Шанкар начал понемногу приходить в себя.

Солнце коснулось своим нижним краем горизонта. Его косые лучи заливали округу оранжевым светом. Недалеко от дороги по-прежнему несла свои могучие воды река Синдху, а в прибрежных кустарниках пели пурпурные нектарницы. Джунгли отбрасывали на тракт причудливые тени. Но сегодня они не выглядели пугающими. Не казались хищными птицами, тянущими к неосторожным путникам свои когтистые лапы. Они навевали покой. А вкупе с пением птиц и стрекотанием кузнечиков еще и сонливость.

— Поищем другое место для ночлега, — молвил охотник.

— Скоро стемнеет, — подметил Каран.

— Выше по течению будет небольшой привал. Там и остановимся.

Шанкар вспомнил, как скакал по дороге, в тщетных попытках успеть спасти Нилам. Как загнанная лошадь выкинула его из седла. Как он отбил себе ребра при падении. И как бывший Верховный жрец Девадат оттащил его на тот самый привал. При мыслях об этом человеке, охотник непроизвольно сжал поводья.

«Он знал. Он знал уже тогда. Наверняка Девадат приложил руку к тому, что произошло в Мохенджо-Даро. И пусть демон мог затуманить его разум, это не обеляет того, что он натворил».

На дороге стали сгущаться сумерки, когда их процессия достигла, наконец, привала и стала обустроиваться на ночлег.

***

Девадат стоял на потрескавшейся каменистой почве и смотрел на запад. Небо окрасилось в оранжевый цвет, а небесное светило уже скрылось за горизонтом. На востоке выступили звезды. Впереди же расстилалась бескрайняя пустыня. Камень медленно и неумолимо сменялся песками. С той стороны доносился жар, несмотря на позднее время.

«Иди туда, где день заканчивает свой путь».

Бывший Верховный жрец вздрогнул. Он знал, что посланник воли Богини-матери сейчас находится далеко. В долине Синдху. Но Девадат отчетливо слышал голос в своей голове. *Его* голос.

«Иди-и-и-и».

Непроизвольным движением Девадат утер ладонью лицо. В правой руке он сжимал грубый деревянный посох. Левая скрывалась под походным плащом. Решительно выдохнув, он сделал первый шаг по направлению к пустыне.

***

Шанкар вздрогнул и открыл глаза. Он сам не заметил, как уснул, хотя обещал себе бодрствовать всю ночь. Абхе и Каран спали рядом на траве. Первые лучи восходящего солнца играли на темном лице паренька, казавшегося в этот миг таким безмятежным. Он

прижался к девушке, чтобы ночью не было так холодно. Та обняла его за плечи. Охотник невольно улыбнулся. Впервые за долгое время он увидел картину, которая не вызывала отвращения. Не заставляло сердце сжиматься от страха и отчаяния. Сидя здесь на привале, среди небольшой, но уютной полянки возле дороги, могло показаться, что все хорошо. Что ничего не произошло. Издалека доносилось журчание Синдху. Прекрасный рассвет заливал округу золотистым свечением, а слабый ветерок шелестел в кронах деревьев над головами. Охотник закрыл глаза и шумно вдохнул свежего воздуха, позволяя себе укрыться на мгновение одеялом покоя и умиротворения.

«Как же может быть хорошо... утро... прохлада. Ветер и вода. Пение птиц... пение птиц...».

Охотник резко поднял веки.

«Я его не слышу...».

Покрывало покоя было резко сдернуто. Шанкар ощутил холод по всему телу, словно его внезапно выдернули из теплой постели и выставили на улицу в морозную ночь. Быстро схватив копьё, он вскочил на ноги. Сердце забилось в груди с такой скоростью, что он уже не различал его ритма. Грудь вздымалась от глубокого дыхания. Лихорадочно оглядываясь по сторонам, охотник развернулся в сторону дороги, идущей на Харappу, и замер.

Он стоял там.

Красные немигающие глаза на вытянутой морде смотрели прямо на него. И Шанкар не мог отвести своего взгляда. Он словно прилип к нему. Как зазевавшаяся мошка попадает в ловушку древесной смолы. Длинный тонкий рог был устремлен в сторону охотника. Хвост демона, увенчанный наростом, рассекал воздух, подобно огромному хлысту. Его кончик светился янтарно-зеленым светом. Передвигая массивными передними лапами с острыми когтями, чудовище сделало шаг вперед. Шанкар хотел вскинуть руку с копьём, но в этот момент невидимая сила заставила его разжать пальцы. Оружие выскользнуло из них и бесшумно упало в траву. Бронзовый наконечник сверкнул в лучах восходящего солнца. Охотник услышал позади себя сдавленный крик, который мгновенно оборвался. Он хотел развернуться. Развернуться, чтобы помочь. Но не смог. Красные глаза демона словно пригвоздили его к земле. Намертво. Шанкар чувствовал, как пот заливает его лицо. И чем ближе приближался зверь, тем труднее становилось дышать. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он хотел совершить хоть какое-то движение, но не мог двинуться с места. Демон сделал еще несколько медленных шагов и остановился. Его огромная тень нависла над охотником, а массивная туша закрыла собой солнце. При этом немигающие красные глаза продолжали буравить Шанкара, словно два острых кинжала.

«Сейчас все закончится».

Пронеслось у него в голове. В эту секунду он жалел только об одном — что ничем не сможет помочь Абхе и Карану.

И тут охотник услышал голос. Голос, очень похожий на шелест опавших листьев в лесу. Он уже слышал его раньше. Тогда, когда демон показывал ему страшные видения погибшей Нилам.

«С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш».

«О, нет! Только не показывай мне ее снова! Только не показывай!».

Шанкар зажмурил глаза в отчаянной попытке отгородиться от навязчивых видений... и увидел... себя. Как в тот раз, когда чуть не пронзил свою шею собственным кинжалом.

Вот он снова склоняется перед какой-то коричневой тушей убитого животного. Охотник

не сразу сообразил, что это за зверь. И только когда видение стало отчетливее, показывая, как он, Шанкар, начинает свежевать труп, стало ясно. Дикий зубр. Охотник не встречал их уже очень давно. Поэтому он так и не принес кузнецу Брасиду необходимые шкуры. Их просто неоткуда было брать. Видение слегка переместилось, и Шанкар обратил внимание, что у убитого зубра белоснежные рога. Охотник вспомнил, что именно такие были у последнего зверя, встреченного им на охоте. А затем он увидел шкуры... Тысячи шкур, аккуратно сложенных рядом. А чуть поодаль — груда костей, блестящих своей белизной. И нетрудно было догадаться, кому они принадлежат. Множество рогатых черепов, напоминавших по форме головы диких зубров. Шанкар хотел отвернуться. Прекратить созерцать эту картину. Но не мог. Демон словно заставлял его вновь и вновь смотреть на груду костей, шкуры и освежеванное тело последнего зубра.

«Хватит!».

«С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш».

Видение начало расплываться. Груда костей сменилась джунглями. Охотник увидел группу людей. В белых рубахах. Счастливые улыбки на их загорелых лицах сверкали также ярко, как бронзовые топоры в руках. И они рубили. Рубили нещадно. Одно дерево за другим. Пальмы. Салы. Затем вспыхнул огонь. Всепоглощающее пламя, которое оставляло после себя лишь черный след пепелища.

«Поселенцы Нараяна».

«С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш».

И вновь видение начало расплываться, подобно утреннему туману. Теперь Шанкар был на востоке. На левом берегу Сарасвати. Перед ним предстали селяне. С упорством, которому позавидовали бы быки, они вспахивали землю и пасли скот. Жилы вздулись на руках мужчин. Мозоли проступили на пальцах женщин. Мешки набивались зерном. Скот увеличивал поголовье. Но чем больше было урожая, тем серее становилась земля под ногами. Она трескалась. Крошилась. Трава на лугах приобретала желтый и болезненный вид. А затем с востока налетел песок. Обжигающий ветер иссушал кожу селян, превращая их в ходячие скелеты...

«Зачем ты мне это показываешь?!» — закричал охотник, но не услышал своего голоса.

Ответа не последовало. Вместо него видение снова стало меняться. Перед Шанкаром опять появились селяне. Однако на этот раз они не использовали одну и ту же землю многократно. Они перешли в другое место, не дожидаясь, пока та превратится в серую сухую массу. Жители деревни стали возделывать новые поля и, спустя время, вернулись на прежнюю почву, успевшую отдохнуть.

Шанкар с замиранием сердца следил, как видение переходит с одного на другое. До него постепенно начинало доходить, что именно хочет показать ему демон.

Картина со счастливыми лесорубами не повторилась. Ведь теперь не было надобности в вырубке леса под новые посевы. Отдохнувшие поля давали достаточно урожая. На месте выжженной просеки росли густые джунгли, полные диких зверей. Среди них он различил и зубров. Берега не обвалились, преграждая полноводным притокам путь к Сарасвати. Могучая река продолжала питать всю долину, даруя жизнь и процветание.

А затем охотник снова увидел себя. Он опять склонился над телом дикого зубра и освеживал тушу. Только теперь рядом лежало всего несколько шкур. И груда костей не слепила взор своим блеском. Ее теперь попросту не было.

«Неужели? Неужели ты и вправду вестник Богини-матери...»

«С-и-и-и-и-рру-ш-ш-ш-ш».

Видение внезапно исчезло. Шанкар поднял веки. Демон продолжал нависать над ним, буравя своим немигающим взглядом. Его пасть начала медленно раскрываться, обнажая ряды мелких и острых зубов.

Шанкар попытался дернуться, но у него ничего не вышло. Когда из пасти показался длинный раздвоенный язык, охотник осознал, что пришла и его пора отправиться на суд. На суд Богини-матери.

«Абхе... Каран...».

В этот момент дюжина стрел впились в шею и голову чудовища.

***

Оцепенение спало мгновенно. Шанкар будто бы освободился от невидимых цепей, сковывающих его по рукам и ногам. В уши ударило оглушительное шипение. Закрыв их ладонями, охотник повалился на землю. И это спасло ему жизнь. В следующую секунду хвост чудовища рассек воздух в том месте, где располагалась голова Шанкара. Слегка оправившись от всего этого, охотник открыл глаза.

Демон, перебирая сильными лапами, стремительно неся к дороге. Именно оттуда, со стороны тракта, ведущего в Хараппу, прилетела та дюжина стрел. То, что увидел охотник, заставило глаза вылезти из орбит. Нижняя челюсть непроизвольно отвисла.

Там были люди. Высокие с бледными вытянутыми лицами и светлыми волнистыми волосами. Они носили одежду, напоминающую обтягивающую белую юбку. Но не их облик заставил Шанкара так изумиться. Нет. Его поразило то, *на чем* они передвигались.

Это были повозки, запряженные двойкой лошадей. Но они не походили на те телеги, в которых передвигались погонщики зебу. Небольшая повозка, в которой стоя располагались три человека. Возничий, лучник и копейщик.

«Те самые повозки! Кто они? Что здесь делают?!».

Однако порассуждать на эту тему охотник не успел.

Демон с силой влетел в ряды незнакомых воинов. Воздух заполнили истошное ржание лошадей и испуганные крики людей. Повозки взмывали вверх, а вместе с ними и тела тех, кто в них находился. Чудовище нещадно орудовало своими мощными лапами. Подбрасывало рогом предметы в воздух и разрывало хвостом тела на части. Вновь перед глазами Шанкара начали проливаться реки крови.

— О, боги, — услышал он сдавленный стон позади себя.

Шанкар обернулся.

Абхе сидела на траве и во все глаза смотрела на то, как демон расправляется с новоприбывшими незнакомцами. Она прижимала к себе Карана, не давая тому возможности лицезреть побоище.

Охотник понял, что это их шанс.

— Уходим! — он подобрал копье и схватил Абхе за руку.

— Куда? — испуганно спросила она, поднимаясь.

— В джунгли, — бросил Шанкар и огляделся в поисках лошадей.

Но было поздно. В том месте, где они их оставили, валялись деревянные кольшки, вырванные из земли. Очевидно, животные испугались чудовища и убежали.

— В джунгли?! — выдохнула Абхе. — А как же Хараппа?

— Идем!

Перехватив у нее Карана, Шанкар ринулся в сторону леса с такой скоростью, на которую только был способен. Позади них раздавались отчаянные крики, истошное ржание лошадей и грохот опрокинутых повозок.

***

Они остановились только тогда, когда Шанкар не смог больше бежать, а крики стихли вдали. Рука, придерживающая Карана, бессильно опустилась, и тот соскользнул на землю. Паренек сильно побледнел. Он испуганно озирался по сторонам. Их окружало множество деревьев и лиан разной величины. Охотник облокотился на копьё, стараясь перевести дух. Он тяжело дышал. Пот покрыл все его тело, изо рта вырывался свист.

Абхе прислушалась:

— Вроде ушли.

Продолжая глубоко дышать, Шанкар поднял голову. Где-то недалеко кричали обезьяны. В кронах деревьев пели птицы. Вдали прорычал синха.

— Да, — вытирая лоб, согласился он, — вроде.

Охотник прислонился к пальме и выдохнул.

— Кто были те люди? — спросила Абхе.

— Не знаю, — он покачал головой, — не знаю. Но выглядели они... странно и... и...

— Враждебно, — впервые подал голос Каран, — а еще у них какие-то страшные грохочущие повозки.

— Они пришли со стороны Хараппы, — подметил Шанкар и громко сглотнул, — но дороги закрыты для перемещения Верховным жрецом. Чудамани говорил, что дозорные на северных границах сообщали о странных повозках, движущихся со скоростью галопа. И вот теперь они здесь, — охотник на секунду прикрыл глаза, — из северной столицы давно не было никаких вестей. Со всеми нашими проблемами мы напрочь забыли об этом. Я думаю... я думаю, что... в Хараппу нам нельзя.

— О-о-о! — застонала Абхе и прикрыла лицо руками. Ее голос дрожал от волнения и испуга.

— К тому же демон теперь может поджидать нас там.

— А куда тогда?! — в отчаянии спросила она.

После короткой паузы, Шанкар предложил:

— На восток. Через джунгли, вдоль Обители снегов.

Девушка округлила глаза:

— На восток?

— Да.

— Ты с ума сошел! Там же непролазные леса!

— Есть идеи получше? — иронично хмыкнул Шанкар, а затем, поморщившись, добавил. — В любом случае, выбора у нас нет. На востоке очень густые джунгли. Они замедлят демона, если тот решит преследовать нас. На западе пустыня. Там делать нечего. Скоро она доберется и до юга.

Абхе со стоном провела руками по лицу.

— Идем на восток, — внезапно заявил Каран. — Вдоль Обители снегов. Рано или поздно мы куда-нибудь, да придем... найдем людей.

Девушка посмотрела на паренька и нервно хмыкнула:

— Ну, раз так, то...

— Это лучшее решение, — добавил Шанкар.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — произнесла Абхе, полностью сдаваясь.

Охотник видел, как две пары глаз смотрят на него с нескрываемой надеждой. В этот момент Шанкар осознал, что не в праве подвести их. И он сделает все возможное, чтобы этого не произошло.

Ночь опустилась на джунгли. Вдалеке раздавалось уханье совы. Повсюду стрекотали кузнечики.

Свернувшись калачиком у подножия крепкого сала, Каран спал, забывшись тревожным сном. Шанкар и Абхе сидели напротив, облокотившись о ствол пальмы. Охотник устремил взор вверх, пытаясь рассмотреть звездное небо, но оно было полностью скрыто зеленой завесой из крон и веток деревьев. Нежная ладонь Абхе легла на его предплечье. Он опустил взор и посмотрел в ее большие черные глаза.

— Как думаешь, у нас получится? — спросила она.

— Да, — ответил он, не отводя взгляда, — все будет хорошо.

Его уверенность передалась и ей. Шанкар увидел, как она успокоилась. А еще он заметил тот самый огонь в ее глазах. Огонь, который, казалось, потух с тех самых пор, как он уехал из долины Сарасвати.

Да, впереди ожидал долгий путь, полный опасностей. Неизвестно, с чем им придется столкнуться посреди густых джунглей. Но это лучше, чем угодить в пасть демона, пусть тот и являет собой волю Богини-матери.

Внезапно с соседнего дерева раздался слабый шорох. На покрытую опавшей листвой землю посыпалась сухая кора. Абхе вздрогнула и испуганно обернулась на звук.

— Что это? — прошептала она.

Шанкар произвольным движением сжал рукоятку кинжала и проследил за взглядом девушки. Однако в следующий миг успокоился и бесшумно выдохнул.

— Все в порядке, — тихо ответил он.

— В порядке? — неуверенно переспросила Абхе.

— Да, только не шевелись.

— Не понимаю...

— Вон там. Где ствол сала раздваивается пополам. Видишь?

Ее взор скользнул по дереву и, наконец, она увидела. Пара маленьких глаз, словно бусинки, сверкали в ночи и внимательно рассматривали людей, примостившихся у подножия пальмы. Коричневатые ушки, подобно двум распущенным веерам украшали слегка вытянутую мордочку с желтой шерсткой. Ближе к хвосту окрас переходил в коричневато-черный... но что это был за хвост! Длиной не меньше своего хозяина, он столбом поднимался ввысь, как опахало.

— Кто это? — восхищенно прошептала Абхе.

— Разве не знаешь? — удивился Шанкар.

— Нет.

Брови охотника поползли вверх:

— всю жизнь прожила в деревне и ни разу не видела ратуфу... поразительно.

Абхе непременно закатила бы глаза, если бы хотела. Она не могла оторвать взгляд от прекрасного существа, внимательно наблюдающего за ними с соседнего дерева.

— Я редко покидала селение, — только и прошептала девушка.

— Тогда все ясно.

— Чем мы ее привлекли?

— Мы? — Шанкар беззвучно рассмеялся. — Нет, мы ей совсем не интересны.

— Тогда, почему она смотрит на нас?

— Слева от тебя.

— Что?

— Только не делай резких движений.

Абхе скосила взгляд и увидела, что рядом растут несколько кустиков лапчатки[1]. В сумраке можно было разглядеть грозди маленьких спелых ягод. Каплевидной формы красные плоды так и манили, чтобы взять их в рот.

— Сорви немного, — прошептал Шанкар, — только осторожно.

Она послушалась, аккуратно срывая несколько ягод и стараясь их не раздавить.

— Взяла.

— Хорошо. Теперь протяни руку и раскрой ладонь.

Абхе выполнила наставление Шанкара, раскрывая в ладони горсть заветных плодов. Ратуфа вздрогнула. Ее мордочка вытянулась, а тоненькие усы быстро задвигались. Однако с места она не сдвинулась, продолжая внимательно следить за людьми.

Так прошло около минуты.

— У меня рука устает, — разочарованно прошептала Абхе. Тем не менее, она не сводила с ратуфы восхищенного взгляда.

Шанкар в свою очередь вытянул руку и коснулся пальцами тыльной стороны ладони Абхе, поддерживая ее на весу. Та слегка вздрогнула от этого прикосновения. Охотник тоже ощутил некий разряд. Словно молния прошла через тело...

В этот момент ратуфа пришла в движение. Скребя лапками по стволу дерева и осыпая сухую кору прямо на голову Карану, она быстро преодолела расстояние от сала до предлагаемого угощения. Абхе и Шанкар продолжали сидеть без движения. Девушка по-прежнему восхищенно следила за крупным зверьком. На ее пухлых губах играла счастливая улыбка. Скосив взгляд на Абхе, охотник подметил, что давно не видел дочь старосты такой. Словно не было тех страшных несчастий, кои произошли с ними за все это время. В какой-то момент он осознал, что ее настроение передается и ему.

«Пора двигаться дальше, — вспомнил он слова, которые они произнесли, покидая долину Сарасвати, — и начнем мы прямо сейчас».

Тем временем ратуфа наконец-то решилась. Абхе почувствовала, как пушистые лапки хватают ягоды из ее ладони. Маленькие, но острые коготки царапали нежную кожу, но девушка будто не замечала этого. Она была полностью поглощена тем, как ратуфа справляется с угощением. Ягоды мгновенно исчезали в пасти зверька. При этом тот забавно хрумкал челюстями. Когда же с угощением было покончено, ратуфа мигом развернулась и стрелой взлетела по стволу дерева, на котором еще недавно сидела, наблюдая за людьми. Махнув на прощание хвостом, она исчезла в ночи.

— О, — разочарованно произнесла Абхе.

— Что такое?

Девушка обернулась:

— Она даже не дала прикоснуться к ее прекрасному хвосту.

Шанкар улыбнулся, а затем нежно накрыл ладонь Абхе своей рукой. Их губы встретились...

***

Колесница, подгоняемая возникшим, на полных порых неслась в сторону городских ворот Хараппы. Колеса вздымали дорожную пыль. Из пасти лошадей выделялась пена.

Возле городских стен выстроился крупный отряд из воинов, вооруженных топорами, лезвия которых угрожающе блестели в оранжевых лучах заходящего солнца. Они с изумлением наблюдали, как возникший резко тормозит колесницу, а затем спрыгивает на землю и бежит навстречу их предводителю. Тот, высокий статный муж с хмурым лицом и густыми бровями, окинул прибывшего презрительным взглядом.

— Раджа! — крикнул возникший и рухнул перед ним на колени, уткнувшись лицом в пыль.

— В чем дело? — грозно спросил тот, к кому обратился возникший.

— Вритра[2], раджа! Вритра! — простонал прибывший, продолжая вдыхать легкими дорожную пыль.

По рядам воинов прошелся озабоченный гул.

— Тихо! — рявкнул раджа. — Могучие арии не склонятся перед демоном хаоса. Они дадут ему отпор! — затем он обратился к возникшему. — Вы ведь дали ему отпор, верно?

Возникший задрожал, подобно пальмовому листу на ветру.

— Не слышу!

— Мы попробовали, раджа, — забормотал возникший, не поднимая головы, — наши ядовитые стрелы жалили демона, словно укусы кобр, но... — он запнулся.

— Ну?!

— Но он оказался слишком силен.

— Вот как?

То, что случилось дальше, произошло слишком стремительно. Подобно молнии. В воздухе сверкнуло бронзовое лезвие топора, и уже в следующую секунду голова возникшего покатила по грунтовой дороге, собирая на себя комки пыли.

Громовой бас раджи прорезал округу:

— Мы арии! Нас ничто не остановит! Ни враг, ни демон! А кто проявит трусость — умрет от моей руки!

По рядам воинов пробежал одобрительный гул.

— Созвать всех кшатриев[3]! Мы идем на юг! За добычей и славой!

***

— Ты что натворил, а?

Разъяренный вавилонский стражник обернулся к Абару. Шлем-шишак на голове воина блестел под лучами заходящего солнца. Бронзовые пластины, нашитые поверх коричневой рубахи, отливались подобно серебру. Глаза метали искры из-под черных бровей. Тонкие губы, обрамленные густой завитой бородой, разошлись в зверином оскале.

— А... я... — пробормотал резчик, не в силах связать и двух слов.

Его ученик Арманис заблаговременно скрылся под самодельным навесом и с интересом наблюдал за перепалкой.

— Ты чего навыврезал там, а?! — продолжал орать страж, указывая пальцем на работу резчика. — Все ворота нам испортил! Да покарает тебя Иштар!

Покрывшись гусиной кожей, Абару проследил за жестом стражника и посмотрел на деяние своих рук. Он сам не понимал, как это у него получилось.словно некий голос

нашептывал ему, какой именно рельеф нужно создать на оставшемся месте у ворот богини Иштар.

«*Сирруш. Сирруш. Сирруш. Сирруш*».

— Сирруш, — прошептал Абару, ощущая, как руки ходят ходуном.

— Что? — грозно переспросил воин.

— Великолепный змей, — постарался взять себя в руки резчик, — я подумал, что такое грозное существо сможет защитить наш город лучше стаи львов. И богиня будет довольна. К тому же, он... он привнесет... привнесет...

«*Равновесие*».

— Равновесие, — добавил Абару, услышав подсказку в своей голове, — равновесие между нами и тем, что даруют боги.

Стражник насупился:

— Это мы еще посмотрим. Убирайся с глаз моих! Твою судьбу решит наместник Вавилона.

На негнущихся ногах Абару поплелся под навес и рухнул на циновку рядом с Арманисом. Тот тут же наполнил кружку пивом и протянул резчику. К искреннему изумлению ученика, мастер резким движением отвел его руку с напитком в сторону.

— Нет! — твердо произнес он. — Сегодня больше ни капли в рот не возьму! Хватит с меня! Если Иштар смилостивится надо мной, так вообще пить брошу!

И Иштар смилостивилась. Наместнику Вавилона, аморейскому царю Син-мубаллиту пришлось по душе работа резчика и смысл, вложенный в нее. Так, что Абару сохранил голову на плечах. Как и поклялся в тот день, он всю оставшуюся жизнь не брал в рот и капли пива или вина. Странные нашептывания также прекратились, чем еще больше убедили резчика в том, что от хмеля одни беды.

***

Раджа стоял в своей колеснице и с интересом осматривал стены города. Судя по всему, здесь не стоит ожидать сопротивления. Да и то, как их встретили в Хараппе, нельзя назвать сопротивлением. Местные жители оказались совершенно не способны противостоять могучим ариям.

— Смотрите, раджа, — молвил его возничий указывая на дорогу, — кажется, здесь тоже пробежал безумный носорог.

Тот скосил взгляд влево. Недалеко от ворот города распростерлись десятки раздавленных и обезображенных тел. Повсюду валялись обломки телег и порванные мешки с зерном. Даже до места, где остановилась его колесница, доходило зловоние и шум жужжащих мух.

— Может, и вправду Вритра? — прошептал возничий.

— Неважно, — отрезал раджа, — мы уничтожим всех, кто встанет у нас на пути.

— Смотрите! — кивком головы возничий указал в сторону леса.

Там, на опушке, показались несколько человек. Полностью обнаженные, они подозрительно косились на боевые колесницы ариев и пехоту топорников.

— Омерзительно, — сморщил нос раджа, — просто омерзительно.

— Что с ними делать?

— Ничего. Жить захотят — сами прибегут. Но не вздумайте их трогать. Вдруг они

переносят заразу какую? И выглядят отвратительно, — раджа немного подумал, а затем презрительно добавил, — *неприкасаемые*.

***

Мощные лапы тяжело ступали по земле. Под острыми когтями хрустели ветки. Из пасти вырывалось прерывистое дыхание. Мир в джунглях вокруг *него* замер. Не было слышно ни пения птиц, ни криков обезьян, ни рычания синха. Только *его* тяжелое дыхание. Поле боя осталось далеко позади. Скрылось за зеленой завесой густого леса. Единственным воспоминанием от схватки осталась лишь дюжина стрел, торчащая из шеи. *Он* устал. Очень устал. Все, что *он* хотел, так это вернуться домой. В глубокую дремучую чащу. И если новые жители долины, называющие себя ариями, возомнят себя хозяевами Земли, то *ему* вновь придется выйти на охоту. Как же *он* устал. Эти стрелы в шее... от них странно пахнет. *Он* не встречал ранее таких стрел. Местные не использовали подобные...

Лапы подкосились, и *он* рухнул посреди джунглей. Дернувшийся хвост задел несколько пальм. Те с треском повалились на землю. Из пасти вырывалось тяжелое дыхание. Красные немигающие глаза были устремлены вперед. *Он* просто устал. Сейчас... еще немного... и продолжит путь. Нужно найти того охотника. Ведь он один из тех, кто нарушил равновесие... Веки медленно опустились, закрывая красные очи от мира. *Он* просто устал... Хвост слабо дернулся, ломая упавшие деревья. Из пасти вырывалось тяжелое дыхание. Затем оно остановилось. Веки дрогнули, и *он* уснул. Навсегда.

***

— Ладно, на этот раз твоя хибара.

— Договорились.

Один из ариев, стоявших в проулке, взмахнул бронзовым топором. Из двери хижины полетели щепки. Раз за разом здоровенный детина со светлыми волосами и бородой, которую тронула седина, опускал лезвие на преграду, пока в ней не образовалась широкая щель. Протянув сильную руку со вздувшимися венами через дыру, он подвинул засов и вытащил его из пазов. Тот с гулким стуком рухнул на пол, отворяя перед пришельцами дверь. Эта оказалась обычная хижина, коих они видели уже не мало. С привычной обстановкой.

— Ну, и что мы здесь ищем, Бандхул? — поинтересовался второй арий у седого.

Тот промолчал, медленно осматривая комнату.

— Как они вообще тут жили? — продолжал его спутник. — Все дома на одно лицо. Еще какие-то странные дырки в полу, — арию, видимо, наскучило созерцание одинаковых хижин, поэтому, хмыкнув, он вышел наружу. — Зря только время тратим.

Бандхул же продолжал осматривать комнату. Не найдя здесь ничего интересного, он заглянул в соседнее помещение и замер. Прислонившись к стене у входа сидела женщина. Закрытые глаза на бледном изможденном лице. В темных волосах седина... Слишком много седины для ее возраста. К груди она прижимала маленькую девочку. Та покоилась у нее на коленях и не двигалась.

Арий опустил перед ними на колени и дотронулся сначала до шеи женщины, а затем и до ребенка.

— Живы, — прошептал он, — но истощены. Что же здесь произошло?

С губ женщины сорвался тихий стон.

— Бандхул! — его товарищ вошел в дом.

— Что?

— Раджа приказывает вернуться на север. Мы тут не останемся.

Бандхул скосил взгляд на воина:

— Почему?

— Здесь нечего брать. К тому же, брахманы говорят, это город смерти.

— А они недалеко от истины, — хмыкнул седой. — Неужели и вправду Вритра?

— Понятия не имею, но нам приказано поторопиться.

— Ладно, иду, — буркнул седой, но затем добавил, — у нас найдется повозка или что-то подобное?

Воин ткнул пальцем в женщину с ребенком:

— Для них? Понадобились новые шудры[4]?

— Не твое дело, — хмуро бросил Бандхул.

— Ладно-ладно, — хмыкнул арий, — пойду поищу.

Бандхул повнимательней всмотрелся в лицо женщины. Несмотря на изможденность, круги под глазами и седину в волосах, что-то в ее внешности привлекало его.

Седой арий хмыкнул:

— И с чего бы это вдруг? Ладно. Хижины с дырами в полу у меня, конечно, нет, но голодать всяко не придется.

Женщина вновь слабо застонала, но глаз не открыла.

— Ничего, — Бандхул поднялся, — скоро все закончится.

***

Путь на восток занял больше месяца. Путешествие через джунгли оказалось нелегким. Особенно для Карана. Приходилось часто останавливаться, чтобы дать мальчику отдых. Да и сам Шанкар чувствовал себя нездорово. Некоторыми особенно темными ночами он не мог сомкнуть глаз. Пока Абхе и Каран спали рядом, он всматривался в джунгли, окутанные мраком. Готовый к любым опасностям, охотник то и дело непроизвольно сжимал рукоятку длинного кинжала, прикрепленного к поясу. Он ожидал, что в любой момент на них может наброситься синха, удав или кто пострашнее.

«Демон».

Однако все страхи в итоге оставались напрасными. Только однажды к их привалу слишком близко подошел леопард. Но дикая кошка, видимо, возвращалась с успешной охоты. Поэтому лишь окинула незваных гостей любопытным взглядом и прошествовала дальше.

Иногда Шанкару чудилось, что он видит Нилам. Призрачный образ девушки с длинной черной косой временами появлялся перед его взором, мелькая во тьме среди стволов деревьев. Она больше не смотрела в его сторону. Не пронзала взглядом своих больших синих глаз, подобно драгоценным сапфирам. И чем дальше они уходили от долины Синдху на восток, тем реже становились видения. Охотник надеялся, что тем самым слабеет власть демона над его разумом. Что он не преследует их. И что его рассудок не получил решительный удар...

Когда джунгли впереди начали редеть, они испытали настоящее чувство облегчения. В

нос ударил запах влаги.

— Река близко, — сказал Шанкар, вдыхая полной грудью.

— Наконец-то, — воскликнул Каран.

— Где река, там и люди, — добавила Абхе с усталой, но довольной улыбкой на устах.

— Верно, — согласился Шанкар.

Несмотря на то, что им удавалось добывать пищу охотой и собирательством ягод, все ощущали сильную вялость. Хотелось поскорее найти какое-нибудь поселение и хорошенько отдохнуть прежде, чем решить, что делать дальше.

Последний локоть джунглей был с нетерпением пройден, и перед их взором предстал песчаный берег могучей реки. Водная гладь, сверкающая в лучах солнца подобно драгоценным камням, простиралась на сотни локтей. На противоположном берегу виднелись высокие пологие холмы, покрытые ковром зеленых лесов. Не менее густых, нежели те, что преодолели они.

— Надо набрать воды, — сказала Абхе. — Последний ручей нам попался уже очень давно...

— Что-то ищете? — внезапно раздался слева от них тонкий голосок.

Шанкар вздрогнул и обернулся.

Перед ними на песке стояла маленькая смуглая девочка с темными распущенными волосами. Они блестели на солнце, словно их хозяйка искупалась в реке. В черных глазах девчушки играл неподдельный огонек интереса. Она с любопытством рассматривала незнакомцев.

— Доброго тебе дня, — поприветствовал ее охотник и широко улыбнулся.

— И вам, — весело ответила та.

— Как твое имя?

— Местные зовут меня Нюнг, — представилась девочка. — Но родом я не отсюда.

— Да? А откуда же?

— Моя семья переехала сюда несколько месяцев назад из долины Сарасвати.

Шанкар и Абхе переглянулись.

Каран с радостью в голосе спросил:

— Так тут есть деревня недалеко? Да еще и с нашими земляками?!

— Есть, — гордо выпятив нижнюю губу, ответила Нюнг, а затем указала на север, — идите вдоль змеиного берега и выйдете, куда нужно.

Абхе вздрогнула:

— Змеиный берег?

— Ну, да, — Нюнг пожала плечами, — а что?

— Ничего, — быстро ответил охотник, подозрительно переглядываясь с Абхе.

— Вы Башэ испугались? — поинтересовалась Нюнг.

— Башэ? — переспросил Шанкар. — Кто это?

Глаза девочки округлились:

— Вы тоже не знаете? — и рассмеялась, а затем обратилась к реке. — Башэ, они не знают про тебя! Познакомишься?

Шанкар, Абхе и Каран перевели опасливые взгляды на поверхность могучей реки. Недалеко от берега на воде показались большие воздушные пузыри. Охотник вновь непроизвольно схватился за кинжал. Однако спустя пару мгновений все стихло.

Нюнг надула губки:

— Не хочет. Вот так всегда. Когда я не одна, то он стесняется.

— Кто он? — прохрипел Шанкар.

— Башэ! — воскликнула Нюнг. — На языке местных означает «змей, поедающий слонов». Но по мне это слишком длинное название. По этому просто Башэ. Огромный водяной змей, — Нюнг потупила взор. — Вот только мне никто не верит. Люди говорят, что Башэ это легенда об огромном удаве, который живет в джунглях. Но я видела, как он утащил слона в реку!

— Понимаю, — ошарашенно пробубнил охотник, косясь на воду.

— Мы пойдем, пожалуй, — резко сказала Абхе, натянуто улыбаясь.

— Да, — поддакнул Шанкар, чувствуя, как Каран опасно прижимается к его спине, — спасибо, что подсказала дорогу.

— Не за что, — Нюнг закивала головой, провожая взглядом быстро удаляющихся путников. Ей показалось, что они немного нервничают. Девочка пожалала плечами.

Как только они отошли на почтительное расстояние, Нюнг вновь повернулась к кромке воды.

— Они тебе не понравились?

Ответом ей было лишь тихое журчание воды в русле могучей реки. Она продолжала красиво переливаться в лучах солнца.

— Наверное, не понравились, — печально вздохнула Нюнг, — видимо, тебе никто, кроме меня, не нравится. Эх. Ладно. Я тоже пойду. А то мама наругает, что долго одна где-то гуляю. До встречи, Башэ.

Девочка развернулась и засемила по берегу в ту сторону, куда направились путники, вышедшие из леса.

Нюнг не видела, как в середине реки образовалась большая волна. Быстро преодолев расстояние, она обрушилась на берег, омывая желтый песок.

[1] Индийская лапчатка — вид травянистых растений, внешне напоминающих листьями и плодами землянику.

[2] Вритра — в Древней Индии змееобразный демон хаоса.

[3] Кшатрии — каста воинов.

[4] Шудры — каста слуг и рабов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net